

Татьяна Гармаш - Роффе

детские
сказки
в картинках

Частный визит в Париж

Annotation

Ранее роман «Частный визит в Париж» выходил под названием «Место смерти изменить нельзя»

Победитель Каннского фестиваля, знаменитый русский режиссер Максим Дорин вдруг с удивлением узнает, что не менее знаменитый французский актер Арно Дор приходится ему дядей. Максим летит в Париж, чтобы встретиться со своим легендарным родственником. Поговорив на съемочной площадке нового фильма всего полчаса, они расстаются до вечера. Однако Арно загадочным образом исчезает. А вокруг Максима неотвратимо сжимается кольцо самого настоящего кошмара: череда покушений, «розыгрыши» по телефону, ночные визиты... Слишком мало улик и слишком много тайн в этом деле, распутать которое берется частный детектив Реми Деллье.

Татьяна Гармаш-Роффе

Частный визит в Париж

* * *

– ...Реми, уже шесть. По делу Арно Дора все собрались. Я их запускаю? – прозвучал голос секретарши в селекторе.

Реми Деллье с трудом оторвал взгляд от окна, служившего ему рамой для портрета Ксюши^[1] Московская поездка, так круто перевернувшая его судьбу и его душу, казалась сном. Счастье, что это не сон...

– Пусть заходят, – ответил он селектору. «...Это не сон, это – счастье», – еще успел подумать он, как дверь его кабинета распахнулась.

Они вошли все вместе и остановились у порога.

– Проходите. – Реми встал и протянул руку.

– Пьер Мишле, – ответил на рукопожатие высокий худой мужчина лет сорока восьми в дорогом костюме.

«Зять, значит, – крупный финансист и любитель антиквариата», – подумал Реми.

– Моя жена Соня, – сказал Пьер, и хрупкое, изящное создание с темными выразительными глазами томно протянуло ему узкую ладошку, которую Реми взял осторожно и невесомо. «Манерна, но очаровательна», – определил Реми.

Вслед за ней небрежно подержал его руку забавный круглолицый человечек за пятьдесят в свитере и мятых брюках:

– Вадим Арсен.

«Ага, знаменитый режиссер, – приклеил очередной ярлычок детектив. Он не числил себя в поклонниках его творчества, но и без его поклонения Вадим Арсен имел прочную славу одного из ведущих режиссеров французского кино. – А последний, стало быть, русский. Тоже, кажется, знаменитость». О фильмах русского он ничего сказать не мог: он их просто не видел.

Последний – статный, красивый мужчина с нахальными пушистыми усами и не менее нахальными зеленоватыми глазами – не замедлил энергично и коротко тряхнуть его руку:

– Максим Дорин.

Реми подождал, пока посетители рассаживались вокруг стола. В кресла сели Соня и ее муж: она была печальна, он – серьезен и сосредоточен, с сухим и строгим выражением лица. На софе устроились два режиссера – Реми уже привык к знаменитостям и не чувствовал трепета перед людьми искусства, который охватывал его при его первых делах в этой среде. Обе знаменитости были заняты собственными мыслями; лицо Вадима выражало крайнюю степень озабоченности и удрученности, а русский... Нет, пожалуй, только русский с любопытством разглядывал бюро детектива.

– Надо понимать, что вы его не нашли? – произнес Реми.

– Мы обзвонили, как вы посоветовали, все возможные телефоны, – ответил Пьер. – Господина Арно Дора нигде нет, никто его не видел.

– Я не ошибусь, если скажу, что Арно Дор – мастер розыгрышей?

– Не ошибетесь, – удрученно вздохнул Вадим.

– Бывало такое, что он исчезал на период запоя?

– Папа всегда прячется от меня в таких случаях... – тихо проговорила Соня.

– Ну что ж, рассказывайте. По порядку и подробно. Сегодня у нас понедельник, последний раз его видели, как я понял из нашего телефонного разговора, в субботу? Вы, господин Арсен, снимали сцену вашего нового фильма на натуре, и Арно Дор был занят в этой сцене... Что было до съемок?

– Перед съемками я заехал в аэропорт – встретить Максима...

– С этого и начнем. Прошу вас.

Глава 1

...Казалось бы, что такого? Ну, заехать в аэропорт, ну, встретить русского, и потом – прямоком на съемки... Но необходимость этого заезда раздражала Вадима. Сбивала с творческого настроения, с нужного ритма сбивала. Некстати этот русский, черт бы его побрал, – и нужно было ему прилетать именно в эту субботу, когда Вадиму снимать одну из важнейших сцен фильма!

Шоссе было относительно свободно, электронные табло извещали, что пробок впереди нет. День сиял, омытый трехнедельными дождями, машины мчались, гоня солнечные блики по скоростной автотрассе. Париж открывался справа в легкой розоватой дымке, увенчанный парящим над городом белым собором Сакре Кёр на Монмартре.

Вадим давно ждал – три дождливые недели ждал! – такого дня для съемок на природе: с низким осенним солнцем, желтоватым и неярким, как старая жемчужина, и с синеющим леском в дымке раннего тумана... Натуру он нашел великолепную. Недостроенный, брошенный и уже развалившийся дом, бог знает кем и за какой надобностью возведенный у кромки леса. Сегодняшняя сцена должна была задать интонацию всему фильму, его графику, стиль, ритм – все! Это был, если хотите, камертон, ключ ко всему фильму! И теперь – этот русский.

Впрочем, винить некого. Сам вызвался. Когда из Ассоциации кинематографистов хотели послать представителя, заказать отель и обеспечить прочий сервис и почет, причитающийся лауреату Каннского фестиваля (они там уже лапки потирали в предвкушении пары-тройки рекламных мероприятий с участием Максима), они с Арно в один голос завопили: «Сами встретим! Это частная поездка, это родственник визит, общественности на растерзание не отдадим!» А Арно добавил: «Никаких гостиниц, мой племянник будет жить у меня».

«Племянник. Скажите на милость! Пятая вода на киселе, и слова-то не сыщешь, чтобы определить степень их родства. Впрочем, Максим обещал привезти генеалогическое древо. Теперь вроде бы в России можно добраться до архивов, разобраться, что к чему. Тогда и посмотрим, племянник он или кто».

Досадно, что Арно не мог поехать с Вадимом в аэропорт – ему гримироваться, одеваться. Досадно. Арно бы переключил русского на себя – он обладал даром быть центром в любом обществе, общаться непринужденно со всеми и «одомашнивать», по его собственному выражению, самых чужих и чопорных гостей. Теперь вот Вадиму одному... О чем-то болтать, развлекать, спрашивать, как дела. И везти к себе на съемки – вот что хуже всего.

Он вдруг понял, что стал бояться присутствия Максима на съемочной площадке, вот так сразу, с самолета. Хотя в Каннах они расстались близкими друзьями, Вадим приглашал к себе русского на съемки, но с тех пор прошло уже больше года, и теперь Вадим ощущал, что это чужеродное присутствие будет стеснять, будет мешать – мешать в тот день, когда снимается важнейшая сцена!

Чуть было не пропустив поворот на аэропорт Шарль де Голль, Вадим взглянул на часы. Самолет должен как раз сейчас приземлиться...

«Хитришь, с кем хитришь! С собой? – подумал он вдруг. – Ни русский, ни аэропорт тут ни при чем. Просто боишься не сделать фильм. Боишься, что выдохся».

Поставив машину в паркинге аэропорта, Вадим встал у беспрестанно открывающихся и закрывающихся дверей, заглядывая в их мигающий просвет, из которого возникали пассажиры Аэрофлота. Вокруг слышалась мягкая, певучая русская речь, и это было необычно и занятно, будто он оказался за границей. Встречались разлученные родители и дети, супруги и любовники, обнимались, плакали и

смеялись – мир людей, живущих не в своей стране, мир виз, таможенных контролей, расставаний, телефонных звонков. Вадим поддался общему чувству волнения и радости, тревоги и ожидания – это будоражило, давало даже прилив сил, как бывает, когда сталкиваешься с теми, кто живет простыми и наиважнейшими ценностями...

«Что же, старею? – вернулся к своим мыслям Вадим. – Комплекс возраста? – Двери открылись, выплунув очередную порцию усталых и помятых людей в руки счастливых встречающих. – Нет, нечего на себя страху нагонять. Возраст дает понимание. Меняется как бы сама структура знания: вечные истины становятся понятнее и дороже, но в них начинаешь различать столько нюансов, что боишься не вместить все в фильм. – Двери закрылись. – И в то же время боишься вместить слишком, чересчур много, боишься избыточности... – Двери открылись, и ему показалось, что в глубине коридора мелькнула высокая фигура Максима. – Необходима мера, и эту меру я должен найти, почувствовать сегодня. Все будет хорошо. Арно в отличной форме и...» – И он уже улыбался Максиму.

– ...Мы едем прямо на съемки, так получилось, снимаем сегодня...

– Погода?

– Погода.

– Дядя у тебя занят сегодня?

– Конечно. Но даю тебе две минуты на родственные поцелуи, и все. Встретишься с ним вечером, наговоришься.

Они поднялись на лифте в паркинг и погрузили нетяжелый чемодан Максима в машину.

– Почему вечером?

– Сразу после своей сцены он должен уехать к дочери, у него «родительский день». А потом он вернется – ради тебя, заметь, обычно он ночевать остается у дочери.

Они выбрались из спирали паркинга и выехали на шоссе.

– После съемок я отвезу тебя к Арно, примешь душ, отдохнешь. Я не буду вам мешать сегодня, вам есть о чем поговорить. Только, Максим, предупреждаю: ему нельзя пить. Ни капли. Ты небось водку привез?

– Угу.

– Арно даже не говори! Кстати, ты выяснил вашу степень родства?

– Да. Представь себе, он таки мой дядя. Пятиюродный. Я тебе покажу наше генеалогическое древо, я привез.

– А план сценария привез?

Максим кивнул.

– У нас леса уже облетели, – сказал он, глядя на расписную кромку леса, летевшую вдоль скоростной дороги. – Любопытно, у вас почти нет красного цвета в листьях, только желтая гамма. У нас осенью леса яркие, пурпурные...

Он замолчал, поглядывая на опрятные, ухоженные, полосатые ван-гоговские поля, взбегавшие по холмам. Многие были уже убраны, и желтые круглые рулоны плотно упакованного сена вздымались на оголившейся земле нелепыми гигантскими колесами, будто соскочившими с телеги Гаргантюа, недавно тут проезжавшего. На других полях что-то еще росло, зеленело вовсю, словно не осень стояла на дворе и будто не зима была впереди. Ничего от российской осенней печали, от раскисших дорог, от зябнущих

жалких глин с мокрыми бесцветными стогами, от улетающих крикливых стай и уходящего тепла – ничего от прощания с жизнью и предсмертной тоски русской осени...

– Денек как подарок, а?

– То, что мне нужно, – отозвался Вадим.

Он покосился на русского. Веселые серые глаза, всегда с каким-то неуловимым выражением: смешливо-нахальные и простодушно-ласковые одновременно. Рыжеватые усы топорщатся в улыбке. От него веяло энергией и беспечностью. Молодостью... «Ему все как подарок, – думал Вадим. – Склад характера? Или уверенное сознание своего таланта, дающее вкус к жизни?» То, что Вадим утратил... Максим и в фильмах своих такой – камера словно ласкает, лелеет, нежит каждую деталь. И все, до сих пор пустячное и банальное, становится событием искусства: солнечный зайчик, уместившийся в ямочку на нежном женском подбородке; бисерная россыпь капелек пота над налитым, как спелое яблоко, ртом; просвечивающее дорогим фарфором маленькое ушко; блик янтарного чая в тонкостенной фарфоровой чашке... Кадр, напоенный воздухом и светом, вобравший в себя бесконечность пространства и в то же время законченный, как картины мастеров... Он был, несомненно, романтиком, русский режиссер, и его созерцательный и чувственный романтизм самым неожиданным образом сочетался с задиристой полемичностью идей. Его публицистический пафос был Вадиму чужд и совершенно несвойствен как режиссеру; напротив, он высоко ценил в фильмах Максима то, к чему было устремлено его собственное искусство, – красоту. Ни смысл, ни мораль, ни философию – они все умещаются в понятие «красота». Такие вещи либо понимаешь, либо нет...

Поэтому-то они так быстро сблизились в Каннах, где год назад соперничали за «Пальму». Фильмы Максима вызывали в нем восхищение, прилив вдохновения и энтузиазм соперничества. «Я тебя обойду, – грозился Вадим, – увидишь...»

...Тогда, год назад, в Каннах, они сидели в ресторанчике вдвоем, далеко за полночь, сбежав от шумной фестивальной толпы, подальше от суеты Круазетт^[2] от роскоши «Карлтона» и «Мажестика»^[3] Город задыхался и плавился от жары, и даже ночью плыло и потело все: актрисы в дорогих туалетах, полицейские в тесной униформе, охранявшие их от мощного натиска по-пляжному полуголых поклонников, словно слипшихся от жары в одну необъятную влажную массу, испарявшую запахи моря, пота и дезодорантов. Потела на столе холодная бутылка водки, которую заказал русский и от которой никак было невозможно уклониться. Водка к ужину? Такого с Вадимом еще не было, водка должна употребляться перед едой, на аперитив, рюмочку! За ужином вино пьют, вино! Знает ли русский, сколько здесь водка стоит?..

От жары и от водки уши Вадима сделались ярко-красными.

– Ты профессионал, – говорил он, чокаясь на русский манер уже неведомо которой рюмкой.

– Ты тоже профессионал, – отвечал Максим.

– И актеры у тебя профессионалы. Классные профессионалы, – продолжал Вадим. – Ты правильно делаешь, что работаешь с профессионалами, вы еще это не растеряли. А мы почти растеряли, школы нет, профессионализм не в цене. Мы снимаем «видовое» кино, мы подбираем смазливых девочек на улицах и крутим их мордашки перед камерой, пытаюсь придать хоть сколько-нибудь смысла их пухлым губкам и распутным глазкам... У нас играют не актеры, а камеры! Не так уж много осталось настоящих профессионалов, а новых нет и о старых забываем, – каялся он. – В Японии таким актерам дают звание «Национальное достояние», а мы... И я в том числе... Я тоже виноват, лично виноват... Есть у нас такой актер, старый друг моих родителей, я его с детства знаю и ему обязан своей профессией и даже своим

именем: это он предложил назвать меня Вадимом... А как тебе нравится – имя ведь это русское? Он говорил – русское... Ну и вот, запил он. Давно уже запил, много лет назад, и никто его не снимает больше, и я тоже не снимаю, а ведь какой актер! Какой актер, знал бы ты, таких теперь нет...

Максим согласно кивал. Количество выпитой водки никак не отражалось на его лице, только глаза блестели.

– Я, значит, снимаю кино, а он, сокровище национальное, спивается, никому не нужный... Не-хо-ро-шо! – помотал головой Вадим. – Знаешь что? Я его в следующий фильм позову! Это грандиозная идея! Позову, непременно позову, у меня и сценарий есть – прямо для него! А я – я ведь и не подумал о нем. Забыл. Вычеркнул, скотина...

– За мной тоже такие грехи водятся, – вторил ему Максим, – тоже есть актеры, старая гвардия, и мы в долгу перед ними... Но, сказать по правде, – он поднял указательный палец, – работать с ними удовольствие относительное, весьма-а относительное: они тебя учат на съемочной площадке, как тебе твой фильм снимать... Не ты ставишь фильм, понимаешь, а они! Молод, говорят, чтобы нас учить...

– Ты увидишь, сам увидишь, что это такое! Если удастся его из запоя вывести, тогда ты увидишь... Да, собственно, ты должен его знать, ты же знаешь наше кино: Арно Доран. Знаешь?

– Что-то не соображу...

– Ну правильно, и не сообразишь. Доран – это его настоящее имя, в кино он был известен как Арно Дор. Он снимался...

– Конечно, знаю, я видел фильмы с ним...

– «Бессловесная осень»?..

– А как же!

– Помнишь его в этой сцене, где его жена...

– Классика.

– То-то и оно, классика... А я ему даже не звоню. Мог бы позвонить, хотя бы как старому другу семьи... Я его обязательно сниму в следующем фильме...

– Правильно, – кивнул Максим. – Хороший актер, с настоящей театральной школой, таких уже и у нас мало осталось... Правильно говоришь, свинья ты.

– Я разве говорил, что я свинья?

– Говорил. Только что.

– Я такого не говорил.

– Ну, скотина. Ты сказал, что ты скотина.

– Скотина – говорил. А свинья – нет.

– А что, есть разница?

Вадим задумался. Максим тоже.

– Повтори-ка мне: ты сказал – Доран? – вдруг проговорил Максим. – Настоящая фамилия Арно Дора – Доран?

– Да, но известен под именем Дор...

– Я знаю... Странно, что я об этом раньше не задумался...

– О чем? – не мог понять Вадим.

– И это он предложил назвать тебя Вадимом?

– Ну да! Что ты так заинтересовался вдруг?

– Почему он предложил назвать тебя русским именем? Это имя редкое в России, нетипичное, почему?

– Станный ты какой-то. Он находит это имя красивым. К тому же у него был какой-то в роду предок, аристократ... Он ведь аристократ у нас, Арно.

– Где?

– Что где?

– О черт, где предок был? Во Франции?

– Нет, в России. Он там на русской принцессе женился или графине, не знаю я... Ты что, знаком с кем-то из этой семьи?

– Кажется...

– Да что ты? Вот Арно будет рад! Он ведь столько времени искал своих русских родственников, но безуспешно... И кто это?

– Вадим!

– Что?

– Ну пошевели мозгами!

– Пошевелил.

– И что?

– Не знаю.

– Напиши мою фамилию по-французски.

– Ты хочешь сказать... – глаза у Вадима сделались круглыми. – Слушай, ты что, хочешь сказать, что... А ведь правда, действительно! Я не сообразил, твою фамилию все произносят «Дорин», а его «Доран»^[4] но это действительно может быть одна и та же фамилия... Вот это да! Что же получается?..

– Получается кое-что интересное...

– То есть ты – его родственник?

– Вполне возможно... У меня тоже был предок француз, в русской транскрипции Дорин, который женился на русской княгине. В 1841 году. Их первый сын уехал во Францию, где женился, другой – по имени Вадим, заметь! – остался в России, тоже женился, у обоих были дети, внуки, правнуки – одни в России, другие во Франции...

– Подожди, не тараторь так! – помотал головой Вадим. – Ничего не понял.

– Два. Сына.

– Два, значит, сына, – напрягал растекающиеся мозги Вадим, – один остался в России, другой вернулся во Францию?

– Да. Была еще дочь, но она вышла замуж за разночинца и стала революционеркой. Умерла в тюрьме и детей после себя не оставила...

– Значит, получилось два сына, – туго усваивал Вадим. – И две семьи: одна в России, другая во Франции... Да?

– Да. – Глаза Максима блестели. – Связи семей разорвались в революцию. Мои бабушка с дедушкой не успели эмигрировать...

– Какая жалость... – прошлепал непослушными пьяными губами Вадим.

– Дедушку расстреляли красные, бабушку сослали в Сибирь в начале тридцатых...

– Это ужасно...

– Их сына – моего отца – отдали в детдом, где ему дали фамилию Ковалев. Я тоже вырос под этой фамилией... Мой отец с трудом по крохам восстанавливал правду о нашей семье.

Максим разлил по рюмкам остатки потеплевшей водки. Вадим прикрыл свою рукой:

– Все-все, кончай, я больше не могу пить.

– Я взял себе свое настоящее имя как творческий псевдоним, и только два года назад нам разрешили восстановить нашу фамилию...

– Ну точно! Это точно та же самая история, которую Арно мне рассказывал! Твою бабушку звали Наташа, если не ошибаюсь, и... Не помню, как имя твоего дедушки?

– Дмитрий. Дмитрий Ильич и Наталья Алексеевна.

– Арно рассказывал мне... Они не успели эмигрировать. Отец Арно должен был встречать их пароход в Марселе... А встретил только багаж.

– Да, у Натальи Алексеевны начались роды...

– Вот-вот, роды. Ну, все сходится. Я тебя поздравляю! Ты подумай, какое совпадение! Какая история! Уж Арно-то как будет рад! Теперь я понимаю, почему он вас не смог найти – а он пытался неоднократно, через Красный Крест. А отцу твоему, значит, фамилию сменили... Кто же мог такое предположить? – медленно трезвел Вадим. – Кто же мог подумать, что вам фамилию сменили! Арно постоянно твердил: найду наследников! Он даже себя называл Хранителем «русского наследства».

– Наследства? – Максим вальяжно откинулся на спинку стула и вытянул ноги.

– Ты не знаешь? Вот это да! – округлил покрасневшие глаза Вадим. – Впрочем, откуда же тебе знать... Ты не знаешь, мой дорогой, интереснейшую часть вашей истории!

– А ты знаешь?

– А вот тут я тебе скажу, что ты не знаешь своего родственника. События личной жизни Арно являются достоянием общественности. Он оповещает о них с такой важностью и подробностью, как будто речь идет о королевской персоне: сегодня мы, Арно Дор, встречались с нашей дочерью, завтра мы, Арно Дор, репетируем сцену такую-то, там-то и с тем-то. Ты увидишь, это актер, он играет свою славу и легендарность с тем же безупречным профессионализмом в жизни, что и на сцене. И надо же, он актер, ты режиссер, и оба – не последние имена в искусстве...

– Гены, – скромно опустил глаза Максим.

– Да уж, ничего не скажешь. Неплохая наследственность в вашей семье. Так вот, к вопросу о наследстве. Отец Арно поехал встречать твоих бабушку и дедушку. Они прибывали на пароходе из Одессы. Но их не оказалось среди пассажиров. Не дождавшись на пристани, отец Арно поднялся к судовому врачу – они должны были ехать в его каюте...

– Да-да, мой дед был главным инженером пароходства, и этот врач был старый друг деда...

– И врач объяснил ему, что у Наташи, Натальи... как ты сказал? Алекс...

– Алексеевны, это не важно, продолжай.

– ...начались роды по дороге на пристань, они были вынуждены повернуть обратно и ехать в больницу...

– Не по дороге на пристань, а прямо на пристани. К городу приближались красные. Царила жуткая паника, люди пытались пролезть на пароход, с билетами и без, капитан был вынужден отказывать. Стояла давка, все наседали друг на друга, женщины плакали, умоляя взять их на переполненное судно, толпа продолжала стекаться на пристань. Дмитрий нес чемоданы, а беременная Наталья держала впереди себя дорожную сумку, охраняя ею живот. Толпа стиснула сумку, Наталья пыталась ее вырвать. Она стала звать мужа, которого уносило все дальше от нее, он что-то кричал ей в ответ. Охваченная паникой, она дернула сумку изо всех сил и упала. Прямо под ноги обезумевших людей. Когда Дмитрий вытащил ее из-под груды тел и чемоданов, у нее уже были родовые схватки...

Вадим внимательно взглянул на Максима.

– Скажи мне, – спросил он, – ты уже видишь кино?

– Догадался? – усмехнулся Максим.

– Нетрудно. Сценарий есть?

– Пока только в голове.

– Будешь делать фильм?

– Есть такая мысль.

– Совместный пойдет?

– Отличная идея, только какой твой интерес?

– У нас любят экзотику... К тому же здесь замешаны французы, русско-французские отношения...

Они расплатились и вышли в душную ночь. Море было беззвучно и черно, отражая лишь огни разукрашенной к фестивалю набережной, которая продолжала жить своей праздной и светской жизнью даже ночью.

– Погоди, – остановился вдруг Вадим, – ты сказал, что твоего отца отдали в детдом в начале тридцатых. Так?

– Да.

– Ему должно было быть больше десяти лет! Разве могло случиться, чтобы он забыл свою фамилию?

– Отцу было четыре года, когда бабушку сослали. Тот ребенок, который чуть было не родился на пристани, умер вскоре от тифа...

– Бог мой! Как это все ужасно... Хорошо, что у вас теперь демократия. – Максим усмехнулся. – Мы наконец узнали правду о вашей стране. О вашей великой и страшной стране. Знаешь, многие были абсолютно очарованы Советским Союзом, они всерьез верили, что там строится новое общество... Мой брат вступил в коммунистическую партию! Мы с ним ругались, несколько лет не разговаривали даже... Это было, правда, лет пятнадцать назад, он потом из нее вышел... Это замечательно, что теперь у вас свобода слова.

– Угу, – сдержанно ответил Максим.

– Я ошибаюсь?

– Нет. Просто палка о двух концах.

– Мафия, то-се? Понимаю... Я, собственно, к тому, что вот уже хорошо то, что ты смог восстановить правду о своей семье... Если бы еще о столике раскопать что-нибудь историческое! Это было бы неплохим украшением сценария, – увлеченно продолжал Вадим, стряхивая с себя остатки тяжелой оцепенелости от жары и алкоголя. – Я теперь даже знаю, как Арно из запоя вытащить: теперь у меня есть ты как средство пропаганды здорового образа жизни – не захочет же он, чтобы его долгожданный русский родственник увидел пьяницу...

– Столик?

– Ну да, ты же ничего не знаешь. – Вадим покачал головой. – Вместо твоих родственников отец Арно встретил только столик.

– Отец мне говорил, кто-то ему рассказывал, что его родители погрузили мебель на пароход... Только я не поверил. Какая, к черту, мебель, когда такое творилось!

– Это трудно назвать мебелью. Это маленький туалетный столик великолепной работы, подарок русской императрицы одной из твоих прапрабабушек.

– Вот как?

– Да... Как странно устроена жизнь. Отец Арно хранил его для вас, надеясь, что его русские родственники сумеют вырваться из большевистской России. А теперь сам Арно хранит его для вас, надеясь вас разыскать. И, ты знаешь, его много раз уговаривали продать этот антиквариат – о нем все знают; Арно, как я тебе говорил, всех широко информирует о своих делах, – а он ни в какую. «Вы, дорогуша, подбиваете меня на воровство. Как я могу продать вещь, мне не принадлежащую!» – вот как он сказал, я свидетель... Представляю, как он обрадуется! Ты можешь заехать в Париж хоть на пару дней?

– Нет. У меня съемки, группа ждет.

– Обидно. Ну ничего, мы с тобой созвонимся, спишемся, организуем твой приезд. К Рождеству управишься, может?..

Глава 2

Они и созвонились, и списались, Максим заочно познакомился со своим дядей и затеял с ним оживленную переписку, но его приезд удалось организовать только через год с лишним – Вадим болел, Максим разводился, оба заканчивали картины.

И вот наконец русский здесь. Сидит рядом в машине, любит осенним пейзажем.

Почувствовав на себе взгляд, Максим повернулся. Вадим смигнул и отвел глаза. У него была такая привычка – смигивать, Максим это еще в Каннах подметил, и это придавало Вадиму сходство с совой. К тому же у него были круглые зеленовато-серые глаза, нечеткое, как на детском рисунке, пятно рта и округлое мягкое лицо, на котором неожиданно крепко и крючковато сидел нос. Максим слегка улыбнулся в усы.

– Как дядя снимается?

– Он в отличной форме. Когда я предложил ему роль, то поставил условие: выход из запоя. Шантажировал грядущей встречей с тобой. Сам не ожидал: Арно не только согласился, он буквально на следующий день помчался к врачам, лег в больницу. Я его ждал, отодвинул начало съемок. А сам, честно признаюсь, все время боялся – вдруг на съемках сорвется? Вдруг снова запьет? Все насмарку тогда! Тем более что сценарий такой... В некотором смысле из его жизни, из драматических моментов его жизни, точнее. Увидишь, сегодня у меня сцена с девочкой, я тебе говорил о ней, кажется... Они неплохо сработались.

– Актриса?

– Лицеистка... Разница, конечно, есть, Арно ее переигрывает, но в этом есть своя прелесть, оттеняет ее свежесть, непосредственность...

Максим в ответ неопределенно кивнул, выражая вежливое, но неуверенное согласие.

– Ну и как, дядя держится?

– Держится, молодец. Я его страшно уважаю за это. Сам знаешь, сколько разбитых актерских судеб из-за слабости...

– У нас как-то все ухитряются и пить, и работать.

– Ну вы, русские, – нация специфическая...

– Должно быть, – усмехнулся Максим. – А что за «драматические моменты его жизни»? Если не секрет?

– Как-нибудь расскажу... Мы приехали.

Они съехали со скоростной трассы на местное шоссе, вскоре свернули на проселочную дорогу между лесом и полем. Тянувшийся слева лес вдруг отступил, открыв обширную поляну, посередине которой старый разваленный дом торчал, как одинокий сгнивший зуб. «Последний зуб во рту у дряхлого старика», – подумал Максим. Странно было видеть эту потерявшуюся во времени и пространстве развалину, неожиданно возникшую перед ними всего в паре сотен метров от шоссе, отделенного лишь неширокой полоской леса. Эта натура была менее правдоподобна, чем декорация, – казалось, что только изощренная фантазия художника способна создать такое архитектурное чудовище.

Вокруг дома суетились люди, налаживая технику, проверяя приборы, подтягивая провода и кабели, перекрикиваясь и оживляя эту угрюмую сценическую площадку. «Не приведи бог попасть сюда ночью,

одному – со страху умрешь на месте, – подумал Максим, – тут бы фильмы ужасов снимать».

Вдруг вспомнился сон, приснившийся в самолете: похороны, бесконечная серая молчаливая процессия – неизвестно чьи похороны, может, даже и собственные? Было чувство горя, страшного и всеобъемлющего, – после такого не живет; был ужас, пробирающий до пальцев ног; а вот отчего все это было и кого хоронили – он не знал или не помнил.

Передернув плечами, Максим заставил себя отключиться от неприятных воспоминаний. Сон и сон, подумаешь! Максим их часто видел, всегда цветные и яркие, всегда неожиданные: и по разным странам путешествовал, и на других планетах бывал, и с богами беседовал – не перескажешь и не опишешь, разве что показать... Поэтому, может, и пошел в кино?..

На импровизированной стоянке стояло несколько студийных и частных машин съемочной группы, погруженных колесами в грязь. Остальные, чистюли, припарковались на обочине шоссе, которое просматривалось за редевшим позади развалины леском. Поколебавшись, Вадим завел свой сверкающий «Рено Сафран» в жирное глинистое месиво, выключил мотор и с опаской выпустил ногу из машины. Максим выбрался с другой стороны и потянулся, оглядываясь.

– Дорогуша, – зарокотал поодаль сочный бас, – дорогуша! Ну вот наконец и свиделись! А? Вот она, рука судьбы!

К Максиму направлялся, раскинув руки для объятий, невысокий плотный человек лет шестидесяти, с седой, но густой волнистой гривой волос. Максим раскрыл руки в ответ. Дядя смачно расцеловал его четыре раза в обе щеки и обернулся к группе.

– Я вам всегда говорил, – провозгласил он, – найдутся мои русские родственники, объявятся в один прекрасный день! И я был прав! История – мудрый судья, она всегда все расставит по местам, рано или поздно, но расставит!

Дядя обнимал, похлопывал и потряхивал, вертя в разные стороны послушного смеющегося Максима. Какие-то люди обступили их, разглядывая Максима с любопытством и улыбаясь от души этой сцене долгожданной встречи. Максим не успевал пожимать чьи-то руки, подставлять щеки для многократных поцелуев и повторять «бонжур».

– Нет, ну вы посмотрите на него! Какой красивый мальчик! Наша порода. Улавливаете фамильное сходство? – гудел бас Арно. – Ну как же, как же, смотрите внимательнее! Повернись, племянник, повернись им в профиль – пусть увидят! Нос, подбородок, что же, у вас глаз нету?

– Вы же в гриме, дядя. И наши с вами носы сравнить никак невозможно, – улыбался Максим.

– Вы? Какое такое «вы»? Ты – племянничек мой нашедшийся, ты – часть нашей семьи, часть нашего рода. И я с тобой буду на «ты». А ты хоть и маленький, но с дядей родным (Максим не смог сдержать улыбки на «родного») будешь тоже на «ты». Но посмотрите только, как он по-французски говорит! Сразу видно, язык Вольтера в крови у этого мальчика! А нос мой, не волнуйся, они хорошо знают. Я, слава богу, сорок лет кино и театру отдал и помещен вместе с моим носом во все учебники и энциклопедии, правда же, голубчики мои? Ну дай мне тебя обнять еще раз! Какое великое событие – наш род воссоединился! Знаете, вы, – он снова повернулся к съемочной группе, – в чем одно из немногих достоинств аристократии? Сам-то я убежденный демократ, дорогуша, – сообщил он Максиму через плечо, – так знаете или нет? Нет, не знаете! А я вам скажу: в том, что для нас род, корни – это святое. Так-то, детки мои.

Ты, голубчик мой, – вновь обратился он к Максиму, – считай, счастливым родился. С самолета прямо на съемки к классику нашему. Это тебе честь особая, немногие удостоиваются права на съемках у Вадима Арсена присутствовать!

Дядя говорил громко, широко улыбаясь Вадиму, обходившему тем временем дозором съемочную площадку. Трудно было понять, он ему льстит или над ним подтрунивает. Вадим нахмурился.

– Да и на дядю своего посмотришь, – продолжал Арно, – не стыдно будет за родственника!

– Арно, грим заканчивать пора! – вмешался Вадим.

– Иду-иду, Вадимчик! Вадим у нас строгий, – громогласно сообщил дядя, увлекая Максима за собой в автобус, где находилась гримерная. – Но мы с тобой еще можем поговорить, пока я буду догримировываться.

– Вечером наговоритесь, – буркнул Вадим, недовольный тем, что Арно отвлекается перед съемками.

– Конечно, вечером, – заверил его Арно, подпихивая Максима в автобус.

В кресле, стараясь не слишком шевелить губами под руками гримерши, он продолжал:

– Уж вечером мы с тобой наговоримся, да. Нам есть о чем, правда? Жизни целые надо друг другу рассказать... Вадим сказал тебе наши планы? Ты будешь жить у меня. Не возражай!

Максим, собственно, и не возражал. Он разглядывал дядю, наслаждаясь его звучным голосом и этим перманентным представлением.

– Возьми ключи, – дядя указал на связку на столе. – Поменьше – от двери подъезда, побольше – от моей квартиры. Вадим тебя отвезет после съемок ко мне – отдохнешь с дороги. А мне надо отлучиться, девочку мою повидать. Но ты не беспокойся, я туда и обратно, быстро. Машину я на обочине шоссе оставил, как Вадимчик мне скажет, что снято, так я сразу и уйду через лесок. Так и быстрее, и съемкам мешать не буду. Вадим у нас немного нервный – когда хорошо идет, страшно не любит прерываться. А уж когда нехорошо идет, то тем более... Так о чем это я? О дочурке моей. Ты дочку мою не видел? Ну да, не видел, конечно. Я тебя непременно познакомлю. Прямо завтра, может, вместе и съездим. Увидишь, она у меня красавица, Сонечка. Ее сколько в кино звали сниматься! И Вадим звал, и другие режиссеры звали. А она не хочет. Хватит, говорит, с меня папиной славы. Слышь, папиной славы! Это она что, какую мою славу имеет в виду? У меня ее много, славы, всякой-разной... Шутница она у меня, Сонечка. А вот муж у нее скучный человек. Богатый и скучный. Финансовый деятель. Антиквариатом тоже занимается. А? Улавливаешь? – Арно посмотрел на отражение Максима в зеркале. – Ну как же нет! Ну, слушай, по секрету скажу тебе (при слове «секрет» у гримерши сделалось чересчур незаинтересованное лицо, на котором глаза, однако ж, расползались от любопытства, как тараканы): Пьер, зять мой то есть, меня все просит, чтобы я ему столик, наследство твое, продал. Не понимает человек, что не продается вещь. Я ему ведь прямо сказал: нет. Не продается вещь! А он все надеется... А теперь, как узнал, что ты приезжаешь, совсем помешался: хочет меня уговорить, пока я тебе столик не отдал. А? Как тебе это нравится? Ну, я еду-то из-за дочки. Она меня просила приехать. Разберись, говорит, папа, с Пьером сам... Не аристократ он, понимаешь. Я, конечно, демократ, это правда, но, согласишься, в крови аристократов есть ген благородства, аристократу не надо объяснять, что достойно, а что недостойно. А другим приходится все объяснять, да еще и по несколько раз... Вот я и еду. У вас как в России относятся к аристократам?

– Нормально, – пожал плечами Максим.

– А у нас – плохо. Не любят французы аристократов. Дети даже стесняются признаться, что их родители происходят из древнего благородного рода... Да-да, именно так! Есть такие, которые меня терпеть не могут из-за моего происхождения. Открыто, конечно, сказать такой примитивной вещи не смеют, поэтому ищут блох – то я пью, то я тип аморальный, а некоторые, представь, додумались говорить, что я выдохся как актер! Слышишь? Выдохся! Ну насмешили. Я-то знаю, что на самом деле мое

происхождение им спать мешает... От зависти все это. Наша национальная черта – зависть... А ты сам-то чувствуешь себя аристократом?

Максим снова пожал плечами.

– Да не так чтобы очень... Это как должно чувствоваться?

– Ну как... Благородство.

– Это зависит от происхождения?

– Ты со мной не согласен? – дядя подозрительно посмотрел на отражение Максима в зеркале. – Ты сам дворянин и должен уважать благородное происхождение!

– Я уважаю, дядя. Уважаю хороших людей и не уважаю плохих.

– Демократ, значит. Ну, я тоже демократ. Ты правильно рассуждаешь, сразу видно – благородство у тебя в крови!

Максим усмехнулся дядиным умозаключениям.

– Не буду больше вам...

– Тебе!

– ...тебе мешать, дядя. До вечера?

– Ты жди меня, я к ужину буду!

Максим пообещал ждать. Он удивлялся, до какой степени ему знаком этот актерский тип. Ему всегда казалось, что это чисто русский образец, такой Актер Актерыч, шумный, вальяжный, тщеславный, обаятельный. Живет напоказ, и никогда не знаешь, где кончается актер и где начинается живая личность. Он часто кажется самодовольным, но вдруг проявляет деликатную совесть; кажется глупым, поверхностным, но вдруг обнаруживает незаурядное понимание вещей; кажется мелочным, но вдруг делает великодушный жест... И теперь ему было странно обнаружить такой же тип здесь, во Франции, да еще в лице собственного дяди. Зря Вадим нервничает, что Арно отвлекается перед съемками: все будет в порядке. Потому что самая главная черта этого актерского типа – высококлассный профессионализм. Его ночью разбуди после попойки – он тебе всю сцену без дублей сыграет. Да еще так, что ты сам, режиссер, ахнешь. Ну, в крайнем случае два дубля.

Он вышел из автобуса, взял у кого-то экземпляр сценария, чтобы за оставшиеся минуты пробежать глазами предстоящую сцену, и углубился в чтение. Сюжет, похоже, был тяжеловат, но от диалогов веяло той легкой, изящной ненавязчивостью, которая составляет прелесть и обаяние французского кино. Но все зависело в конечном итоге от того, как будет снимать Вадим, как будут играть актеры...

Максим заметил наконец девочку. На глаз, лет шестнадцати, тонкая и длинная, гибкая, как ивовый прут. Даже перемазанная грязью-гримом, со спутанными светлыми волосами, она была очень хороша, хотя, на вкус Максима, чересчур чувственна для предназначенной ей роли. Он вспомнил, как Вадим каялся в Каннах по поводу «мордашек» – ну что ж, после того, что было выпито, да еще с непривычки, чего не скажешь...

Актеры уже ходили по площадке, уточняя свои действия. Девочка заметно нервничала, Арно был спокоен и уверен, не столько выполняя указания Вадима, сколько предлагая ему нюансы своей роли и ободряя партнершу. Все было так знакомо, так похоже, что на мгновение Максиму показалось, что это он снимает свой фильм, и только по какому-то недоразумению другой человек обсуждает с актерами предстоящую сцену.

Усмехнувшись этому занятому ощущению, Максим достал свою новенькую японскую видеокамеру.

– Запечатлею нетленные мгновения работы великого французского режиссера, студентам в Москве буду показывать, – подмигнул он Вадиму.

Но Вадим уже не слышал его, полностью включенный в работу. У большого пролома в фундаменте дома с левой стороны он попросил девочку лечь на землю – его заинтересовал световой эффект на ее волосах. Волосы засветились нимбом, на лицо ее легла тень, и девочка преобразилась: глаза таинственно засияли из полумрака, чувственный рот очертился усталой и скорбной складкой. «Падший ангел! – подумал Максим. – Вон куда тебя потянуло, мой дорогой Вадим... Это тебе нелегко будет. Тут дорожка к банальностям шелковыми коврами выложена. Ну, посмотрим, посмотрим...»

Начало съемок затягивалось, девочке подправляли грим, оператор что-то доказывал Вадиму, Вадим заглядывал в камеру, спорил и нервничал. Его голос набирал повышенные тона: ему не терпелось начать работу, нащупать нужную интонацию сцены – потом многое решится само собой, по ходу.

Наконец все было готово, и съемки начались. Для разминки начали с нескольких проходов актеров от дома и к дому, которые будут потом вмонтированы между сценами внутри дома-развалины, снятыми, разумеется, в студии. Все шло хорошо, и Вадим, кажется, успокоился, да и девочка вроде бы пришла в себя...

Максим огляделся. Все были погружены в работу, все взгляды были направлены на съемочную площадку, только одна хорошенькая мордашка косила любопытными глазками в его сторону. Максим узнал гримершу и послал ей обаятельную улыбку, тут же, впрочем, забыв о ее существовании. Ему было интересно наблюдать за Вадимом, за сменой выражений его лица, которое отражало, как зеркало, выражения актерских лиц. «Занятно, – подумал он, – у меня так же меняется лицо, когда я снимаю?»

Наконец началась и основная сцена. Камера застыла на панораме, вбирая в себя осеннюю даль, лиловато-прозрачный лес, пронзенный карамельно-стеклянными лучами низкого октябрьского солнца. Наезд: дом, зияние черного дверного провала. Из сумрака постепенно прочерчивается грязная взъерошенная голова Арно. Крупный план: красные тяжелые веки, бессмысленный взгляд человека в похмелье... Выползает, руки дрожат, всего мутит, никак не сообразит, где он и что он и какой сегодня день. Щурясь на неяркое солнце, он присаживается на камень, подставляя сутулую спину негреющим осенним лучам, силится что-то вспомнить или понять...

Глядя на эти опущенные плечи Арно, на эту свинцовую тяжесть в его теле, на всю его преобразившуюся фигуру, Максим снова подумал, что за такого актера Вадиму не стоит волноваться. Он понимал, что значит для Вадима сегодняшняя съемка: это было начало фильма, его первая и относительно короткая сцена, в которой после тяжелой пьяной ночи выползает на свет божий одинокий клошар^[5] почти старик, и вдруг понимает, что каким-то образом рядом с ним этой ночью оказалась несовершеннолетняя девочка... И с ужасом задает себе вопрос, как и что произошло этой ночью... Немая сцена, в которой участвуют двое и низкое осеннее солнце со старой развалиной домом, почти без слов, вся на внутреннем невысказанном диалоге с самим собой, где мысли и чувства выражаются в походке и в жесте, в глазах и повороте головы – но она была главной. Да, это Максим хорошо понимал – на таких вещах держится весь фильм, в них определяется то, что потом критики называют «режиссерским почерком». И здесь вся тяжесть, вся ответственность за будущий фильм ложилась на плечи Арно.

Но это были надежные плечи. Сцена была сыграна великолепно.

Еще один дубль, опять великолепно.

Максим покосился одним глазом на Вадима – другой его глаз был устремлен в видеокамеру, которая провожала дядю, огибавшего угол дома. Ему показалось, что в лице Вадима мелькнуло сомнение. Такое

знакомое ему самому сомнение: не сделать ли еще дубль, мало ли что...

– Если сделаешь еще дубль, встанешь в тупик перед выбором, – шепнул он Вадиму.

Вадим довольно улыбнулся.

– Снято! – крикнул он. – Спасибо, свободен, Арно!

Дядя обернулся, хитро улыбнулся Максиму, махнул рукой и скрылся за развалинами. Неожиданно он опять высунулся из-за угла и сделал вид, что его тошнит, глядя на Максима с жалкой улыбкой пьяного человека, и снова исчез. «Для меня одного сыграл. Все так и есть: что жизнь, что сцена для таких, как он, – все едино...»

Максим вернулся на прежнее место. Девочка уже начала работать. Она выползла из дверей на четвереньках, раскачиваясь как бы от тупой головной боли, и растянулась на грязной земле возле пролома. Вадим остался недоволен. Сдерживая раздражение, он попросил Май – как оказалось, ее звали этим поэтичным именем, которое, впрочем, на французском языке ничего не означало, – повторить сцену. Май снова выползла, снова растянулась. Опять не так.

Еще раз. Опять не то.

Еще раз. Еще раз.

Все было не так! Не так выползала, не так растягивалась, не так голову поворачивала, не так падал свет из пролома, не давая найденного на репетиции эффекта на ее волосах.

Вадим закипал тихой, истеричной яростью. Его голос сделался странно тонким и каким-то замедленно-слабым, будто замороженным – попытка из последних сил сдержать себя, которая, как знал Максим, ни к чему хорошему привести не могла. Надвигалась катастрофа.

Максиму вдруг пришла в голову мысль, что его присутствие мешает – то ли девочке, то ли Вадиму, то ли сразу обоим. Он как-то почувствовал себя лишним, чересчур посторонним и чужеродным. Он поставил камеру на землю – у этой славной японской штучки были три маленькие ножки для этой цели – и углубился в лесок: пописать. В самом деле он чувствовал себя неловко и даже, пожалуй, понял почему: непрофессионализм этой девчушки был так очевиден, особенно после работы Арно, что Вадим вдобавок ко всему еще и начал комплексовать перед Максимом, памятуя все их разговоры о «мордашках»...

Пописать оказалось делом не таким уж простым: гримерша не отпускала его взглядом, и ему пришлось еще более углубиться в лес, чтобы исчезнуть из ее поля зрения. Забравшись в кусты и запутавшись в паутине, Максим наконец благополучно завершил намеченное, выпростался из паутины и стал неспешно прогуливаться среди деревьев вдоль съемочной площадки, поглядывая на все возрастающую истеричную панику «актрисы», которая что-то кричала Вадиму, глотая слезы. Максим уже не надеялся на благополучное завершение сцены.

Он заскучал. С ветки на ветку перелетала потревоженная птица. Под ногами росли желтые сыроежки. Неправдоподобно большие, с сухими ярко-желтыми шкурками, на которых налипли листики и хвоинки, – картинка из детской книжки. Вдалеке меж деревьями мелькнул дядя, уходящий напрямую через лес к шоссе. Максим почувствовал усталость – сказывался перелет и разница во времени... Как вдруг Вадим вскрикнул, довольный: «Отлично!»

Максим с сомнением подошел поближе и взглянул. «Падший ангел» лежал – в который раз! – в грязи на положенном месте и смотрел в камеру огромными, полными отчаяния глазами, горько сложив потрескавшиеся пухлые губы. Грязная копна перепутанных светлых волос сияла золотым нимбом вокруг ее головы. «Поздравляю, – шепнул он снова Вадиму, – это здорово, я даже не ожидал».

В самом деле, это было хорошо. Что ж, довести актрису до истерики и заставить ее таким способом сыграть нужную сцену – такой метод существовал и в арсенале Максима, и был, честно говоря, не худший из методов...

Меньше чем через час все было закончено.

– Уф, – сказал Вадим, довольный, с победным видом. – Есть хочешь?

– Я еще с самолета сыт.

– Тогда я тебя отвезу прямо к дяде. Он тебе ключ не забыл отдать? А я на студию поеду, хочу сразу все отсмотреть.

Максим понимал его нетерпение. Что же касалось его самого, то он думал с нетерпением о душе и о чае. Крепком душистом чае, который он с собой привез, не слишком надеясь на кофеманов-французов...

Глава 3

Ранние осенние сумерки обволокли шоссе легким белым туманом и сыростью. Они ехали молча, думая каждый о своем. Золотые лучи фар вонзались в туманную плотность, и ее белые бородатые клочья бросались под колеса.

– Так смотри не пей с Арно, – вдруг напомнил ему Вадим.

– Я уже понял, Вадим, мне повторять не надо.

– Извини. – Вадим помолчал и добавил: – Сам понимаешь, если он сорвется... Вот я и боюсь.

– Ты алкоголизм имел в виду, когда сказал мне, что история в некотором роде из личной жизни дяди? Вадим неопределенно покачал головой.

– И алкоголизм тоже... И не только. Но это долго, так что давай отложим на потом.

В Париже было тепло, светло, шумно и тесно. Величественные дома врывались тупыми носами в перекрестки, как корабли. Красные козырьки кафе простирались над столиками, выплеснувшись, по случаю хорошей погоды, на тротуары вместе с потоками света, вкусными запахами и черно-белыми официантами в длинных фартуках. Максим крутил головой по сторонам, думая, что завтра утром первым делом он отправится гулять по городу.

Они затормозили возле четырехэтажного дома на тихой улочке без реклам и туристов. Максим открыл одним из ключей входную дверь и чуть было не вошел в зеркало, занимавшее всю стену от пола до потолка и создававшее иллюзию коридора. Вадим снисходительно улыбнулся.

Маленький лифт доставил их на третий этаж, куда выходили две двери. Дядина пахнула на них дорогим мужским одеколоном и табаком. Квартира была просторной, по-мужски опрятной и неуютной, выдавая отсутствие женщины в доме. Добротная мебель стояла непродуманно и казалась купленной случайно, в разных местах и в разное время. Вадим показал ему комнату для гостей.

– Располагайся, – сказал он. – Чувствуй себя как дома. У тебя все есть, не надо ли чего привезти?

– Не беспокойся.

– Ну хорошо... Арно должен быть скоро. Я, может, заскочу ненадолго, проведу вас. Но мешать не буду, твой дядя ангажировал тебя на весь вечер целиком.

«Боится, что Арно пить будет, – подумал Максим. – Проверить хочет, мне не доверяет. Похоже, я в Каннах тогда сильно поддержал мнение о склонности русских к водке!» Он усмехнулся:

– Давай заходи, контролер.

– Да ты что, я так просто!

– Разумеется. Все равно заходи.

Вадим покачал с сомнением головой и ушел.

Максим обошел квартиру. Две спальни – одна дядина, с мебелью из темного дерева и фиолетовым постельным бельем с мордами тигров на наволочках; другая для гостей – светлого дерева и простым бельем в зеленую полоску (спасибо, что не с тиграми!). Двойная гостиная, меньшая часть которой была превращена в библиотеку. Стеллажи с книгами поднимались по левой стене до потолка – все больше старинные переплеты неярких благородных тонов, тускло светившиеся золотым тиснением. Должно быть, достались от родителей. Максим разглядывал названия, вдыхая неповторимый запах старой бумаги...

Столик стоял у окна. Изящный, словно парящий на своих тонких гнутых ножках туалетный столик, инкрустированный разными породами дерева, с изображением двуглавого орла с короной в пышном цветочном орнаменте. Наследство. Максим потрогал его гладкую поверхность...

...Дмитрий Ильич давно предчувствовал необходимость покинуть родину. Не хотелось, но угроза чувствовалась в воздухе. Ему не нравились, очень не нравились все эти рабочие волнения, все эти сходки и листовки, эта интеллигентская припадочная любовь к народу. Народ – это бедные, необразованные, грубые и ограниченные люди, а остальные, значит, не народ? Странное представление о народе у российской интеллигенции, исключившей самое себя из этого понятия! Странное и опасное представление...

Он потихоньку готовился. Продал имение под Питером, кое-что из имущества. Наталья была против, плакала, перефразируя «Вишневы сад», – не хочу, чтобы по нашему парку гуляли топоры! – но он сумел настоять.

После октябрьского переворота Дмитрий Ильич решил: все, надо ехать. Но снова отложил отъезд, увлеченный надеждой, что власть большевиков долго не продержится. Началась Гражданская война, интервенция, Дмитрий Ильич чуть было сам не подался в ополчение, но пароходство переложить было не на кого...

Когда их бывшее поместье под Питером сожгли, когда не только по их саду, но и по всему их старинному дому гуляли топоры и народ писал и гадил в дорогие вазы, Наталья снова плакала и сжимала его руки: «Ты был прав, ты был прав!.. Как это страшно, что ты оказался прав!..» И он, он тоже с трудом сдерживал слезы...

Максим очнулся и вздохнул. Диалог у него не складывался, слова не находились. Он жалел иногда, что не родился в эпоху немого кино. Бессловесного кино. Максим умел чувствовать и передавать в своих фильмах молчание или бессвязную, бредовую, к себе самому обращенную речь, которая равна молчанию; он умел передавать паузы и позы, он умел вмещать в кадр состояния, настроения и смыслы. Но слова – это был ненужный ему в его работе инструмент. Особенно теперь, когда он задумал коснуться темы, на которую было сказано уже так много слов, что все они стерлись и поблекли. И он никогда бы не подумал приблизиться к теме революции, сталинизма, разбитых режимом судеб и жизней, если бы это впрямую не касалось его семьи. Если бы он не ощущал своего долга перед теми, чьи имена ушли в небытие, словно никогда не существовали; были вычеркнуты безжалостной рукой из метрики его отца и его собственной...

Однако ж без слов не обойтись, их нужно придумать. Причем простые слова, обычные, каждодневные. Оставив за плечами несколько нашумевших фильмов, которые критика называла то авангардом, то заумью – в зависимости от симпатий авторов статей, – Максим почувствовал, что богатство языка кино, как и любого другого языка, лежит в его классическом пласте. Никакой сленг, как бы ни был он оригинален, не способен дать те же выразительные возможности, что обыкновенный классический язык. И ему хотелось теперь говорить простым и доходчивым, классическим киноязыком, ему хотелось показать трагедию, убийственную в своей простоте. И именно эта простота была для Максима непростой задачей. Если в его прежних фильмах люди пили чай, то это было для того, чтобы показать – как это красиво – чай, как это красиво – пьют, как это красиво – в саду. Топазная струя, пронизанная солнцем, бьет в тонкое белое дно чашки... Но теперь ему хотелось не столько любоваться жизнью, сколько жить. И кажется, еще никогда ему не были так нужны хорошие диалоги...

Максим снова вздохнул, похлопал дружески столик по изузоренной прохладной столешнице и занялся своим чемоданом. Он достал свои подарки – русские сувениры, разумеется, икру, провезенную

тайком через таможеню, водку, которую тут же с сожалением убрал, памятуя наказ Вадима. В шкафу нашлось полотенце, и, покидав одежду на кровать, он направился в ванную.

Ночь коротка,
Спят облака, —

доносилось оттуда, перекрывая шум воды, —

И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука, па-па-па-па-па...

Кажется, звонил телефон. Максим закрутил краны. Нет, он не ошибся, это действительно звонил телефон. Подойти?

Ага, голос Арно! Должно быть, пришел уже.

— Арно? — позвал Максим. — Дядя, это ты?

Не получив ответа, он снова прислушался. Нет, это был автоответчик: «...Начинайте говорить после бип-сонор...»

Однако звонивший говорить не стал, и по квартире разносились гудки отбоя. «Ну и ладно, — лениво подумал Максим. — Это, наверное, Арно звонят, не мне ведь?»

Но телефон снова настойчиво зазвонил, будто звонивший знал, что кто-то есть в квартире. Едва вытершись, он обмотался полотенцем и всунул мокрые ноги в тапочки. Может, это Вадим или Арно... Максим решил и снял трубку.

— Алло?

— Здравствуйте, — раздался женский голос. — Я говорю с Максимом?

— Да-да, — удивился Максим, — это я.

— Это Соня у телефона. Дочь Арно.

— Да-да, здравствуйте, очень рад.

— Максим, папа вам обещал приехать к ужину, как я понимаю?

— Мы так договорились...

— К сожалению, он не сможет приехать. Мне неловко об этом говорить, но я не буду делать секрета: он выпил лишнего за обедом... Я не могу его отпустить. Он останется ночевать у меня. Сожалею, но вашу родственную встречу придется отложить до завтрашнего дня. Хорошо?

— Разумеется, конечно...

— Рада была с вами познакомиться. Надеюсь, скоро мы сможем встретиться и познакомиться поближе... Всего доброго!

— Я тоже надеюсь... Всего доброго!

Максим растерянно положил трубку. Такого поворота он не ожидал. Значит, дядя не приедет сегодня. И Максим остается в одиночестве на этот вечер... Досадно. И потом, Соня так быстро с ним попрощалась... Она, видимо, не разделяет их взаимного с Арно интереса к истории рода и родне. Особенно, может быть, к родне... Его это задело.

Впрочем, что ему до неведомой Сони? Он никому не собирается навязываться.

Сияние довольного Вадима потускнело, когда он узнал о звонке Сони.

– А если снова запьет? – мрачно вопрошал он. – Позвоню-ка Соне, что там у них происходит, как она могла допустить, чтобы Арно пил? Что же она, не понимает...

– Ты как насадка над цыпленком. Успокойся, подумаешь, выпил! Проспится. Разве ты не видишь, как Арно рад работе? На запой не променяет, не паникуй.

Вадим с сомнением посмотрел на Максима.

– Ты только Соню поставишь в неловкое положение... – пожал плечами Максим. – Она и так, по моему, смущена... Все равно ведь уже ничего не изменишь.

– Ладно, – вздохнул Вадим, – делать нечего. Подождем до завтра, надеюсь, что... Тогда, слушай, раз у тебя вечер освободился, я тебя приглашаю ужинать. Идет?

Максим хотел спать. Было около полуночи, для человека творческого время детское, но утром он еще находился в Москве, по московскому времени было уже два, и, кроме перелета, за этот день произошло слишком много событий, слишком много впечатлений. Он разморился в глубоком плюшевом кресле дяди.

– Я, признаться, устал... Извини. В другой раз с удовольствием.

– Ну смотри. Ты совсем падаешь? – спросил Вадим.

– Нет... Ничего, – соврал Максим. – А что?

– Тогда давай посмотрим план сценария?

– Хорошая мысль.

– А я пока жене позвоню.

Максим полез за сценарием в чемодан. Вадим заворковал в телефон:

– Слышишь, Максим, Сильви тебя тоже приглашает!

– Я с удовольствием. Завтра... или послезавтра... если вас устроит.

– Ну да, он устал, все-таки самолет и разница во времени... – объяснял жене Вадим.

Максим достал бумаги, разложил, и Вадим погрузился в чтение, изредка задавая вопросы.

...Когда наконец они оба пришли к согласию, что ехать надо, Наталья уже была беременна – на третьем месяце. Они долго обсуждали эту новую ситуацию и снова решили подождать с отъездом. До родов. Что там, во Франции, какие условия их ждут (все нажитое ведь не вывезешь, придется забирать то лькосамое необходимое), какие врачи – они ничего не знали. А тут – лучший врач города был их ближайшим другом... Решили списаться со своими французскими родственниками, расспросить, как и что, даже, может, попросить помощи: снять к их приезду жилье... Однако на успех надеялись слабо: во Францию письмо еще можно было отправить, были оказии, люди уезжали; а вот получить ответ...

«Ехать! – колотилось в сознании Дмитрия бессонными ночами. – Немедленно ехать!»

«Без истерик!» – строго приказывал он себе при свете дня.

Чем больше округлялся живот у Наташи, тем страшнее было ехать – и тем страшнее было оставаться.

Когда стало ясно, что интервенция не удалась и Белая армия отступает, Дмитрий Ильич понял: теперь или никогда. «Едем», – сказал он Наташе. Наталья Алексеевна была на восьмом месяце...

Телефон нарушил сосредоточенную тишину.

– Сними, – сказал Максим, – это все равно не меня.

Вадим снял трубку.

– Алло... В каком смысле завтра?.. – вдруг растерянно переспросил Вадим. – Извините, я не понял... Соня! Это ты? Здравствуй, детка! Я думал, это Сильви... Да, Вадим... Не ожидала? Вот, решил заглянуть. Тебе Максима позвать? Да, я в курсе. Ох, нехорошо это, да чего уж там, теперь поздно говорить... Надеюсь, завтра он будет в порядке... С Максимом? Ну, я думаю, да, погоди, спрошу у него.

Вадим оторвался от трубки:

– Соня нас приглашает на обед завтра. Поедем?

Максим кивнул.

– Да, спасибо за приглашение, – снова уткнулся в трубку Вадим. – В полдень, хорошо. Права? Наверное, погоди, сейчас спрошу.

Вадим снова повернулся к Максиму:

– У тебя есть водительские права, ты водишь?

– Да... А что?

– Есть у него права... А ты не позволяй ему пить! – воззвал он в трубку. – Да, понимаю, конечно, у меня он тоже разрешения не спрашивает. Ладно, завтра вместе будем стоять на страже... Так, до завтра, моя дорогая, рад буду тебя повидать. Ты тоже у нас давно не была... Нет, спасибо, но Сильви завтра с детьми к бабушке едет... Да-да, к двенадцати. Целую тебя.

Он положил трубку.

– Соня рассчитывает на тебя в случае, если Арно завтра опять выпьет... Чтобы ты сел за руль его машины. Ох, не нравится мне это! Ну ничего, завтра я ему пить не дам.

...Его сухая, аристократическая рука гладит прохладные, шелковистые волосы Наташи, наматывая легонько каштановые пряди на пальцы и распрямляя колечки, которые тут же свиваются вновь...

...Ее белая кожа, похудевшее, осунувшееся лицо с очертившимися скулами; легкие, едва заметные веснушки, тревожные карие глаза, прозрачные руки с синими тонкими ручейками вен, торчащий немного кверху живот...

...Тонкий батист, кремовые рукодельные кружева – ее нижнее белье, которое она складывает в громоздкий чемодан при пляшущем свете свечи, рыже путающемся в батисте: электричества давно уж нет...

...Как она поднимает глаза от чемодана, глядя на Дмитрия, который расхаживает по комнате, бросив свой чемодан недосложенным, и, размахивая руками, рассуждает об их жизни в эмиграции, пытаясь убедить жену и самого себя в том, что все будет хорошо... хорошо... хорошо... В ее глазах – снисходительное согласие: она ему не верит, она прячет страх на дне светло-карих глаз, в которых

дрожит свеча, она прячет этот страх от него – и от себя... Она говорит ему...

«Хотел бы я знать, что она говорит ему, черт!»

...Натasha в очереди у тюрьмы, чтобы узнать хоть что-то о судьбе мужа, передать передачу... Из тех очередей, что описала Ахматова...

...Натasha в лагере, поседевшая и исхудавшая. Мысли о сыне. Глаза. Бесцветные губы. Корявые, натруженные, старческие руки.

Нет, не могу, я через это не пройду, слишком больно – «по живому».

– ...Что-что? Извини, Вадим, я задумался.

– Я понимаю, что это твоя семья и тебе каждая деталь близка и дорога, но для сценария здесь не хватает интриги, не хватает авантюризма, приключения... Я хочу сказать, что это драматическая история, задевающая сердце русских, но для французов нужно еще что-то, какая-то зацепка, понимаешь? Он слишком серьезен, твой план, в нем воздуха не хватает... Что-нибудь занятное бы найти, какой-то исторический анекдот^[6], изюминку... Как царица столик подарила твоей прабабушке, например. Не знаю, подумай. Воздух нужен...

– Мне не хватает конкретности того времени. Плоти и крови. Я рассчитываю тут у вас в библиотеках пошарить, мемуары поискать – у нас ведь ничего из белоэмигрантской литературы не печатали... Арно мне советовал одну, «Воспоминания графини З.» называется, но я ее в Москве не нашел. Там, по его словам, очень точно описана эпоха русской эмиграции... А по французской части сценария мне понадобится твоя помощь – у меня пока только самые общие наброски характеров...

– Это я заметил.

– Да?

– А ты думаешь, нет?

– Сдается, мне будет интересно с тобой работать, – усмехнулся Максим.

– Ты почему финал не сделал? – спросил Вадим.

– Потому что у меня нет финала.

– Не усложняй, Максим!

– Да нет, я его просто не нашел. Никак не могу остановиться в этой истории, готов даже наш сегодняшний разговор включить в сценарий, твои съемки с дядей...

– Я тебя понимаю... Знаешь, с той недели сядем вместе. Вечерами... Сейчас фильм у меня должен хорошо пойти, я чувствую, хорошо и без нервотрепки. Для меня эта сцена сегодня была решающей...

– Я это понял.

– Да?

– А ты думаешь, нет?

– Сдается, Максим, что мне будет интересно с тобой работать.

Оба рассмеялись.

Глава 4

Из того, как было все на следующий день, Максим бы сделал кино. Вот так: камера, мотор, поехали!

Тишина и покой аристократического пригорода; неяркое свечение желтеющей листвы, обметавшей узкие улочки; черные чугунные завитки ворот; изузоренная листопадом дорожка, ведущая к старинному белому дому. И замереть на мгновение – пусть втечет в объектив эта величавая, недвижимая тишина.

И только потом камера найдет, нащупает, разглядит маленькую тонкую фигурку на крыльце, протянувшую навстречу Вадиму руки: змейка, ящерка в серебристо-сером платье – Соня.

Теперь наезд, вот так, следуя за моим взглядом, приближаясь, поднимаясь по лестнице: серебряный всплеск света на округлости груди; легкий золотистый сумрак между смуглыми ключицами; тонкая точеная шея; круглый упрямый подбородок; капризный изящный рот; губы, сложенные для поцелуя (пока еще не мне, Вадиму!); улыбка, ямочка на левой щеке, два белых влажных зуба, широко расставленных, с детской щелкой посередине. Но – дальше!

Дальше нос, обычный аккуратный носик, но не это главное; вот, вот, теперь! Утони в этих глазах, оператор, как тону и таю я! Цвета темного янтаря, плавно уходящего к вискам разреза, под сенью прямых игольчатых ресниц; нет, так не бывает, я сплю, мы с оператором спим, и видим сон, как художник рисует эту каштановую прядь на смуглом чистом лбу; нет, проснись, оператор, проснись и сними этот царственный и змеиный поворот головы, этот взгляд, яхонтовый, теплый, непроницаемый!

Сейчас и мне достанется поцелуй, как это удачно, что у французов принято все время целоваться, иногда это окупается сторицей; что бы такое сказать, любезное и остроумное? Хочется понравиться, она замужем, муж у нее «скучный и богатый»; вот и он, длинный и с длинным носом, невзрачный, серый, никакой, – богатый? Они втроем о чем-то толкуют, а я еще не придумал, что сказать; надо вырваться из плена этих глаз, но никак. Они меняют цвет, они расширяются и темнеют, они обращаются на меня – эх, держись, Максим! Ее губы что-то произносят, теряя в замедленной съемке улыбку; ее глаза темнеют и остывают, ее лицо, обращенное ко мне, замирает в ожидании ответа, а я стою, кретин бессловесный, вот чертовщина! Эй, стоп! Кино снято!

– Простите, – восторженно воскликнул он, – я не расслышал? Засмотрелся: вы очень удачно вписываетесь в кадр... – сказал он немножко игриво, не зная, подать ли руку или поцеловаться.

Соня, глядя ему в глаза, медленно повторила:

– Где мой папа, Максим?

...Это снова было похоже на кино, но на то, которое он не любил: дурное, путаное, с многозначительными немymi сценами и бессмысленно-нервными восклицаниями. Говорили все одновременно, перебивая друг друга и не понимая ответов.

– В каком смысле? – спрашивал Максим.

– Как это где? – воскликнул Вадим.

– Он же с вами? – тревожно не понимала Соня.

– Наоборот, он с вами, – удивлялся Вадим.

– Почему с нами, он с вами!

– Но он же остался у вас!

– Боже мой, у вас, у вас он остался!

– Ты что-то путаешь, Соня, ты позвонила...

– Так, стоп!

Гомон перекрыл Пьер, Сонин муж.

– Войдемте сначала в дом.

Вошли. Разделись. Дом был великолепно элегантен, но было не до того. В гостиной оказались еще двое мужчин и одна дама. Их лица были встревоженно-любопытны – видимо, до них долетели обрывки разговора на крыльце.

– Наши друзья, – бросил Максиму Пьер. Наскоро протянули руки.

– Маргерит, – тряхнула его руку женщина, удивительно похожая на Пьера длинным носом и бледным, без малейших следов косметики, немолодым лицом, обрамленным модной мальчишеской стрижкой.

– Жерар де Вильпре, – представился высокий, чуть полноватый мужчина с кудрявой головой и приятными карими глазами, подавая большую безвольную ладонь, мягко облепившую руку Максима, – мой сын Этьен.

На этот раз некрупная, но крепкая рука легла в руку Максима: изысканно красивый молодой человек, в тонких чертах которого затаилась Азия, бегло улыбнулся ему.

Уселись в кресла.

– У нас недоразумение, – четкой скороговоркой проинформировал своих гостей Пьер. – Не можем разобраться, куда запропастился мой тесть. Так что я вынужден занять общее внимание прояснением этого обстоятельства.

Соня была бледна, ее глаза мгновенно обметали синевато-серые тени, как это часто бывает у смуглых людей. На такую кожу свет во время съемок нужно ставить продуманно, иначе тени могут дать зеленоватый оттенок, который Максим не любил...

– С папой что-то случилось, – тихо сказала Соня.

Пьер обвел всех строгим взглядом.

– Спокойно, – сказал он, – не паникуй, Соня. Сейчас все выяснится. Давайте по порядку. Итак, как я понял, никто не знает, где находится месье Дор? – И он снова оглядел всех по очереди.

– Похоже на то, – ответил ему за всех Вадим.

– Вчера Арно должен был приехать к нам с Соней после съемок. Мы об этом с ним договаривались. Вадим об этом знал – так? Арно вам говорил, куда собирается ехать после съемок?

– Говорил. К вам.

– Мне он тоже так сказал, – подал голос Максим.

Пьер молча посмотрел на него и снова перевел глаза на Вадима.

– Вы обещали отпустить Арно, как только его сцена будет снята, Вадим. Правильно?

Вадим кивнул.

– На съемках все было нормально?

– Да, – пожал плечами Вадим.

– Он ушел сразу после своей сцены?

– Да.

– Значит, он закончил сцену и уехал. Дальше он собирался заскочить ненадолго домой, разгримироваться, принять душ, переодеться.

– Этого я не знаю, – сказал Вадим.

– Он мне отдал свои ключи, – заговорил Максим. – Он не мог поехать домой.

– У него есть еще одни, – строго отозвался Пьер. – И он поехал домой – это логично, не так ли? После съемок актеру нужно разгримироваться и привести себя в порядок.

– Он мог доехать напрямик до вас и принять душ у вас, разве нет?

– Мог. Но он хотел заехать к себе домой. Он нам так сказал. Это его дело, не правда ли, где ему удобнее принимать душ?

– Разумеется, – согласился Максим. – Только нас это никуда не продвигает. Мы не знаем, заезжал он домой или нет. Все, что мы можем сказать с уверенностью, – уходя со съемок, он собирался ехать к вам.

– Вы не знаете? Вадим, может, и не знает. А вот вы, Максим, – вы знаете.

– Почему это?

– Потому что вы, приехав со съемок, нашли его дома пьяным и спящим. Так ведь?

– Я? – Максим обалдел от такого заявления.

– Вы.

– Бред какой-то. С чего вы взяли? Когда я приехал, дяди не было. Я его спокойно ждал, уверенный, что он у вас, а потом позвонила Соня...

– Правильно, Соня вам позвонила потом. Но только уже после вашего звонка.

– Моего звонка?

– Вашего.

– Куда?

– В каком смысле?

– Куда я звонил?

– Нам.

– Я вам звонил?

– Вы нам звонили.

– Я вам не звонил.

– Звонили. Поскольку вам было известно, что мы его ждем. И сказали, что нашли Арно пьяным и спящим в своей квартире и чтобы мы не волновались.

– Вот это да! Я вам повторяю, я вам не звонил. Наоборот, это Соня мне позвонила! Я даже вашего телефона не знаю!

– Телефон вам дал Арно, или вы нашли его у него в записной книжке.

– Да я вам не звонил, повторяю!

– Послушайте, Максим... – Пьер говорил ровно, не повышая голоса, но у него стала подергиваться одна ноздря – нервный тик, должно быть, – что сделало его лицо еще более неприятным и высокомерным. Все остальные переводили глаза поочередно с Максима на Пьера, молча и внимательно следя за их разговором. – Послушайте... Отпираться нет смысла, это уже совсем не похоже на шутку. Даже на дурную. Я, кажется, понимаю, как дело было... Вы приняли участие в розыгрыше. Догадываюсь, по просьбе Арно. Вы его застали дома, но он не был пьян...

– Да нет же, я вам говорю!

– Погодите, не перебивайте меня... Он не был пьян, но попросил вас позвонить сюда и сказать, что он напился и спит и не может к нам приехать, по одной простой причине: он не хотел сюда ехать. Возможно, он хотел избежать разговора, который у нас намечался... Теперь же вы не хотите его выдавать: он вас наверняка об этом просил! Мы все ваши чувства понимаем, но все же хотелось бы знать: где Арно?

– Это сумасшедший дом какой-то! Я его видел последний раз на съемках!

– Максим, Максим, – укоризненно произнес Пьер, – ситуация складывается слишком серьезно, чтобы продолжать розыгрыши... Посмотрите на Соню, посмотрите, как она бледна, она волнуется за отца!

Видимо, под впечатлением от этого патетического восклицания Маргерит встала и, подойдя сзади к креслу Сони, положила руки на плечи и что-то прошептала ей в ухо, утопив длинный нос в Сониных волосах. Соня с плохо скрываемым раздражением повела головой, отстраняясь, и негромко сказала извиняющимся тоном: «Ничего, Маргерит, все в порядке».

– Согласитесь, – продолжал меж тем Пьер, – было бы неуместно продолжать эти, извините за выражение, инфантильные игры! Вы должны нам рассказать, как все было на самом деле.

– Бог мой, а я что делаю? Я вам и рассказываю, как дело было! Вадим, ну скажи же! Мы же с тобой вместе вошли в квартиру!

Взгляды обратились к Вадиму.

– Мы пришли вместе, действительно. Арно там не было.

– Вы его не видели или его там не было?

– Я думаю, что его там не было...

Максим вдруг осознал, что Вадим, как и он сам, испытывает странное ощущение допрашиваемого перед этим сухим и точным финансовым деятелем с дергающейся ноздрей. Подобное ощущение он уже не испытывал давно и даже успел подзабыть, каково оно на вкус, – последний раз это случилось еще в те времена, когда он входил в кабинеты советских начальников советской организации Госкино. Справедливости ради надо было бы отметить, что судьба его хранила: баловень и любимец всех преподавателей и преподавательниц, секретарш и деканш, творческих наставников и наставниц, он со времен института был постоянно опекаем и охраняем от бюрократическо-идеологических невзгод. Старшее поколение мужественно шло на амбразуру начальственного гнева, защищая молодой талант и надежду современного отечественного кино. И все же на долю Максима тоже доставалось, и он хорошо знал эту начальственную породу в лицо и легко узнавал. И хотя Пьер был, несомненно, классом выше, чем бывшие советские шефы, однако ж роднило их какое-то изнутри идущее убеждение в своем превосходстве над остальными и как бы вытекающее из этого право всеми распоряжаться.

– Я поставлю вопрос по-другому: вы уверены, что Арно не было в квартире? – продолжал

додавливать Вадима Пьер.

Максим потер ухо. Он всегда тер ухо, когда начинал злиться или нервничать. И всегда забывал, что этого не следует делать, так как ухо потом становилось ярко-красным.

– Вообще-то я в его комнату не заходил, – откашлялся Вадим и продолжил неуверенно: – Если он там спал, то я мог его и не видеть...

– Папа обычно храпит, – вдруг произнесла Соня.

– А если он спрятался? – повернулся к ней ее муж. – Если я прав насчет розыгрыша?

Соня не ответила, слегка пожав плечами.

– Да, но я обошел потом всю квартиру, – начал взрываться Максим, – дяди нигде не было! Это точно. И никаких розыгрышей мы не устраивали.

– Вы? – Пьер резко обернулся, словно поймал Максима на слове. – А что вы делали?

– Это вы считаете, что мы что-то с дядей затеяли, а на самом деле я был в квартире один! Но, Соня, почему вы молчите? Почему вы позволяете вашему мужу сочинять какие-то подозрительные истории с моим участием? Скажите, как было дело!

Сонины глаза плыли в тумане.

– Где мой папа, Максим? – тихо спросила она.

– Послушайте, – окончательно разозлился Максим, – это у вас надо спросить, где ваш папа! Вы мне позвонили и сказали, что ваш папа остается ночевать у вас, потому что он выпил лишнего!

– Соня? – скомандовал Пьер.

Как она может жить с этим инквизитором, интересно?

– Зачем вы лжете? – возмутилась Соня. – Я вам ничего подобного не говорила! Я вообще с вами не разговаривала, я разговаривала с Вадимом!

– Да, – подтвердил Вадим. – Мы с тобой говорили. Но ты ведь звонила Максиму до этого? И сказала, что папа остается у тебя ночевать, что ты его не отпустишь в таком состоянии... Ты ему звонила?

– Нет! Это он мне позвонил! И сказал, что папа не приедет... С ним что-то случилось... Максим, Вадим, где мой папа?

– Не знаю, – качая головой, ответил Вадим. – Не знаю. Я его после съемок не видел. Я был вчера в его квартире дважды и ни разу его не видел там.

– Один из вас лжет, – попытожил Пьер. – Либо моя жена, либо Максим. И, поскольку я доверяю своей жене, я полагаю...

– Подождите, – Максим решил держать себя в руках и не обращать внимания на неприятную манеру Пьера. – Мы крутимся на одном месте. Давайте сделаем так: пусть Соня расскажет, как все было, с ее точки зрения, а я расскажу со своей. Иначе мы не разберемся в этой мистификации.

– Вот вы и начните, – бросил Пьер.

Максим спокойно рассказал все события вчерашнего вечера. Соня смотрела на него пристально, словно взвешивая каждое его слово. Лицо Пьера было непроницаемо-неприязненным, Вадим хлопотливо поддакивал Максиму, заверяя верность рассказа, гости вежливо устремились из обсуждения, но их глаза выдавали любопытство, спрятанное за участием.

Максим закончил. Некоторое время все молчали.

– Скажите-ка... – наконец нарушил молчание Пьер, – допустим, что так все и было... у вас ведь свидетелей нет, что на самом деле был такой звонок? Но допустим. Тогда скажите, вы уверены, что это был голос Сони? Теперь, когда вы ее слышите, вы можете сравнить голоса – это была она?

– Телефон отчасти меняет тембр... Но мне кажется, что это вполне мог быть ваш голос, Соня.

– Да, странная история... – обвел присутствующих глазами Пьер. – Ты ведь не звонила?

– Нет.

– Расскажи теперь ты, как дело было, – руководил ее муж.

Соня задумалась. Как это было? Она подошла к телефону...

– Это Соня? – спросил незнакомый мужской голос с иностранным акцентом.

– Да, это я. С кем я говорю?

– Здравствуйте, Соня, вы говорите с Максимом.

– Максим? Вы Максим из России?

– Он самый, – игриво ответил голос. – Я рад с вами познакомиться.

– Я тоже, – неуверенно произнесла Соня. Она была удивлена этим звонком. – С приездом!.. Как вам нравится во Франции?

– Хорошо. Я вам звоню по причине Арно. Вы, может быть, волнуетесь?

– Конечно! Где он? Что случилось? Он должен уже быть у меня!

– Не надо так волноваться, дорогая Соня, с ним все в порядке, он спит.

– Спит?!

– Спит. Он немножко пьяный. Я пришел, он спит. Он проснулся и попросил меня позвонить вам, чтобы вы не волновались. Он к вам завтра приедет.

– Как же так... – растерялась Соня. – Вас никто не предупредил разве? Ему пить нельзя!

– Не надо меня обвинять, дорогая Соня. Когда я приехал, он уже был пьяный. Я здесь ни при чем.

– Я... Извините, что я... Я подумала...

– Это не страшно, не извиняйтесь. Я за ним послежу, не надо беспокоиться ни о чем. Завтра он к вам приедет.

– Спасибо, Максим... Нехорошо как получилось... Вадим расстроится... Не пускайте папу никуда сегодня, пусть уж спит. Я... могу вас попросить?..

– Все, что угодно.

– Не позволяйте ему больше пить. Пожалуйста, сделайте все, чтобы он больше не выпил ни капли!

– Я все сделаю.

– Скажите ему, когда проснется, что я жду его завтра на обед, к двенадцати. Ладно?

– Конечно. Все будет в порядке. Я ему абсолютно скажу. Он завтра абсолютно приедет.

– Спасибо. Извините еще раз и... рада была с вами познакомиться. Надеюсь, что мы скоро встретимся... До свидания, до встречи!

– Я тоже надеюсь на скорую встречу. И всего доброго, Соня!

– Вот так примерно... – Соня умолкла.

– Ну, – сказал Максим, – и вы узнаете мой голос?

– Я не запоминаю голоса. То есть, если бы голос был особенный, я бы запомнила, но это был нормальный голос, вежливый, довольно приятный... Как у вас, Максим.

– А у вас есть свидетели, что я вам звонил? Кто-нибудь присутствовал при разговоре? – атаковал Максим, против воли перенося свое раздражение против Пьера на Соню.

– Вы подозреваете, что моя жена лжет? – ледяным голосом спросил Пьер.

– Ну вы же подозреваете, что я лгу.

– Я вас не знаю.

– А я не знаю вашу жену. Так есть у вас свидетели этого звонка?

– Нет, – ответила Соня, ни на кого не глядя. – Пьера не было дома, он пришел позже.

– Допустим, как выражается наш хозяин, – Максим иронично поклонился в сторону Пьера, – что такой звонок был на самом деле. В котором это было часу?

– Двадцать минут шестого. Я на часы смотрела, потому что папу ждала. Он не обещал точно, все-таки со съемок, мы просто договорились примерно к четырем часам... После половины пятого я начала немного беспокоиться и дважды звонила к нему на квартиру, но телефон не ответил. А потом вы позвонили, двадцать минут шестого.

– А мы когда пришли, Вадим?

Вадим стал загибать пальцы, что-то считая.

– Примерно в то же время, должно быть, – наконец сообщил он. – После пяти. В начале шестого.

– Значит, – повернулся к нему Пьер, – у Максима была возможность позвонить в это время. Ты сразу ушел?

– Сразу, – сокрушенно ответил Вадим.

– Это ничего не доказывает, – возразил Максим. – Если у меня была возможность позвонить, то это еще не значит, что я звонил!

– Не значит, – согласился Пьер, – но и не значит, что вы не звонили. Пока ничего не говорит против этого предположения.

– Так же, как ничего не говорит против предположения, что это звонила Соня.

– Я не звонила, – сказала она твердо.

– Я тоже.

Повисла пауза.

– Я не делаю таких ошибок во французском, – нашелся наконец Максим. – «Абсолютно скажу», «по причине Арно»... Ерунда какая-то.

– Верно, – сказала Соня. – Вы очень хорошо говорите по-французски. – Она легонько улыбнулась Максиму, и он снова ощутил медлительный наплыв крупным планом прямо в черную сердцевину магических медовых глаз... Но вынырнул. – И вот еще что... – добавила Соня. – Акцент... Акцент не такой, как у Максима. У Максима хорошее произношение, акцент совсем легкий. И «р» французское, даже когда

он быстро говорит и волнуется. А у того, кто звонил, «р» русское, твердое, раскатистое. Кажется, это был не Максим!

– Так... – сказал Пьер. – Похоже, что у нас есть еще один русский.

– В таком случае у нас есть еще одна Соня, не забудьте, – заметил Максим.

– Знаете, что я вам скажу, – вдруг вмешалась Маргерит, – если бы меня попросили изобразить русский акцент, я бы говорила примерно так же.

– Я как раз об этом же подумал! – вскричал Вадим. – Кто-то *изобразил* русский акцент. Вряд ли мы имеем второго русского. Скорее мы имеем кого-то, кто хотел выдать себя за Максима! Что, собственно, и сделал.

– И за Соню? – подал вдруг голос Жерар.

– И за Соню...

– Я же говорила, с папой что-то случилось, что-то нехорошее! Надо обращаться в полицию, Пьер!

Соня вскочила. Ее била дрожь. Пьер встал, вышел в переднюю, вернулся с большой черной шалью, которой ласково укутал ее, как ребенка. Максим неожиданно поймал два взгляда, два разных и в то же время в чем-то схожих взгляда: один из них, принадлежащий Жерару, проследил за действиями заботливого супруга с угрюмой и бессильной завистью; другой, принадлежащий Этьену, бегло сопровождал взгляд отца и вспыхнул откровенной ревностью. Максим только не понял, была ли это ревность сына или ревность мужчины, но ему сделалось неприятно.

– Конечно, мы позвоним в полицию, дорогая, только сначала нужно разобраться, что мы можем сказать полиции... Сядь, деточка, успокойся, ладно? Сейчас нужно сосредоточиться. Ты успокоилась?

Соня кивнула. Ее трясло.

– Так вот, подумай теперь и ответь мне: это не мог быть голос твоего отца? Твоего отца, который с какой-то целью – мы пока не знаем, с какой – решил нас всех разыграть?

Все с изумлением уставились на Пьера.

– Я не думаю, – Соня покачала головой, – я бы папу узнала. Он бы себя как-то выдал.

– Он бы себя выдал, если бы это была просто шутка. Но если у него была какая-то важная цель...

– Какая?

– Ну, не знаю, допустим, куда-то съездить, с кем-то встретиться, но так, чтобы никто об этом не знал и не препятствовал ему в этом... Он бы приложил все свое мастерство – а мастерства у него немало, не так ли, Вадим? – чтобы его не узнала даже родная дочь! Подумай, можешь ты утверждать, что это был не он? – мягко проговорил Пьер.

– Не знаю... По-моему, это был не папа.

– Соня, я тебя спросил, ты уверена? Ты можешь поручиться, что это был не он?

– Не знаю я, Пьер! Нет, не могу. Поручиться – не могу. Но тогда кто же от моего имени звонил Максиму? Не папа же?

– Что вы скажете, Максим?

– Точно не он. Не с его баритоном подделать такой женский голос.

– Ну, по правде говоря, – вмешался Вадим, – если Арно, как вы говорите, понадобился розыгрыш, то к его услугам весь актерский Париж. И друзья, и просто... – Вадим запнулся.

– Ты хотел сказать – собутыльники, – закончила за него печально Соня. – Скажите, – она устремила на Максима свои влажные тревожные глаза, – вам этот «мой голос» не показался нетрезвым?

– Нет, совсем нет. Я даже больше вам скажу: это был голос женщины, которая знает вас. Ваши интонации были скопированы довольно точно. Если, конечно, это не вы звонили.

Соня шевельнулась протестующе, но Пьер положил ей руку на плечо, успокаивая.

– И вот еще что, – продолжал Максим, – я не думаю, что это дядя вам звонил от моего имени. – Вопросительные взгляды сосредоточились на его лице. – Дядя уже знал, как я говорю по-французски, мы ведь с ним успели пообщаться перед съемками, и он скопировал бы мой акцент в точности. Это звонил человек, который меня не знает, который изображал некоего русского вообще. А ко мне, напротив, звонил человек, который знает Соню.

– Именно! – воскликнула Маргерит с несколько излишней оживленностью.

– Откуда ты знаешь? – повернулась к ней Соня.

– Я не знаю, – смутилась Маргерит. – Правильно месье Дорин рассуждает, я хотела сказать...

Возникла неловкая пауза. Маргерит убрала повышенную заинтересованность с лица.

– Маргерит любит читать детективы, – вдруг с мягкой улыбкой защитил ее Пьер. – Особенно про мисс Марпл.

– Все это достаточно странно и не продвигает нас ни на шаг! Давайте звонить в полицию, – предложил Вадим.

– Может, Арно предусмотрел наш разговор и нарочно сделал акцент непохожим, чтобы мы не могли ни в чем обвинить Максима? – снова подала голос Маргерит.

– Это чересчур хитроумно, – возразил Вадим.

– Но папы-то нет! Кто звонил, зачем звонил – но папа-то покинул вчера съемки и с тех пор его никто не видел! Куда он мог подеваться, я хочу знать! Куда? Почему он до сих пор не вернулся? И когда он вернется?

– Он должен быть у меня завтра в десять на студии, – вдруг побледнел Вадим. – Если он до завтра не появится?.. Надо звонить в полицию! Пусть объявят розыск.

– Я хочу спросить... – смущенно заговорил Этьен, – мне кажется это странным... Как это получилось, что, когда Соня позвонила и разговаривала с Вадимом, этот розыгрыш не выяснился?

К нему обратились недоуменные взгляды. Вадим округлил совиные глаза. Соня наморщила лоб.

– Действительно, если Соня думала, что Арно дома, – подхватил мысль Максим, – то как она могла пригласить нас с Вадимом на завтра, не упомянув своего отца, и еще и спросить, смогу ли я сесть за руль папиной машины, когда мы поедем от нее?

– Правда, – растерянно переспросила Соня, – как это могло получиться?

– Не знаю... – ответил Вадим. – Ты ничего такого не сказала, из чего я мог бы понять, что ты считаешь, что Арно с нами...

– И ты ничего такого не сказал, чтобы я могла подумать, что ты считаешь, что папа у меня...

– И что же вы все-таки друг другу сказали? – спросил Максим. – Я слышал, как говорил Вадим. Он был явно уверен, что дядя у вас.

– Соня сказала мне, что она в таком случае приглашает нас всех завтра. Раз уж так получилось с папой.

Я так понял, что речь идет обо мне и Максиме. Я ведь считал, что Арно у нее. И сказал ей, чтобы она не позволяла папе пить.

– Правильно, я сказала Вадиму: раз уж так получилось, приезжайте завтра к нам все, вместе с русским. Ведь мне уже позвонил «Максим» и сказал, что папа завтра ко мне приедет, это было ясно, я пригласила остальных... Поэтому я и попросила, чтобы Максим в случае чего сел за руль его машины на обратном пути. Я всегда волнуюсь за папу, когда он за рулем...

Все молчали.

– Да, – произнес Жерар, – вот так история.

– Действительно детектив какой-то, – робко улыбнулся его сын, бегло глянув на Маргерит, и тут же согнал неподобающую улыбку с лица.

Снова зависло молчание. Все сидели задумавшись. Вадим барабанил пальцами по столу.

– Надо звонить в полицию, – наконец сказал он.

Ему никто не ответил.

– Почему ты не звонишь, Пьер? – нервно воскликнула Соня. – Давай я позвоню!

– Как вы не понимаете? – Пьер обвел всех глазами. – В полиции нам скажут, что они не будут объявлять розыск совершеннолетнего человека, пропавшего менее двадцати четырех часов назад. К тому же человека, известного своими – извини, Соня, – пьянками, дебошами и другими экстравагантными выходками, в том числе и розыгрышами. Мне это неприятно тебе говорить, моя дорогая, но в отличие от тебя я полагаю, что твой папа куда-то отправился выпивать со старыми друзьями... И это первое, что подумает полиция. Они тоже журналы читают и телевизор смотрят, и, поверь мне, твой папа широко известен не только своими ролями... Они зададут те же вопросы, которые задаю вам я, а когда они узнают, что тебя и Максима разыграли, то поймут, что твой папа обеспечил себе спокойное, без нервотрепки отступление в намеченное место: ты думала, он у Максима, Максим думал, он у тебя, все немножко расстроились, что он выпил, но никто не волновался... Неужели вы полагаете, что полиции больше нечего делать, как искать его по адресам собутыльников? В результате нам предложат подождать, а мы будем иметь еще одну скандальную историю, которая ни ему, ни нам не нужна.

– Вам не нужна, – сухо заметил Вадим. – Для вашей карьеры. А для актеров скандал и слава – почти одно и то же. Вид рекламы, и не худший.

– Ну, нам не нужна, – не стал спорить Пьер. – Важно то, что полиция его искать не станет.

– И что вы предлагаете? – Вадим вскочил и заходил по гостиной. – Что нам теперь делать? Речь идет об исполнителе главной роли в моем фильме! И завтра с утра у меня съемки!

– Вот, я думаю, завтра он и появится. К вашим съемкам.

– Если вы правы, что он нашел своих собутыльников и снова вошел в запой... То он и завтра не появится! Это надолго, – сокрушался Вадим.

– Если бы такое случилось в Москве, я бы тоже на полицию не стал полагаться, – заметил Максим. – А бюро несчастных случаев у вас тут нет?

– Правда, – удивился Вадим, – как мы об этом не подумали!

«Ты, дорогой коллега, конечно, не подумал: для тебя важно не то, что случилось с Арно, а то, что у тебя нет актера, – думал Максим. – А Соня почему не подумала, интересно? Плохо соображает в таком состоянии или что-то знает? И Пьер...»

– В этом тоже нет никакого смысла, – сказал Пьер. – Это же очевидно, что он что-то задумал сам и сам все организовал...

– Лучше проверить, – сказал Вадим.

Пьер пожал плечами и ушел искать нужный номер телефона в справочнике.

– Может, он нас и вправду разыграл? – Соня нервно затянула концы шали.

– Похоже на то, – ответил Максим.

– Да, похоже, – поддержал Жерар.

– Не волнуйтесь так, Соня, скорей всего это действительно розыгрыш, – ласково и немного застенчиво проговорил Этьен, махнув ресницами. Тонкий румянец смущения побежал по его щекам.

«Интересно, они своих друзей на меня пригласили, на русского? – разглядывал гостей Максим. – Да, сорвалось блюдо... Или это завсегда так в доме, вроде членов семьи? Или – один из них «друг дома»?» – Максим мысленно примерил к Соне сначала отца де Вильпре, потом сына. Они были между собой не похожи, вернее, сходство было отдаленным и неуловимым, и эти двое мужчин представляли собой два совершенно различных типа. Но ни один из них как-то не шел Соне, не помещался в образ ее любовника – папаша был слишком розовым, слишком кудрявым и слишком упитанным, а сын по меньшей мере слишком молод... и Максим почему-то испытал чувство облегчения. Пропавшая было власть обаяния Сони начала снова захватывать его, и он залюбовался этой маленькой фигуркой, в которой мальчишеская угловатость неуловимо перетекала в женственность, легкое, бесплотное тело с маленькой, но нахальной грудью источало чувственность. Эта детская щелка между передними зубами и печальное выражение медовых глаз, осунувшееся личико и торчащие из-под натянутой шали худенькие плечики придавали ей сходство с мальчиком-сироткой... – нет, с актрисой, актрисой-травести, играющей мальчика-сиротку.

– Нет у них никакой информации об Арно, – вернулся в комнату Пьер. – Никаких несчастных случаев не зарегистрировано, в больницы и в... – он покосился на Соню, – ...морги человек с таким именем не поступал.

– Остается надеяться, что он появится, если не сегодня, то завтра, на съемках, – приободрился Вадим.

– А нельзя позвонить тем его друзьям, с которыми он обычно выпивал? – предложил Максим. – Может, мы его найдем таким образом?

– Я нахожу это неприличным, – сказал Пьер. – Я считаю, что он появится завтра на съемках. Нет смысла поднимать панику.

Вадим молчал. Соня вскинула на него глаза:

– Ты мог бы спросить у своих актеров...

– Если он завтра появится... – неуверенно проговорил наконец Вадим, – то действительно: зачем панику поднимать...

Пьер кивнул, выражая одобрение благоразумной позиции.

– Остановимся на этом. Что вам налить, Максим?

Соня промолчала весь обед. Максим, поглядывая изредка на нее, вежливо слушал объяснения про стили и эпохи, особенности лаков, заточки металлов и техники инкрустации дерева, которыми наперебой снабжали его хозяин дома и его гости, – оказалось, что и Жерар и Маргерит тоже коллекционируют антиквариат. Маргерит, как он понял, была вдовой, унаследовавшей от мужа коллекцию трубок,

табакерок, пудрениц и еще чего-то, а вместе с коллекцией – и страсть к коллекционированию, которая ей была неведома раньше, пока этим занимался ее муж. Жерар разделял это увлечение, и Максим уже был приглашен «посетить как-нибудь, в один из этих дней» его дом, где его непременно восхитит коллекция картин, подсвечников, оружия... Остальное Максим не запомнил. Этьен, казалось, был равнодушен к данному предмету и вел разговор с Вадимом о кино. Выяснилось, что он учится в актерской школе и что ему двадцать три года, хотя на вид Максим не дал бы ему больше восемнадцати. В одну из небольших пауз, когда на секунду затихли разговоры старших об антиквариате, Этьен застенчиво обратил на Максима свои прелестные черные глаза и признался, что давно является поклонником таланта русского режиссера, видел почти все его фильмы, и сообщил, стесняясь, что он в них находит красоту и смысл, что есть достаточно редкое сочетание в наши дни, и к тому же безупречный вкус, чего уж совсем не бывает... Кроме фильмов Вадима, разумеется, и пары-тройки других имен. Он пустился в расспросы, пользуясь длящейся паузой, об особенностях кинопроизводства в России, о творческих планах Максима, внимательно глядя на него своими глазами, в которых было что-то по-женски сладостно-красивое, но по-мужски самолюбиво-жесткое. Максим был на редкость равнодушен к комплиментам, и лестные слова этого молодого человека вызвали у него скорее неприятный осадок. «Далеко пойдет мальчик, – подумал Максим, – с такими амбициями и с такой внешностью – держу пари! Но я бы его к себе сниматься не взял – это не мой актер, я бы не смог с ним работать. Слишком черны внимательные глаза и слишком внимательны...»

Прощаясь, Пьер вдруг спросил:

– Вы машину Арно не видели? Ее нет возле дома?

– Я не знаю, какая у него машина, – сказал Максим.

– На виду, во всяком случае, ее не было, я бы обратил внимание, – сказал, подумав, Вадим. – А что?

– Если бы она стояла возле дома, то, следовательно, Арно ушел пешком...

– Или взял такси, – сказала Маргерит.

– Полагаю, до завтра все прояснится, – пожимал им руки Пьер. – И, Максим, извините, если что было не так.

– Чего там, – миролюбиво ответил последний. – Если кто-то что-то узнает, немедленно созваниваемся.

– Разумеется, в любое время дня и ночи, – бодро поддержал Пьер, оглядываясь на Соню.

Соня ничего не сказала.

...Уже прошел час, как должны были начаться съемки, но Арно так и не появился. Актеры были взбудоражены и раздражены: срывался как минимум график съемок, а значит, срывались личные планы каждого.

Не вдаваясь в подробности вчерашней истории (не стоило подливать масла в огонь рассказами о телефонных мистификациях), Вадиму удалось выяснить, что никто из актеров Арно не видел и не слышал. Все сходились в том, что «национальное достояние», несомненно, сорвалось в запой. В их глазах Вадим читал упрек, что он взял на главную роль пьющего актера, поставив под угрозу весь фильм. Только Май смотрела с участием и преданной готовностью чем-нибудь помочь. Но помочь она ничем не могла, и никто не мог ему помочь – кроме Арно. Вадим с ужасом думал, как он будет объясняться с продюсерами. «Найду – придушу, своими руками придушу!» – злился он. Под угрозой не просто фильм, под угрозой вложенные в него деньги, и за все это на Вадиме лежала по меньшей мере моральная ответственность.

Надо разыскать Арно. Немедленно.

Вадим вышел в просторный холл студии. Соня, которая приехала к началу съемок в надежде на появление отца, неотрывно смотрела на входную дверь. Вадим приблизился к ней и дотронулся до ее плеча:

– Я думаю, надо обратиться к частному детективу.

Соня смотрела непонимающе.

– Раз полиция нам ничем помочь не может, нужно обратиться к частному детективу, – повторил он мягко.

Соня молчала.

– Если ты – или Пьер – не хотите, я сам обращусь. У меня пропал актер, имею право. А оплатить, в конце концов, я могу и сам.

Соня потеряла виски и наконец оторвала взгляд от двери.

– Ты думаешь, он уже не придет сегодня?

– А ты еще надеешься?

– Нет.

– Так что?

– Конечно. Да, правильно, к частному детективу. Я сейчас поговорю с Пьером.

Вадим провел ее к телефону и оставил одну. Через несколько минут Соня вышла.

– Пьер согласен. У тебя есть справочник?

– Обойдемся без справочника, у меня есть один детектив на примете, некий Реми Деллье. Мой приятель поручал ему свое... одно дело, он отлично провел. Если хочешь, я узнаю его телефон...

– Пожалуйста, Вадим, позвони ему, пусть приедет... Или мы к нему, как он скажет, не знаю... Что-то надо делать, искать папу, с ним что-то плохое, Вадим...

Вадим приобнял Соню и сказал ласково:

– Ну что ты, маленькая, мы же вчера звонили по всем бюро несчастных случаев – с ним ничего плохого не случилось... Не надо так расстраиваться, найдется твой папа, непременно найдется. И вот когда он найдется, тогда-то он рискует, что с ним что-то случится, потому что я собираюсь его убить, – неловко пошутил он и улыбнулся ободряюще Соне.

– Я не смогу вас принять раньше шести часов, – сказал Реми Деллье. – А до этого попробуйте составить список всех телефонов и адресов тех его приятелей, с которыми он имел обыкновение выпивать... Постарайтесь им позвонить или подъехать, возможно, что к вечеру я вам и вовсе не понадобится, так как месье Дор может найтись по одному из адресов... Если не найдете, жду вас к шести у меня в бюро. Приведите с собой вашего русского гостя. И в полицию надо все-таки сообщить. Искать они не станут, но зато, если сам найдется, – вас проинформируют, что уже неплохо... До встречи.

Вадим с Соней переглянулись.

– Технически это не так уж сложно, – сказал Вадим. – Пошли к моей группе. Соберем идеи, у кого он может находиться, а адреса и телефоны найдем в студийной картотеке...

Когда они с Соней сделали список, его длина оказалась внушительной.

Они сели на телефоны.

К шести часам результаты были нулевыми: Арно никто не видел.

Глава 5

Реми слушал, наблюдая за своими посетителями, стараясь составить предварительное мнение о каждом из них. Вадим излагал свою часть истории витиевато, длинными сложными фразами, постоянно отвлекаясь от фактов; Пьер говорил без всякого выражения, короткими, точно сформулированными предложениями, словно финансовый отчет составлял, и усталый Реми с трудом подавлял зевоту под его монотонный голос; Соня сбивалась и путалась, растерянно поглядывая на детектива, и Реми отвечал ей ободряющим взглядом, а ее муж беспрестанно поправлял ее рассказ, вставляя уточнения назидательным голосом; Максим присоединился к их дуэту с тем непринужденным артистизмом, который быстро располагает к себе людей. Сразу видно – душа компании, любимчик женщин, уверенный в своем обаянии...

– И вы не представляете, – спросил Реми, выслушав все рассказы, – кто бы мог подделать голоса? У вас нет на примете мастеров этого жанра из окружения вашего папы?

– Нет, – покачала головой Соня, – не представляю...

– А вы, месье Арсен?

– Насколько мне известно, среди близких друзей Арно пародистов и имитаторов нет. Но при желании их нетрудно найти в Париже, Арно знаком со всеми. Кроме того, учитывая, что Максим не знал Сонин голос, а Соня – голос Максима, не было никакой необходимости искать имитаторов. Достаточно немножко актерского таланта, и даже неактерского – у меня вон даже дети так имитируют некоторых певцов и артистов, что их можно на сцену выпускать с эстрадными номерами...

Реми кивнул, соглашаясь с этим рассуждением, и снова перевел взгляд на Соню.

– Как вы договорились с вашим отцом, Соня? Пожалуйста, точно, слово в слово, если можете.

– Как... Что он приедет к нам сразу после съемок, только заедет домой переодеться, принять душ, и все. Он не знал, когда кончатся съемки, но рассчитывал приехать часам к четырем. С Вадимом он договорился, что уйдет сразу же после своей сцены.

– Вы ждали его дома?

– Да. Я пришла примерно в полчетвертого...

– Значит, утром вас не было дома?

– Нет.

– А где вы были, могу я полюбопытствовать?

– К чему эти вопросы? – вмешался Пьер. – Какое отношение они имеют к...

– Я просто хочу представить себе, как складывался день... – как можно простодушнее поторопился успокоить его Реми. – Для меня это важно – иметь некий образ ситуации... Так как вы провели утро, Соня?

– Я в магазины зашла... Потом в гольф-клуб... Там пообедала с приятельницами, в ресторане клуба. Вам нужно по часам расписать?

– Нет-нет, этого вполне достаточно. Если бы ваш отец вам звонил, например, и вас не застал?

– У нас автоответчик.

– А месье Дор имеет обыкновение оставлять послания на автоответчике? Не все люди, знаете, любят говорить с машиной. Некоторые вешают трубку, и все.

– Папа обычно оставляет. Он привык к микрофонам и прочей технике.

– Стало быть, не звонил.

– Нет.

– Спасибо. А вы, Пьер?

– Что я? – угрюмо спросил последний.

– Вас ведь не было дома в первой половине дня, не так ли?

– Кто вам сказал?

– Ваша жена.

– Я что-то не слышал, – буркнул Пьер.

– Если бы вы были дома в то утро, то мы не стали бы рассуждать об автоответчике, не так ли?

Соня улыбнулась, но Пьер остался непроницаемо-недружелюбен.

– Ну, не было меня дома, – ответил он, – так что?

– Ничего. А вы как провели утро?

– По антикварным ярмаркам прохаживался. Я... Мне... одну вещицу надо было найти.

– Ну и как, нашли?

– Нет пока.

– Сочувствую. А вернулись вы в котором часу?

– Не знаю точно, после пяти... Я обещал Соне быть не позже половины пятого, но застрял в пробках... Ты не помнишь, – обернулся он к жене, – в котором часу я пришел?

– Уже после звонка русского, после пяти, в полшестого...

– Спасибо. А как вы договорились с Арно, Вадим?

– Арно просил меня закончить все его сцены... Я и так собирался начать с него, так что проблем с этим не было. Он сказал, что очень торопится, чтобы успеть съездить к дочери и вернуться к ужину домой, чтобы провести вечер с Максимом... Машину он поставил на обочине шоссе, чтобы выйти к ней через лес, сзади нашей природы, так как иначе он бы попал в кадр и помешал бы мне продолжать съемки... Он знает, что я этого не люблю. Или он был бы вынужден ждать за домом, а вот ждать он как раз не хотел...

– Значит, он ушел со съемочной площадки так, что его никто не видел?

– Ну да.

– А вы уверены, что он оттуда ушел?

У Вадима брови поползли вверх. У Сони тревожно расширились глаза.

– Что вы хотите сказать, – спросил Вадим, – что он мог не уйти? Остаться там? За домом? Зачем?

– Мало ли, вдруг сердечный приступ.

– Нет, – покачал головой Вадим, – мы убрали технику, мы бы его увидели...

– Я видел, как он уходил, – сообщил Максим.

– Каким образом?

– Я в этот момент отошел... И видел, как он уходил среди деревьев.

– Куда вы отошли?

– Пописать, – насмешливо произнес Максим. – Имею право, а?

Реми не стал вдаваться в дискуссию о правах человека. Он устал. Позади полный рабочий день, и голова была несвежей. Он был раздражен, и чувство юмора, как он сам говорил в таких случаях, «подало на развод».

– Который был час?

– Понятия не имею, – бросил Максим.

Похоже, что Максим и Реми раздражали друг друга. Так бывало почти всегда: сначала люди обращаются за помощью, а потом злятся и кидаются на него – не любят, когда им задают вопросы...

– Без десяти три, – подал голос Вадим. – Без десяти три у меня началась следующая сцена с актрисой, уже без его участия.

– Месье Дор на съемках не был встревожен, задумчив, необычен?

– Нет, скорее наоборот. Ни за что бы не сказал, что у него что-то на душе или что-то на уме.

– Вам не показалось, что он блефует, когда обещал вернуться к ужину?

– Нет, – в один голос заявили Максим и Вадим.

– А вообще его беспокоило что-нибудь последнее время? Он был озабочен чем-нибудь? Планировал какие-то важные дела? Встречи? Разговоры?

Реми заметил, что Пьер бросил быстрый взгляд на Соню. Соня замялась.

– Нет... Папа был в хорошем настроении, веселый, он был очень доволен, что снимается... Я не думаю, что его что-то тяготило.

– Я тоже так не думаю, – подтвердил Вадим. – Роль у него получалась великолепно, он был горд.

– Я бы даже сказал – сиял, – вступил Максим. – Он много лет не снимался, и с этой ролью благодаря Вадиму у него наступил в жизни счастливый период.

– И к тому же он был невероятно рад приезду Максима, – добавил Вадим.

– Это была ваша первая родственная встреча? Вы никак до этого не общались?

– Я получил несколько писем от дяди... И я ему тоже написал несколько писем. И потом мы раза три-четыре созвонились.

– На какую тему?

– Это имеет отношение к его исчезновению?

– Не знаю. Когда вы мне расскажете, я подумаю.

Максим пожал плечами:

– В основном мы обменивались рассказами об историях семей, кто что знает. Хотели при встрече соединить всю информацию и восстановить белые пятна... Даже написать, может быть... Дядя был очень увлечен этой идеей, для него история рода имеет огромное значение, я даже был удивлен его энтузиазмом... Для меня, конечно, тоже, но у меня есть для этого свои причины: я вообще ничего не знал о своих предках, все это было открытием последних лет. Потом мы обсуждали мой приезд, договаривались о встрече...

– Значит, можно сказать, что он вас ждал с нетерпением?

– Можно сказать.

– И учитывая все это, вы все же полагаете, что он запил?

– Если вы хотите сказать, что он променял новый поворот в своей жизни на запой, – подытожил Пьер, – то, конечно, нет. Сознательно он бы этого не сделал никогда. Но он мог не удержаться и на радостях хлебнуть немножко. А потом все пошло-покатилось. Вы ведь знаете хронических алкоголиков – достаточно одного глотка, чтобы начать.

– Арно держал алкоголь в квартире?

– Мне говорил, что нет, – сказала Соня. – Но это не означает, что так и было. Он мог купить для кого-то из гостей, для Максима, например...

– Вы не видели, Максим, каких-нибудь следов алкоголя – бутылку, рюмку, стакан?

– Нет. Все было чисто. Ни в мойке, ни на столах ничего не стояло. Я еще подумал – опрятность особая, мужская...

– Он был рад приезду Максима, как вы все утверждаете. Почему же в таком случае он непременно хотел поехать к вам, Соня, именно в эту субботу? Разве нельзя было отложить на другой день? Была какая-то срочность?

– Срочность? – растерялась Соня. – Нет, срочности не было... Он у нас просто давно не был... У нас такая традиция, папа всегда приезжал по субботам, он называл это «родительским днем». А из-за съездов он пропустил несколько суббот...

– Понятно, – сказал Реми. Что-то стояло за этой растерянностью и короткими переговорами с мужем, но Реми пока не хотел нажимать. Если не желают говорить, то наверняка и не скажут, тем более при посторонних. Странная пара, красавица и чудовище, избалованная женщина-девочка с маленьким, бесплотным и страшно сексапильным телом – и немолодой сухарь, у которого, кажется, никогда не возникает никаких эмоций... И при всем при том между ними проскальзывает некое сообщничество, хотя с виду гроша ломаного не дашь за этот супружеский союз, так и хочется сказать: богач купил себе красивую игрушку-жену...

– Он богат?

– Что? – переспросила Соня.

– Богат ли ваш отец?

– Нет... – удивленно ответила Соня. – Не бедствует, конечно, но... Он ведь практически не работал почти десять лет...

– А ценности у него есть?

Соня кинула неуверенный взгляд на мужа. Еще одно очко, подумал Реми.

– Ничего такого, чтобы... – начал Пьер. – А почему вы спрашиваете?

– А вы – богаты?

Реми уже справился о положении Пьера, и ему было хорошо известно, что он имеет дело с владельцем одной из самых крупных коллекций антиквариата, но он не хотел выдавать своей осведомленности.

– Да... достаточно. Почему...

– Не исключено, что позвонят и потребуют выкуп.

Соня тихо охнула.

– То есть это не розыгрыш? – уточнил Пьер.

– Нет. Я, во всяком случае, так не думаю.

– Если это не розыгрыш, организованный Арно, если это похищение, кто же тогда звонил Соне и Максиму? – спросил Вадим. – Похитители?

– Не знаю. Будем думать. Искать.

– В любом случае это был человек, знакомый с Соней, – напомнил Максим.

– Как я понимаю, это нетрудно, учитывая светскую жизнь месье Дора. Он ведь часто появляется с вами, Соня, на людях?

– Довольно часто... Особенно когда Пьер в разъездах.

– Так что многие вас видели, многие вас слышали. У вас интонация особенная, такая, немного... детская; легко запоминается.

– Я все-таки не понял, а почему вы, собственно, пришли к заключению, что его похитили? – спросил Пьер.

– Ну, это не заключение, а предположение покамест... Если, как вы утверждаете, его запой мог случиться только нечаянно, по его собственной неосмотрительности, «на радостях», то все остальное слишком хитроумно и затейливо обставлено для такого непредвиденного запоя.

– Кто знает... Он ведь всегда любил и умел разыгрывать, – задумчиво произнес Вадим. – Ему не надо было долго думать, чтобы найти решение...

– Кроме того, человек, в жизни которого произошли такие важные события – роль в фильме и долгожданный приезд родственника, – человек, который полон планов на субботу и торопится их осуществить, не стал бы глотать алкоголь на ходу...

– Но тогда уже бы позвонили, – возразил Пьер. – С требованием выкупа, я имею в виду.

– Бывает, что звонят не сразу... Кроме того, дело, может, и не в выкупе... Скажите, Вадим, у вас были другие претенденты на роль, которую вы отдали месье Дору?

– Нет. Я сразу решил, что это будет Арно. И если бы и были эти претенденты, они бы приняли меры давно, до съемок или в самом начале. Сейчас-то какой смысл?

– А лично у вас – у вас есть конкуренты, способные на все, чтобы сорвать ваш фильм?

– Сорвать мой фильм? Похитив исполнителя главной роли? Нет, не думаю... Есть люди, которые меня не любят, есть люди, которые со мной соперничают, мне завидуют, но чтобы сорвать мой фильм...

– Все же подумайте. Повспоминайте разговоры вокруг этого проекта... Реакции, слова, взгляды. Если всплывет что-то интересное, скажите мне.

Реми оглядел сидящих перед ним людей. Максим был хмур, Вадим растерян, Пьер непроницаем. Одна Соня выражала естественные, с точки зрения Реми, в данной ситуации чувства: она была встревожена и печальна. Ее глаза потемнели, лицо было бледным и осунувшимся, ее жесты были нервны и угловаты.

– Такой еще вопрос... – осторожно произнес он. – Кто мог желать смерти месье Дора? Кто мог быть в ней заинтересован?..

Соня дернулась, как от удара, и устремила свои темные глаза на Реми.

«Удивительно, они меняли цвет, как драгоценные камни в перепадах освещения... – не к месту залюбовался Реми. – Она, конечно, манерна и совершенно не в моем вкусе, но, надо признать, в ней есть своеобразный шарм...»

Максим тоже не мог оторвать взгляд от Сони. «Переигрывает, – думал он, сопротивляясь ее обаянию. – Домашний театр».

– Никто, – сказал Пьер.

– Не представляю, – Вадим пожал плечами.

– Папу все любили... – сказала тихо Соня и опустила глаза. На ее ресницах замерла одна-единственная слеза. Повисела и капнула на щеку. Пьер потянулся к своей жене и участливо вытер мокрое пятнышко.

Максиму это было неприятно. Когда он был в дурном расположении духа, то начинал видеть мир критическим режиссерским взглядом, и тогда женские чары, адресованные Максиму-мужчине, втуне падали на бесплодную почву восприятия Максима-режиссера. И вот теперь его не отпускало чувство, что он подрядился участвовать в мелодраме.

– Месье Дору никто не угрожал? Не было ли писем, звонков?

Вадим взглянул на Соню и Пьера. Соня ответила ему вопросительным взглядом, не понимая.

– Есть один человек... – сказал Вадим, глядя на Соню, – который угрожал...

– Вряд ли это стоит принимать в расчет, – вмешался Пьер, – это старая история, и потом, это человек спившийся, и он сам не знает, что говорит, когда напьется.

– Позвольте мне судить, принимать или нет в расчет старые истории, – осадил его Реми. – Пока я хочу ее услышать.

Некоторое время Вадим и Соня переглядывались, и наконец Соня кивнула, пожав плечами, что должно было, видимо, означать: ты начал, ты и рассказывай.

– Дело давно было. Больше десяти лет назад, – заговорил Вадим. – Приблудилась к Арно девочка шестнадцати лет – дочь его старого друга... Был у него друг, Ксавье, тоже актер, они вместе начинали, только у Ксавье особых талантов не обнаружилось и, соответственно, перспектив тоже. Арно сразу пошел в гору, а Ксавье так и остался в эпизодах. Неудачник, одним словом. А это, знаете, вроде ампула в жизни – и все фатально развивается по законам жанра: раненое самолюбие, комплексы, безденежье. Семейная жизнь тоже не заладилась, начал пить. Арно-то не пил тогда... Но дружить они продолжали. Вот, и дочь Ксавье, Мадлен, ухитрилась влюбиться в Арно. Чем-то он, сам того не ведая, сумел покорить девочку – впрочем, с его обаянием это нетрудно... И в один прекрасный день она заявила к нему с чемоданом: я вас люблю, не прогоняйте! Он тогда жил один, Соня уже успела замуж выскочить...

История, которую рассказывал Вадим, добавляла красок к портрету дяди, но сам по себе жанр Лолиты не интересовал Максима, лично он бы не стал делать фильм по такому сценарию. Куда больше его интересовала Соня, и он украдкой поглядывал на нее.

Соня достала из сумки удлиненную плоскую коробочку, перламутрово-белую с золотым, похожую на футлярчик с драгоценностями. Максим даже не сразу понял, что это портсигар, а когда сообразил, то затаился в любопытном предчувствии: сейчас она вытащит сигарету, конечно же длинную, и закурит, манерно и томно откидывая тонкую кисть в сторону, и золотые браслеты заскользят по смуглому запястью...

Длинная сигарета – он был прав, длинная – замерла в тонких пальцах. Максим ждал. Соня долго ее не зажигала, слушая историю Мадлен в пересказе Вадима, и наконец прикурила... конечно же, манерно и

томно откидывая тонкую кисть в сторону, потрянув тяжелыми браслетами на смуглом запястье; конечно же, изящно выпуская дым тонкой струйкой и глядя прямо перед собой. Максим улыбнулся своим режиссерским наблюдениям. Что-то забавное было в этом, на первый взгляд нелепом, сочетании стилей: актриса-травести, играющая мальчика-сиротку, и девочка-подросток, играющая роковую женщину... Женщина, играющая роль ребенка, и ребенок, играющий роль женщины. Что-то было трогательное в этой неумелости спрятать непосредственную рожицу ребенка за непроницаемой маской дивы...

Максим почувствовал, что превращается в теплую, истомившуюся на солнце летнюю лужу, и, наскоро напомнив себе, что это чужая жена, и что все женщины – актрисы, и что не ему поддаваться их маленьким играм и покупаться на их маленькие уловки, стал вникать в упущенный разговор.

– Арно давно овдовел, – говорил тем временем Вадим. – Соня была еще маленькая. Он ее практически один вырастил, так и не женился... Так что жил он один. Ему тогда уже пятьдесят было, с хвостиком даже. Пятьдесят и шестнадцать! Он ей говорит: что ты, милая, я тебе не то что в отцы, в дедушки гожусь! А она – люблю, да и только! Ксавье приезжал, забирал, она снова сбегала. Ну, любовь – не любовь, кто знает... Дома ей было плохо. Ксавье пил, нищета, скандалы, стал жену и дочь бить. Не то чтобы уж прямо побои, но все же... А у Арно красиво, элегантно, вкусно. Манеры аристократа. К тому же у него доброе сердце, и этот несчастный котенок совершенно безошибочно учуял, кто его может накормить и приласкать. Короче, вбила она себе в голову, что это любовь. Арно пытался отправить ее домой, Ксавье скандалил, Мадлен впадала в истерику при слове «домой» и «родители», Париж сплетничал и развлекался. Я тоже пытался как-то уладить ситуацию – пробовал поговорить с Ксавье, объяснить ему, что нельзя создавать такую атмосферу в семье: его вина, что ребенок не хочет с ним жить; Соня приезжала, пыталась Мадлен убедить...

Как вдруг, после месяца бесплодных усилий отправить ее к родителям, к общему удивлению и негодованию «общественности», Арно позволил ей жить у себя. Что там у них было и как – никто не знает. Но только пока он ее прогонял – это была пикантная история, придававшая ему в глазах света имидж стареющего Казановы. А как перестал прогонять – вспыхнул скандал. Его обвиняли в безнравственности, в совращении малолетних...

– Я пыталась выяснить, какой род отношений установился между ними... – вмешалась Соня. – Вы понимаете, что я хочу сказать... – Она нервно сбила пепел с сигареты мимо пепельницы.

Максим запомнил этот жест. Как и любой режиссер, он был коллекционером жестов и прочих поведенческих ухищрений, особенно женских (просто потому, что мужчинам они менее свойственны). Но себя Максим считал крупным коллекционером, и не без оснований – его коллекция была обширной не только в силу его наблюдательности, но и благодаря личному опыту, прямо скажем, немало. В его коллекции водились жесты и уловки весьма оригинальные и необычные. Вот, например, шляпка. Не какая-то там шляпка из модного журнала, а, напротив, чудовищный темно-зеленый фетровый горшочек, который не вписывался ни в какую нынешнюю и даже прошлую моду, с двумя малиновыми вишенками на нем... Он еле скрыл улыбку, столкнувшись с ней на открытии одной выставки, где «шляпка» выставляла свои картины, и даже протиснулся поближе, чтобы увидеть, откуда взялось такое чудо среди изысканных модниц... И увидел. Через минуту он уже забыл о шляпке, разглядев под ней два необычно светлых и прозрачных голубых глаза, обведенных четким контуром очень черных ресниц. Две тающие льдинки, которые, как позже понял Максим, не растаивали никогда. Через полчаса шляпка начала ему нравиться... Потом, через пару недель, когда они стали появляться вместе, Максим от души забавлялся, наблюдая, как, прикованные вызывающей нелепостью шляпки, с готовой ироничной улыбкой на губах с ней знакомились мужчины и как замирали, пронзенные очень светло-голубыми ледяными глазами... Слово ночные бабочки, летящие на приманку-шляпку и заканчивающие свой любопытный полет на острой булавке ее

взгляда, безнадежно подергивая крылышками...

Соня прикрыла глаза:

– Но я так и не сумела добиться ответа. Мадлен заперлась в спальне и повторяла мне через дверь, что домой она не вернется, и что она любит Арно, и имеет на это право, и это право никто у нее не отнимет. И что это не мое дело, так как я дочь Арно, а не жена... – Соня немного улыбнулась воспоминаниям. – А папа юлил и хитрил и так и не ответил на мои прямые вопросы... Все мои попытки его образумить ни к чему не привели.

– А мать этой Мадлен что, не вмешивалась? – спросил Реми.

– Сначала – нет: предоставила «друзьям» разбираться, – ответил Вадим. – Потом наконец вмешалась и, представьте, преуспела. После разговора с ней Арно дал деньги, чтобы девочку отправили в частный пансион... Я подробностей не знаю, да и не пытался узнать – не мое дело, – но мне кажется, что Арно ее действительно полюбил... Во всяком случае, после этой истории Арно и запил. Стал отказываться сниматься, а когда и соглашался, то срывал съемки запоями. Естественно, потом и звать перестали...

– Так ты поэтому боялся дать ему читать сценарий? – догадался Максим.

– Именно. Это и есть история «в некотором роде из его жизни».

– А что теперь с той девочкой, Мадлен? – вернул их к делу Реми.

– У нее все в порядке. Она уже замужем, дети. Приходит иногда к Арно, вроде как к родственнику, по семейному, с мужем, с детьми. Я думаю, Арно продолжает ее немножко опекать материально, делает подарки ее детям. Все благопристойно и очень мило.

– Вас это не раздражает? – Реми устремил взгляд на Соню.

– Почему это должно было меня раздражать?

– Ну, дочерняя ревность, знаете...

– Боже сохрани. Я давно уже вышла из возраста, в котором уместны подобные чувства. Я папу понимала. Он с самого начала чувствовал себя ответственным за ее судьбу...

– Значит, это Ксавье угрожал Арно?

– Да, – ответил Вадим. – С тех самых пор Ксавье не разговаривает с Арно на трезвую голову, а спьяну нарывається на скандал и кричит, что тот у него украл и совратил дочь. Многие слышали, что он грозился отомстить совратителю и похитителю его дочери.

– Он грозился его убить?

– Бывало. Иногда он кричал, что Дорана бог покарает, иногда, наоборот, что он сам его покарает, что возмездие его настигнет и так далее.

– Соня, вы бы узнали голос Ксавье по телефону?

– Не знаю... Наверное.

– Это не он звонил вам под видом Максима?

– Не думаю. Даже если тот, кто звонил, изменил голос, то все равно у него совсем другой тембр. Такой немного скрипучий. А у того, кто звонил, – бархатный, вкрадчивый.

– Это совсем нетрудно сделать на самом деле, – заметил Максим, – бархатный тембр с глубокими модуляциями. Это почти не зависит от исходного голоса. Пожалуйста: «Здравствуйте, Соня»... – изобразил он «бархатный баритон». – Видите разницу? А в обычной жизни у меня голос и выше, и не бархатный.

– Так это вы звонили! – Соня вскочила со стула, уронив сумочку с колен. – Это его голос! – крикнула она Реми.

– Соня, я всего лишь только хотел показать, что приятный глубокий баритон нетрудно подделать. На это способна по меньшей мере половина мужчин!

– Здравствуйте, Соня, – произнес Вадим «бархатным баритоном» в поддержку Максиму.

Соня уставилась на него.

– Ну, ты не будешь говорить, что это я тебе звонил, а Сонечка? – усмехнулся Вадим. – Максим прав, этот голос очень легко подделать, и добрая доля моих приятелей, особенно среди актеров, только так и разговаривает с женщинами.

Реми, внимательно наблюдавший за этими маленькими актерскими этюдами, успокаивающим жестом попросил Соню сесть на место. Соня растерянно опустила на стул, и Пьер утопил ее маленькую ладонь в своей и накрыл сверху другой.

– Я полагаю, – заговорил детектив, – что надо учитывать мнение компетентных специалистов в области речевой техники. Вы все же не ответили на мой вопрос: мог ли это быть голос Ксавье?

– Ну, знаете... Если любой может разговаривать таким голосом... Тогда я ничего не знаю.

– А мать девочки жива? Как она к этому относится?

– Не знаю, – покачала головой Соня. – Она вскоре разошлась с Ксавье.

– Мадлен живет отдельно?

– Да, с мужем. У них двое детей, близнецы. Но она навещает своего отца. Папа мне как-то говорил, что Мадлен – единственный человек, который заботится о Ксавье, несмотря на его пьянки и бесконечные к ней претензии. Она приходит его навестить, убрать, приготовить еду, а он ей устраивает скандалы. Папа говорит, что Мадлен святая.

– Мне нужен адрес Ксавье и Мадлен.

– Ксавье я вам найду в студийной картотеке, – отозвался Вадим, – а Мадлен... Не знаю.

– Я тоже не знаю адреса Мадлен, – сказала Соня.

– Ладно, – сказал Реми. – Возможно, я его найду в записной книжке Арно. А пока я все же принимаю за рабочую гипотезу похищение. Если я не прав и это все-таки розыгрыш, то он сам найдется, жив и здоров, и скоро. Но ждать не будем; если я прав – то он в опасности. Пьер, я пришлю к вам специалиста, он подключит технику к телефону. Если будет звонок от вымогателей, под любыми предложениями попытайтесь их заставить перезвонить часа через полтора и немедленно вызывайте меня и полицию. Попытаемся засечь звонок. Больше в этом случае нам пока ничего делать не надо. Мы вряд ли сумеем найти похитителей до их звонка, они могли захватить Арно даже по дороге со съемок... Кто-нибудь видел, как он уезжал?

– Я заметил, что его машины нет на том месте, где он ее припарковал перед съемками, – отозвался Вадим.

– Хорошо... Его машину я попробую разыскать.

– Как? – спросил Пьер.

– Если она где-то на частной стоянке, то шансов мало, но если месье Дор, как вы предполагаете, был нетрезв за рулем или если она брошена в неожиданном месте, платеж за стоянку просрочен – то я смогу получить нужные справки в жандармерии. А пока я хотел бы осмотреть квартиру месье Дора.

– Зачем? – холодно поинтересовался Пьер.

– Я вам скажу, зачем, – четко проговорил детектив. – Если сочту нужным. И когда сочту нужным. У меня нет шефа, перед которым я *должен* отчитываться в процессе моей работы. А перед клиентами я отчитываюсь в результате. Я ясно выразился?

Вадим закивал и укоризненно посмотрел на Пьера. Тот высокомерно хмыкнул.

– Скажите, Максим, – Реми смягчил тон, – если я вас правильно понял, в момент вашего появления в квартире месье Дора был порядок, и, следовательно, не было ничего такого, что могло бы указывать на происходившую борьбу?

– Ничего такого. Порядок был идеальный.

– Я тоже могу засвидетельствовать, что следов борьбы в квартире не было. Я ведь вошел вместе с Максимом, – напомнил Вадим.

– Да-да, я помню... Значит, ни сдвинутой мебели, ни разбитой посуды, ни открытых ящиков, разбросанных вещей...

– Нет.

– Понятно. Итак, на данный момент картина складывается такая: месье Дор уехал со съемок примерно в три часа – это единственный установленный факт. Далее мы можем только сказать, что до дома своей дочери он не доехал. В какой момент он свернул с дороги – до или после заезда на свою квартиру, – мы не знаем. И самое главное, мы не знаем – почему. Планировалась ли у него какая-то встреча? Или его подстерегли по дороге и заманили в ловушку?.. Отсюда следуют вопросы: кто знал его планы на эту субботу и кто разыграл вас по телефону...

– Все, – сказал Вадим. – Я не удивлюсь, если планы Арно на субботу знал весь Париж и даже вся Франция.

Реми задумчиво покивал.

– И вот еще что... У месье Дорана есть женщина?

– Не могу сказать. – Соня виновато посмотрела на него, качая отрицательно головой. – Я в личную жизнь папы не вмешиваюсь. Мне как-то казалось, что есть, но кто, где и есть ли на данный момент – не знаю.

– А кто у него убирает? – поинтересовался Реми. – Кто ему готовит?

– У него убирает соседка, пожилая женщина, большая его поклонница. А обедает он все больше в ресторанах... Иногда сам себе готовит, когда есть настроение, он готовить умеет, даже любит...

– Соседка... С нее я и начну. Вместе с осмотром квартиры. Прямо сейчас. Кто-нибудь туда едет?

– Я, – сказал Максим. – Я ведь там живу.

– Да-да... Кофе мне сделаете?

– Нет, – сурово ответил ему Максим и тут же улыбнулся: – Я плохо делаю кофе. Чай, если хотите. Или сами сделаете ваш кофе. Идет?

– Идет, – вздохнул Реми. Конца рабочему дню не предвиделось.

Глава 6

– Посмотрите, в квартире все так же, как вы оставили? – сказал Реми, удерживая Максима на пороге.

– Так же, – ответил удивленный Максим. – Почему вы спрашиваете?

– Кто-нибудь мог приходить в ваше отсутствие.

– Кто, зачем?

– Месье Дор, например. Если он действительно от вас всех прячется. Во что я, впрочем, не верю.

– Во всяком случае, все, кажется, на местах.

Реми быстро запустил кофеварку и бегло оглядел кухню. Идея пить кофе натощак – и уж который кофе за день! – ему совсем не улыбалась. Интересно, сообразит ли этот русский предложить ему хотя бы парочку бисквитов? Был бы это его русский друг и, кстати, тоже частный детектив Кис, он бы тут же накрыл свой варварский ужин, состоящий из колбасы вперемешку с сыром... Но его сомнения разрешились сами собой. Русский уловил то ли его мысли, то ли бурчание в его животе, то ли Максим сам проголодался, но распахнул холодильник и, обозревая в размышлении его холодную утробу, спросил:

– Не хотите ли перекусить?

Максим быстро выволок на стол несколько маленьких сверточков: колбаса, сосиски, сыр – все, что он купил сегодня, выбирая в магазине наиболее привычные наименования. Он нарезал хлеб и развернул сверточки, вооружив Реми ножом и предложив ему употребить то, что нравится. Ну что ж, Реми уже ничем не удивишь, и он лишь слегка покачал головой, увидев, как Максим жирно намазывает на кусок французского батона бри[7] и кладет поверх чесночную колбасу. Реми ловко соорудил себе два разных бутерброда, один с сыром, другой с колбасой, и уселся напротив Максима за маленький откидной кухонный столик. Максим налил по полстакана красного вина, и они быстро умяли бутерброды, поглядывая друг на друга с набитыми ртами, не в силах что-нибудь произнести. Дожевав последний кусок, Максим дружелюбно улыбнулся Реми и, достав из шкафчика кофейные чашки, понес их в гостиную. Изобразив на своем лице нечто обозначающее ответную дружескую улыбку, Реми последовал за ним с кофейником. Расположившись за низким столиком, они пили горячий, душистый и не на шутку крепкий кофе, приготовленный детективом. Молчание затягивалось. Максим поглядывал на Реми с любопытством: он пока еще такую дичь – французского частного детектива – живьем не видел, а в киношном хозяйстве все пригодится.

Впрочем, надо отдать должное, Максим вообще был к людям участлив и любопытен. Собственно, может, поэтому его повело в кино. Исследовать характеры и заглядывать в потаенные уголки души, как пишут критики.

Реми разглядывал гостиную, прикидывая, с чего начать осмотр. Что он искал – он не знал. Что-нибудь, что может дать подсказку. Записку, адрес, пометку, вещичку...

– Я могу быть вам полезен? – спросил Максим.

Реми наконец остановил свой взгляд на русском.

– Если хотите.

– С чего начнем?

– Сейчас разберемся... Вы не видели, где месье Дор держит свои бумаги?

– Признаться, нет. Я не...

Максим хотел сказать: «Я не шарю по чужим ящикам, меня еще в детстве научили, что это неприлично», но удержался от ненужной колкости и закончил:

– ...не подумал, что нужно поискать его бумаги.

Реми бросил на Максима косой взгляд, будто услышал произнесенную фразу, и начал обходить гостиную, перебирая и рассматривая различные безделушки, стоявшие на буфете и на полках, – подарки, призы, сувениры, привезенные из поездок...

– Здесь все ваши вещи? – донесся спустя некоторое время его голос из комнаты, которую занимал Максим.

– Да, – сказал, входя в комнату, Максим. – Только на верхней полке шкафа какие-то коробки, я в них не заглядывал.

Реми заглянул. Там было несколько пар обуви, лыжные ботинки, толстые шерстяные носки и прочая горнолыжная атрибутика; в последней коробке находилось несколько пар перчаток. Ничем особенно не заинтересовавшись, Реми деликатно, но внимательно осмотрел остальное пространство шкафа, частично занятое вещами Максима, перешел к кровати, покрутил в руках книжку с русским названием, которая лежала на тумбочке у изголовья, и то ли спросил, то ли констатировал:

– Детективы любите...

– Люблю, когда время есть. Меня это разряжает, – ответил Максим.

– Это хорошо...

Что тут особенно было хорошего, Максим не понял.

– А вы по-русски читаете? – спросил он.

– А разве тут надо что-либо читать? – удивился глупому вопросу Реми.

Вопрос и впрямь был глупый: красочная и безвкусная обложка с пистолетом и полуодетой девицей говорила сама за себя.

Сунув свой нос на прощание в тумбочку, Реми направился в спальню Арно.

– Как был одет ваш дядя, когда уходил со съемок?

– На нем была спортивная куртка. Темно-синяя в сочетании с малиновым.

– Что еще?

– Я не разглядел среди деревьев. Видимо, он ушел в том костюме, в котором снимался. Старые черные брюки и рваный серый свитер на голое тело... Должно быть, он собирался переодеться и разгримироваться дома.

– Когда вы пришли, вы видели где-нибудь эту одежду?

– Вот это да... Как же я об этом не подумал! Одежды не было!

Реми перевернул вещи в шкафу Арно, затем изучил содержимое корзины для грязного белья в ванной, вешалки в прихожей.

– И похоже, что нет, – сообщил он Максиму. – Ни куртки, ни костюма, в котором он снимался.

– Значит, – сказал Максим, – он не приходил домой. Иначе бы он переоделся.

– То-то и оно.

– Он мог переодеться и даже разгримироваться в машине. Я, например, в машине даже бреюсь

иногда. Или он мог переодеться в том месте, куда он поехал.

– Или куда его отвезли, – подытожил Реми. – Надо узнать, в какой одежде он на съемки приезжал и где она находится.

Реми набрал номер Вадима и задал вопрос. Вадим обещал выяснить и перезвонить, так как сам он не видел – они с Максимом подъехали в тот момент, когда Арно уже сменил свою одежду на полагающийся по роли костюм.

– Что значит «разгримироваться»? – спросил Реми.

– Снять грим, – удивился Максим.

– Нет, я имею в виду – как грим снимают?

– Салфетками, ватными тампонами. Есть для этого всякие жидкости и кремы.

– Вы не видели эти салфетки или тампоны с остатками макияжа? – Реми заглянул в пустое мусорное ведро в ванной комнате.

– Нет, – дошло наконец до Максима. – Но, может, не заметил?

– Тогда, если допустить, что они здесь были, кто их выбросил? Никто не приходил убирать?

– Нет.

– Вы уверены? – Реми с сомнением разглядывал мусорное ведро, на этот раз кухонное, так же пустое и подозрительно чистое.

– Приходил! – вдруг воскликнул Максим. – В этом ведре был мусор, но мой мусор, никаких следов от макияжа... И я утром чашку оставил в мойке! И тарелку! А теперь их нет.

– В детективы вы не годитесь, – усмехнулся Реми. – Если к месье Дору приходит женщина убирать, то она непременно должна была прийти в понедельник, после выходных всегда есть работа... И значит, у нее есть ключи.

Закончив осмотр комнат, шкафов, карманов одежды и даже обуви, Реми вернулся в гостиную. Указав на библиотеку, Реми сказал Максиму:

– Смотрите на полках. Вы ищите листки бумаги, на которых что-то написано. От руки или на машинке, в конверте или без. Письма, записки, пометки. Вы ищите поверх книжек и между ними. В общем, вы поняли.

– Понял, – ответил Максим и принялся за работу.

Сам Реми занялся небольшим секретером, встроенным в книжные стеллажи. Он выудил оттуда пачки писем, среди которых были и письма от Максима, но отложил их в сторону, рассматривая в первую очередь маленькие листочки и бумажки и пытаясь найти записную книжку. Оба погрузились в работу, и прошел, наверное, час, прежде чем Реми спросил:

– У вас есть что-нибудь интересное?

Максим протянул ему свой улов: несколько конвертов с фотографиями, газетные вырезки, старый счет за электричество. На фотографиях по большей части была Соня, иногда сам Арно с Соней и Пьером. Несколько фотографий изображали незнакомую молодую женщину на пляже и где-то в горах, с длинными, выгоревшими на солнце волосами и серыми умными глазами. Ее нельзя было назвать красивой, но у нее была незаурядная, запоминающаяся внешность, выдававшая характер и волю. В кино такая ценится больше, чем «красивость»... Впрочем, смотря в каком кино. Почти на всех фото рядом с ней находились два мальчика-близнеца лет двух с половиной и иногда присутствовал мужчина, видимо, муж.

– Мадлен? – вопросительно произнес Реми.

– Наверное, – ответил Максим. – Я ее никогда не видел.

На обороте фотографий были комментарии типа: «Деревня Сен-Поль», «Каньон реки Вердон» – и даты этого лета. Фотографии Сони не были подписаны.

– А у вас? – спросил Максим.

Реми пожал плечами. Несколько открыток с видами от Сони из Италии и от Мадлен с юга; ежедневник с короткими нерегулярными записями, касающимися расписания съемок или встреч с врачом, массажистом или с Соней. Адресной книжки не было. Документов тоже. Ничего из того, что обычно носят при себе. Все это было у Арно, с Арно, там, где был он сам... Только вот где?

– А здесь что? – спросил Реми, указывая на туалетный столик.

– Ничего особенного... Я туда заглядывал из любопытства, – начал несколько смущенно Максим, – там очки, часы...

Но Реми уже открыл ящички. В одном из них он нашел старые часы на кожаном ремне, старые очки с болтающейся дужкой, золотую цепочку, мужской потемневший серебряный браслет, бирку «Эр Франс», какие-то разрозненные ключики...

Реми снова склонился над ежедневником и спустя пару минут указал ему пальцем на строчку: «Письмо Максиму». Запись была сделана дней за десять до приезда Максима.

– Вы не знаете, о чем речь?

Максим пожал плечами:

– Наверное, дядя сделал пометку, чтобы не забыть мне написать письмо?

– Вы получили перед отъездом от него письмо?

– Нет, – подумав, сказал Максим, – перед моим отъездом мы только созванивались. Все долгие разговоры отложили до встречи...

– Сколько идут письма в Москву?

– Недели три.

– Следовательно, ваш дядя вряд ли собирался вам отправлять письмо за десять дней до вашего приезда. Что же, по-вашему, Арно имел в виду под словами «письмо Максиму»?

– Не знаю. Может, он что-то хотел написать мне, но потом сообразил, что письмо не успеет дойти, и не написал?

Реми перелистал ежедневник за текущий год.

– Сколько вы получили писем с начала этого года от дяди?

– Три. Нет, кажется, четыре.

– Какие месяцы, помните?

– В сентябре, съемки у Вадима уже начались, он мне писал о начале работы; до этого в мае или июне, еще одно в начале весны... С Рождеством поздравление.

Реми листал ежедневник. Максим ждал.

– Нигде нет никаких пометок о письмах. Только одна-единственная, за десять дней до вашего приезда. Вы не находите это странным?

– Не знаю, не очень. А вы находите?

– Когда вы вошли в эту квартиру первый раз, здесь не было какого-либо письма, оставленного Арно на ваше имя?

– Вот вы о чем подумали... Нет. Не находил.

– Здесь ваши письма к месье Дору. Я могу их прочитать?

– Прошу вас. Там нет ничего интимного.

Реми погрузился в чтение писем. Максим понес кофейные чашки на кухню, вымыл, вытер, вернулся, сел напротив Реми, закурил сигарету...

– Значит, это ваше наследство, вот этот столик? О нем речь идет?

– Он самый...

– Месье Дор оформил свое завещание?

– Я не знаю. Дядя писал, что сделает мне на этот столик бумаги. Но сделал ли – не знаю.

– Но склонны думать, что сделал?

– Да нет... Не знаю. Дядя писал – вы ведь прочитали письма, – что хочет сделать к моему приезду. Но мы на эту тему не успели переговорить.

– Ни слова?

– Ни слова. Почему такой странный вопрос?

– Когда я в кабинете спросил, есть ли у месье Дора ценности, вы мне не ответили. Я делаю вывод, что вы считали, что данная ценность принадлежит уже вам, а не ему.

– Вы психолог... Скорее я предоставил родственникам право отвечать.

– И они ответили, что у Арно ценностей нет.

– Я слышал.

– Вы думаете, они знают, что Арно оформил бумаги на ваше владение столиком? И что за бумаги? Завещание? Дарственная?

– Понятия не имею.

– Если они тоже не знают, кому принадлежит столик, то почему промолчали?

– Откуда, по-вашему, я могу знать?

– Да это я так, сам с собой скорее... Вы промолчали, например, чтобы не заговаривать о наследстве. Где наследство – там интерес, мотив преступления, детективы все читают, все разбираются... Так ведь?

– Так, – усмехнулся Максим.

– Вот. А они – почему?

– Почему?

– Если Арно еще не оформил бумаги на столик – то это не ваше, а Сонино наследство. Поэтому она и ее муж промолчали. Собственно, по тем же причинам, что и вы. Дорогой он, интересно?

– Должно быть. Восемнадцатый век все-таки. Венецианская школа.

– Разбираетесь?

– Нет, дядя как-то говорил... Он у экспертов справлялся. Эти вот инкрустации розовым деревом, лакировка, медная ковка, что-то еще, не помню... Кроме того, он вроде как принадлежал русской императрице Екатерине Великой.

– Как же Соня упустила такую вещь? Они ведь с мужем коллекционируют антиквариат!

– Не она с мужем, а ее муж. Только я слышал, что Арно отказался ему продать, хотя Пьер просил. Арно говорил, что этот столик ему не принадлежит, что он только хранитель чужого имущества.

– То есть вашего имущества.

– Нашего. Русской ветви нашего рода.

– Неплохой повод для убийства, а? Пока месье Дор не написал свое завещание, убить его... И столик становится наследством Сони. А?

– Вы серьезно?

– Пока нет. Вы бы Соне поверили?

– В чем?

– Так, вообще... Что она говорит правду.

Максим удивился вопросу.

– Почему вы меня спрашиваете?

– Не знаю, так просто. Она такая... – Реми искал слова. – Необычная. Я с такими не встречался, не знаю, что и думать. Вы режиссер, должны разбираться в лицах... Разве нет?

– Совсем не обязательно.

– Я разочарован. Так поверили бы?

Максим взглянул на Реми, но так и не сумел понять, была ли в его вопросе ирония.

– Не поверил бы, – сказал Максим.

– Почему?

– Не знаю, поймете ли вы мой ответ.

– Попробуем.

– Соня – актриса.

– То есть?

Максим задумался. Изящная надломленность, неуловимая манерность... Что-то от эпохи немого кино. Хрупкая капризность, утонченность, декадентство, наивная и порочная улыбка... Нет, не порочная, не то слово, – бывалая, – нет, опять не то... Знающая, посвященная в тайны – вот, это ближе; жрица, священная змейка, магия, Древний Египет. Глаза темные, глубокие, непроницаемые; не выдают, не отвечают, втягивают и колдуют...

Реми смотрел на Максима внимательно. Максим запнулся:

– Э-э-э... Не профессиональная, конечно, а просто относится к типу играющих женщин... Короче, я бы на свой вопрос не стал от нее ждать ответа, на который можно положиться.

– Вот вы как... Разобрались. Интересно увидеть режиссерское мышление... Значит, актрисам вы не верите?

– Нет.

– Понятно. Но Соня знает, что отец собирался вам столик передать?

– Знает. Об этом пол-Парижа знает, насколько я могу судить. Вы в чем-то Соню подозреваете?

– Нет, – покачал головой Реми. – Пока нет. Надеюсь, и не буду.

– Что вы хотите сказать этим «надеюсь»?

– Было бы обидно, чтобы такая женщина оказалась преступницей. Арестовывать ее, в тюрьму, бр-р-р...

– Похоже, вы считаете, что Арно нет в живых.

– Я ничего не считаю. Все возможно, но чтобы считать, надо знать, а я пока ничего не знаю. Пока я вижу этот столик и пытаюсь примерить на него роль – выражаясь вашим языком – мотива для преступления.

Зазвонил телефон. Вадим.

– Арно переоделся в гримерной, и его вещи до сих пор находятся там. Он уехал в костюме, в котором снимался.

– Спасибо, месье Арсен.

Реми повесил трубку и повернулся к Максиму:

– Его вещи остались в гримерной... Так вот, надо узнать, сколько этот столик стоит. И надо узнать, существует ли завещание и что в нем написано. А то, может быть, преступник – это вы.

– Я?

– А почему нет?

– А почему да?

– Ну, к примеру, вы узнали, что столик вам завещан, и решили поскорее вступить в право владения...

Максим тревожно посмотрел на Реми. Шутит? Реми был, однако, непроницаем. Легкая ироничная улыбка бродила на его губах, но в ней было мало от дружеской шутки...

– Дикость какая-то!

– Вы мне признались, что не верите актрисам. А я вам взаимно признаюсь, что не верю режиссерам. Чем они лучше актрис?

– Как же, по-вашему, я мог убить дядю? Я ведь приехал в квартиру намного позже его, если он вообще сюда заезжал, между прочим. Вещей-то его мы не нашли, значит, он не заезжал. Иначе бы он переоделся. И разгримировался. Так что я не мог его даже увидеть!

– Кто знает.

– Вы же сами сказали!

– Мало ли, что я сказал. Я так подумал. А теперь, думаю, могло быть и по-другому: вы приехали, дядя спал. Выпил действительно на радостях, как предположил Пьер. Он спал, вы пришли, у вас было время его убить и тело спрятать. Вместе со всеми его вещами.

Максим растерялся.

– Но со мной был Вадим! Дяди не было в квартире!

– Вадим не заглядывал в спальню месье Дора.

– Да нет, вы сошли с ума! Вы... серьезно? Или вы меня разыгрываете? Как я мог? Как, по-вашему, я мог это сделать? Я уж не говорю – морально, вы это не понимаете, для вас все способны на преступление, каждый человек, но физически, чисто физически? У меня оружия нет, что вы думаете, я дядю ножом кухонным зарезал, или что!!! – Максим начал кричать.

– Задушили. Спящего и пьяного легко задушить.

– Боже! – взвыл Максим. – Боже мой, что вы несете? Что вы несете! Задушил и тело спрятал, так, по-вашему?

– Примерно. И позвонили Соне. А про ее звонок выдумали.

– И где тело?

– Не знаю.

– Куда же я мог спрятать? У меня даже машины нет!

– На дядиной машине и вывезли. Куда-то.

– Бред какой-то. Бред, бред, бред!

– Вы ночи дождались, – говорил раздумчиво Реми. – Тело могло спокойно полежать в шкафу до ночи. Когда Вадим ушел, вы его вынесли, положили в машину и... куда-то отвезли, спрятали и машину бросили.

Максим сидел, схватившись за голову, не в силах произнести ни звука. Наконец, после почти пятиминутного молчания, он распрямылся:

– У вас никаких доказательств. Все это ваши фантазии.

– Конечно, – сказал Реми, – это просто сценарий. Возможный сценарий. Для маленького фильма, в котором вы могли бы играть роль преступника. Но я еще не решил, подходите ли вы на эту роль.

– Сволочь, – сказал Максим по-русски и добавил по-французски: – Это злая шутка.

– Злая, – согласился покладисто Реми и довольно улыбнулся. – Хотите со мной к соседке заглянуть?

Покачивая головой и отдуваясь от пережитого шока, Максим поднялся и последовал за Реми.

Глава 7

– Я не убираю у месье Дора, вас неправильно информировали. К нему для этого пару раз в неделю приходит одна девчужка, студентка. А мне моих средств хватает на жизнь, – с некоторой обидой произнесла полная пожилая дама, тяжело усаживаясь в кресло. – Я пока еще не бедствую, – жестом, полным достоинства, указала она на свою гостиную, которая должна была, видимо, подтвердить ее слова.

Реми с Максимом уселись на диван, следуя глазами за жестом хозяйки. Тяжелая старая мебель, темная и глухая, повсюду множество сухих цветов и выставленной напоказ посуды, медной и серебряной. Посуда сияла – должно быть, хозяйка проводила свое время в протирании пыли и надраивании металлических боков.

– Я просто время от времени захожу к месье Дору в квартиру, когда он отсутствует. Чтобы проверить, все ли в порядке, чтобы впустить домработницу, чтобы цветы полить.

– У домработницы нет своих ключей?

– Нет. Я ей обычно открываю, если месье Дора нет дома.

– Она сегодня приходила?

– Конечно, она всегда приходит по понедельникам.

Старая облезлая собачка молча покрутилась у ног мужчин, обнюхивая их, и со вздохом улеглась возле ботинка Реми. Она, должно быть, доверяла своей хозяйке, считая, что раз уж та позволила людям войти в дом, то не стоит их облаивать и даже можно бесстрашно примоститься возле незнакомых ног.

– Я просто неправильно выразился, – мягко и почти нежно заговорил Реми, – я хотел сказать, мадам Вансан, что вы следите за порядком в квартире месье Дора.

– Так можно сказать, – величественно согласилась удовлетворенная мадам и вдруг встрепенулась: – Так что же случилось с месье Дором?

Ее глаза беспокойно заблестели, и крупная брошь с камнем, скреплявшая большой кружевной воротник на ее темно-синем платье, тревожно сверкнула красным огнем.

– Он пропал. Не спрашивайте меня, что и как, я не знаю. Я пока пытаюсь найти хоть какой-то возможный ход, направление, в котором можно вести его поиски...

– А я смотрю, вот уж несколько дней его что-то не видно... А он, оказывается, пропал!.. Хм. И что же вы об этом думаете?

– Я вам уже сказал, мадам Вансан, я пока ничего не думаю.

– Может, он снова запил? Запрятался куда-нибудь со своими приятелями? Такое с ним бывало, я могу вам это сказать. Раз – и исчезнет на несколько дней... Потом появится, виноватый: тут и домработница приходила, тут и почтальон меня беспокоил, и я, разумеется, беспокоилась... Не предупредит, ничего не скажет, исчезнет, – а я давай соображай сама, что цветы полить надо или еще что... Как-то холодильник потек, я мастера вызвала, а месье Дор только через четыре дня появился. Другой раз я продукты повыкидывала из его холодильника, все попортилось. Мари велела все вымыть внутри...

– Это домработница Мари?

– Да, студентка... Мари все вымыла, а я еще продуктов ему свежих накупила. Он, конечно, мне всегда деньги вернет, тут я спокойна... Я его вкусы-то знаю. Иногда ему готовлю даже, когда он неважно себя чувствует. Когда он нормальный, так он сам себе готовит или в ресторане обедает.

– И, как я вас понял, вы это делаете из дружеских чувств?

– А что вы, молодой человек, думаете? Мы здесь почти четверть века соседствуем, на одной площадке. Арно после смерти жены не хотел никуда переезжать... Теперь мы оба одинокие старые люди... Как не помочь друг другу? И Арно тоже старается, как может, мне внимание оказать... Так что же вы хотите узнать?

– Меня интересует, есть ли у месье Дора женщина, с которой он состоит в близких отношениях.

– А я, по-вашему, должна знать?

– Вы заходите к нему часто. Могли видеть, кто приходит, кто уходит.

– Мадлен к нему ходит, Соня тоже, только редко. Он все больше к ним ездит, в Марли-ле-Руа.

– Я об интимных отношениях спрашиваю.

Мадам Вансан замолчала, поправляя сухие цветы в вазочке на низком столике.

– Видела я какую-то, – наконец произнесла она. – Но ничего не знаю о ней.

– Какую? – оживился Реми. – Где видели, когда, часто?

– Не все сразу, молодой человек, – поморщилась хозяйка. – Видела несколько раз. Последний раз приходила относительно недавно, может, с неделю... Ходит довольно часто. То есть как часто: это я так думаю, что часто. Я видела сама несколько раз, так? А потом еще слышала. Слышала, что кто-то к нему приходил – лифт открывается, дверь его, голоса немножко слышно.

– То есть, – вкрадчиво подытожил Реми, – можно полагать, что у месье Дора были с этой женщиной интимные отношения...

– Полагайте, если хотите. Я говорю, что знаю. А полагать – не мое дело.

– Понятно-понятно, – заторопился избежать опасного поворота в область правил приличий Реми. – А как она выглядит, сказать можете?

– Молодая. Лет тридцати. Миловидная. С веснушками. Я видела мельком, мне неудобно было разглядывать. И не мое это дело, в личную жизнь месье Дора вмешиваться! – в голосе преданной соседки звучала ревность.

– Рыжая? – увел ее от эмоций Реми.

– Почему она должна быть рыжей?

– С веснушками.

– А... Может быть. На ней шляпка была, она всегда в шляпке. Наверное, рыжая. У нас ведь тут сумрачно на площадке, пока свет вспыхнет, пока у меня глаза привыкнут – девицы уж и нет. Так вроде бы пара светлых прядей из-под шляпки... Должно быть, рыжих.

– Одета как?

– Последний раз я ее видела: шляпка, длинная юбка, жакет, ботинки на каблуках. То ли черное, то ли темно-синее, не поймешь. А в другой раз на ней было мини. Не помню, что еще, я на ноги глядела.

– Красивые, стало быть?

– Так себе, – поджала губы мадам Вансан.

– Как зовут, не знаете?

– Нет. Мне месье Дор не говорил о ней ни разу, хотя знает, что я ее видела и задаюсь вопросами... То

есть, я хочу сказать, что про Соню там, про Мадлен он мне рассказывает, держит в курсе; про свою новую роль, про Максима, – кивнула хозяйка в его сторону, – все сообщает. А про эту девушку – ни разу.

– На чем приезжает, не видели?

– Нет. Один раз столкнулась, за угол поворачивала. Она сюда шла, пешком. Может, такси отпустила, может, машину припарковала, может, живет недалеко – не знаю я.

– И адресной книжки у нас нет... – покачал головой Реми. – А что же вы днем не разглядели – рыжая или нет?

– У нее шляпка так низко была надвинута, что я ее-то с трудом узнала.

– Она никогда не приходила в отсутствие Арно?

– Вроде нет. Я же не шпионю.

– Но у вас ключи от квартиры месье Дора, не правда ли? Не заставляли вы эту даму у него в квартире в отсутствие хозяина?

– Ни разу. А почему вы такой странный вопрос задаете? Это важно?

– Нет, просто пытаюсь понять... В квартире Арно нет признаков присутствия женщины. Если у них интимные отношения, то вроде должно быть что-то, нет? Кремы там, духи, халатик... Правильно?

– Так что вы хотите сказать? Что никаких таких отношений между ними не было? – обрадовалась соседка.

– Или что они их очень тщательно скрывают... – разочаровал ее Реми. – И шляпка к тому же надвинутая... У кого-нибудь, на ваш взгляд, еще есть ключи от его квартиры?

– У Сони.

– Допустим, зная, что вы или Соня можете посетить его квартиру, он не хотел, чтобы в ней могли себя выдать следы пребывания женщины...

– Что же это за тайны такие? Он, в конце концов, одинокий холостой мужчина, может себе позволить! Кому какое дело!

– Да это я так пока, гадаю. Какое-то ведь должно быть объяснение факту, что в квартире нет следов присутствия женщины, тогда как женщина в ней присутствует время от времени? Либо у них не тот род отношений, либо они их тщательно скрывают... Вот и все. Может, возраста своего стесняется. Женщина эта ведь, как вы говорили, возраста Сони примерно? Его дочери... И после той истории с Мадлен... Кто знает. Посмотрим. Давно она появилась, эта женщина?

– Месяца три назад.

– Скажите, Максим, никто не звонил в квартиру месье Дорана? – развернулся детектив в его сторону. – Никто его не спрашивал?

– В моем присутствии – никто.

– На автоответчике не было посланий?

– Нет.

– Не было таких звонков, когда, услышав ваш голос, абонент вешал трубку?

– Нет. А ведь странно, не правда ли? Должен же кто-то звонить дяде!

– Странно. Хотя и не очень, если вдуматься. Ваш дядя – как мне сказали – любит информировать

своих знакомых о своих делах. Так что он, должно быть, предупредил всех о вашем приезде. И даже, возможно, просил его на это время не беспокоить...

– Скорее всего именно так, – признал логику детектива Максим.

– А Мадлен, значит, часто приходит? – продолжил свою беседу с мадам Вансан Реми.

– Иногда. Не так чтоб очень часто.

– У вас, случаем, нет ее адреса?

– Нет. На случай чего у меня телефон и адрес Сони, дочь все же. А Мадлен – это так...

– Что вы хотите сказать?

– Арно старую вину заглаживает... Вы, как я понимаю, осведомлены?

– Да, я в курсе... Вы полагаете, что Арно испытывает чувство вины перед Мадлен? До сих пор?

– А как по-вашему? Девочку чуть не совратил.

– Так ведь она сама пришла к нему.

– Что вы хотите от дитяти? В шестнадцать лет они одни глупости и делают, а взрослые – на то и взрослые, чтобы детей уму-разуму учить, а не потакать им!

– Справедливо, – вежливо согласился Реми. – Ну а со стороны Мадлен что? Какие отношения с месье Дором?

– А чего ей! Она теперь пользуется.

– Что вы хотите этим сказать?

– Подарки Арно ей делает. И детям ее. Под Рождество с полными руками уходят, в лифт не влезают из-за коробок.

– Ясненько. Вы не откажетесь заглянуть в квартиру месье Дора? Посмотреть, нет ли чего необычного?

– Ради бога, – охотно откликнулась хозяйка. Выпростав грузное тело из тесных объятий кресла, она накинула на плечи просторный жакет и тяжело поплыла по коридору.

– Ну, коль скоро тут живет месье племянник, то теперь трудно сказать, что не так. Тут многое не так, – сказала она неприязненно, осматриваясь.

– Что, например?

– Вещи не на местах.

– Какие?

– Вот эти чашки, например. Месье Дор никогда в сушилке посуду не оставляет; полотенце должно висеть вот там, на крючке; потом, пепельницы он никогда...

– Что-нибудь более существенное вы не находите?

Мадам Вансан медленно вращалась вокруг своей оси, изучая.

– Если это, на ваш взгляд, несущественно, то тогда... Вроде все как обычно.

– Вы одежду месье Дора хорошо знаете? Можете мне сказать, что отсутствует?

– Это вряд ли.

– Взгляните все же.

– Нет, не скажу вам, – покачивая головой, произнесла соседка, глядя в распахнутый шкаф. – Не знаю. На мой взгляд, вроде все тут. Даже брюки вот эти, – она указала на спинку стула, на которой небрежно висели фланелевые темно-серые брюки и мягкий спортивный пуловер, – он дома обычно носит.

– Тут Соня нужна, – сказал Реми. – Она должна знать вещи отца.

– Ой, вы придумали! – покачала головой соседка. – Откуда Соне-то знать? Что она, ухаживает за ним? Стирает, гладит?

– А кто ему стирает?

– Он такие вещи, как брюки, пиджаки, в чистку отдает, а остальное сам в машину заправляет. Гладит Мари.

– Может, Мари знает?

– Уж скорее, чем Соня.

– Дайте мне ее телефон, пожалуйста. У вас ведь есть?

– Есть. В записной книжке посмотреть надо.

– Хорошо, после, – кивнул Реми. – Так больше ничего не скажете?

– Не пойму я, чего вы от меня еще хотите. Вещи не на местах, так это ведь месье племянник разложил как ему нравится. Мебель стоит где стояла... А столик этот, русское наследство, и при всем желании не сдвинешь. У него ножки к полу привинчены.

– Вот как? – Реми склонился к полу, вглядываясь в основание ножек. – Какая работа! Пока не всмотришься, ни за что не заметишь, – похвалил он.

– Арно сам привинтил, – гордо сказала мадам Вансан. – Такую вещь нельзя портить.

– Да вы присаживайтесь, мадам Вансан, устраивайтесь, – засуетился Реми, заинтересованный этой деталью. – И почему это месье Дор привинтил столик к полу?

– Его чуть не украли, – почти торжественно провозгласила она.

– То-то я смотрю... И давно это было?

– Год уж назад, в прошлом сентябре. – Выдержав паузу, она добавила с веской значительностью: – Я его спасла. Вернее, мы с Шипи.

– Кто это – Шипи?

– Собачка моя.

– И вы с ней спасли столик?

– Именно.

– Вы по порядку можете рассказать?

– Отчего же нет? Извольте.

Мадам Вансан устроилась поудобнее и начала, смакуя:

– В конце прошлого лета дело было. Днем. Я должна была к врачу идти. Вышла, пошла. Машину я не вожу, да мне и не надо, у меня все рядом, а ходить – лучшая гимнастика для сердца, особенно в нашем возрасте. Иду, не тороплюсь, тут ходу минут двенадцать. Дошла. Расположилась в приемной. И тут вспомнила, что рентгеновский снимок не взяла! А я его должна была своему врачу отнести... Пошла назад. Вернулась, на лифте поднялась. Смотрю, а дверь в квартиру месье Дора приоткрыта. Моя Шипи начала

лаять и в квартиру проковыляла – она ведь в ней как у себя дома, мы с ней вместе туда ходим порядок наводить... Я испугалась, честно говоря, мало ли кто там! Осторожно так заглядываю, вижу – какой-то рабочий отмахивается от моей Шипи, а в прихожей стоит этот самый столик! Я не сразу его опознала – он уже весь был обвязан упаковочной бумагой, – но опознала все же, обвязан-то он был небрежно, наскоро, кое-как, и говорю: «Что здесь происходит, месье?» А он от собачки отмахивается и не отвечает. Я гляжу – вроде не бандит, в таких штанах желтых, вроде униформы... Не страшно как будто. Я снова ему говорю: «Что здесь происходит, месье, почему вы этот столик выносите?» А он мне: «Перевозка мебели».

Тут я вспомнила, что ведь верно, у подъезда машина по перевозке мебели стоит – такой фургончик небольшой, желтый.

«Какая такая, – говорю, – перевозка мебели, кто заказывал?» – «Месье Дор, – говорит, – заказывал».

Но Арно мне ничего не говорил о перевозке! Это странно – он бы меня предупредил, если бы у него перевозка мебели намечалась, да еще и какой мебели! Легендарного столика! Что-то не то в этом деле, что-то не то...

Стою я, значит, соображаю, а этот грузчик кричит мне: «Уберите вашу собаку, мадам!» Я снова с вопросами: кто, мол, дверь вам открыл? И где ваши бумаги? И куда везти собираетесь? А он мне опять за свое: собаку уберите!

Ну, правда, Шипи лаяла и рычала громко и под ногами крутилась, все его ухватить за штанину порывалась и разговаривать мешала. Да и грузчик этот так отмахивается от моей Шипи, что того гляди ударит. Я ее взяла под мышку, дверь свою отперла и говорю: «Вы, месье, мне пока свои бумаги приготовьте, я хочу их увидеть». Кинула Шипи к себе в квартиру и снова дверь закрыла, обернулась, смотрю – никого! Уже никого нет! Только по лестнице топот. Я ему сверху кричу: «Куда вы, месье?» – «За документами», – говорит...

– И исчез? – предположил Реми.

– И исчез, – сокрушенно вздохнула мадам Вансан.

– Какой он был?

– Араб.

– Ну?

– Что ну?

– Какой араб?

– Какой-какой... Обыкновенный. Как все арабы.

– Маленький, большой, толстый, худой, молодой, старый?

– Среднего роста, нетолстый, средних лет – не знаю, под бородой не разберешь.

– Значит, с бородой?

– Черной.

– И больше ничего не приметили?

– Нет.

– Говорил как?

– Как арабы говорят.

– То есть с акцентом?

– Конечно. Вы видели когда-нибудь араба, который говорит без акцента?

Реми взглянул на Максима, пытаясь определить, как тот относится к простодушному расизму мадам Вансан. Лицо Максима выражало насмешливое внимание.

– Где тогда был месье Дор?

– В Нормандии. На две недели уехал.

– Вы сообщили в полицию?

– Разумеется! Полиция приехала, все осмотрела, меня расспрашивали... Отпечатки пальцев даже у меня и у домработницы сняли, чтобы с отпечатками этого проходимца не спутать.

– Ну и как, что-нибудь выяснилось, не знаете?

– Ничего не выяснилось. Отпечатков они не нашли, грузчик этот в матерчатых перчатках специальных работал. Я не сразу сообразила полиции сказать. А потом вспомнила, когда они меня спросили, не видела ли я перчаток... Вспомнила, как глядела на его перчатки и думала, что это чтобы мебель не повредить. А он, оказывается, чтобы отпечатков не оставить.

– Или для обеих целей сразу... А фургончик он угнал?

– Откуда вы знаете?

– Если его личность не установили, значит, в компании по перевозке, которой принадлежит фургончик, ничего о нем не знают, значит...

– ...он машину угнал! Поняла.

– Вы часто выходите из дома днем?

– К врачу?

– Нет, не только. Куда угодно. Я хочу понять, в основном вы днем дома или, наоборот, в основном вы днем отсутствуете.

– Понимаю... Полиция тогда спрашивала, кто мог знать, что я к врачу иду... А вы вопрос по-другому задаете. Думаете, он просто мог подстеречь, зная, что я часто выхожу из дома?

– Так вы выходите часто днем из дома?

– Да. После обеда я почти всегда прогуливаюсь. То в магазин, то просто нахожу себе цель, чтобы прогуляться. А вы думаете, что он за мной следил?!

От такого предположения глаза у мадам Вансан расширились, и в них заметался сладкий ужас.

– Если это не чистое совпадение, то этот человек знал о том, что вы соседствуете с месье Дором и за его квартирой присматриваете. В таком случае он за вами следил и заметил, что вы имеете привычку выходить днем... И дождался вашего ухода, чтобы вынести столик. Но это все пока только домыслы. Могло быть и по-другому... Так, вы говорите, месье Дор после того случая столик к полу прикрепил?

– Именно. А как могло быть по-другому?

Реми вздохнул.

– Как? Ну, например, ваш племянник – если у вас есть племянник – знает от вас и через вас и о столике, и о том, что месье Дор уехал и что вы собираетесь к врачу.

– Вы полагаете, что у меня племянник – араб?! – вспыхнула мадам Вансан.

– Мало ли, – несколько ехидно улыбнулся Реми. – Кроме того, он мог нанять кого-то.

– А ключи?

– Сделал слепок с вашей связки.

– Хм. Только у меня нет племянника.

– Другие родственники... Я вам оставляю эту тему на размышление, мадам. Спасибо вам большое, ваш рассказ был очень полезен, – раскланялся Реми, и мужчины проводили даму до ее дверей.

– Пошел я, – сказал Реми, когда они вернулись в квартиру Арно. – С меня хватит на сегодня.

– С вашей точки зрения, что-нибудь прояснилось? – поинтересовался Максим.

– Куда там... – детектив безнадежно махнул рукой. – Только усложнилось. У меня уже на руках по меньшей мере пять возможных направлений. Вот это я не люблю. Терпеть не могу дела, которые начинаются таким образом! Пока нащупаешь, какая из ниточек ведет к цели... Время уходит. Время! – патетически воскликнул он. – А его нет ни у кого. Ни у детектива, ни у жертвы. Если жертва еще в состоянии отсчитывать время, конечно, – мрачно пошутил он без улыбки. – Ну, спокойной ночи. Еще встретимся.

Глава 8

– У меня правило, – провозгласил Пьер и торжественно обвел глазами собравшихся гостей, – никогда не говорить о делах за обедом. Но сегодня ситуация особая. Мы, с одной стороны, собрали у себя друзей, так как у нас гость, наш родственник, известный талантливый режиссер из России Максим Дорин, которого нам до сих пор не удалось принять достойным образом в силу тревожных и нервных обстоятельств, связанных с исчезновением Сониного отца. С другой стороны, именно в силу этих обстоятельств мы не можем избежать разговора, делового и даже, я бы сказал, неприятного характера, болезненного для нашей семьи. Поэтому, учитывая серьезность сложившейся ситуации, я все же намерен отступить от этого правила, хотя и со всеми моими извинениями. И я прошу вас, Максим, рассказать нам по возможности подробно, как прошла ваша вчерашняя встреча с детективом – покончим с деловой частью сразу.

Это напыщенное вступление оставило у Максима неприятный осадок. Пьер выглядел комично и нелепо, и в других обстоятельствах Максим не преминул бы съехидничать – понятно, что Пьеру не терпелось выяснить, узнал ли детектив о столике и какова была его реакция. Но больше всего его раздражал распорядительный тон Пьера. Отвечать не хотелось, и Максим молчал, воспользовавшись тем, что на него как раз в этот момент наплыло черное платье с белым фартуком и расположило перед ним поднос с крошечными птифурами – горячими кусочками слоеного теста с начинкой. Ему попалась штучка с сыром, и, поразмыслив, Максим выбрал еще одну, на этот раз с ветчинным фаршем. Наконец горничная отплыла от него, и Максиму открылось поле зрения: все смотрели на него в ожидании. Чуть не поперхнувшись, он быстро проглотил остаток птифур и, откашлявшись, неохотно начал свой отчет, злясь про себя, что Пьер им руководит неизвестно по какому праву, а он не нашел ничего лучшего, как послушаться.

Почти все лица были ему уже знакомы: раздраженный и плохо выспавшийся Вадим; кудрявый Жерар («Карлсон! – мрачно определил Максим. – «Мужчина в расцвете сил», розовый и упитанный. Надеюсь, у Сони ничего с ним нет... а?»); его застенчивый сын Этьен, хлопавший ресницами, как кукла («И не этот же травести мог ей понравиться? – размышлял Максим, монотонно продолжая свое повествование. – Забавно, я ищу Сониного любовника: глядя на ее мужа, невольно представишь наличие любовника...»); и та же худая бледная дама с длинным носом, которая похожа на сестру Пьера, но не сестра. («Как бишь ее звать? Что-то цветочное... Маргерит?») Двое других сидели рядышком на диване: Мишель, невысокая миловидная блондинка лет тридцати, в ярко-красном жакете от Шанель и с такой же яркой помадой на губах, слегка смазавшейся; и Мишель, ее муж, – крепко-спортивный красивый мужчина с проседью и яркими синими игривыми глазами.

– Соседка, мадам Вансан, изложила нам историю с попыткой кражи, но я полагаю, что вам она должна быть известна... – Максим продолжал свой рассказ, бегло касаясь взглядом Сони, и на него волнами набегал ее ответный взгляд, под которым горячо плавилось все его существо. Золотистое платье из тонкого бархата было такого же цвета, как ее глаза, и все это вместе переливалось и меняло оттенки от глубоко-коричневого до янтарно-желтого... Этот роскошный дом, эти коллекции старинного оружия на стенах, тускло мерцавшие бронзой, медью и серебром, эта изысканная антикварная мебель, эта подсвеченная мягким светом витрина с королевскими безделушками на прозрачных полках; эти огненные всплески из камина, этот тихо сияющий белой скатертью в сумраке столовой большой обеденный стол – все это шло Соне, как ее бархатное платье, открывавшее V-образным вырезом округлость маленьких смуглых грудей, как ее браслеты на тонком запястье, как ее длинная сигарета с витиеватым сладким дымком... Максиму стоило усилий сосредоточиться на предмете изложения.

– Вуаля, – закончил он наконец свой рассказ. – Учитывая, что никакие вымогатели до сих пор не

появились, теперь мы все под подозрением как претенденты на столик, – усмехнулся он.

– Иными словами, – медленно уточнил Пьер, – Реми Деллье предполагает, что здесь может иметь место убийство?.. – Он встал, обошел кресло, в котором сидела Соня, и приобнял ее за плечо.

Темный Сонин взгляд передвинулся с Максима на букет цветов, стоявший перед ними на низком столике, – как луч погас. «Ай-яй-яй, – подумал Максим, – надо кончать с этим, просто не смотреть больше, совсем не смотреть на эту невероятную женщину...»

– А вы разве не предполагаете? – спросил он с вызовом Пьера.

Пьер в размышлении продолжал созерцать Максима, остальные заговорили между собой.

– ...полная катастрофа... – донесся до него голос Вадима. Гости сочувственно кивали, пытаясь найти слова утешения для обеспокоенной знаменитости. Особенно старалась длинноногая Маргерит, в то время как оба де Вильпре, отец и сын, вежливо поддакивая, то и дело скашивали глаза на хозяйку, застывшую в кресле под рукой мужа. «И я туда же, – подумал Максим с брезгливостью, заприметив эти беглые взгляды. – Фи, какая пошлость! Не буду же я с этими двумя соперничать! Я сюда, в Париж, работать приехал – так вот и надо работать, а не на баб французских глазеть!»

– Не стоит нас объединять, – неожиданно раздался голос Пьера, перекрыв общий гул. – Пока это вы под подозрением, шер[8] Максим, а не «мы все».

– Отчего же, – холодно возразил Максим, втайне, однако, разозлясь еще больше, – только я? Я вам передал в подробностях наш вчерашний разговор с Реми Деллье, и, надеюсь, вы поняли, что все зависит от того, кому принадлежит столик в данный момент. Если Арно подготовил завещание для меня – тогда, конечно, можете меня подозревать. Но ведь он его не написал, не так ли? И раз Арно не написал завещание, то все автоматически уходит к Соне, к наследнице. И, значит, к вам, шер Пьер.

– Откуда вам известно, написал месье Дор завещание или нет? – высокомерно произнес Пьер.

– Не надо со мной разговаривать, – взорвался Максим, – как с недоумком. Дядя мне во время съемок сказал, что едет разбираться с вами, так как вы пытались до последнего момента уговорить Арно продать столик вам! Несмотря на то что вам хорошо известно, что столик этот по праву принадлежит мне...

Пьер замер, глядя на него. Мелко задергалась его правая ноздря.

– Следовательно, вы знали, что Арно никаких бумаг на мое владение столиком не сделал, – дожимал Максим. – Иначе ваши настойчивые просьбы продать вам столик не имели бы смысла... Продать вам столик или хотя бы не отдавать его мне, не писать завещание на мое имя... Чтобы он не ушел из вашей семьи, от вашей коллекции.

Пьер молчал. Соня смотрела на Максима из-под прикрытых век, и сквозь ее стрелчатые ресницы светилось бешенство.

– У меня и свидетели есть, – помолчав, ехидно добавил Максим, стараясь игнорировать Сонин взгляд. – Гримерша слышала наш разговор. Я пока об этом Реми Деллье ничего не говорил, но он меня пока и не спрашивал, с другой стороны...

Максим и сам не понимал, зачем он все это высказал. Пьер выводил его из себя. Его самоуверенность, его самодовольство, его претенциозное богатство, его владение Соней... Ему хотелось сбить спесь с этого надменного, длинноносого Сониного мужа. Хотелось поставить его на место, даже унижить. Перед Соней, в ее глазах... Хотя на нее он тоже злился. Злился, будто ему было дело, за кем она замужем и почему, и будто ему не все равно, что она никак не заинтересовалась русским режиссером, таким талантливым и таким обаятельным...

Разбаловался! Славой и привычным женским вниманием. Вот и объяснение простое: самолюбие задето. Мужское и режиссерское.

Но представить в самом деле Пьера в роли преступника? Похитителя? Убийцы? Нет, он не представлял. Он не знал, что и думать об исчезновении Арно, но ему с трудом верилось, что это исчезновение связано с преступлением. Уж больно киношно все это выглядело и смахивало на стандартную киноподелку: русское наследство, таинственное исчезновение знаменитого актера, а вот и «рояль в кустах»: пожилой невзрачный коллекционер антиквариата, мечтающий приобрести «русское наследство» для своей коллекции, молодая красавица жена, частный детектив... Чушь какая-то. Арно разыграл их всех, вот и все!

– Так скажите нам, Пьер, – тем не менее продолжал нападать Максим, – существует ли завещание? И что в нем написано? Уж вы должны знать! Или, может быть, вы, Соня? Вы тоже должны знать.

Ну вот! Ее-то за что? Какая муха его укусила? Что за удовольствие: сделать вид, что подозревает, уколоть, нанести удар бедной, беззащитной Соне.

Впрочем, не бедной и не беззащитной. Не стоит преувеличивать, не стоит поддаваться чарам этой маленькой актрисы с замедленно-чувственными жестами, наивно-соблазнительными улыбками, случайно-глубокими взглядами; ему как режиссеру не пристало попадаться в ловушку женских уловок и отождествлять актрису с исполняемой ролью обольстительной хрупкости...

Выпад Максима оказался, однако, удачным. Все смотрели на Пьера в ожидании. Пьер как-то обмяк, сник. Удалось! Удалось сбить с него спесь!

– Насколько я знаю, завещание не написано, – бесцветно произнес он.

Прекрасно. Соперник был повержен. Максиму оставалось только нанести последний удар, бросить небрежно намек, что Пьер мог пойти на преступление, чтобы Арно не успел написать завещание... Но он глянул в черные зрачки Сониных глаз и смягчил фразу:

– Значит, столик принадлежит вам. То есть вашей жене, но он попадает в вашу коллекцию. Вы ведь этого добивались, не так ли?

Бой гладиаторов был закончен. Аве, Цезарь... Теперь пусть им занимается Реми.

Ее голос был как удар.

– Как вы смеете, – Соня растягивала в ярости слова, – как вы смеете прийти в дом, где горе; в дом к дочери, у которой пропал и, может, погиб отец, – голос ее звенел, – и выяснять, есть ли завещание и что там написано!

– Оставь, Соня, – сказал Пьер, болезненно поморщившись. – Это лишнее.

Соня на него даже не взглянула.

– Успокойтесь, дорогой родственник, – ее голос дрогнул от ярости, – столик ваш! Папа написал завещание!

В публике раздался тихий вздох, как в кинозалах в минуты «саспенс». Максим с удивлением посмотрел на Соню. Она была восхитительна, он бы даже ей доверил какую-нибудь роль в своем фильме... может быть. Но она не удостоила Максима взглядом. Откинув голову и пылая глазами, она смотрела на своего побелевшего и обмякшего мужа, который, не в силах встретить ее взгляд, с трудом выдавил из пересохшего горла:

– Что... ты... говоришь?

Публика замерла в ожидании развязки.

– Я не хотела говорить тебе об этом, Пьер... Я думала, папа сам тебе об этом скажет... Я его поэтому и просила приехать в субботу. Но теперь... Папа написал завещание. В пользу господина Максима Дорина.

Немая сцена. Как у Гоголя. Смешно, поставь это в фильме, скажут – слишком театрально. А вот в жизни...

– Что вы здесь делаете, месье Деллье?! – Сонин голос вновь взорвал тишину, и все вздрогнули. Из-за кремовой велюровой портьеры, отделявшей прихожую от гостиной, выдвинулся Реми и, одарив присутствующих обаятельной улыбкой и невинно-синим взглядом, произнес с деланным смущением:

– Подслушиваю.

«Вот вам и «рояль в кустах». Еще один актер. В самом деле, сегодня Международный день театра, что ли? – тряхнул головой Максим. – Или Каннский фестиваль открылся в Марли-ле-Руа? И я присутствую в собрании звезд, каждая из которых работает на публику как может, чтобы всем показать свое мастерство? Или у меня сдвиг на нервной почве и мне повсюду мерещится игра?»

Соня потрясла головой от возмущения, не находя слов. Пьер слегка пришел в себя и произнес строго, хотя и вяло:

– Вам неизвестно, что подслушивать нехорошо?

– Известно, – скромно согласился Реми, и его глаза ярко засинели от почти неподдельного раскаяния, – нехорошо.

– И вы все равно подслушиваете? – неожиданно улыбнулась Соня. Щелка между зубами. Девочка, ямочка на щеке, упрямый подбородочек...

– У меня профессия такая, – доверительно сообщил детектив. – Она не очень уживается с правилами приличия. И потом, у вас дверь была не заперта. Я вошел и... постеснялся мешать вашему разговору. Вы ведь обсуждали важные вещи, не так ли?

– Ну вы даете! – сказал Максим с восхищением. Эта невероятная логика, это нахальное вранье Реми его развеселило. Взять его, что ли, на роль кота Базилио?

– Ну входите, раз пришли, – милостиво сказал Пьер. – Что вас, собственно, к нам привело?

– Я хотел задать некоторые вопросы... Правда, я уже узнал ответы на большую часть, – потупил глаза Реми. – Я тут давно уже стою. Почти с самого начала...

Заулыбались все. Напряжение спало, гости зашевелились, Этьен пересел на диван к своему отцу, уступив место в кресле детективу.

Реми уселся как ни в чем не бывало. Горничная заторопилась к нему с подносом с птифурами, уже было остывшими, но быстро разогретыми. Начался следующий акт. Или серия, если хотите.

– Откуда вы знаете, Соня, – беззастенчиво уплетал птифуры Реми, – что ваш отец написал завещание?

– Папа мне сам сказал. Незадолго до приезда русского. – Соня гневно мотнула головой в сторону Максима.

– Он вам сказал, что написал завещание? На столик? В пользу Максима?

– Да.

– И где это завещание?

– Не знаю. У нотариуса, наверное.

– Вы его видели?

– Нет. Папа мне сказал.

– То есть это не точно?

– Почему?

– Слова – это слова, не факты.

– Справьтесь у нотариуса.

– Кто же мне такую информацию даст, шутите! Даже следствие по его розыску не открыто... Сколько он может примерно стоить?

– Столик?

– Разумеется.

– Понятия не имею.

– Пьер?

– Тысяч триста может натянуть и даже больше.

– Ого.

– А если его на аукцион выставить, то цена просто непредсказуема, – добавил Жерар.

– Дело не в его денежной стоимости, – с пафосом воскликнул Пьер. – Это уникальная вещь, это произведение искусства. Понимаете? Другого такого нет. Он был сделан на заказ для русской императрицы русским мастером, в подражание венецианской школе... Эх, – махнул Пьер рукой, – я не могу вам объяснить. У него огромная художественно-историческая ценность, если вам это что-нибудь говорит.

– Не держите других за идиотов, – резко вмешался Максим.

Реми с любопытством глянул на него.

– То есть, – обратился он снова к Пьеру, – если бы этот столик попал к вам, вы бы его не продали?

– Конечно, нет! Я не нуждаюсь в деньгах, – высокомерно ответил финансовый деятель.

– А вы, Максим? Если бы вам столик достался, вы бы его продали?

– Нет.

– Вы тоже не нуждаетесь в деньгах?

– Ну, это было бы преувеличением сказать... Но я бы его не продал. Это семейная реликвия.

– Семейная реликвия! Вы еще год назад ничего о ней не знали! – ядовито бросил Пьер.

– Так вы нуждаетесь в деньгах? – настаивал Реми.

– Я не понимаю, что это меняет? Я бы его не продал, вне зависимости от того, нуждаюсь я или нет.

– А вы нуждаетесь? – с деланным простодушием давил на него Реми.

– Послушайте, – взорвался Максим, – что это меняет? Я не богат, как господин финансовый деятель, но мне на мою жизнь хватает!

– У вас ведь трудности с финансированием фильма, не так ли? Вы на это жаловались Вадиму, –

хлестко произнесла Соня, прожигая его черными зрачками.

Максим отвел от нее глаза и встретил неуверенный взгляд Вадима.

– Что же, по-вашему, я своей семейной реликвией готов оплачивать фильм? И потом, Вадим, ты-то понимаешь, что триста тысяч франков для фильма – ничто!

– Ничто, – подтвердил Вадим.

– А миллион франков? – с невинным видом поинтересовался Реми.

– Тоже ничто. Начинайте считать от пяти миллионов, тут уже есть о чем поговорить.

– Ишь ты... Я и не знал, что фильмы так дорого стоят... В России тоже нужны такие суммы? – еще невиннее спросил Реми.

Максим неопределенно пожал плечами.

– Понятно, – заключил Реми.

– Мне тоже понятно, – сказала Соня.

– Что вам понятно? – враждебно вскинулся Максим. Она злила его, о, как она злила его!..

– Вы не могли не знать, что папа сделал на ваше имя завещание! Вы с ним переписывались и перезванивались на эту тему. Не может быть, чтобы папа вам не сказал! Папа все всегда говорит... говорил... говорит... сразу, у него секреты не держатся...

Теперь, натурально, слезы. По сценарию положено.

Соня плакала. Плечи ее вздрагивали. Все почтительно замолчали, уважая чужое горе.

Ну что на это скажешь? Доказывать, что он не знал о завещании? Слезы – лучшее оружие...

– Что... вы... с ним... сделали... Максим? – сквозь рыдания донеслись Сонины слова. – Что вы с ним сделали?..

– У вас есть алиби? – мстительно спросил Пьер.

– Какое алиби?

– Что вы в ту ночь не выходили из дома? После того, как вы вернулись от Вадима?

– Почему у меня должно быть алиби? Почему я должен был выходить ночью из дома?

– Чтобы тело спрятать. Так у вас есть алиби?

Бред. Снова бред.

– Нет, – сухо ответил Максим. – У меня нет алиби, что я не выходил из дома. Но я не выходил. И тело не прятал.

Зависло молчание, в котором лишь слышались затихающие рыдания Сони.

– И вообще, – добавил Максим, – с чего вы взяли, что Арно нет в живых, собственно?

Эффект был сильным. Присутствующие загудели. Соня перестала плакать и одарила Максима взглядом, в котором затеплилась надежда. Реми одобрительно кивнул Максиму, словно критик, присутствующий на просмотре премьеры.

– Не стоит играть в обвинителей, – поучительно сообщил детектив. – Из-за наследства убивают, случается; но случается, что и не убивают, это совсем не обязательно, – шутил он. Соня вытирала глаза и кивала ему согласно. – Не будем впадать в панику! У нас пока еще нет никакого следа, а все, что мы можем

предположить, – только домыслы, – успокаивающе гудел его голос. – Я разговаривал с Мари, девушкой, которая убирает у месье Дора: она убеждена, что Арно не переодевался и не снимал грим дома. Если верить Максиму – а у нас пока нет оснований ему не верить, не так ли? – а также всем этим деталям, то получается, что месье Дор не заходил домой после съемок. Будем пока считать, что он куда-то уехал напрямик со съемочной площадки. Возможно, у него было дело, которое оказалось важнее, чем предстоящая беседа с Пьером, которую он обещал вам, Соня. Может быть, это как раз связано с завещанием... Вы не знаете, к какому нотариусу он мог обратиться?

– Ни малейшей идеи.

– Квартира вашего отца – в его собственности?

– Да.

– Вам известно, у какого нотариуса оформлена купчая?

– Нет, к сожалению. Это случилось еще до моего рождения.

– Не страшно, я этим займусь. Очень бы хотелось найти кого-то, кто видел его после того, как он уехал со съемок. Да, это неплохая мысль – насчет нотариуса. Что еще могло оказаться столь важным, чтобы Арно пожертвовал своим визитом к Соне и даже своим вечером с Максимом?

– Зачем Арно мог понадобиться нотариус, если он уже написал завещание? – спросил Пьер.

– Понимаете ли, Пьер, вы человек, как мне кажется, пунктуальный и обязательный и все делаете именно так и тогда, как и когда обещаете. Но представьте себе, что существует масса людей, которые заверяют вас, что дело сделано, тогда как они еще только *собираются* это дело сделать... Возможно, что Арно Дор относится именно к этой породе.

– Я думаю, вы правы! – с надеждой воскликнула Соня.

– Похоже, – рассудил Пьер. – Очень похоже на Арно. Сказать вам правду?

– Конечно! – быстро согласился Реми.

– Я думаю, Арно не хотел столик отдавать. Собирался, но не хотел. Это было против сердца, знаете ли, такие вещи чувствуются. Так что вполне вероятно, что он тянул до последней секунды. И когда Максим уже приехал, он все-таки помчался исполнять свой долг чести – отступить ему уже было некуда.

– Тем более.

– Ваша гипотеза насчет нотариуса, по-моему, очень удачна, – произнес уныло Вадим, – но только это никак не объясняет исчезновение Арно. Уже три дня, как его нет.

– Не объясняет, вы правы, но может дать нам какой-то след... Кроме того, я жду из полиции сообщений насчет машины. По поводу же таинственной незнакомки, посещавшей вашего отца, у меня есть кое-какие соображения, и я принял кое-какие меры...

Все как-то отошли от пережитого шока взаимных обвинений и оживились. Пьер предложил пожаловать к столу, Реми долго отказывался; его дружно уговаривали и наконец уговорили.

За столом шла беседа о семейной истории Дориных, которую Реми рассказывали наперебой и в подробностях – все присутствующие знали ее наизусть и в деталях. Мишели вклинивались с разговорами о политике, о Горбачеве, о Ельцине, о демократии и свободе слова, о русской культурной традиции и русско-французских связях, и Максим с удивлением обнаружил немалую образованность супружеской пары в этих вопросах. Реми ненавязчиво задавал вопросы и быстро узнал, что Мишель-муж работает в крупной парижской газете, где и познакомился когда-то со своей женой, тоже журналисткой, которая впоследствии

оставила работу из-за детей; что жена Жерара – и, соответственно, мать Этьена, – красавица-вьетнамка, сбежала много лет назад с богатым латиноамериканцем, оставив малолетнего сына своему мужу, у которого не было за душой ничего, кроме аристократического происхождения, унаследованного дома и его коллекции, в которую вкладывались последние средства; что Маргерит, богатая вдова, пыталась писать детективные романы, чтобы развеять скуку, но не очень афишировала свое хобби, не будучи уверена, что подобное занятие пристойно для настоящей «старой ветви» аристократического рода, и что у нее есть взрослый сын, который учится в Америке.

Максим наблюдал за Реми и слушал краем уха обильно стекавшуюся к детективу информацию, поражаясь легкости, с которой Реми получал ее от людей, и скорости, с которой он эту информацию переваривал. «Это и есть профессионализм, – думал Максим. – Мне подобные вопросы даже в голову не пришли. А Реми прочесывает всю местность, ничего не оставляя без внимания...»

Если Максим и вел свои собственные наблюдения, то лишь в весьма ограниченной сфере: его интересовали траектории взглядов, пересекавшиеся в точке нахождения Сони. Исходные пункты были все те же: папаша де Вильпре с его полуазиатским сыночком да еще Пьер. Мишель-муж, к счастью, казался вполне мужем своей Мишель-жены и был полностью погружен в разговоры, которые вел не без блеска. Дамы распределяли свое внимание между всеми присутствующими. Мишель-жена отпускала остроумные шутки в адрес обоих правительств, над которыми смеялся весь стол, ее муж утирал слезы от смеха, и даже Соня несколько раз улыбнулась. Маргерит все больше поддакивала всем понемножку, ухитряясь при этом демонстрировать чувство собственного достоинства... Хотя, пожалуй, ее взгляд несколько излишне часто обращался в сторону черноглазого Этьена. Или Максиму только показалось?

Впрочем, его это трогало и интересовало мало. Так бывало часто: в новой компании он довольно быстро различал невидимые ниточки, связывающие присутствующих любовью, ревностью, соперничеством, завистью и прочими разнообразными чувствами, свойственными человеческим особям; и что с того? Ну, люди; ну, между ними отношения, что нормально; двое мужчин влюблены в одну и ту же женщину – эка невидаль; отец и сын одновременно – читайте Тургенева; стареющая дама – в красивого мальчика – читайте Мопассана, и так далее... Главное, что он во всем этом не участвует и отношения ко всему этому не имеет. Он просто ведет наблюдения...

Режиссерские.

Вечер принимал все более светский оборот, и всем стало постепенно казаться, что все не так уж страшно, что Арно появится не сегодня-завтра, и тогда – вот уж тогда ему дружно намылят шею, этому старому проказнику! Вадим поделился с присутствующими творческими планами на совместный с Максимом фильм по вышеизложенной истории, и все нашли этот проект чрезвычайно интересным. Вдохновленный, Вадим тут же условился с Максимом начать работу завтра же вечером, у него дома: раз в его фильме все равно простой, так надо же этим временем воспользоваться! Да-да, кивал Максим, завтра же вечером, действительно, что время терять...

Звонок застал всех врасплох, сбив слегка эйфорию и напомнив о реальности.

– Меня, может быть, – сказал Реми, вытирая белоснежной салфеткой рот, – я ваш телефон оставил, ничего?

– Вас. – Соня протянула ему трубку. Все перестали есть и устремили взгляды на детектива.

– Нашлась машина месье Дора, – сказал тот, положив трубку. – В трех кварталах от дома, в котором проживает Ксавье.

Глава 9

Странно, этот невысокий человек с нервным тонким лицом производил не столько впечатление алкоголика, сколько больного. Обметанные желто-синими тенями, его темные глаза смотрели неприязненно и подозрительно на Реми, который пытался изобразить одну из самых своих приятных улыбок. За спиной Реми маячил Вадим, чувствующий себя крайне неудобно и ругавший себя за то, что согласился идти к Ксавье с детективом. Реми почему-то решил, что в присутствии знаменитого режиссера и старого знакомого Ксавье будет труднее уйти от ответа. Может, он и прав насчет Ксавье, но Вадиму эта миссия была поперек горла: он слишком хорошо знал скандальный нрав этого неудачника.

– Так мы можем к вам зайти на минутку? – любезничал Реми.

– С какой стати? – хмуро спросил хозяин, рассмотрев его удостоверение. Вадима он даже не удостоил взглядом.

– Я вам объясню... Но, может, лучше пройдем, присядем? Вы позволите? – хитрил Реми, желая во что бы то ни стало попасть в квартиру, в которой – кто знает? – могли оказаться следы пропавшего актера.

– Мне и так хорошо. Стоя.

– Хорошо, – с показной покладистостью сдался Реми. – Мы тоже можем постоять. О деле можно и стоя говорить.

– Короче, – отрезал хозяин.

– Арно пропал. Арно Дор.

– Ну и что?

– Послушай, Ксавье, – вытянул голову поверх затылка Реми Вадим (встать рядом ему не позволял слишком узкий проем двери, едва приоткрытой Ксавье), – послушай, я понимаю, у вас с ним натянутые отношения, но дело слишком серьезно, чтобы сводить счеты! Уже три дня, как его нигде нет! У меня фильм летит, Соня с ума сходит...

– А я тут при чем?

– Вы его не видели? – отобрал инициативу Реми.

– Нет.

– Когда вы его видели последний раз?

– Сто семьдесят пять лет назад. В прошлом рождении.

– Ксавье, – снова вытянул шею Вадим, – это серьезно, ты что, не понимаешь?

– У меня пока нет никакого следа, – смиренно сказал Реми. – Я пытаюсь в данный момент собрать как можно больше информации о его друзьях, привычках... Для меня ваша помощь была бы очень ценна... Может, вы все-таки уделите нам пять-десять минут? Так, на пороге, трудно разговаривать...

– Не разговаривайте. Я вас не звал.

– Конечно, мы сами пришли, но вы его давний друг и могли бы...

– Я ему не друг. Я ему давний враг.

– Да, я понимаю, я слышал, у вас были недоразумения...

– Что, натрепался уже? – злобно спросил Ксавье, выглядывая Вадима за спиной у Реми. Спине Реми

показалось, что Вадим съезжился позади нее.

– Поймите, месье Дюшеваль, с Арно могла приключиться неприятная история. Возможно, он нуждается в помощи...

– Не я ее буду ему оказывать.

– ...его исчезновение очень загадочно, оно не укладывается в рамки простого розыгрыша или шутки. Я не исключаю преступление.

– Это ваша работа – исключать или включать.

– Ваше содействие необходимо для раскрытия этой загадки и возможного преступления...

– Я вам не обязан. Вы не полиция.

– Полиция тоже ищет, – соврал Реми. – И возможно, придет к вам. В ваших интересах...

– Я сам позабочусь о своих интересах. Все?

– Смотрите. Как хотите. Раз вы предпочитаете быть на подозрении в полиции...

– С какой это стати полиция меня подозревать будет?

– Вы последний человек, который видел Арно.

– С чего это вы взяли?

– Он ведь к вам заезжал прямо со съемок в субботу? Для вас будет лучше, если вы нам расскажете, зачем.

– Ерунда.

– Вы договаривались с Арно о встрече?

– Договаривались. О встрече на том свете.

– Ну, как хотите... – Реми сделал вид, что хочет уйти.

Ксавье, поколебавшись, приоткрыл дверь шире:

– С чего вы взяли, что он ко мне заезжал в субботу?

– Вы так и будете нас мариновать на лестничной площадке? Может, все-таки присядем?

Ксавье повернул голову в глубь своей квартиры и задумался на мгновение.

– Нет, – отрезал он, повернувшись снова к пришедшим. – С какой стати я должен вас приглашать?

– Не приглашайте, – пожал плечами Реми. – Ваше право.

Сделав вид, что он переминается с ноги на ногу и прилаживается к косяку (раз уж стоять, так с удобствами), Реми попытался заглянуть в просвет двери, дабы увидеть, кто еще находится в квартире. Он никого не увидел. Но был уверен, что там кто-то есть...

– Так о чем вы разговаривали с месье Дором в субботу?

– С чего вы взяли, что он ко мне заезжал? – настаивал хозяин.

– Его машина до сих пор стоит неподалеку от вашего дома.

Ксавье не мигая смотрел на Реми в ожидании.

– Ну и что? – наконец произнес он.

– То есть он к вам приехал в субботу. И уже больше не уезжал. Машина до сих пор здесь.

– Я его не видел.

– Значит, он к вам не приходил?

– Именно.

– А почему же его машина здесь?

– А мне откуда знать? Я ему не нянька. Приехал и приехал. Его дело.

– К кому же он мог приехать, если не к вам?

– Понятия не имею. Не я один тут живу. Я его не видел и видеть не хочу.

– И не хотите помочь в розыске?

– Нет.

– А если с ним несчастье приключилось?

– Так ему и надо. Возмездие всегда настигает. Рано или поздно.

– Зря ты, – сказал Вадим. – Что ты такой злой, Ксавье?

– Иди ты... – вскинул на него глаза Ксавье. – Дерьмо.

– У вас нет ни малейшей идеи, где может находиться месье Доран? – встрял в разгорающуюся перепалку Реми.

– Я уже все сказал.

– Что вы делали в субботу после полудня?

– Не ваше дело.

– Вы звонили в субботу Соне?

– С какой стати я ей должен звонить?

– Вы ее разыграли.

– Мне делать больше нечего.

– А что, вы очень заняты?

– Идите-ка вы оба к чертовой матери!

– Вы представились от лица русского...

– Какого еще русского?

– Племянника Арно.

– Я вам уже сказал, куда вам идти.

– Вы знали о съемках, назначенных на субботу?

– Меня не интересуют творческие планы ни Арсена, ни Дорана.

– Ага, значит, вы знаете о том, что Арно Доран снимается в фильме Вадима Арсена!

Ксавье дернул дверь на себя, намереваясь захлопнуть ее, но Реми быстро вставил ногу в проем. Посмотрев на детектива, Ксавье привалился плечом к стене и уставился на них не мигая, придерживая, однако, дверь, не позволяя ей раскрыться шире. Реми снова подумал о том, что в квартире кто-то есть.

– Вы знали о том, что съемки на натуре назначены на субботу?

– Ничего я не знал и знать не хочу. Я вам уже сказал, кажется, ясно.

Неуютное, тяжелое молчание висело по обе стороны порога. Реми все же решил еще попробовать.

– У вас есть среди близких друзей женщина, способная сымитировать голос Сони?

Нечто похожее на удивление мелькнуло на лице Ксавье, но он тут же злобно рявкнул:

– А пошли вы на...

Ждать было явно нечего от этого желчного нездорового человека.

– Ну что ж... Можете вы мне дать адрес вашей дочери? Или хотя бы телефон? – закинул напоследок Реми, миролюбиво убирая ногу из дверного проема.

– У меня нет дочери. У меня нет друзей. У меня нет жены, родственников, знакомых – и телефонов тоже никаких нет. Ясно? Тогда все, аудиенция окончена.

Не дожидаясь ответа, Ксавье шумно захлопнул дверь, едва не треснув Реми по макушке. И почти в ту же минуту женский голос что-то произнес за дверью. Реми прижался к стене так, чтобы его нельзя было увидеть в «глазок», и приплюснул Вадима рядом с собой. Какое-то время не было слышно ничего, как вдруг женский голос закричал:

– Что ты с ним сделал, ничтожество?!

Ответ нельзя было разобрать, «ничтожество» что-то буркнуло, и женский голос тоже сбавил громкость. Голоса за дверью ругались, но слова были невнятные, и, постояв, Реми двинулся к выходу. Вадим следовал за ним.

– А в машине что-нибудь обнаружилось важное? – спросил он уже на улице.

– Представьте себе, ничего. Все обнаруженные отпечатки принадлежат только Арно. Ни его документов, ни одежды, никаких следов, ничего такого, что могло бы указывать на насилие, борьбу, что могло бы дать подсказку... Чертовщина какая-то.

– Как ее нашли-то?

– Припаркована неправильно... Штраф на нее был выписан... – Реми был рассеян. – Вы не узнали, случаем, голос за дверью не Мадлен был?

– Не смогу вам сказать.

– Ладно, попробуем с другого конца зайти. Созвонимся, месье Арсен. Как только будут новости.

– Я вечером у себя, с Максимом. Работать над сценарием будем.

– Что вы о нем думаете?

– История сама по себе очень интересная, перспективная, но что-то конкретное я смогу сказать только тогда, когда сценарий будет готов...

– Вот что значит привычка давать интервью! Я о русском спрашиваю.

– Ах, извините... Что я о нем думаю? Ничего. Я его практически не знаю. Симпатичный.

– А фильмы у него хорошие?

– Хорошие. Это что-нибудь меняет?

– Да нет. Как вам кажется, ему можно верить?

– Ему хочется верить, так бы я сказал. Обаятельный, душа нараспашку, очень по-русски... Легкий, беспечный... А вот можно ли ему верить или нет – не возьмусь судить.

– Странно, я привык думать, что режиссеры – тем более знаменитые – специалисты по человеческим

душам.

– Странно, а я привык думать, что детективы видят людей насквозь.

– Квиты, – сказал Реми. – Вы едете на студию?

– Еду, – без энтузиазма ответил Вадим, представив все неприятные разговоры, которые его там поджидали.

– Пожалуй, и я с вами. Нужно с вашим киношным народцем побеседовать. Может, кто чего заметил интересного. Некоторые люди, особенно творческие, как вы, месье Арсен, часто обладают удивительной слепотой: они не видят интриг у себя под носом. А какая-нибудь монтажница все видит и все знает...

– Только вы там... поосторожней. У меня, конечно, есть соперники, но это не значит, что их надо подозревать в преступлении! Мы все соперничаем в искусстве... и даже мелкие подножки часто ставим...

– Я полагал, что соперничают действительно в искусстве, а вот подножки ставят – в простой смертной жизни, и к искусству это отношения уже не имеет.

– Конечно, – поспешно согласился Вадим, словно его упрекнули, – разумеется, в жизни. Но это не значит, что надо подозревать...

– Какая муха вас укусила? – рассмеялся Реми. – Бойтесь, что я в вашу кухню заберусь? В корзинку с грязным бельем? Не беспокойтесь. Я поспешных выводов не делаю. И чужие секреты не рассказываю. Детектив – как врач, вы перед ним вынуждены обнажаться, это необходимо, хотя неприятно. Но – врачебная тайна гарантирована.

– Ладно, – кисло сказал Вадим. – Поехали.

Глава 10

Максим перебирал свои вещи, размышляя, как ему одеться в гости к Вадиму, и злился на неудачный день. Он взял с собой во Францию совсем мало вещей, собираясь купить кое-что из одежды в Париже, но все пошло наперекосяк с этим странным исчезновением дяди... Вот и сегодня, хотел было прошвырнуться за покупками сразу после библиотеки – опять неудача. «Воспоминания графини З.», которые так и не отыскались на книжных полках у дяди, нашлись в Национальной библиотеке, но книга была ветхой, с ослабленным переплетом и пересохшим клеем, и в ней отсутствовала значительная часть страниц. Он запросил что-нибудь из мемуаров подобного рода; смотрел, перелистывал, выбирал, но не нашел ничего подходящего. Время, однако ж, было потеряно, и сегодня он снова никуда не успевал: ни за покупками, ни прогуляться по городу, по славным знаменитым местам, столь знакомым по литературе, что одни только названия долго и нежно таяли во рту, как драгоценный леденец его детства, выдаваемый ему мамой после обеда.

Теперь же он должен был подготовиться к работе с Вадимом сегодня вечером, просмотреть свои записи, обдумать план... Сказать, чтобы он был в рабочем настроении, было бы явным преувеличением.

Странно как все повернулось. Приехал встретиться с дядей – дядя пропал. Приехал работать с Вадимом – а проводит дни во встречах с детективом и этой непостижимой Соней...

Непостижимой Соней. Именно то слово. Загадкой, интригующей и притягивающей. Что это с ним? Обычное мужское влечение, в котором он со всей наглядной очевидностью не одинок? Или – любопытство? Желание разгадать, понять секрет притяжения этой личности и этой женственности? Разглядеть силы, удерживающие этот странный супружеский союз? Союз, похожий скорее на мирное сосуществование двух автономных личностей, подписавших договор о сотрудничестве и ненападении! Так бывает только без любви, любовь такая штука, которая связывает по рукам и ногам, притягает, предъясняет права, покушается на свободу... Его любопытное воображение начало набрасывать сцены Сони с Пьером в постели. Сцены получались карикатурными: длинный, худой и нескладный Пьер с бледным неспортивным телом – и маленькая, прелестная, равнодушно-безответная Соня... Они друг другу не шли в постели, не сочетались ни физически, ни эстетически; просто невозможно было представить, что у них что-то могло получиться, что было бы достойно называться словом «секс»... Бог мой, что же их связывает?!

«А какое твое, собственно, дело?» – спросил Максим себя и оставил вопрос без ответа. Он снова вспомнил художницу в шляпке. Талантливая и эгоцентричная – ох, помотала она нервы Максиму! Она его притягивала, и он привычно завязал тот тон отношений, в котором играл роль убегающего, предоставив ей роль догоняющего. Но она не приняла эту роль. Она и не думала догонять. Она была настолько погружена в себя и свое творчество, что с усилием замечала присутствие или отсутствие Максима... Она встречала его в меру приветливо и отпускала без грусти и без тревоги, без вопросов «когда встретимся». В постели она была энергична и в то же время холодна, и, глядя в ее никогда не тающие льдинки-глаза, он даже было закомплексовал... Но потом понял: ей это просто не очень нужно. Это не было фригидностью, нет! Это было примерно так, как она ела: наскоро, все равно что, лишь бы не быть голодной. Без изысков и без аппетита... Их роман длился четыре месяца, и они расстались друзьями. Вот тут-то Максим до конца понял свой полный провал с художницей: в их отношениях ничего не изменилось. Ни-че-го! Только отменилась постель. То есть ничего и не было.

Но Соня... Нет, Соня явно не тот случай. Если она и холодна в постели, то разве что только со своим мужем... Это хрупкое тело, создающее впечатление бесплотности (хотя оно обладало всеми положенными

округлостями), от которого просто исходит аромат эротизма; это сочетание детскости и утонченной манерности, впечатление потаенной посвященности в изыски секса... Или даже разврата...

«Уф, – сказал вслух Максим, увидев себя в зеркале, – хватит!»

Он взял блокнот, взглянув на часы – к восьми он должен быть у Вадима. Максим ему обещал прикинуть, как можно развить исторический аспект «русского наследства», но он так и не придумал, с какого конца за него взяться. Нужны какие-то исторические материалы, но где их искать? Надо снова идти в библиотеку и сидеть там часами.

Максим, задумавшись, грыз ручку и смотрел в окно. Забавно, в кино это штамп, а на самом деле ручки грызет в задумчивости, наверное, добрая половина человечества...

Почему императрица подарила этот столик его прапрабабке? Она была фрейлиной при императрице, но этого разве достаточно? Что могло подтолкнуть Екатерину к такому жесту? Щедро она была на подарки своим приближенным или его достойная прапрабабушка заслужила чем-то этот знак царственного внимания? Тогда чем? В чем услужила? Царица, как утверждают, имела слабость к мужеску полу...

Обрывки чего-то когда-то читанного завозились в его мозг, мешаясь с фантазиями. Максим растянулся на кровати и закрыл глаза, дав волю своему разгоряченному воображению...

...Екатерина смотрела на себя в зеркало, опершись обнаженными локтями на туалетный столик, недавно подаренный ей. Столик в итальянском стиле, изящный, на легких оленьих ножках, с резьбой и инкрустациями, с ящичками и секретерчиками. Но не столик ее интересовал. Она понимала, что эта красивая вещь заказана специально для нее, и оценила этот знак внимания, но к красивым вещам она была равнодушна. Императрицу интересовало ее собственное отражение. Она смотрела на свое лицо, подпертое круглыми белыми руками так, что двойной подбородок образовал некрасивую складку. «Старею, – подумала она. – Уже состарилась, вернее».

Она знала, что этот столик – не просто знак внимания. Это призыв и предложение. Мужчины, который знал, что она равнодушна к мужчинам. Мужчины, который чувствовал, что ее последняя страсть исчерпывает себя и приближается к развязке. Еще ее ум не пришел к окончательному выводу, еще ее уста не высказали решения, но сердце ее, уязвленное мелкими предательствами и плохо скрытым охлаждением ее фаворита, было уже пусто и холодно. Свободно. Он это чувствовал и искал возможности первым занять образовавшуюся пустоту...

Не в сердце женщины, конечно, она же не дурица, понимает это – в сердце царицы. Могло ли разве кого-то и впрямь волновать – если сказать по чести? – ее немолодое тело, чересчур расплывшее и обрюзгшее? Дело ясное, хочет к трону приблизиться. Но устоять она не могла, хотя и все понимала, и теперь ждала его с минуты на минуту на ночное свидание. Уж больно хотелось услышать слова восхищения и признания, лесть и наглое вранье о том, как она прекрасна, прекраснее всех женщин на свете...

Он вошел в ее спальню через потайную дверь. Постоял на пороге, ожидая – знака, что ли, с ее стороны? Екатерина не стала делать знаков ободрения. Пусть сам... Она любила мужчин властных, незастенчивых.

Приблизился. Она видела его позади себя в зеркале. Чуть склонившись, он дышал ей в шею, бледный, с блестящими глазами, и, смелея, начал бормотать что-то о невероятной любви и бессонных ночах в грезах о ней. Она смотрела в его наглые серые глаза и думала: врет, сволочь. Но как красив... Какие руки сильные, какие плечи в сажень, как сладко пахло мужским телом, терпким потом... Она благосклонно развернула свое царственное маленькое ушко в его сторону и опустила глаза.

Он встал на колени, тербил и мучил ее полную белую ручку с синими отеками вен, обильно смачивая ее поцелуями, раскрывая свои крупные чувственные губы и впиваясь в ее кожу самой их влажной серединкой, поднимаясь все выше к локтю, под рукав. Этого она уже вынести не могла. Грудь ее заходила, и императрица сказала тяжело:

– Что на коленях-то мучиться, встань...

...Он вошел в ее белую буйную плоть и удивился приятно: там, внутри, было хорошо. Если бы не видеть этого тела – так даже и неожиданно прекрасно.

И он закрыл глаза.

Она тоже закрыла глаза. Чтобы не видеть в зеркале вываливающихся из корсажа своих больших жидких грудей, двойного подбородка, обвислых щек. Чтобы не думать о возрасте и о том, что он, конечно, брешет про любовь. Чтобы отжаться своей страсти и лживой грезе без помех.

Столик трясся и ходил под толстыми руками императрицы, которая опиралась на него, налегая всей своей тяжестью, к которой добавлялась настигавшая ее равномерными толчками тяжесть мужчины. Лишь только два шумных дыхания нарушали ночную тишину, и руки Екатерины слабели, голова ее начала плыть в сладком обмороке, и она уже хотела было сделать жест, указующий ее ночному гостю путь к постели, как вдруг..!

Как вдруг в дверь едва постучали условленным стуком. Императрица долго, слишком долго переводила дыхание, чтоб ответить, – и не успела. Дверь отворилась, и ее фрейлина, держа в руках свернутый лист бумаги, сделала шаг в спальню. Тут же и замерла на пороге как вкопанная – императрица увидела в зеркале ее побелевшее и вытянувшееся лицо, – и дверь снова быстро закрылась, словно никого и не было.

...Он покинул спальню на рассвете, через ту же потайную дверь, довольный и уже уверенный в предстоящем взлете своей карьеры.

Утром императрица вызвала фрейлину к себе. Та явилась, бледная от страха и от бессонной ночи, проведенной в ожидании своей участи.

– Войди, – мягко заговорила государыня. – Чего трясешься? – сыто улыбаясь, сказала она. – Чего страшного видела?

– Нет... Не видела ничего... страшного...

– А испугалась тогда чего? Тебе, может, черт ночью приснился?

– Верно... приснился... – непослушными губами пробормотала фрейлина. Ее била крупная, заметная глазу дрожь.

– Вот я и говорю: черт тебе приснился, – кивнула в заключение Екатерина.

Фрейлина смотрела как заколдованная на то место, где ей вчера вечером «черт» – или, точнее, черт знает что привиделось.

– Чего смотришь? – со скрытым смешком продолжала императрица. – Столик нравится?

– Нравится... Да, очень нравится... Красивый такой столик, замечательный... – лихорадочно искала слова фрейлина. – Очень необыкновенно прекрасный...

– Ну, не боись, ишь как тебя прознобило! Я тебе подарю его, хочешь? Уж коли так тебе столик разонравился... Если будешь себя хорошо вести – подарю...

Максим вдруг понял, что он уже погрузился в легкий сон и грезит.

Правда ли вообще то, что этот столик был подарен Екатериной его прапрабабке? Или семейная легенда? Как узнать? Где искать для Вадима анекдоты, из какой булки наковырять ему «изюминок» для сценария?

Он представил, как предлагает Вадиму в качестве «изюминки» пригрезившуюся в его разгоряченном полусне сцену, и развеселился, вообразив его реакцию.

Может быть, он когда-нибудь и сделает фильм про царицу... Он, странное дело, чувствовал эту женщину так, будто он мог легко поместиться в ее шкуре, посмотреть на мир ее глазами и ощутить этот мир ее телом. Страстным, жадным, охочим до наслаждений телом, в вечном противоречии с незаурядным умом, не желающим мириться ни с возрастом, ни с разделительной чертой ее царского положения...

Какой характер...

...Сделать фильм...

Засыпая, Максим ощутил, как волна вождления охватывает его, и погрузился в нее и в сон...

...Она бежала по дворцовому коридору, подхватывая длинные юбки, и на ее лице было выражение ужаса. Он ее как-то уже видел, эту фрейлину, но не был с ней знаком. И сейчас он смотрел, как она бежала прямо на него, и ее приоткрытый от бега и страха рот обнажал два влажных, широко расставленных верхних зубика. На повороте он ее поймал, и ее легкое детское тело вцепилось в него с разбегу.

Он почувствовал, как трепещет эта нежная плоть, и понял, что не сможет ее оторвать, отпустить от себя.

Вот так и остаться, сжатым, прижатым, навсегда.

Он замер, но и она не шевелилась, и они бы так и стояли долго, очень долго, но чьи-то грозные шаги приближались, и он взял ее за руку, и она не задавала вопросов, и молча, по неслышному сговору, они помчались по коридорам дальше, вперед, не разбирая дороги. Внезапно они оказались в огромном темном зале, посередине которого величественно белела мраморная лестница, уходящая куда-то вверх. Остановились, задыхаясь, вглядываясь друг другу в едва светлеющие в непроглядной темноте лица, и их губы, еще хватающие жадными глотками воздух, нашли друг друга... Но темноту сверху прорезала вспышка света, открылась на лестнице двустворчатая дверь, и царица, в пышной нижней юбке и атласном корсаже, настороженно и грозно вырисовалась в проеме дверей, поводя в разные стороны канделябром из трех свечей, ронявших пламя на лету, и в их неверном пляшущем свете ее лицо казалось особенно ужасным: глаза сверкали, ноздри раздувались. Две бедные маленькие фигурки у подножия лестницы сжались, замерли и снова ринулись в свой побег...

Наконец они наткнулись на две винтовые лестницы, обвивавшие друг друга; их основания образовывали черный закуток. Пробравшись туда, они отдышались, прислушались: было тихо, спокойно, темно. И тогда их руки устремились к застежкам, торопливо срывая и разрывая неподатливые хитроумные механизмы крючков и пряжек, и он уже почувствовал теплоту и нежность ее кожи, слегка влажной от желания, волнения и этого безумного гона...

Звонок, нахальный и густой звонок, ворвался в сон и разбудил его. Почему так бывает всегда – на самом интересном месте то телефон, то будильник?

Было темно. Максим никак не мог сообразить, где он и что происходит: ночь, утро, вечер? С кружащейся от позднего сна головой, чертыхаясь по-русски и по-французски, он добрался в темноте до телефона и в свете фонаря, падавшего в окно, разглядел время. Было почти девять часов вечера, и звонил, конечно, Вадим.

– Ты где? Уже девять часов!

– Заснул. Извини. Сам не знаю, как провалился, – просипел Максим, стараясь стряхнуть с себя остатки сна и головокружения.

– Ну так как теперь – будем работать или ты уже будешь спать дальше?

– Да нет, я сейчас приведу себя в порядок и приеду.

Голос Максима все еще сипел, и он уже хотел было прочистить непроснувшееся горло, как вдруг услышал странный звук.

Это было похоже на продолжение сна, бредовое и ненастоящее: в замке поворачивался ключ.

– Подожди, – сказал он тихо Вадиму, – кто-то открывает дверь.

Ему стало не по себе. Он потянулся к выключателю, включил свет и прислушался.

С той стороны двери будто тоже прислушивались. Несколько мгновений стояла леденящая кровь тишина, Максим даже дыхание сдерживал. Наконец звук снова повторился.

– Это ты, дядя? – крикнул он.

Ответом ему был стук быстро удаляющихся каблучков. За соседской дверью зашлась визгливым лаем Шипи. Максим кинул трубку возле телефона и бросился к дверям. Когда он распахнул их, двери лифта уже закрывались и в их сужающийся просвет он успел заметить только край длинной юбки и поля шляпки.

Обалдело простояв несколько секунд, Максим кинулся к лестнице. Однако внизу, в вестибюле, никого не было. Лифт стоял пустой. На улице было темно и тихо – ни шагов, ни прохожих. Женщина будто растворилась в темном пространстве. Может, она стояла где-то за углом или за дверьми одного из подъездов ближайших домов, так же как и Максим, сдерживая дыхание, с бьющимся сердцем... Максим покрутил головой, сделал несколько шагов вправо, влево, постоял и вернулся в квартиру, запыхавшись.

– Ты еще здесь, Вадим? – сказал он в трубку.

– Господи, что там у тебя стряслось?

– Мне тут визит нанесли. Вернее, попытались нанести.

– Кто?

– Прекрасная незнакомка.

– Да кто же?

– Не знаю. Сбежала. Я когда дверь открыл, она уже в лифте уезжала. Только юбка и шляпка мелькнули.

– Это была не Соня?

– Не могу сказать, не разглядел.

– Может, она за чем-то приходила? Что-то взять в папиной квартире?

– А чего тогда сбежала от меня?

– Или та женщина, о которой соседка рассказывала?

- Может.
- Знаешь что? Позвони Реми. Надо ему об этом сказать. Еще не поздно.
- Знаешь что? Позвони-ка сначала Соне.
- Узнать, дома ли она?
- Именно. Если дома, сочини какой-нибудь предлог, вы же старые друзья. А мне неудобно.
- Тебе все-таки кажется, это Соня была?
- Ничего мне не кажется. Я ее не видел.
- Только действительно, почему она сбежала?
- Давай не будем гадать, Вадим. Позвони Соне.

- У них вообще никто не отвечает, – перезвонил через пару минут Вадим. – Никого нет дома.
- Любопытно.
- Да, любопытно... Интересно все же, зачем она приходила и почему убежала?
- У меня нет ни малейшей идеи на этот счет. Но Соня знала, что меня не будет дома, что в восемь я должен был быть у тебя – вчера об этом у них говорили. И у нее есть ключи... В конце концов, это квартира ее отца, мало ли, что ей понадобилось.
- Получается, что она нарочно ждала, пока ты уйдешь. Почему она пыталась пробраться в квартиру тайком?
- Ты так говоришь, как будто мы точно знаем, что это была Соня. А мы ничего не знаем на самом деле. Это могла быть другая женщина.
- Ты прав, конечно. Звони Реми. Я пока за тобой приеду – мы с Сильви голодные сидим, тебя ждем! А ты спишь, свинья.
- Зато визита удостоился. Ушел бы вовремя – пропустил бы...

- Так-так-так, – сказал Реми, – значит, вы спали. Следовательно, в квартире было темно?
- Да.
- То есть любое заинтересованное лицо могло увидеть, что окна темны, и сделать поспешный вывод, что в квартире никого нет...
- Не исключено, конечно.
- И Сони при этом нет дома?
- Ни ее, ни Пьера.
- Любопытное совпадение... Какого цвета была одежда?
- Темная. Точнее сказать не могу... Может, черная, а может, темно-синяя или темно-серая. Или даже темно-коричневая. То есть мне показалось в освещении лифта, что цвет черный, но это мог быть на самом деле другой цвет, понимаете?
- Приятно иметь дело с постановщиком фильмов. Это облегчает работу.
- Льстите?

– Нет, в самом деле, если бы вы знали, как трудно получить достоверные свидетельские показания!
А юбка была какой длины?

– Точно сказать не могу, достаточно длинная.

– Широкая?

– Да. Подол, по крайней мере...

– Что-нибудь еще заметили?

– Верх был с длинным рукавом, я видел локоть. Я думаю, что костюм.

– Женщина какого роста?

– Скорей высокая.

– На каблуках?

– Не заметил. Хотя если судить по стуку, то да.

– В руках было что-нибудь?

– Не видел.

– Ладно. Вы правильно сделали, что мне позвонили. Мне нужно будет завтра со всеми встретиться.
Время я уточню попозже.

– Как хотите. Я на редкость не занят и на удивление свободен.

– Завидую.

– Было бы чему, – усмехнулся Максим. – Так до завтра?

Вадима он увидел в окно. Оценивающе глянув на себя в зеркало, Максим счел, что он в порядке. Прихватив из чемодана бутылку теплой водки и охлаждающую руки банку икры из холодильника, он заторопился к двери, у которой его уже поджидал взбудораженный Вадим.

Арсены жили не очень далеко. Впрочем, в Париже все недалеко – если вы не попадете в пробку. Иначе тогда ваше «недалеко» совсем не является синонимом слову «недолго»... Но пробки раздражают вечно торопящихся французов, что же касается туристов – то они с удовольствием пользуются этими неожиданными остановками, чтобы получше рассмотреть город. В Париже есть что рассмотреть и из правого окна машины, и из левого, и из лобового – везде глаза найдут, на чем остановиться. «Теплый город, – думал Максим, – почему теплый? Может, потому, что повсюду видна рука и забота человека, хлопоты вкуса и воображения. И нет этого тяп-ляп, которое так часто раздражает в Москве...»

В доме Вадима вкусно пахло, было уютно и весело. Черноглазая тонкая брюнетка, Сильви, была очень миловидна, только плохо причесана, вернее, никак не причесана, волосы висели вдоль ее щек без малейшего следа прически или хотя бы просто пробора (странно, он и у Вадима на съемках заметил, что некоторые женщины плохо причесаны – мода у них, что ли, такая во Франции?); и на протяжении всего вечера Максим испытывал нелепое, но навязчивое желание ее причесать. У нее была приятная, хотя и несколько стандартная «голливудская» улыбка и умные понимающие глаза. Она была намного моложе Вадима (интересно, который по счету брак?), но, судя по всему, была душой и опорой этого дома, где Вадим слишком часто отсутствовал в силу своей профессии, предоставляя жене одной сражаться с вынужденным одиночеством и общим бытом. Максим знал, сколь непрочны такие семьи... Сильви, однако ж, управлялась со всем этим с видимой легкостью и юмором.

Черноглазая, как ее мать, девочка лет шести не спускала с Максима круглых глаз за столом, не раз

пронося вилку мимо рта. Ее мучил вопрос, заданный ею в начале ужина: как это так получилось, что Максим русский, что это с ним случилось такое странное, что он не француз, как все люди? Но ответ, что люди бывают разной национальности, ее, видимо, не удовлетворил, и она внимательно разглядывала гостя весь вечер. Их четырехлетний сынишка подобными философскими вопросами не задавался и весь ужин волочил креветку за хвост по столу, изображая ею то ли кораблик, то ли машину, и вскорости, послушно чмокнув Максима мокрым детским ртом в обе щеки, отправился спать. Через полчаса за ним последовала его старшая сестра, которая бросила на прощание задумчивый взгляд на Максима и отказалась его целовать – возможно, она думала, что быть русским – это заразно?..

Взрослые перешли к низкому кофейному столику в окружении диванов и кресел, на которые камин струил тепло и отблески огня. Сильви разлила крепкий душистый кофе по крохотулечным чашечкам, и Максим с опаской и старанием свел пальцы на тонкой хрупкой ручке этого белого фарфорового колокольчика с горькой черной росинкой кофе на дне. Вадим придвинул столик на колесиках, полный разнообразных бутылок на выбор гостю: после кофе полагался «дижестив», то бишь рюмочка для пищеварения. Предполагался выбор из ликеров и коньяков; Максим, подумав о так и не открытой водке, которую его хозяйева дружно отказались пить, выбрал коньяк и не пожалел – коньяк был дивно хорош, и он смаковал его маленькими глотками, слушая, как Вадим поносил американцев, затоваривших кинорынок «говенной продукцией своих низкопробных сериалов и боевиков», и жаловался на финансирование кино во Франции. Сильви вставляла спокойные замечания, выдававшие ум и вкус, и Максим невольно сравнивал ее с Лидой, с которой он разошелся около года назад...

Он слушал, соглашаясь, – русский рынок, выпущенный на свободу, тоже стал немедленно затовариваться продукцией того же качества – и думал о том, что вот он сидит в гостях у Вадима Арсена, у режиссера, чьи фильмы служили ему эталоном (одним из) еще в студенческие годы, и в те самые годы он даже не смел мечтать встретиться с ним самим, пределом его мечтаний была просто возможность увидеть его фильмы, прорываясь на кинофестивали и закрытые просмотры...

И вот он сидит в гостях у Вадима, просто Вадима, а не господина Арсена, режиссер у режиссера, коллеги... Приятно. Забавно. Занятно... Вадим обладал совершенно заурядной внешностью, с этим его круглым лицом, довольно тщедушным телом, невыразительным тонковатым голосом, и в нем не было ни малейшего старания – по крайней мере, заметного – нравиться, производить впечатление, быть на высоте своего имени, создать имидж знаменитого режиссера – иными словами, казаться лучше, чем он есть. Он был мешковат – но без малейшего усилия быть элегантным; простоват – без всякого желания припустить интеллигентности; староват – без малейшей попытки молодиться. Сказать, что Вадим обладал обаянием – тоже было бы натяжкой, он не был обаятельным в обычном понимании этого слова. Но беседа с ним затягивала, завораживала, словно он брал собеседника за руку и проводил через какой-то ход, и вдруг ты оказывался в другом, особенном мире, который принадлежал Вадиму, который он выстроил – мир его личности. Именно это и привлекало в нем – не обаяние, а сила индивидуальности, вот что...

Максим думал о себе, о своем имидже, из которого он не вылезал и который ему почему-то казался абсолютно необходимым. Он любил нравиться, ему этого хотелось, и он об этом заботился. Юношеский идеал гармоничного человека заставлял его напрягаться: надо было нравиться и как режиссеру, и просто как личности, и как мужчине, причем во всех направлениях – внешность, манера поведения, все, что он делал и как делал, как ставил фильмы и как занимался любовью – во всем было стремление сделать хорошо и красиво. Для других и для себя, и даже, может быть, в первую очередь – для себя, для своего идеала, вызревшего в чтении литературы и в отторжении идеологии, овевавшей его детство и юность красными знаменами служения идее борьбы за... неизвестно за что. Он убеждал в спорах свою школьную учительницу литературы и доказывал собственным примером, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей», и поддержкой ему было обожание девочек и тайная зависть закомплексованных

мальчишек-сверстников. Как, впрочем, и спустя многие годы – обожание женщин, соперничество и тайная зависть мужчин...

Понадобилось время, много времени, прежде чем он, обаяшка и душка, понял, что его имидж гармоничного, во всем удавшегося человека крайне утомителен, что он не в состоянии ему соответствовать, что между тем, чем он кажется, и его реальной личностью все больше расходится зазор, и этот зазор образует пласт лжи. Он быть самим собой еще не умел, но уже понимал, что его философия гармонии – гармонии во что бы то ни стало, любой ценой – тоже есть род идеологии, хотя и под другими знаменами, и сумел рассмотреть в своих самых первых фильмах навязчивость и назидательность, свойственные любой идеологии, привкус пропаганды. Разговоров об этом не было, зритель, воспитанный в идеологии и не умеющий различать ее, с восторгом принял его фильмы, да и критика тоже, но он – он заметил. Вот тогда-то он и стал задумываться о себе, знакомиться с собой истинным, пытаться разглядеть свое лицо и даже прикидывать, как могло бы выглядеть, если бы это лицо вдруг обнаружить миру... С каждым новым фильмом он уходил все дальше от поучения и назидательности, он открывал в фильмах своих несовершенных и смешных героев, и никто не знал, что это он о себе ставит фильмы, о своих скрытых от мира несовершенствах. Напротив, критики писали про его «любовь и внимание к простому человеку со всеми его слабостями». Глупо. Как будто бы Максим, личность на редкость совершенная, герой нашего времени, протягивал руку жестом равенства человеку слабому и несовершенному, и все пускали сопли от его великодушия и терпимости и говорили о традициях русской культуры в его творчестве и еще бог знает о чем...

Короче, ему не давали слезть с пьедестала. А ему надоело на нем стоять, надоело врать, он устал и от стояния, и от вранья. Но для этого надо было бороться не только с собой, переучивать себя, перекодировать свое поведение, для этого надо было еще бороться со своим имиджем, который жил уже независимо от него. Ведь свита играет короля, и ничего не поделаешь, свита сильнее, и актер не имеет права выбраться из королевской роли, потому что эта роль отведена ему свитой...

Вот потому-то ему было так любопытно наблюдать за Вадимом, которому удавалось обходиться без всякого имиджа... И поди ж ты, оказалось, что это очень даже мило и совсем не страшно – быть самим собой. Это не мешало Вадиму быть известным, уважаемым и любимым. В частности, его женой... И он снова подумал о Лиде.

Вечер оставил у него острое чувство зависти и сожаления. Это был вечер в семье, в такой семье, которой у него никогда не было с Лидой, которая не могла быть с Лидой. Она была совсем другой. Она была слишком честолюбива, слишком независима, слишком упорна, слишком занята собственной карьерой режиссера-документалиста – все слишком. Она постоянно критиковала его замыслы и фильмы, и, хотя часто бывала права по существу, Максим плохо переносил ее резкий тон. Она, собственно, была тем же, чем был Максим – перфекционисткой, утомлявшей себя и всех окружающих своим стремлением (в отличие от Максима, довольно подчеркнутым) делать все наилучшим образом. Он устал от нее, и они разошлись. И правильно сделали, не следовало и жениться. Не зря он долго бегал в холостяках, не зря не хотел заводить семью, несмотря на усилия всей артистической Москвы его сосватать. Женщин у него было много – они баловали его своим вниманием еще со школьных лет, он уже тогда был красивым мальчиком, – и московские сплетницы не успевали еще переварить его очередной роман, как у него уже начинался следующий... А чего он искал? Кого? Хотелось уюта, покоя, надежности, но почему-то он проходил мимо преданных и ласковых женщин, готовых служить ему беззаветно, и кидался в омутные отношения с нервными поэтессами и истеричными актрисами, ледяными художницами и заумными критикессами...

Может, ему следует дождаться, пока он достигнет возраста Вадима, под пятьдесят, и жениться на молодой женщине, как Сильви, – в этом что-то есть, он будет обожать ее за молодость и красоту (только причесать), она его – за славу... Он подумал о Май, снимавшейся у Вадима. А что, лет десять подождать и ...

Глава 11

День выдался по-летнему жаркий, и, хотя уже смеркалось, тепло все еще плыло над влажными газонами, парясь легким туманом.

– Вы предупредили, что мы тоже приедем? – спросил Вадим, заводя мотор. – Мне было бы неудобно оказаться незванным гостем.

– Предупредил Пьера, – кивнул Реми. – Я полагаю, что он сообщил своей жене.

– Он обещал быть дома к шести?

– Нет.

– Тогда почему мы едем к шести?

– Чтобы приехать до его прихода. Я хочу задать пару вопросов Соне без него.

– А наше присутствие обязательно? Почему бы вам не поговорить с Соне наедине? – недовольно проговорил Вадим.

– Я бы предпочел – пока – говорить со всеми вместе. Если понадобится, поговорю наедине – успеется.

– Я не любитель допросов, – буркнул Вадим.

– А я вам и не предлагаю их вести.

– Я хочу, чтобы вы поняли, Реми: мы давние друзья с Соне, я бы даже сказал – близкие друзья, хотя мы редко видимся. И поэтому я чувствую себя в ложном...

– Именно поэтому, – перебил его Реми, – я бы хотел, чтобы вы присутствовали при нашей беседе.

Максим не принимал участия в разговоре, погруженный в свои мысли. Предстоящая встреча с Соне волновала его больше, чем ему бы хотелось, больше, чем мог позволить себе... Вчерашний сон не отпускал его: легкое тело, прижатое к его груди. Он словно до сих пор ощущал всей кожей отпечаток этого прикосновения.

Его это беспокоило, ему это не нравилось. Он совершенно не имел в виду роман с замужней женщиной, да еще и живущей в другой стране, да еще и его дальней родственницей, да еще и... С такой женщиной, как Соня. Такой странной и такой безразличной к нему.

Прогнать! Прогнать это ощущение прикосновения, прогнать этот дрящущий сон! Он потер рукой грудь, но ощущение осталось.

– У тебя что, сердце болит? – Вадим глянул на него в зеркало.

– Нет.

– Нет, серьезно? Я вижу, ты все грудь потираешь.

– Это так... Невралгия.

Реми понимающе покивал и пустился в рассуждения о стрессах.

– Что-нибудь новое есть? – вежливо вклинился Вадим в его словесный поток, не слишком заинтересовавшись идеями здорового образа жизни.

– Да так, кое-что, – уклончиво ответил Реми. – Работаю. Ищу.

– Ну и как, нашли что-нибудь?

– Пока мелочи... А у вас какие новости?

– Какие у нас новости могут быть, – пожал плечами Вадим. – У меня куча неприятностей, но это уже пять дней как не новость...

– У меня новость есть, – сообщил жизнерадостно Максим. – Я сегодня утром чуть под машину не попал.

– Хорошенькая новость! – угрюмо заметил Вадим. – И чему ты так радуешься?

– Что не попал.

– Как это случилось? – насторожился Реми.

– Как? Я сегодня отправился по магазинам, давно уже собирался сделать покупки. Ну и переходил улицу. А она ехала быстро.

– Ну?

– Что «ну»? Чуть не сбила меня.

– Поподробнее, Максим. – Реми полуобернулся к нему. – В каком месте вы переходили улицу? Какую улицу?

– Да прямо возле дома... Вы что, господин детектив, подозреваете, что на мою драгоценную жизнь кто-то покушался? Я польщен.

– Не будьте так легкомысленны, месье Дорин. Отвечайте на мои вопросы.

– Господи, я вышел из дома и направился к метро. И, когда я переходил через дорогу, метрах в пятидесяти от входа метро, из-за поворота на большой скорости выскочила машина. Я буквально подпрыгнул и заскочил на тротуар. И крикнул вдогонку, что он мудака.

– За рулем был мужчина?

– Я не рассмотрел. Когда машина мчалась на меня, я ничего не успел рассмотреть, а когда я уже поставил ноги на тротуар и обернулся, машина была уже далеко.

– Тогда почему говорите «он»? Почему «мудака»?

– Не знаю, женщины так не ездят.

– Логично. Но не обязательно.

– Вы в самом деле думаете, что меня кто-то хотел раздавить?

– Номера не запомнили?

– Как-то мне не до того было...

– Какого цвета машина? Какой марки?

– Серая. Вернее, немного бежевая. Серо-бежевая такая. А марка... По-моему, «Пежо»... Не возьмусь сказать, какой модели. Я не очень силен во французских марках.

– Большая машина?

– Да.

– Новая?

– Вряд ли.

– Так вот, – отвернулся от Максима Реми, – у меня свой метод снятия стрессов. Могу поделиться, если

хотите: нужно прилечь на пять минут – согласитесь, пять минут всегда можно найти, – и сосредоточиться...

– Вы серьезно думаете, что кто-то пытался меня сбить? – не давал детективу ускользнуть от темы Максим.

– А вы как думаете?

– Я думаю, что это был какой-то кретин.

– Вот и хорошо.

– А что думаете вы?

– Меня не было на месте, я ничего не видел, знаю все с ваших слов, и вы полагаете, что я что-то могу думать?

– Вы же детектив, – подтрунивал Максим.

– Детектив! Вот именно, детектив. А не экстрасенс. Вот, раз вам так хочется: это могла быть попытка наезда. А мог быть кретин. Вуаля. Нравится логика?

– Ничего, сойдет для начала. А зачем кому-то на меня наезжать?

– Чтобы вам столик не достался по наследству; чтобы устранить вас из квартиры и столик выкрасть или чтобы забрать из этой квартиры без помех нечто.

– Какое еще «нечто»?

– За которым приходила таинственная дама.

– Я вижу, возможны варианты.

– Возможны, – кивнул Реми. – Вот вам еще: чтобы устранить вас как свидетеля.

– Чего свидетеля?

– Вы можете сами не знать, чего. Так тоже бывает.

– Здорово... И какой же вывод?

– Никакого. Если вас еще раз попытаются сбить на машине – тогда мы и будем делать выводы.

– А если таки собьют?

– Тогда выводы будем делать не мы, а я один, – мрачно заключил детектив.

– Хорошенькая перспектива... – пробормотал Максим. Больше он не проронил ни слова до самого дома Сони.

Если Соня и удивилась их раннему приезду, то ничем не выдала своего удивления. Она спокойно оглядела гостей, чуть дольше задержав взгляд на Максиме, которому странным образом вдруг почудилось, что она тоже помнит его сон.

Он пошел за нею по лестнице, не в силах отвести взгляда от ее круглившейся под коротеньким белым платьем в обтяжку попки и от смуглых тонких щиколоток. Хотелось поймать за щиколотку и подержать, просто подержать в своей руке, а потом медленно заскользить по гладкой золотистой коже вверх... Теперь он понял, что называется «маленьким французским платьем», о, теперь он понял!..

Соня провела их в гостиную, в которой уже торчал кудрявый Жерар. «Поселился он здесь, что ли?» – неприязненно подумал Максим.

Дверь на террасу была распахнута, и молочный туман плавал в саду, поглощая лучи света из гостиной.

Максим вышел на террасу, вдыхая свежий остывающий воздух. Легкий, детский, яблочный запах утонченно оттенялся запахом лимона и мяты – что-то еще росло, что-то еще цвело и зрело в этом сыром тумане, в этой октябрьской ночи...

– Я как-то не удосужился полюбопытствовать, – сказал Реми, пожимая мягкую Жерарову руку, – хотя профессия меня обязывает быть любопытным: вы каким родом деятельности занимаетесь?

Жерар пошарил у себя под пиджаком и протянул детективу визитную карточку, на которой старинным готическим шрифтом с множеством завитушек было написано: «Жерар де Вильпре. Экспертиза произведений искусства».

– О! – сказал Реми, крутя в руках карточку. – Это очень любезно с вашей стороны. Красиво сделана. Сама как произведение искусства.

Соня предложила напитки. Реми выбрал джин-тоник с лимоном и комфортно расположился на диване.

– Максим, – позвала Соня, – вы что будете пить?

Максим шагнул с террасы в гостиную, и Соня, поевшись, закрыла за ним дверь в сад.

– Виски, – сказал Максим, усаживаясь.

Остальные тоже расселись – Вадим с мартини, а Жерар уже до их прихода держал в руках бокал с киром^[9] который и продолжал попивать маленькими глотками.

– Я хотел бы спросить у вас, Соня, – нежнейше заговорил детектив, – вы вчера как провели вечер?

Соня окинула взглядом всех присутствующих.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось. Я только хотел бы узнать, где вы вчера были. Мы вам звонили домой, вас не застали.

– И что, Пьер вам не сказал?

Вадим бросил взгляд на Максима. Соня перехватила его взгляд и несколько растерянно улыбнулась:

– Я не понимаю, что вы...

– Ответьте мне, пожалуйста, на мой вопрос, – ворковал Реми, – я потом обязательно отвечу на ваши, ладно?

– Я была в ресторане, – пожала плечами Соня.

– Не с мужем, значит, как я понимаю?

– Нет. А... что он вам сказал?

– Осмелюсь вас спросить, с кем вы были?

Соня снова оглядела всех. Жерар смотрел на нее сочувственно, Вадим ерзал и от неловкости отводил глаза, Максим и Реми были непроницаемы, каждый по своим причинам.

– С подругой.

– Имя вашей подруги.

– Мишель Бунье. Послушайте...

– Где она живет?

– В Париже. Двадцать семь, бульвар Вольтера. Можете проверить. Что еще?

– Название ресторана.

– «Фукет» на Елисейских Полях.

– Еще – во что вы были одеты?

– Я не понимаю, почему...

– Сейчас я вам все объясню. Так во что вы были одеты?

– В шелковый костюм.

– Какого цвета?

– Серый.

– Светло-серый или темно-серый?

– Средне-серый, – отрезала Соня.

– Юбка какой длины?

– Это брючный костюм. Какого цвета белье рассказать?

– Длинные? Брюки, я имею в виду, – невозмутимо продолжал Реми.

– Длинные. Все?

– Нет, не все, еще шляпка. Шляпка – была на вас?

– Нет.

– А туфли – на каблуках?

– Разумеется. Вы видели женщину, которая ходит в ресторан без каблуков?

– Видел, – ответил Реми несколько ехидно.

– Видимо, мы с вами ходим в разные рестораны, – так же ехидно ответила Соня.

– Очко, – сказал Реми, почесав затылок. – А каблуки у вас высокие?

– Средние.

– А-а... что такое средние? Можно на них посмотреть?

– Смотрите.

– Где? – не понял Реми.

– На моих ногах.

– Это те же туфли?

– Нет, но у меня каблуки все примерно одной высоты: средней. Маленькие женщины, как я, смотрятся смешно на слишком высоких каблуках. Хотя и склонны их носить. Но не я.

Реми уважительно покивал, оценивая глубину Сониных рассуждений.

– Тогда все, – сказал он. – У вас хороший вкус.

– Вам понадобилось много времени, чтобы это заметить, – съязвила Соня. – Теперь – почему эти вопросы?

– Вчера какая-то женщина пыталась войти в квартиру вашего отца, полагая, что там никого нет... Но там на самом деле был Максим, и, когда женщина услышала его голос, она убежала.

– И вы думаете, что это была я?

– Это могли быть вы.

– Ну и как, моя одежда подходит под описание этой женщины?

– В некоторой степени.

– Понятно. И что я там, по-вашему, собиралась делать?

– Не знаю, – искренне удивился Реми, – откуда мне знать! Если это были вы, так расскажите!

– Это была не я.

– У вас ведь есть ключи от квартиры вашего отца?

– Есть.

– У кого еще есть?

– У соседки, мадам Вансан.

– И все? У Мадлен нет?

– Я не знаю. Кстати, она мне звонила сегодня. Я взяла ее телефон, я вам дам. Я ей сказала, что, возможно, вы ей позвоните.

– Превосходно, спасибо. Правда, я уже нашел ее телефон и адрес, но это очень удачно, что она сама позвонила... Что хотела Мадлен?

– Расспрашивала про папу. Куда он делся, почему, что я думаю и так далее. Она волнуется. Ну а мне нечем было ее утешить, я ей рассказала все как есть.

– Вы говорили ей о звонках-розыгрышах?

– Нет. Я ей вкратце все описала, без подробностей.

– Вот и хорошо... Вам не показалось, что она уже знает, что месье Дор пропал?

– Нет вроде... Она сказала, что никак не может застать Арно дома и что он ей тоже не звонит и она начала волноваться.

– Она звонила в квартиру Арно? – повернулся к Максиму Реми.

– Нет. Ни при мне, ни на автоответчике.

– Значит, это точно была она.

– Где? – спросила Соня.

– За дверью, у Ксавье. Мы слышали женский голос.

Реми описал Соне их вчерашний безрезультатный поход к Ксавье. Соня некоторое время сидела в задумчивости.

– Вы полагаете, что Мадлен узнала о пропаже Арно из вашего разговора с Ксавье? – вежливо уточнил Жерар.

– Именно. Она вряд ли звонила в квартиру Арно. Я думаю, что Арно предупредил о приезде племянника и о том, что все эти три недели, которые Максим должен провести у него, он будет занят. Потому что практически никто не звонит по его домашнему телефону, никто его не спрашивает.

– Я хотела вас спросить... – заговорила Соня неуверенно. – Так что вам сказал Пьер? О том, где я, я имею в виду...

– Ничего.

– То есть?..

– Его тоже не было дома.

– Не было дома? – Соня вскинула голову, мазнув беглым, но многозначительным взглядом по лицу Жерара, и у Максима ревниво сжалось сердце.

– По крайней мере, к телефону он не подошел.

– Вот как... Вам добавить виски, Максим?

– Да. Спасибо, – буркнул тот не глядя.

– Вы не знали, что ваш муж собирался куда-то выйти вчера вечером?

– Нет, – помолчав, ответила Соня. – Но, как я понимаю, это отношения к делу не имеет, не так ли? Мы ведь ищем женщину, как всегда, «шерше ля фам»...

– Ага, вы уже собрались, – сказал с порога приветливо Пьер. – Что нового? Удалось что-нибудь узнать?

– Не совсем. Пока все еще домыслы. Я вас попросил собраться не столько, чтобы вам дать информацию, сколько, чтобы ее получить.

– Да? – Пьер повесил плащ и прошел в гостиную. – И что же вы хотите узнать?

– Где вы были вчера вечером.

– А какое это имеет значение?

– Пока не знаю.

– Тогда почему вы спрашиваете?

– Потому что я нахожу загадочным ваше вчерашнее отсутствие дома. А в этой истории и так слишком много загадок. Мне не нравится, когда они плодятся.

– Мое вчерашнее отсутствие? Кто вам сказал, что я отсутствовал?

– Мы звонили. Никто не ответил.

– Ну и что? Я спал. Я не подхожу к телефону, когда я сплю.

– В самом деле? – иронично спросил Реми.

Максим с Вадимом взглянули на него, не совсем понимая причины этой иронии. Но Пьер невозмутимо ответил:

– В самом деле. Теперь я желаю услышать ваши объяснения.

– И в котором часу вы отправились спать?

Пьер задумался.

– В полдесятого, – наконец сообщил он. – Я вчера очень устал и решил лечь пораньше.

– Мимо, – съязвил Реми. – Мы звонили в девять, в самом начале десятого.

– Значит, я был в душе. И не слышал. Вот и все.

Реми посмотрел на него с сомнением.

– В чем дело, я желаю знать? – в голосе Пьера прозвучали требовательные нотки.

Реми снова рассказал вчерашний эпизод с таинственной незнакомкой.

– Это была не Соня, – убежденно сказал Пьер. – Соня обедала в ресторане в это время. С подружкой.

– Откуда вы знаете? – спросил Реми. – Вы тоже там были?

– Нет... Но... – замялся Пьер, – я доверяю своей жене.

– А где же были вы? – упрямо стоял на своем Реми.

– Я же вам сказал: дома, здесь, спал! Уж не думаете вы, в самом деле, что я переоделся в женщину и пытался проникнуть в квартиру моего тестя?

– Если это не так, то я не вижу, почему бы вам не сказать правду...

– Да вы что, в самом деле! – возмутился Пьер. – Что вы себе позволяете? Вместо того чтобы искать месье Дорана, вы ищете какую-то женщину да еще строите нелепые предположения!

– Послушайте, Пьер... – медленно заговорил Реми. – Вы, наверное, уже отдаете себе отчет в том, что исчезновение Арно не укладывается в рамки розыгрыша? Сроки для розыгрыша прошли. Хотя я с самого начала считал подобный вариант маловероятным... Сроки для киднеппинга – тоже прошли. Вымогатели уже бы позвонили, пять дней – запас достаточный, даже если бы возникли непредвиденные осложнения... Поиск нотариусов еще продолжается, но среди всех, с кем я уже переговорил, никто не видел месье Дорана в субботу. Версия о происках конкурентов Вадима также не имеет под собой оснований, я ее проработал достаточно, чтобы сделать такое заключение... Все говорит о том, что... – Реми глянул Соне прямо в глаза, – следует ожидать худшего.

Соня не шелохнулась, только прикусила губу.

– Так как у нас нет ни места, ни орудия преступления, ни тела, – Реми снова устремил суровый взгляд на Соню, – то остаются только гипотезы. И в первую очередь гипотезы о мотивах преступления.

– Я с самого начала знала, что папы нет в живых, – вдруг произнесла Соня.

Она резко поднялась и вышла из гостиной. Реми испытал видимое облегчение, да и все остальные тоже. Взглядом проводив Соню, Реми продолжил:

– Все, что я пока могу сделать, это искать мотивы. И я их ищу. На виду лежат два: месть и столик. Мечь ведет к Ксавье, столик – к вам, Пьер, к коллекционеру. Так как у меня нет прав, которыми обладает полиция, то я не могу ни обыскать квартиру Ксавье, ни заставить его отвечать на вопросы. Вы же – другое дело. Вы меня наняли, и вы не можете уклониться от ответов...

– Вот именно, я вас нанял! Я! Неужели вы думаете, что я нанял бы детектива расследовать преступление, которое я сам совершил?

– Мы вместе наняли, прошу заметить, – вставил Ва-дим. – Но мне больше повезло, меня, кажется, исключили из списка подозреваемых...

Но на его реплику никто не обратил внимания.

– А что вам оставалось делать? – спокойно возразил Реми. – В глазах вашей жены, в глазах Вадима вы не могли повести себя иначе. В моей практике были случаи, когда убийца...

– Довольно! – прикрикнул Пьер, и его ноздря заплясала темпераментный африканский танец. Максиму послышались звуки тамтама. – Вы несете чушь!

– Тогда почему вы скрываете правду?

В гостиной воцарилась абсолютная тишина. Реми обвел глазами невольных свидетелей этого

допроса, которые со всей очевидностью недоумевали, видя подобную настойчивость со стороны детектива. Реми немного смягчил тон.

– Хотите поговорить со мной наедине? – спросил он Пьера почти участливо.

– Мне нечего скрывать, – со своей вновь обретенной холодной высокомерностью ответил тот.

– Хорошо. Тогда скажите мне, где вы были вчера вечером.

– Спал.

– Пьер, Пьер! – укоризненно проговорил Реми. – Я ведь не из упрямства настаиваю. Вчера, когда я узнал, что некая дама хотела посетить квартиру Арно и что в вашем доме телефон не отвечает, я приехал сюда, к вашему дому. – Реми многозначительно посмотрел на обоих режиссеров, словно подготавливая эффект своих последующих слов. – *В доме не было никого.* Ни вашей жены, ни вас. Я ждал вашего возвращения и видел...

– Хватит! Я вас нанял не для того, чтобы вы следили за мной! Это мои личные дела, и нечего совать в них нос! Никакого отношения к исчезновению Арно это не имеет!

– Позвольте мне самому судить об этом.

– Не позволю! Я вам запрещаю за мной шпионить! За мной и за моей женой!

– Тогда вам придется отказаться от расследования с моим участием. Но до тех пор, пока вы мне платите, я буду действовать так, как считаю нужным. И я настаиваю на правдивом ответе. Хотите поговорить со мной наедине?

Пьер молчал.

– Меня не было дома, – наконец сказал он. – Но где я был, вас не касается. Во всяком случае, я не пытался проникнуть в квартиру моего тестя под видом женщины. Остановимся на этом.

– Хорошо, – согласился Реми. – Остановимся на этом. Пока.

– Может, Максим вообще выдумал всю эту историю! – никак не мог успокоиться Пьер. – И никто и не пытался войти в квартиру Арно!

– Зачем мне выдумывать?! – возмутился Максим.

– Вы говорите, месье Реми, что столик ведет ко мне, – не удостоив Максима ответом, продолжал Пьер, – потому что я коллекционирую антиквариат. Но ведь он в той же степени ведет и к Максиму! У Максима такой же мотив, раз уж вы ищете мотивы! Это он наследует столик в случае смерти Арно! Он тоже под подозрением!

– У меня нет оснований подозревать Максима, – заявил Реми.

– Это почему же?

– Во-первых, Максим, судя по всему, не мог точно знать, сделал ли Арно завещание на его имя. И какой же может быть интерес у Максима устранить того, кто должен ему передать столик? Без дяди он не сумеет его ни взять, ни вывезти из Франции...

– Я тоже не знал, сделал ли Арно завещание! Но меня вы почему-то подозреваете!

– Вы не знали, правильно. Вы рассчитывали, что бумаги не подготовлены, и ваш прямой интерес – устранить Арно до того, как он оформил официально принадлежность столика Максиму. Вы до такой степени рассчитывали, что Арно не подготовил бумаги на имя Максима, что вас чуть инфаркт не хватил, когда Соня вам сказала обратное...

– Если я, следуя вашей логике, рассчитывал на то, что Арно не отдаст столик русскому, то зачем мне было его убивать?

– Именно поэтому, мой дорогой Пьер, я имею полное право вас подозревать: вы могли просто догадаться, что Арно бросится в последний момент «выполнять свой долг чести», как вы сами выразились в прошлый раз, и у вас оставалась последняя возможность помешать ему это сделать в прошлую субботу... В то время как вы, по вашим словам, искали «одну вещицу», вы могли спокойно встретиться с Арно или выследить его после съемок – вы ведь знали, где будет сниматься сцена, не так ли?

Максим невольно улыбнулся, наблюдая за шоковыми методами Реми, примененными детективом к нему самому в прошлый понедельник при осмотре квартиры Арно. Это напомнило режиссерские приемы провокации в работе с актерами – нередко удавалось выжать из актера нужную интонацию только после скандала с последующей истерикой. Должно быть, детектив интуитивно нащупал эффективность этого метода.

Пьер остолбенело глядел на детектива. Поймав легкую улыбку Максима, он взорвался.

– А что доказывает, что Максим не знал о завещании? Что доказывает, что он не мог рассудить точно так же?

– Я читал его письма, я разговаривал с гримершей, которая присутствовала при разговоре Арно с Максимом... Ни слова о завещании...

– Он мог сказать ему по телефону! И Максим в таком случае имел прямой интерес устранить Арно – он тогда становится немедленно владельцем!

– На этот случай у меня есть «во-вторых», – устало произнес Реми.

– Какое еще «во-вторых»?

– Арно где-то прячут. Живого или мертвого, как я вам уже говорил... Прошло пять дней – у нас никакой информации, никакой зацепки. В полиции, в отделе происшествий, тоже никаких сведений... Нужно быть человеком очень расчетливым и предусмотрительным, чтобы спланировать это похищение, даже *зная* обстоятельства, в которых придется действовать! А Максим первый раз в Париже, первый раз встретился со своим дядей, первый раз попал в его квартиру. Он не мог предвидеть ни обстоятельства, ни места, в которых необходимо будет действовать, и не смог бы спланировать...

– Он даже не знал, что у нас съемки назначены на день его приезда, – встрял Вадим.

– Вот видите. К тому же Максим – человек беспечный, как метко выразился месье Арсен. Он не тянет на такое преступление.

– Я должен это принять за комплимент? – поинтересовался Максим.

– За правду, – отрезал Реми без улыбки.

– Хорошо, допустим. Максим такой... вызывающий доверие тип, – не унимался Пьер. – Но ведь есть и другие коллекционеры, которые мечтали бы приобрести столик!

– Полагаю, что есть. Более того, я как раз собираюсь у вас попросить список всех известных вам коллекционеров, которые могли бы им интересоваться. Но, подумайте сами, Пьер, продавца не убивают и не похищают *до сделки*. Случается, что убивают *после*, чтобы завладеть и вещью, и деньгами. Но после, а не до. Другое дело, когда в случае смерти можно унаследовать...

– Тогда зачем вам список?

– У меня не выходит из ума тот араб, который пытался вынести столик. Кто его нанял? Допустим, вы...

– Вы с ума сошли!

– Я говорю «допустим», я просто рассуждаю вслух... Вы наняли человека выкрасть столик и... Вы не смогли бы поставить краденый столик у себя дома, не так ли? А продать – не ваш стиль, тут я вам полностью верю, вы бы такую вещь не продали... Значит, кто-то другой. Хотя...

– По-вашему, эта несостоявшаяся кража имеет отношение к исчезновению папы? – раздался Сонин голос. Она незаметно вошла в гостиную и остановилась в дверях.

– Может оказаться, что да.

– Вы что, серьезно подозреваете моего мужа? – спокойно спросила Соня и, пройдя между мужчинами, села в кресло.

Реми молча проводил ее глазами.

– Я бы подозревал и папу римского, если бы у него был мотив, – проговорил он наконец.

– А почему вы не подумали, Реми, о той женщине, которая ходит к Арно? О которой говорила мадам Вансан? – спросил вдруг Вадим. – Ведь она могла точно так же попробовать войти в квартиру дяди, полагая, что там никого нет...

– Она шляпку носит, между прочим, – добавил Максим. – Помните, нам соседка говорила.

– Как же не подумал? Подумал, конечно. Не исключено, что это была она. Завтра я это выясню... Надеюсь.

– Вы что, нашли ее? Вы знаете, кто эта женщина?

– Ну, в принципе да...

– И кто же это?

– Я вам скажу после встречи с ней. Пока я не уверен, это только предположение.

– У вас одни предположения, – язвительно заметил Пьер. – Но вы ухитряетесь ими попортить людям кровь. Надо же, подозревать меня в убийстве отца моей жены!

– Вы мне список составите? – как ни в чем не бывало поинтересовался Реми.

– Сейчас, – нелюбезно ответил хозяин дома. – У меня все в компьютере.

Он удалился, покачивая головой.

– Вам это, может, покажется странным, месье Деллье, – произнесла Соня, – но я уже почти свыклась с мыслью, что папы нет в живых.

– Нет, отчего же, я понимаю... Интуиция дочери... – пробормотал Реми. – Мне бы хотелось вас утешить, но...

– ...нечем, – печально закончила за него Соня.

Пьер вынес отпечатанный на принтере список, занимавший две страницы.

– Это те коллекционеры, с которыми я знаком лично.

– Антикварной мебели?

– Глупый вопрос. Даже собиратель пепельниц не откажется украсить свой дом антикварной мебелью.

– Тонкое замечание. Спасибо. – Детектив спрятал список во внутренний карман пиджака. – Я хотел попросить у вас разрешения сменить замок в квартире Арно. Каждый раз, когда Максим выходит из дома,

мы рискуем, что туда заберется наша таинственная посетительница. А нам это ни к чему – вдруг она столик выкрадет, предмет наших раздоров? – улыбнулся он дружески.

– А вдруг папа придет? – Соня поглядела на Пьера.

Реми озадаченно посмотрел на Соню. Минуту назад она сказала, что почти привыкла к мысли, что ее отца нет в живых. Ничего не скажешь, женская логика... Все еще надеется, наперекор всем своим предчувствиям?

– Можно предупредить соседку, мадам Вансан.

– Мы не возражаем, – кивнул Пьер. – Я завтра же позвоню в компанию, которая этим занимается.

– Не усложняйте себе жизнь, Пьер, мы с Максимом сами это сделаем.

Пьер с сомнением посмотрел на них.

– Это не так уж сложно, как может показаться, – заверил его Реми.

– Хорошо. Я вам верну его стоимость. А вы нам отдадите запасные ключи.

– Разумеется.

Максим с Вадимом поднялись. Помешкав, к ним присоединился в передней молчаливый Жерар. Все начали прощаться.

– Да, чуть не забыл, – сказал вдруг Максим. – Я хотел у вас спросить: вам не попадалась книга, «Воспоминания графини З.» называется? Мне дядя о ней говорил, мне эта книга могла бы очень пригодиться в работе... Но у дяди ее нигде нет.

– Я что-то слышал о ней... Ты не помнишь? – Пьер посмотрел на Соню.

– Она потерялась, – сказала Соня. – Папа тоже спрашивал, не забыл ли он ее у нас. Но у нас ее нет. Он ее, по-моему, так и не нашел. Поищите в библиотеках, Максим.

– Я как раз этим и занимаюсь...

– Я тоже чуть не забыл вас спросить, – с озабоченным видом произнес Реми, – у кого из ваших знакомых есть «Пежо»?

– Какой?

– Какой-нибудь.

– У нас нет.

– Я знаю, – усмехнулся Реми, – вчера заметил.

Пьер слегка нахмурился.

– Я о знакомых спрашивал, – напомнил Реми.

– Ни у кого вроде бы, – ответил Пьер, подумав.

– Зайдем с другой стороны. У кого есть машина средних размеров, серого или близкого к нему цвета?

Соня покачала отрицательно головой, Пьер повторил:

– Ни у кого.

– Почему вы спрашиваете? – спросила Соня.

– Из любопытства. Меня мама еще в детстве ругала за то, что я сую нос в чужие дела. Она не уставала мне повторять, что это неприлично. Но я оказался неисправим.

Все заулыбались.

– Знаете что? Вадим, Максим, оставайтесь обедать со мной, – предложила Соня. – Попросту, без приема. Пьер меня бросает одну, у него сегодня клуб. А мне не по себе как-то...

– Если ты хочешь, я останусь, – сказал ее муж.

– Нет-нет, не стоит из-за меня менять свои планы. Надеюсь, наши друзья мне скрасят вечер?

– Ты меня извини, Сонечка, я не могу, к сожалению, – сказал Вадим. – Меня Сильви с детьми ждут к обеду, я обещал...

– А вы, Максим?

Соня смотрела Максиму прямо в глаза, и он таял, как шоколадка на солнце. Колени сделались ватными, непослушными, и так бы он и стоял, безгласно млея под ее взглядом, но выручил Вадим:

– Мы на одной машине приехали, Сонечка. Так что мне всех вывозить надо.

– Я его отвезу после обеда, – не отводя взгляда от Максима, сказала Соня.

– Соглашайтесь, – вдруг фамильярно сказал Пьер. – Неужели вы устоите перед чарами моей жены? Она не переживет такого провала.

Соня одарила мужа легкой улыбкой.

– Ну так что? – вновь обратилась она к Максиму.

Поймав неприязненный взгляд Жерара, брошенный на него из-за плеча Вадима, Максим поспешил ответить, причем не без вызова:

– Хорошо.

– Вот и отлично, – сказал Пьер. – Всего доброго, до скорого, – выпроваживал он остальных гостей. Закрыв за Жераром – тот неохотно выходил последним – дверь, Пьер с явным облегчением прошел в гостиную и спросил деловито: – Ну что, выпьем по стаканчику?

– Выпьем, – ответила Соня. – За папу.

Пьер разлил напитки, принес лед.

– Чин-чин, – поднял он свою рюмку.

– За упокой его души, – сказала Соня.

Максим смотрел на нее и гадал, что стояло за этой резанувшей его простотой Сони – мужество или бесчувствие? Он не мог определить. Он был беспомощен, как студент на экзамене, не знающий, к какому жанру отнести показанный кусок. В медовых непроницаемых глазах, в нежных губах, пьющих темно-рубиновый мартини из бокала, он видел только женщину, только свою родившуюся во сне страсть, только свою жажду к ней прикоснуться, втечь, как мартини, в эти губы, проструиться сквозь щелку между зубами и заполнить собой это горло, чтобы она задохнулась от его желания...

Глава 12

– Я вас покидаю, – сообщил Пьер. – Развлекайтесь тут без меня. Если хочешь, Соня, я, когда вернусь, отвезу Максима домой.

– Посмотрим.

Пьер закрыл за собой дверь, кинув на прощание напряженный взгляд, значение которого Максим не сумел бы объяснить. Но он меньше всего сейчас был озабочен расшифровкой взглядов Пьера. Он стоял в оцепенении посреди прихожей до тех пор, пока Соня с легким смешком не пригласила его в гостиную.

Он прошел. Сел. Закинул ногу на ногу. Убрал. Глупо улыбался. Предложил свою помощь, которая была отвергнута. И это загадочное приглашение, и необычная фамильярность Пьера, и присутствие с Соней наедине – парализовало все речевые способности. Он молча наблюдал за Соней некоторое время. Наконец он встал, нашел свой стакан с недопитым виски...

– Софи, – сказал он, – я могу налить себе еще виски?

– Разумеется. Только меня зовут не Софи, а Соня.

– Это одно и то же.

– Это совсем не одно и то же! Соня – это Соня, а Софи – это Софи.

– Соня – это уменьшительное имя от Софи, Софии.

– Вовсе нет!

– Я лучше знаю, имя-то – русское!

– Русское?

– Конечно.

– Не может быть. Во Франции это имя очень распространено.

– Точнее, Софья, София – имя греческого происхождения, но Соня – это чисто русское уменьшительное имя.

– Я никогда не знала, что это одно и то же... Во всяком случае, *во Франции* Соня и Софи – это два разных имени.

Она накрыла на стол, разогрев тарелки с едой из китайского ресторана в микроволновой печи, и стала открывать бутылку вина. Максим чувствовал себя неловко – зачем он только назвал ее Софи? – и, чтобы как-то избавиться от этого чувства, он отобрал у нее штопор: с его точки зрения, это была мужская работа. И только тут отдал себе отчет, что попал в очередное неловкое положение: в руках у него оказалась хитроумная штуковина, с которой он не знал как обращаться. Покрутив беспомощно ее составные части, он посмотрел на Соню. Соня улыбнулась, взяла у него бутылку из рук и ловко откупорила ее. Потом протянула штопор Максиму и пустилась в объяснения, из которых Максим почти ничего не понял, потому что смотрел не на штопор, а на Соню, на то, как раскрываются и округляются ее розовые губы, произносятся журчащие французские слова, ловя смену ракурсов и выражений ее лица, на скольжение теней и света по всем округлостям ее легкого, гибкого тела.

– Я должна извиниться перед вами, Максим, – говорила меж тем Соня, разливая вино. – Прошу вас, присаживайтесь, вот сюда, у меня все готово... Извиниться за то, – Соня обошла стол и уселась напротив него, – что я вам не уделила должного внимания. Мы ведь родственники, не так ли? Папа очень ждал

вашего приезда – вы для него олицетворение семейной легенды. Для меня тоже, хотя я... Скажем, придаю немного меньше значения всем этим семейным связям, чем он. Не то чтобы меня это не интересовало, но все же... Может, интерес к своим корням приходит с возрастом?

– Возможно. Я несколько в иной ситуации, мой интерес связан с тем, что у меня не было вообще семьи... – Максим был рад, что нашлась тема для разговора. – Я был представителем всего лишь второго поколения рода, который вел свой счет с нуля, с ниоткуда, с безвестности. Для меня это открытие. Очень важное открытие.

– Я понимаю, конечно. Для вас мой отец – почти член семьи, дядя, хотя и очень отдаленный. Потому что у вас нет ни бабушки, ни дедушки, ни дяди, ни тети, ни сестры... Да?

– Да.

– А ведь я вам – сестра.

– Получается, что да... Пятиюродная... Или шести...

– Забавно. Попробуйте вино.

– С удовольствием. Мм-м, – отпил Максим душистую терпкую жидкость, – какое вкусное.

– Это хорошее вино, шато-лафит.

– Я не очень разбираюсь в марках вин, больше в водке... За родственные связи?

– Чин-чин. Мы могли бы перейти на «ты». Все-таки брат с сестрой.

– Давай...

«Вот так, – усмехнулся мысленно Максим. – Значит, я на грани инцеста».

– Мне кажется, – продолжала Соня, – что тебе многое здесь непонятно, тебе нужен гид, который мог бы ответить на твои вопросы. Раз уж папа... – Она запнулась. – Я могу взять на себя эту роль.

Максим молчал, не зная, что сказать.

– Если у тебя есть какие-то вопросы...

– Да нет... Я не знаю, право.

Если бы он и хотел задать вопрос, то только один: что это все означает?

– Тебе нравится во Франции? – поддерживала светскую беседу Соня.

– Нравится.

– Здесь лучше, чем в России?

– Почему? – удивился Максим.

– Ну... – Соня повела плечом. – У вас мафия, наркотики, проституция, Жириновский, коррупция, коммунисты...

– У вас тут тоже мафия, проституция, наркотики, Ле Пен, коммунисты...

– Это совсем не то же самое! Во Франции жить безопасно по крайней мере. Спокойно.

– Мы беспокойная нация. «Покой нам только снится», как сказал один поэт. Блок, может, слышала?

Соня отрицательно помотала головой, улыбаясь.

– Значит, покоя вы не ищите?

– По правде говоря, кто как. Люди разные, даже в одной нации.

– Да, разумеется. А ты? Ты из тех, кто ищет?

Вот те на, думал Максим, меньше всего я ожидал философских бесед. Разговор складывался как-то уж очень по-русски, и он снова не понимал, к чему бы это.

– Я? – переспросил он. – Я даже не знаю. Во всяком случае, это не первая из моих забот.

– А для меня покой – самое главное, – сказала Соня.

– Я догадался.

– Вот как?

Максим не ответил. Он не понимал, зачем он здесь. Он не понимал, зачем Соня его удержала. Он не понимал, ведет ли она игру и какую. Сам себе он был более-менее ясен: в нем разгоралась страсть. Из тех, где «ум с сердцем не в ладу», вернее, надо было бы перефразировать: «ум с телом не в ладу». Его тело желало близости с ней, его ум желал отдаления от нее, предвидя все возможные неприятные последствия сближения – муж, разделенность расстоянием и странами, да и вообще бесперспективность чувств... Что касается последних, то, если не брать в расчет обычные эмоциональные завихрения, которые всегда сопутствуют физическому влечению, основным его чувством была злость. Бешеная злость, на себя, на Соню, на свою бессмысленную страсть и нелепую ревность...

Короче, с самоанализом у него было все в порядке. С волей дела обстояли хуже: не слушалась. Отказаться от приглашения – не достало мужества, уйти – не было сил, взять в свои руки разговор и придать ему дружественно-родственную интонацию (пусть неискреннюю, но хотя бы приличную!) – не хватало духу. И вот он сидел, как школьник, отвечая на вопросы, отводя глаза, чтобы не видеть изгиба шеи и мерцания глаз, чтобы не смотреть как зачарованный на розовый уголок свежего рта и на золотистую тень в ямочке на щеке...

Он злился на себя, но он себя понимал. Соню же – нет, не понимал. Чего она хочет? И вправду решила отдать долг родственной вежливости? Или это попытка сократить дистанцию между ними, которую Максим намеренно удерживал? Заметила ли она, как он мучается от этого пребывания наедине? Заметила ли, как каменеет его шея, когда она касается его, вроде бы нечаянно? И если заметила, то зачем она его провоцирует?

Соня смотрела на него, ожидая ответа. Выручил его телефонный звонок. Соня извинилась и подошла к телефону.

«Да... Да... Нет, малыш, я сейчас занята... Нет, в другой раз... У меня гости... Да...» – нежно ворковала она в телефон.

Неужели Жерар? Неужели это она с ним так разговаривает? «Малыш», это надо же! Нет, бежать отсюда, бежать!

Соня положила трубку и обернулась к нему.

– Этьен, – сказала она со снисходительной улыбкой. – Хотел было прийти... Но я ему отказала. Он любит сюда приходить...

(Теперь еще и сыночек! Бежать, бежать!)

– Книжки у нас в библиотеке просматривает, – продолжала Соня. – Он учится в актерской школе, между прочим. Хороший мальчик, воспитанный, начитанный...

Голос Сони приобрел слащавую интонацию, с которой взрослые говорят об успехах детей. «Что она прикидывается, строит из себя добрую тетю-покровительницу? Кого она хочет заставить поверить, что не догадалась о чувствах этого пацана!» – злился он.

– Я думал, что мальчик к вам ходит, потому что он в тебя влюблен, – сказал Максим с некоторым ехидством. – Но, возможно, он делает успехи в будущей профессии, раз ты этого не заметила, – продолжал поддевать он Соню.

– Заметила, – ответила она просто.

– Ты знаешь, что мальчик в тебя влюблен, и говоришь ему «малыш»? Это жестоко.

Соня равнодушно пожала плечами.

– Это роль, которая ему отведена. Другую он не получит... знаешь, я тоже чуть не стала актрисой. Меня звали в кино сниматься. А я отказалась.

«Или это папаша попросил сыночка позвонить: ушел ли я? Ревнует, Карлсон! Ну, пусть поревнует. Ему полезно». Максим испытывал злорадное удовлетворение.

– Ты не хочешь меня спросить, почему?

– Почему что? – очнулся Максим.

– Почему я не стала актрисой?

Судя по всему, от него ожидался ответ: «Это удивительно, с твоей внешностью, с твоими данными, ты создана для кино, я бы тебя тоже пригласил в свой фильм» – и так далее и тому подобное, короче: Соня напрашивалась на комплименты.

– Правильно сделала, – ответил он.

– То есть?..

– Ты не могла бы быть актрисой. Хорошей, я имею в виду.

– Почему же? Меня Вадим сниматься звал. Даже не раз. И другие режиссеры тоже... Мне все говорят, что я создана для кино! – обиженно произнесла Соня.

Ага, задело. Вот и хорошо. Максим испытывал азарт сродни тому, с которым в детстве дергал девочек за косички. Девочек, которые ему нравились.

– Ты слишком своенравна, – продолжал он небрежно. – Актёр должен быть податливым, пластичным – это материал, с которым работает режиссер. А у тебя слишком высокое сопротивление материала.

– Ну и что? Многие режиссеры оставляют актерам право создавать свою роль. Играть так, как они чувствуют. Использовать природу актера, – защищалась Соня.

– Для этого не надо быть актрисой. Достаточно природы.

– Хм...

– Я использую не столько природу, сколько мастерство актера. Искусство аппликации первородных материалов меня не интересует. Мне от актера нужен профессионализм, умение выполнить задачу. *Мою* задачу.

– Твои методы устарели. – Это было сказано с вызовом, и Максим с легкой иронией заметил, как у Сони аж глаза округлились от желания его задеть. Бог мой, что за детский сад!

Он усмехнулся:

– Может быть. Только «Пальму» в Каннах за режиссуру получил мой фильм, если ты не в курсе.

Соня покраснела от досады.

– У тебя есть актерские наклонности, я понимаю, почему тебя зовут сниматься, – сказал он, смягчившись. – Но на самом деле ты не сможешь работать с режиссером. Да тебе и самой это не надо. Не зря же ты отказываешься от предложений...

Соня слушала с легкой настороженной улыбкой на губах, глядя ему прямо в глаза.

– Обычно я говорю, что с меня хватит папиной славы, – возразила она.

– Да... Но ведь это неправда. По крайней мере, это ничего не объясняет.

– А что, по-твоему, объясняет мои отказы?

– Тебе не нужна широкая публика. Может, даже боязно выставлять себя напоказ, выворачивать все уголки своей души, искать в себе потаенные пороки и страсти... – это ведь и есть работа актера. Тебе комфортнее играть свои роли в этом маленьком кругу избранных и постоянных зрителей... Здесь ты ничем не рискуешь: сама ставишь свои маленькие представления, сама исполняешь – никаких творческих противоречий. К тому же публика надежно страхует тебя от провалов: ты уверена в обожании и поклонении...

– Ты имеешь в виду...

– Всех. И Пьера. И Жерара с сыночком. И даже Маргерит. И Мишелей. И всех тех, кого я еще не видел, но которые непременно должны восхищаться тобой, – других ты не потерпишь.

– У тебя оригинальная точка зрения...

– Я не прав?

– Не знаю... По-твоему, я играю роли в жизни?

– А разве нет?

– Допустим, – со смехом ответила Соня. – И как, хорошо я играю свои «маленькие представления»? Я могу тебя включить в список моих преданных зрителей?

Максим поглядел ей печально в глаза и делано вздохнул:

– Можешь.

Соня, довольная его ответом, легко поднялась из-за стола:

– Хочешь, я тебе дом покажу?

Максим вскинул ей вслед руку – ухватить, зацепить, поймать? Он и сам не знал (дернуть за косички?) – но она уже упорхнула, и ее голос доносился с лестницы. Скептически посозерцав свой зависший в воздухе жест, Максим последовал за ней.

– Это старинный дом, – комментировала Соня, – построенный в начале прошлого века. Его купили еще родители Пьера. Конечно, тут многое переделано, перестроено, но многое осталось по-прежнему. Эта лестница раньше кончалась на втором этаже, а на третьем были комнаты для детей и для бонны, и у них была своя лестница, выходящая в сад, но ее закрыли, а основную лестницу продлили доверху... Я люблю старину, я люблю все эти потертые ступени и эти тяжелые низкие балки, но пришлось многим пожертвовать для удобств, вместо комнаты бонны мы сделали ванную и туалет, – болтала она, распахивая перед ним двери комнат, куда Максим заглядывал вежливо и равнодушно, больше глядя на Соню и вслушиваясь не столько в смысл слов, сколько в звуки ее голоса.

– Это... – продолжала Соня, открывая перед ним очередную дверь, – это комната для гостей, я сначала хотела оклеить ее обоями и даже уже начала работы, я все купила...

Комната выглядела странно: ободранные стены, из которых только одна была оклеена. На полу – рулоны обоев, банки, засохшие кисти и валики и прочая атрибутика ремонтного дела.

– ...а потом передумала. Хочу обить тканью. Это все-таки элегантнее. С другой стороны – пыли больше... Ты как думаешь?

– Я в этом не разбираюсь.

– Вот я тоже никак не решу. Рабочих распустила, а комната так и стоит недоделанная с лета.

Не завешенное занавесками окно смотрело в темный сад. Максим приблизился. Туман осел, оставив лишь легкий парок, путавшийся в траве. В слабом свете уличного фонаря, падавшего с улицы, сад открылся ему в своей строгой ночной графике: аккуратно выписанные дорожки, огибавшие лужайку, на которой росла большая плакучая береза, несколько красиво сделанных клумб с еще не отцветшими кустами – кажется, розами – и маленький, мерцающий в темноте прудик с легкими лодочками сухих листьев. Сад был ухожен и наряден, и гармонию его четких линий нарушала лишь проплешина в левой части живой изгороди, через которую были видны размытые очертания темного соседского участка.

Максим любил сады – детское воспоминание о даче в Подмоскowie, на которую они ездили каждое лето. Огородик с укропом, редиской и луком (с грядки прямо на стол); зазывно краснеющая, занозистая малина у ограды; куст кислющего крыжовника, который маленький Максим объедал задолго до его созревания; клумбочки с флоксами и астрами (розы у них не росли, маме так и не удалось с ними сладить в сыром подмосковном климате); деревянная мшистая бочка с дождевой водой, нагревшейся за день на солнце: он погружал в нее с бульканьем тяжелую лейку и поливал огород, и вода теплыми пыльными языками сползала с грядок и ласково лизала его босые ноги... Костер вечером, из старых листьев и обрезков веток, и его низкий, терпкий, горьковатый дым, стелющийся над дачами; и папа с мамой на деревянных ступеньках крыльца, и дымок их сигарет смешивается с дымом костра; и не всегда понятные разговоры о политике и об искусстве, и комары тонким звоном над ухом, и расчесанный прыщик, мешающий спать, и крем «Тайга» на коже... Дачу потом продали за бесценок – она требовала ремонта, но никто не мог ею заниматься, не было времени, не хватало денег...

Максим раскрыл окно, вдыхая ночные запахи.

– Нравится? – Оказалось, что Соня стоит позади него, тоже глядя в сад.

– Нравится. Я люблю сады. Еще с детства... У вас красивый сад, продуманный, ухоженный.

– Только эта дыра весь вид портит. Вон, видишь, кустов не хватает? Четыре туи засохли. Я велела их выкопать, хотела новые купить, но передумала. Решила, что лучше все туи выкопать и посадить лавр. Он не сохнет, как туи, и красивый. Но все-таки жалко выкапывать туи... Они все-таки живые. Хотя они чаще сохнут, но в конце концов всегда можно засохшие выкопать и посадить новые, правда ведь?

Максим слушал ее ботанические объяснения и думал: вот человек, не связанный ничем: ни работой, ни начальством, ни зрителями – одним словом, не связанный интересами других людей, которые вечно противоречат твоим собственным. Вот человек, не связанный необходимостью зарабатывать себе на жизнь, который в денежных тратах руководствуется только своим вкусом и прихотями; вот человек, не зависимый ни от чего, ни от кого – одним словом, свободный. Правда, ее свобода ограничена Пьером: это он дает ей все виды свобод – кроме свободы от самого себя... Потому-то она так и охраняет свой покой, свою безмятежность чувств: знает, что если рухнет, если *позволит* себе рухнуть в другие отношения, то лишится всех своих привилегий. Обретет разве что свободу любить, но... Приносит ли она счастье? Даже истории с хорошим концом, когда пирком и за свадебку – чем они кончаются? Тем же самым: привычкой и бытом. Хорошо, если мирным, как у Вадима с Сильви. Хуже, как это получилось у него с Лидой. Но так или иначе, любить ровной домашней любовью, в которую трансформируются со временем пылкие страсти, –

можно и Пьера. В роли подобного кандидата он ничем не хуже других. А уж если совсем честно, то надо признать, что даже лучше многих, если не как любовник, то как муж...

Как муж, да. Максим, например, к функции мужа непригоден, его семейная жизнь с Лидой лишь доказала общеизвестное...

– Так я ничего и не решила, – продолжала тем временем Соня, – и мы остались с пролысиной в изгороди. Хорошо, соседей нет, они здесь только летом бывают! Но надо все-таки на чем-то остановиться, сейчас осень, время посадок еще не закончилось, надо решить. Меня эта дыра, честно говоря, пугает, мне там все время кто-то мерещится, будто кто-то в кустах стоит. Пьер надо мной смеется...

– Вот я и говорю, что ты слишком своенравна, – сказал Максим.

– В каком смысле? – опешила Соня.

– Как с обоями... Хотела одно, решила другое, потом снова передумала... Ты привыкла следовать своим прихотям, а в актерской профессии требуется дисциплина, – закончил он суровее, чем ему бы хотелось, с неожиданной для него самой ноткой обличительства.

– Мне все быстро надоедает... – Соня оправдывалась под натиском Максима. – Я еще не успеваю новую идею осуществить, как она мне уже надоедает... Ты прав. Так я и остаюсь, с недоклеенными обоями и с непосаженными кустами, – виновато подытожила она.

– И с мужем, которого ты не любишь, – дополнил Максим глуховатым голосом, глядя в окно.

Он и сам не знал, как он осмелился это сказать. Это было по меньшей мере неприлично. И снова непонятно, зачем. Ревность? Как же это глупо!..

Соня вскинула на него глаза с некоторым удивлением.

– Пьер меня понимает... Он не навязывается, он мне дает свободу жить так, как я хочу...

– Встречаться с Жераром, например?

Соня вспыхнула.

– Ты не находишь, что это не твое дело?

Максим находил. Но лез в атаку.

– Ты ведь вчера с ним была в ресторане, не так ли? Я видел, как вы переглянулись...

– Послушай, с какой стати...

– Твой муж дает тебе свободу иметь любовника?

– Мы не любовники!

– Я не вчера родился, Соня!

– Мы правда не любовники! И это не твое дело! По какому праву...

– Ты с ним вчера была в ресторане? Все равно Реми узнает.

– Ну и что? Я имею право ходить в ресторан с кем хочу!

– Тогда почему бы тебе не сказать об этом своему мужу? Зачем было врать про подружку?

– Это никого не касается! И Пьера тоже!

– Ты так думаешь? А он где был, по-твоему? Тоже с любовницей?

– У него нет любовницы!

– Он же куда-то уходил вчера, ты об этом ничего не знала, не так ли? Каждый живет своей жизнью, никто никого не стесняет, у тебя любовник, у него любовница, прекрасная семья, вы друг друга понимаете...

Соня молчала.

– Хорошо тебе жить так? Удобно? – продолжал нападать Максим.

– Какое твое дело, я не понимаю? – наконец холодно произнесла она. – С какой стати ты меня допрашиваешь? Ты что, в полиции нравов состоишь? В обществе борьбы за нравственность? Или ты ревнуешь?

Опля! Удар пришелся точно, точнее быть не может. Максим запнулся. Что ответишь, когда и сам не знаешь, что там у тебя замкнуло в глубине подсознания, что там за всплески снов и эротических видений на дне? Когда ты понимаешь, что ведешь себя глупо, но продолжаешь вести себя еще глупее?..

Теперь пришла его очередь замолчать.

Некоторое время они смотрели друг на друга, и Максим вел безгласную и безуспешную битву со своим желанием ощутить, ощутить в реальности, во всей физической конкретности, приснившееся соприкосновение их тел.

Он отвел глаза первым.

Пауза длилась.

– Я приготовлю кофе, – сказала наконец Соня и стала спускаться, легонько стуча каблучками по лестнице, оставив Максима в задумчивости у холодного стекла.

Он простоял так некоторое время, без всякой мысли, с сосущим ощущением пустоты в груди, глядя в темноту за окном... Пока в его размытом поле зрения не произошло какое-то движение. Едва легкое, едва заметное, но все же достаточное, чтобы Максим сфокусировал взгляд.

И этот взгляд выхватил из черных теней неясный силуэт человека, притаившегося в кустах недалеко от пролысины, о которой говорила Соня.

Непроизвольно отшатнувшись от окна, Максим тут же взял себя в руки и сообразил, что если не подходить к окну вплотную, то его нельзя разглядеть в темной комнате из сада. Осторожно приблизившись к окну снова, он стал внимательно разглядывать кусты.

Там никого не было. Сад был пуст, безмолвен и неподвижен, не выдавая никаких признаков или следов чужеродного присутствия.

Был ли там кто-то всего несколько секунд назад? Привиделось? Ночи ли полубессонные, полные мучительных грез, утомляющих тело и ум, сказываются?

Конечно, привиделось. За это время человек, если бы он там был, не сумел бы ни сбежать, ни перепрятаться. Это просто игра теней. Должно быть, тени так падают именно в этом месте, что и Соне примерещилось... Соня. Где она?

И Максим, бросив на прощание взгляд в пустынный сад, закрыл окно и спустился в гостиную.

– Извини, – произнес Максим, и Соня вздрогнула от неожиданности. Максим стоял на пороге кухни и смотрел на нее. – Извини, я действительно не имею права задавать тебе подобные вопросы. Это не мое дело.

Соня вручила ему поднос с чашками и кофейниками и, прихватив серебряную тарелочку с

маленькими печеньками, направилась за ним в гостиную.

– Я думаю, – заговорила она, – что Пьер на самом деле следил за мной вчера.

– За тобой?!

Максим бросил произвольный взгляд на окна-двери гостиной, выходящие в сад. Но они были плотно задернуты занавесями. И он испытал облегчение при мысли, что в них нельзя заглянуть из сада.

– Я не знаю точно... Но мне так кажется.

– Ты с Жераром была в ресторане?

– Да. Но только... Он мой поклонник, но не любовник.

– Зачем ты, Соня, я ведь извинился, это действительно меня не касается...

– Он не любовник, – упрямо продолжала Соня, – я просто позволяю ему за мной ухаживать. Меня это развлекает. Мне это... как ты говоришь, это роль, которая мне нравится... Род авантюры, приключения...

– Почему ты думаешь, что Пьер за тобой следил?

– Во-первых, ему негде больше быть. Я уверена, что у него нет никакой любовницы... Просто я его знаю. И раз он пытался скрыть от меня, что его не было дома...

– Я понимаю. А во-вторых?

– А во-вторых, мне показалось, что я его видела в соседнем зале.

– Он тебя ревнует?

– Не думаю. Мне кажется, что он давно подозревает, что у меня какие-то отношения с Жераром. И хочет знать, до какой степени. Не ревность, а так... Любовь к точности. Профессиональная.

«Любовь к точности». Не она ли привела Пьера под окна, чтобы следить за своей женой, которую он с деланой игривостью оставил с молодым и симпатичным «родственником»? Хорошо еще, что я удержался от желания поцеловать Соню! Вот была бы сцена у окна!

Бог мой, что за глупости. Он же не сумасшедший, Пьер. Как он мог бы знать заранее, что мы остановимся у окна в гостевой комнате и что нас можно будет увидеть из сада? Никак, конечно. А больше там высматривать нечего, в гостиную не заглянешь... Не из-за чего сидеть полночи в саду. Мне просто показалось, безобидная игра теней.

Или там был другой воздыхатель, Жерар? Который изводится от мысли, что его место занято? Который попросил один раз своего сыночка проверить, не освободил ли я территорию, и, получив неутешительный ответ, приперся в сад, чтобы своими глазами увидеть, что тут происходит и когда я наконец свалю отсюда?»

Максим улыбнулся этой мысли и уже хотел было поделиться ею с Соней, но вовремя спохватился, что может лишь напугать ее.

– Ну что ж, – бодро сказал он, – по крайней мере, никаких загадок. Как справедливо заметил Реми, в этой истории и так предостаточно тайн.

Соня погрузилась в мысли.

– Что ты думаешь, – спросила она, – об исчезновении папы?

Максим покачал головой.

– Я теряюсь в догадках. Много концов, и ни один из них никуда не ведет. А ты что думаешь?

– Я боюсь думать что бы то ни было... Мне страшно узнать правду. Хотя я ее уже знаю.

– Ты уверена, что правда в том...

– Что я его больше никогда не увижу. Живым.

Снова Максим был шокирован ее прямоотой. Он потер лоб.

– Знаешь, – произнес он после некоторой паузы, – когда я был маленький, у нас была дача под Москвой. Зимой там все заносило снегом – глубоким, чистым, нетронутым. Когда мы приезжали на каникулы, нужно было идти в сарай за дровами, чтобы растопить печь, а сарай был на краю нашего участка, у забора. Я шел с папой за дровами, и мои валенки увязали в сугробах. Представляешь? Нogu заносишь, чтобы сделать следующий шаг, а валенок остается на месте, по края в снегу, и через носок к ступне тут же пробирается жгучий холод. А то еще, бывало, не удержишься, особенно когда в руках дрова, и ляпнешься босой ступней в снег... Я, маленький, часто заглядывал в голубоватые лунки моих следов в снегу – верил, что там живут маленькие человечки, которые цепляются за мой валенок и не пускают его. Хотел их подстеречь... И вот сейчас у меня такое чувство, будто делаешь шаг, а валенок стоит на месте. И только холод...

– Я понимаю. Но что я могу сделать? Заявление в полицию мы положили, если бы папа нашелся, живой или мертвый, нам бы сообщили. Детектива наняли. Что еще?

Максиму снова вспомнился силуэт в саду... Был или не был? По его спине побежал холодок.

– Не знаю, надо попытаться как-то выстроить версии. – Он опустил наконец свою руку, прикрывавшую нервным жестом глаза, и посмотрел на Соню: – Ты же лучше знаешь тех, кто тебя окружает, своего мужа...

«Он уговорил меня остаться, потому что рассчитывал таким образом избавиться от Жерара! – вдруг осенило Максима. – Его донимает мысль, что у жены какие-то отношения с этим Карлсоном – он не знает точно какие, но ревнует. Успешно выжив Жерара из дома, он потом испугался, что я тоже представляю опасность... Вот что означал его странный, напряженный взгляд на прощание! И он засел в саду... Он?»

– Ты подозреваешь Пьера? – удивилась Соня. – Ты предполагаешь, что он мог... иметь к этому какое-то отношение? Он не способен на такое.

– Тебе лучше знать. Но мне он кажется человеком расчетливым, меркантильным, практичным, который готов на многое, чтобы заполучить то, что он считает ценностью... – «Тебя, например», – чуть не добавил Максим.

– Он такой и есть, – слегка улыбнувшись, ответила Соня.

Максим хотел было снова вскинуться с обличениями, в которых не было нужды... Но удержался.

– Тебя это не раздражает? – спросил он только.

– Ты меня не знаешь, Максим. Это то, что мне нужно.

– Не совсем понимаю... – «Я говорю неправду, Сонечка, я тебя прекрасно понимаю...»

– Ну, мне спокойно с ним...

– И это все, что тебе нужно?

«Понимаю, но лезу на рожон. Как последний дурак. Как бы остановиться? Может, просто уйти?»

– А что ты хочешь? Я вроде рачка, а он для меня подходящая ракушка. Защита.

– От кого?

– От себя, наверное.

– Я так и понял, что ты Пьера не любишь!..

«Хватит, Максим, уймись, эта не твоя женщина и никогда тебе принадлежать не будет; у тебя нет никаких прав ее упрекать в чем бы то ни было!»

– Я к нему привязана. Я его люблю, по-своему. Но не так, как обычно понимают это слово. Так я не хочу.

– А чего же ты хочешь?

Соня неопределенно мотнула головой, глаза ее потемнели и сузились, изучая какую-то точку на поверхности стола.

– С меня хватит, – тихо сказала она наконец. – Я хочу покоя. Покоя, больше ничего.

И она взглянула Максиму прямо в глаза, словно проверяя, хорошо ли он ее понял.

Конечно, Максим ее понял. Уже давно понял, уже все это знал, почувствовал, догадался. Более того, он не собирался нарушать ни ее тщательно выстроенный мирок, ни ее драгоценный покой. Он уважает право каждого человека на свою точку зрения и так далее, и тому подобное.

Но он взбесился. Одно мгновение он смотрел на нее со всей высоты своего роста, почти надменно, откинув голову, сверху вниз, прикусив крепкими зубами нижнюю губу и раздувая ноздри. Потом он властно протянул руку, крепко взял ее за плечо и потянул на себя. Яростно сжав ее хрупкое тело в своих больших руках, он опустил голову к ее лицу и, щекоча усами, выдохнул ей прямо в губы:

– Тогда зачем ты меня заставила остаться с тобой?

Соня замерла в его руках. Веки прикрыла, и темные полукружья зрачков стали садиться во влажный туман, как два заходящие черные солнца. Ресницы бросили на щеки тень. Губы, всегда капризные, приоткрылись в какой-то жалобной полуулыбке.

Щелочка между передними зубками. Легкий пушок над верхней губой. Маленькая родинка на крыле носа. Ее лицо обращено к нему, так близко...

Сон. Его кожа, впитывающая столь желанное прикосновение. Его взгляд, плавящийся в ее темных глазах, мерцающих из-под прикрытых век. Его кровь, горячо толкающаяся в венах. Его рот возле ее губ, он ловит ее дыхание... Вот она, в его руках, в его власти! Ну же, ну! Еще ближе, еще миллиметр, наклонись, прикоснись – вот он, момент, как раз сейчас!

Он разжал руки и выпустил ее.

Он не сумел бы объяснить, почему.

Он заторопился, и Соня, не пытаясь его удержать, довезла его до станции РЕР [\[10\]](#)

Когда Максим вошел в темную квартиру дяди, ему показалось, что там витал дух постороннего присутствия.

Или ему это только показалось?

Надо действительно срочно сменить замки.

Глава 13

Максим проснулся в половине десятого, разбитый и опустошенный. К десяти часам уже должен был приехать Вадим, чтобы продолжить работу над сценарием.

Максим вскочил и помчался умываться.

«Все, баста, – думал он, брея подбородок и глядя в зеркало на свое бледное отражение, на нездоровые синие круги под глазами. – Хватит. Снов, тайных страстей, сердцебиений, как у пятнадцатилетнего мальчика, – хватит всего! Закрыли тему. Моя родственница и замужняя женщина, не более. Никаких эпитетов и игр воображения. Просто привлекательная женщина. Таких навалом. У меня таких пол-Москвы, привлекательных. Нашел из-за чего колотиться, дурак! Ты мне это брось! Вот и хорошо, – покивал он отражению, – договорились, бросаем. Пятиюродная сестра, да? Заметано».

Запах яичницы и кофе с молоком еще витал в квартире, когда появился Вадим. Он тоже был бледен и подавлен.

– Налей мне кофе, если остался, – вяло попросил он. – Голова как песком набита. Плохо спал.

– С молоком? – спросил Максим.

– Без. Телефон разрывается – журналисты звонят, со студии звонят без конца. Они что думают, если бы у меня были новости, я бы не позвонил? – Вадим горестно покачал головой. – Я никому не сказал, что я здесь. Только Реми. Он поехал встречаться с Мадлен, обещал позвонить потом сюда.

Он уселся на кухне за маленьким столиком, грустно наблюдая за действиями Максима.

– У Реми есть новости? – спросил его Максим.

– Так, мелочи. Это был не Пьер.

– Где?

– Ну, женщина, которая сюда приходила, когда ты спал.

– Пф! – фыркнул Максим. – Конечно, не Пьер.

– А ты-то откуда знаешь?

– Вадим, ты же режиссер! Ну подумай, разве он может быть в роли женщины? Как он по улице-то пойдет?

– А чего ему по улице ходить? Он из машины и в машину. И вокруг темно. Только-то и видно, что женская одежда. Он же не рассчитывал на тебя наткнуться.

– Ладно, в любом случае это был не он.

– Откуда ты знаешь? Ты тоже говорил с Реми?

– Я с Соней вчера говорил. Она видела Пьера в ресторане, где была сама.

– Он что, следил за ней?

– Послушай... – произнес Максим, – ты в каких отношениях с Соней? Если я могу тебе задать такой вопрос.

– В хороших.

– Ну конечно, я понимаю, что в хороших, но я имею в виду – ты вчера сказал, что вы друзья...

– Это так. Можно сказать – с детства, несмотря на разницу в возрасте. Мои родители старше Арно, но они с Арно дружили. Я вырос на глазах у Арно, а Соня выросла на моих глазах... Она мне доверяла, еще когда девочкой была. Свои секреты рассказывала, советовалась. С тех пор как она вышла замуж, мы стали реже видеться, да я и с Арно стал куда реже встречаться. Но все-таки встречались. Иногда семьями, иногда мы с ней в кафе сбегались поболтать. Я люблю ее. Она нежный человек, ранимый. И одинокий, хотя Пьер ее безумно любит и балует.

– Вот как? – неприятно спросил Максим.

– Ты разве не заметил?

Максим лишь пожал плечами, не ответив.

– А почему ты спрашиваешь? – поинтересовался Вадим.

– Думаю, имею ли я право тебе рассказать то, что мне вчера сказала Соня.

– О том, что Пьер за ней следил? Меня это не удивляет. Она в ресторане была с Жераром?

– Это тебе Реми сказал?

– Реми хранит чужие секреты. Что, в точку попал?

– Попал.

– Я просто догадался. Соня мне говорила как-то о ее отношениях с Жераром. И тебе, стало быть, Соня призналась?

– Да. Только *мне* она сказала, что никаких отношений у нее с Жераром нет и она просто принимает его ухаживания, – с излишней напористостью проговорил Максим.

Вадим еле заметно усмехнулся:

– Так оно и есть. – И, помолчав, добавил: – Она ребенок, понимаешь? Такой Питер Пен женского рода, уцепившийся изо всех сил за детство. И играет в детские игры, но не в пиратов и не в дочки-матери, а в «роковую женщину», принимающую дань от разбитых сердец. С кокетством, но с холодным носом, без драм и без потрясений. Пьер, бедолага, этого не понимает и ревнует ее смертельно.

– Соня находит, что ее муж не способен на ревность, – заметил Максим, желая услышать комментарий Вадима.

– О, он это просто от нее удачно скрывает.

– Видимо, – излишне сдержанно ответил Максим.

– Похоже, что для тебя его ревность тоже является секретом? Меж тем это достаточно заметно. Если иногда смотреть и на Пьера...

Максим покраснел и стал молча перебирать исписанные листы на столе.

– Соня тоже не понимает своего мужа, только и всего. Это безнадежный случай, этот супружеский союз, – продолжал Вадим, отводя с улыбкой глаза от пылающего Максима. – Безнадежный, но крепкий, – добавил он. – Пьер – подходящая оправа для такой драгоценной штучки, как Соня...

– Ты зачем мне это говоришь? – сухо осведомился Максим.

– Просто так, – невозмутимо ответил Вадим. – Разговор зашел. А что, не надо было? – с еле заметной иронией спросил он.

Максим хмуро протянул стопку страниц Вадиму:

– На, читай вот отсюда!

«—...Наташа, Наташенька, – шептал Дмитрий Ильич, глядя остриженные после тифа волосы жены. – Все хорошо, не волнуйся, все будет хорошо... Меня большевики оставили в пароходстве работать, в прежней должности... Зарплата у меня теперь меньше, зато паек дали... Им нужны квалифицированные специалисты. Государству, даже рабоче-крестьянскому, всегда нужны специалисты... Все оказалось не так уж страшно, знаешь...»

Глава 14

Объездив нескольких коллекционеров по списку Пьера, Реми понял, что действует неправильно. Все знали об антикварном туалетном столике Арно, но никто не имел понятия о попытке его украсть год назад.

До обеденного перерыва, в который у Реми было назначено свидание с Мадлен в кафе недалеко от парка Монсо – она работала поблизости в одном рекламном агентстве, – оставался еще час, и Реми решил использовать его более продуктивно. Он набрал номер одного своего собрата по профессии, с которым они иногда сотрудничали.

Тот, к счастью, оказался на месте.

– Дидье? Салют, Реми. Мне нужна консультация. Ты вел недавно дело с антикварами, так что я тебя теперь держу за специалиста.

– Что нужно, говори.

– Существует антикварная вещица, туалетный столик, дорогой. Год назад его пытались украсть. На месте застучали грузчика, который испарился без следа. Мне нужно понять, кто его мог нанять.

– Записывай адрес: набережная Лувра, шестнадцать. Месье Фредерик Жантий, владелец антикварного магазина. Скажи, что от меня. Он мне кое-чем обязан... Даст тебе консультацию.

– Это очень мило с твоей стороны. Я в долгу.

– На этот счет не беспокойся, я его тебе не забуду.

– У тебя как дела-то, я даже не спросил!

– Как и у тебя, я надеюсь: по горло.

– Да уж, верно замечено. Я тут в полном дерьме со своим антиквариатом...

Месье Жантий был низенький, опрятненький, пожилой мужчина в очках, с остатками седых волос вокруг загорелой лысины и сладким улыбчивым лицом. Реми долго следовал за ним по лабиринтам среди старой мебели, пахнущей чужими жизнями, уже законченными; мимо стеклянных витрин, уставленных оббитой и не раз склеенной посудой, с темными щербинами и стертой позолотой; мимо прилавков с ювелирными украшениями, подслеповато глядевшими на покупателей пустыми глазницами пазов, похожих на пауьи лапки, некогда державших потерянные ныне жемчуга и бриллиантики, обвивавшие прелестные шейки и запястья ушедших в небытие красавиц.

«Что за чудные люди покупают все это! – думал Реми, пробираясь через мебельные заставы. – И охота им тащить к себе в дом весь этот тлен и прах? Ладно бы еще по наследству досталось, но платить за него бешеные деньги? Не понимаю. Мне заплати – и то подумаю, прежде чем у себя дома поставить эти кладбищенские призраки...»

Реми добрался наконец до двери, которую уже распахнул услужливый хозяин, и вошел в небольшой, дорого убранный кабинет. Не переставая сладко улыбаться, антиктвар усадил Реми в старинное кресло (Реми не взялся бы определить, к какому стилю и к какой эпохе его отнести; для него все вещи делились на *современные, старые и старинные*), предложил ему напитки, достал их откуда-то из стенки, разлил по хрустальным стаканам и забрался наконец за громадный старинный письменный стол, из-за которого был едва виден.

– Не подумайте, что я от вас что-то скрываю, месье Дел-лье, – говорил он, выглядывая из-за стола и

потягивая свой коньячок. – Ваша рекомендация, так сказать, служит ключом ко всем замкам моих секретов. Я слышал об этом, так сказать, «русском наследстве», хотя самолично его никогда не видел. Но – поверьте мне! – моего слуха никогда не касались разговоры о желании его продать или приобрести, так сказать.

– То есть украсть? – уточнил Реми.

– Боже упаси, нет! Так у нас не выражаются.

– А как у вас выражаются?

– Я же вам сказал – «продать или приобрести». – Улыбка не сходила с лица Фредерика Жантия. – Если бы кто-то решил его украсть, мне бы об этом не стали докладывать. До меня могла прийти информация, допустим, в виде того, что его желают продать. Или, допустим, что кто-то знает, что он будет в продаже, и желает приобрести. Но такой информации до меня не доходило. И никто из моих коллег меня также об этом не информировал.

– Кто-нибудь из самих антикваров мог заказать кражу?

– Что вы! Это абсолютно невозможно. На этом можно только погореть!

– А купить краденое?

– Это дело совести каждого, так сказать.

– То есть такое не исключено?

– В данном случае – нас ведь интересует данный случай, не правда ли? – в данном случае я не думаю, что кто-нибудь из моих собратьев пошел бы на подобный риск. Всем довольно хорошо известно, откуда вещь, кто ее владелец, и никто бы не осмелился выставить ее у себя в магазине.

– А если не выставлять? Если заранее известен покупатель?

– Тогда и антиквар не нужен. Зачем им посредник? Такие вещи делаются напрямую: есть продавец – есть покупатель, из рук в руки, – сиял по-прежнему антиквар.

– Продавец и покупатель могли не знать друг друга. Допустим, они из осторожности действовали инкогнито, через антиквара. Но сделка могла пройти неофициально, без регистрации в магазине. А?

– Чисто теоретически, так сказать, я не исключаю такой возможности, – покивал антиквар. – Но только теоретически. Практически это нереально. Какой покупатель посмеет поставить у себя дома краденый столик? Эта мебелишка слишком знаменита... А наши клиенты – уважаемые люди, солидные, знакомые между собой по большей части... Кто ж посмеет?

– А если в другой город, например?

– Вы забываете, что сообщение о краже было бы опубликовано в газетах... Месье Дор – человек известный, на виду. Полиция бы расстаралась... Я не вижу человека, который отважился бы на подобный шаг, так сказать.

– За границу?

– Трудно. Трудно вывезти без надлежащих бумаг. Кроме того, за границу обычно вывозят ювелирные изделия, картины, небольшие скульптуры – словом, дорогое и компактное. В одной маленькой картине или ювелирной безделушке можно вывезти три, а то и тридцать таких столиков по цене. Понимаете?

– А на аукцион его могли бы выставить?

– Краденый? Абсолютно невозможно. Там контроль еще строже, чем в магазинах. Я, разумеется,

имею в виду приличные аукционные заведения. Но такую вещицу и не могли бы поставить на торги где попало. На мелких провинциальных аукционистках нет покупателей, которые могут дать достойную цену.

– Вы меня ставите в тупик, «так сказать», – улыбался в ответ Реми.

Месье Жантий покивал ему с радостной улыбкой из-за стола, как китайский болванчик.

– Я был бы рад вам помочь, но увы...

Реми встал, и антиквар выкарабкался из-за своего блиндажа.

– Что, вы думаете, исчезновение месье Арно Дора связано с этим столиком? – спросил на пороге своего кабинета Жантий.

– А вы откуда знаете о его исчезновении?

– Газеты читаю, – покивал ему снова антиквар, – там про все пишут.

– Гм, действительно... Вы знакомы с его зятем, Пьером Мишле?

– Он захаживает ко мне в магазин, захаживает...

– Это страстный коллекционер, не так ли?

– Уж не думаете ли вы, – испуганно посмотрел на него антиквар, и улыбка первый раз сбежала с его лица, – что месье Пьер Мишле мог быть причастен к этому делу?!

– К которому?

– К попытке похищения столика!

– По-вашему, это невозможно?

– Никогда! – клятвенно провозгласил месье Жантий. – Никогда не поверю!

– И это почему же?

– Месье Пьер Мишле – солидный господин. Приличный. Точный. И не думайте даже, месье детектив, выбросьте это из головы. И потом, зачем ему? Он его получит нормально, по наследству, со временем, конечно...

– Наследство ведь «русское».

– Это, так сказать, легенда!

– Возможно. Только эта легенда уже в Париже. Русский родственник приехал за столиком.

– Да что вы? Я не знал... Неужели и вправду?.. Какая жалость!

– Отчего это вам такая «жалость»? У вас на него были виды?

– Какой вы подозрительный, месье детектив. Это у меня чисто платонически, из любви к искусству: жалко, что вещь уходит из Франции...

– Понятно.

– Только ведь история с похищением уже год назад вышла, правильно? Никто не мог знать, что приедет русский наследник, правильно? Так что зря вы подозреваете месье Пьера... Год назад месье Пьер спокойно мог надеяться на наследство своей жены, правильно я рассуждаю?

– Надо так понимать, что вы ничего не слышали о том, что у месье Дора нашелся русский родственник, правильно я рассуждаю?

– Не слыхал, не довелось.

– А Пьер Мишле вам не говорил?

– Мы не в таких отношениях, признаться... Есть, конечно, у меня клиенты, которые делятся со мной своими новостями. Вот мадам Пьерар, к примеру, – она мне всегда рассказывает про свою дочку, а месье Пино – всегда про здоровье говорит... Но месье Пьер Мишле – нет, он не распространяется, он не очень разговорчивый...

– Значит, как я понял, в ваших кругах слухов об этом русском родственнике не было?

– До меня, по крайней мере, не доходили...

– Хорошая мысль!

– Простите?

– Вы мне подали очень хорошую мысль!

– Я? – опешил антиквар.

– Благодарю вас за содействие, месье Жантий. Всего вам доброго! – И Реми покинул антиквара.

В машине Реми набрал номер Арно. Трубку снял Максим.

– Реми. Добрый день. Вы, помнится, узнали о существовании вашего дяди на прошлогоднем фестивале, во время разговора с Вадимом?

– Правильно... добрый день, – удивился Максим.

– А когда Арно узнал о вашем существовании?

– Я не знаю точно... Вадим ему сказал по возвращении в Париж, хотите, я у него спрошу...

– К сентябрю уже знал?

– Знал. Я от него получил первое письмо, если не ошибаюсь, уже в июле. Это имеет какое-то значение?

– Еще какое!

– И какое же?

– Мне это сокращает работу, вот какое!

Максим растерянно замолчал, не зная, что сказать.

– Поздравляю, – наконец произнес он. – И что же вы теперь не будете делать?

– Я не буду искать коллекционеров по всей Франции!

– А где вы их будете искать?

– В узком семейном кругу...

– Я ничего не понял, но вряд ли сей факт имеет для вас какое-либо значение...

– Абсолютно никакого! – весело откликнулся Реми. – Вадим у вас?

– Да. Мы работаем.

– Привет ему. Я еще позвоню. Чао, бай!

Максим с минуту тупо смотрел на трубку, затем положил ее и обернулся к Вадиму.

– Пойми меня, – продолжал он прерванную звонком Реми речь, – я не хочу никакого обличительства.

Тут мы с тобой не сойдемся. Вы здесь во Франции, и вообще на Западе, становитесь в позу правозащитников, забираетесь на трибуны комитетов и обличаете. Ваше право и ваша правда. А мы жили той жизнью, наши родители жили изо дня в день и были счастливы и несчастны, радовались, страдали и боялись – но это была наша жизнь, и у нас не было другой. И я не хочу ее обличать – я хочу ее показать, дать возможность ею пожить зрителю, понимаешь?

– Это Реми звонил? – спросил Вадим.

– Да. У него там какие-то свои маленькие радости, я так и не понял, какие. Так вот, я хочу заставить зрителя сострадать и сорадоваться, а не прикармливать его сладким хлебом судьбы и обличителя...

Реми узнал Мадлен сразу. Высокая, стройная, одетая в элегантный бледно-голубой костюм, она была необычайно эффектна, намного эффектнее, чем на фотографии. Он поднялся и сделал ей знак рукой. Величаво обойдя столики, она приблизилась к Реми и холодно поздоровалась.

Подлетел официант. Заказав салат с ветчиной и сыром, Мадлен устремила свои серые глаза на детектива.

– Вы теряете время, господин детектив. Но раз уж вы так настаивали на встрече – у вас есть пятнадцать минут, пока я ем, чтобы задать ваши вопросы. Ответов у меня нет, я вас предупредила по телефону, так что вам это сэкономит время.

Реми чувствовал себя неуютно. Эта женщина вызывала в нем восхищение, близкое к робости. В ней не было ничего того, что его обычно привлекало в женщинах, ничего того, что ему так нравилось в Ксюше: непосредственности, нежности, незащитности. Это была уверенная в себе великанша с царственными жестами и гордой посадкой головы; не просто деловая женщина – начальство. Патрон, шеф, босс, вершащий дела и судьбы мелких людишек.

– Кх-кх, – откашлялся он для смелости, гоня от себя ощущение ученика перед директрисой школы. – Я хотел узнать, встречались ли вы с Арно Дором в субботу?

В ее глазах на одно мгновение мелькнула печаль, смягчившая черты ее лица, но тут же исчезла, уступив место холодной надменности.

– Нет.

– Не встречались?

– Вам на каждый вопрос надо по два раза отвечать?

Паф! Не сдавайся, Реми, не робей! Куда девался твой уверенный, слегка ироничный вид? Ты взрослый красивый мужчина и детектив в придачу, и тебе не идут короткие штанишки нашкодившего школьника!

– А с вашим отцом? – придал он вескость голосу.

– Тоже нет.

– Вы его не видели?

– Нет.

– Вы не знаете, где он был в субботу?

– Нет.

– Вы ему не звонили?

– Нет.

– А он вам?

– Нет.

– Хорошо... А вы где были в субботу, могу я полюбопытствовать?

– Можете. На рынке, в супермаркете, в химчистке, завезла продукты к отцу, вернулась домой и больше не выходила.

– В котором часу вы завозили продукты к отцу?

– Я не помню точно.

– Скажите приблизительно.

– Между десятью и одиннадцатью часами.

– И его не было дома?

– Нет.

– А где он был?

– Не знаю.

– В его отсутствие никто не звонил?

– Нет.

– На автоответчике не было звонков?

– У него нет автоответчика.

– В его квартире вы пробыли долго?

– Я выложила продукты в холодильник и вымыла грязную посуду. Посчитайте сами, сколько это занимает времени.

– Вы не заметили ничего странного, необычного в квартире отца?

– Нет.

– Где он паркует свою машину?

– Во дворе.

– У него белый «Рено-19»?

– Вы хорошо осведомлены.

– Машина была на стоянке?

– Я не обратила внимания.

Мадлен методично ела, и этот маленький допрос, по всей видимости, не лишал ее аппетита.

– Когда он вернулся, он вам не звонил?

– Я вам уже сказала: в субботу я его не видела и с ним не созванивалась.

– Вы с ним часто видитесь?

– Почти каждый уик-энд.

– Обычно вы встречаетесь у него дома или у вас?

- У отца.
 - Почему?
 - Я ему немножко помогаю по дому, и потом... Впрочем, это не ваше дело.
 - Вы договариваетесь о встрече каждый раз или у вас есть условленный день и время, в который вы к нему приходите?
 - Я обычно ему звоню и говорю, когда приду.
 - И он вас не предупредил, что его не будет в субботу?
 - Нет.
 - Вы ему не звонили перед тем, как к нему поехать?
 - Нет. Я просто решила завезти продукты, которые купила. У меня есть ключ от его квартиры.
 - А ключ от квартиры Арно у вас есть?
 - Нет. С какой стати?
 - Вам не показалось, что последнее время ваш отец был чем-то озабочен, взволнован?
 - Нет.
 - Ваш отец – актер. Способен ли он пародировать людей, подделывать голоса?
 - Не замечала.
 - А вы способны подделывать голоса?
 - Вот уж чего за мной не водится, так это актерских способностей! – усмехнулась Мадлен. – Я вся в мою мать пошла, от отца ничего не досталось.
 - У вашего отца есть женщина?
 - Вас это не касается.
 - Эта женщина – актриса?
 - Я уже вам ответила.
 - Она смогла бы подделать голос Сони?
- Наконец на лице Мадлен отразилось что-то похожее на удивление.
- Сони? Зачем кому-то подделывать голос Сони?
 - Смогла бы?
- Молчание. Реми подождал. Ответа не было. Ну что ж, у него есть еще вопросы.
- У вашего отца есть другое жилье? Загородный дом, например?
 - Нет.
 - А у вас?
 - Дом.
 - Где?
 - На Лазурном берегу. В двадцати километрах от Ла Сьота.
 - Другого жилища в Парижском округе нет?

– Нет. У вас все? Время заканчивается.

– Секундочку. Вы виделись с вашим отцом на следующий день?

– В воскресенье? Да.

– В котором часу?

– Около полудня.

– У него есть ключи от вашего дома на юге?

– Нет.

– Вам не показалось, что он ведет себя необычно?

– Нет.

– Он не был встревожен...

– Не был.

– Или слишком нервным, беспокойным...

– Он всегда нервный и беспокойный. Он алкоголик, господин Реми, что, я полагаю, вам известно. И характер у него скверный, что, я полагаю, вы также знаете.

– Ваш отец не раз угрожал рассчитаться с месье Дором...

– Это так. И я полагаю, что у вас есть тому свидетели.

– Мог он, по-вашему, реализовать свою угрозу?

– Глупый вопрос.

– То есть?

– Вы спрашиваете дочь об отце. Конечно, я вам отвечу «нет».

– А других аргументов у вас нет? Чего-нибудь более тонкого, чем родственные связи, – отомстил за «глупый вопрос» Реми.

Мадлен удостоила его несколько более продолжительным взглядом спокойных серых глаз, и краешки ее губ дрогнули в легкой улыбке.

– Вам, как детективу, следовало бы знать, что есть люди-делатели и люди-говорители. Делатели редко говорят, а говорители редко делают. Мой отец относится к последнему типу.

– Допустим. Однако же... Вы ведь были у него в среду? Вы слышали, как мы приходили с Вадимом Арсеном к вашему отцу?

Заколебалась, сомнение на секунду мелькнуло в ее лице. Но только на секунду.

– Была, – ответила Мадлен твердо, глянув Реми в глаза.

– Почему ваш отец не пустил нас в квартиру?

– Это его квартира. Он волен пускать или не пускать кого он хочет.

– Или он что-то в ней скрывал?

– Нет. Ему нечего скрывать в своей квартире. Кроме бардака и пустых бутылок.

– Уходя, я слышал ваш голос за дверью. Вы крикнули «Что ты с ним сделал?» («ничтожество» Реми решил опустить). Вы могли бы мне объяснить эти слова? Они расходятся с вашей теорией о делателях и

говорителях.

– Вам слышалось.

– Нет.

– Я не помню, чтобы я это сказала.

– Я очень хорошо помню. Вы произнесли именно эти слова. Почему?

– Я не могу вам объяснить, так как я не помню, чтобы я что-то подобное произносила.

– Я помню, повторяю вам, вы их произнесли.

– Вот вы и объясняйте, раз помните. Ваше время истекло, господин детектив.

– Погодите. Ваш отец пьет обычно где – дома или в баре? У него есть компания или он предпочитает одиночество?

– По-разному.

– Вы можете мне назвать бар, где он бывает чаще всего?

– Я не в курсе.

У Реми был еще вопрос, и, боясь, что она уйдет, он решил его сформулировать самым ошарашивающим образом.

– Зачем вы приходили позавчера в квартиру Арно?

Брови Мадлен выгнулись, очертив две крутых темных дуги над ее холодными серыми глазами.

– Если бы я располагала временем, мне бы следовало вас спросить, что означает ваш странный вопрос. Но у меня времени нет, и поэтому я остаюсь без вопроса, а вы – без ответа. Меня работа ждет.

Она поднялась, вознесясь над столиком и сидящим Реми, который поспешил встать. Мадлен кивнула ему, не подавая руки, и направилась к дверям.

– Где вы были в среду вечером, около девяти часов? – крикнул ей вдогонку Реми.

– Дома, – ответила Мадлен не оборачиваясь и величественно покинула кафе. Реми проводил ее взглядом, выключил портативный диктофон, лежавший рядом на соседнем стуле, и принялся доедать свой застывший крок-месье [\[11\]](#)

Глава 15

Реми устал. Реми был зол.

– Я с ног валюсь, – сказал он в трубку. – Давайте завтра. Завтра я приеду замок ставить и все вам расскажу.

– Приезжайте, Реми, я вас накормлю ужином, отдохнете, – заманивал Максим. Он был доволен работой над сценарием, и ему хотелось поужинать в компании, переключиться, узнать о ходе расследования.

– Вадим еще там?

– Он собирается уходить, но если вы приедете, то он, конечно, останется, чтобы услышать новости. У меня водка есть. Настоящая, русская, не то что тут у вас продают.

– Холодная?

– Холодная.

– А еще что? – капризничал Реми.

– Мясо.

– Строганофф?

– Что-то в этом роде.

– Ладно, еду.

Вадим устроился у телефона, чтобы предупредить Сильви, что он задержится. Максим отправился на кухню сочинить что-нибудь на ужин. Он достал мясо, лук, нашел в ящике несколько сморщенных морковок, которые покупал еще дядя, и принялся все это резать на кусочки.

– Ты умеешь готовить? – закончив говорить по телефону, подошел к нему Вадим.

– Холостая жизнь научит. Я два года своей жизни был женат, а остальное время в холостых пробегал.

– А я, по-моему, всю свою жизнь женат. Только на разных женщинах, но – всегда женат...

– Ну и как, состояние женатости тебе нравится?

– А вот это смотря с кем. С Сильви – да. Даже очень.

– Нашел совершенную женщину?

– Может быть... Или, наоборот, стал совершенным мужем. Это, знаешь, приходит с опытом. Я сегодняшний поладил бы теперь даже со своей первой женой. С которой, как я думал, разводясь, жить вместе никак невозможно.

– Хм, интересная мысль. Выходит, что я упустил бесценный опыт в своей жизни.

– Наверстаешь, – улыбнулся Вадим. – Я могу тебе помочь?

– Можешь. Помой салат.

Когда Реми позвонил в дверь, стол уже был накрыт усилиями двух знаменитостей.

– Мм-м, вкусно пахнет! – сказал детектив на пороге.

Они решили есть на маленькой, жаркой от работающей духовки кухне. Максим ловко опрокинул

тяжелую стеклянную крышку кастрюли, и обжигающий пар поднялся над тушеным мясом.

– Я ваши фильмы не видел, месье Дорин, скажу вам честно, и никак не могу судить, какой вы режиссер, – говорил Реми, оттопырив щеку и отдуваясь от слишком горячего куска. – Но повар вы отличный. Это строганофф?

– Да нет, – усмехнулся Максим. – Это просто тушеное мясо. Меня мама научила несколькими простыми рецептам для хронических холостяков...

– Надо будет у вас переписать, – промямлил Реми, жуя. – Я не то чтобы хронический, но пока еще холостяк. А готовить вот не умею, меня мама не научила, она думала, что я всю свою жизнь женатым проживу и буду перманентно иметь горячие обеды и глаженные рубашки...

Максим поднял рюмку с водкой. Реми потянулся к морозильнику, нашел лед и, выковыряв два кубика, кинул их себе в стакан с водкой. Максим посмотрел на него осуждающе. Вадим, заметив его взгляд, провокаторски улыбнулся и налил себе в стакан с водкой апельсиновый сок.

– Добро переводить только, с вами русскую водку пить! – возмутился Максим. – Теперь я понимаю, почему у вас в магазинах продается какая-то недоделка в тридцать семь градусов. Вам больше и не нужно.

– С меня на всю жизнь хватит нашего с тобой каннского распития, – сказал Вадим.

– У меня тоже кое-какой опыт имеется по части русской водки, – произнес Реми. – И я за рулем.

– Слабак, – снисходительно сообщил Максим. – Слабаки. Но, как вы есть французы, я вас прощаю, так и быть. Чин-чин, ваше здоровье. Так что там у вас, Реми, что нового?

– Встретился я с таинственной женщиной, которая навещала вашего дядю. Это такое молочно-белое создание с веснушками и рыжеватыми кудряшками, с акварельными зеленоватыми глазами и умильной простотой провинциалки. Зовут ее Пенни Синклер, ей тридцать четыре года, она англичанка по происхождению и говорит с очаровательным акцентом.

– И что у нее общего с Арно?

– Массаж.

– То есть?

– Она его массажистка.

– Потрясающе, – сказал Максим. – И только?

– Нет, не только. Между ними... Она не знала об исчезновении Арно и очень плакала, когда я ей об этом сказал, и что-то говорила по-английски, только я из всего понял одно слово – «лав»^[12]

– Это она приходила тогда вечером?

– Нет.

– Вот те на!

– Во всяком случае, она утверждает, что была у себя дома и смотрела телевизор. Назвала мне передачи, которые шли в это время.

– Это можно было узнать и из программки.

– Разумеется. Алиби, что называется, у нее нет. Впрочем, его нет и у Мадлен. Она тоже утверждает, что была дома.

– Можно попытаться встретиться с мужем Мадлен, чтобы проверить, – предложил Вадим.

– Спасибо за совет. Я уже попытался: он в двухнедельной деловой поездке по Азии.

– Что касается меня, то я не представляю, зачем могла приходить Мадлен в квартиру Арно, – сказал Вадим. – Массажистка же, Пенни или как ее там, могла, напротив, прийти за какой-нибудь вещью, оставленной в квартире.

– В том-то и дело, что здесь вы не найдете никаких дамских предметов! Мы с Максимом облазили все углы. К тому же, если ей верить, она не знала о пропаже Арно – какой ей был смысл бежать в квартиру забирать свои вещи?

– Что-то мне не верится, – сказал Вадим, – в то, что она не знала. Информация была во всех газетах.

– Но не все газеты читают. И даже новости по телевизору не все смотрят. Не забывайте, она иностранка, французский знает довольно плохо, так к чему ей утомлять себя чтением газет?

– Тоже верно, – согласился Вадим. – Ай да Арно, – добавил он. – Значит, у них «лав стори»?

– Ничего удивительного, – неожиданно серьезно ответил Реми. – Это первая женщина, которую он увидел после выхода из запоя. К тому же молодая, миловидная. К тому же не просто, не вообще женщина, а та, которая прикоснулась к его телу, хотя бы и в процессе массажа, после долгого, как мне представляется, перерыва...

– Как вам удалось ее разыскать? – спросил Максим.

– Не так уж сложно. Помните, мадам Вансан предположила, что женщина эта приходит пешком?

– Да.

– Я взял это предположение за основу. Она могла быть либо соседкой, либо работать где-то поблизости. В его ежедневнике были пометки о встречах с врачом и о сеансах массажа... Я начал с врача. Тот мне подсказал, кто и где делал ему массаж – это он направил Арно на массаж, чтобы привести его в форму перед съемками. Ну а уж после этого найти Пенни не составляло труда.

– Действительно. Значит, эта Пенни утверждает, что она сюда не приходила?

– Да.

– И Мадлен тоже?

– Да.

– Здорово. Мы опять в тупике?

Реми только пожал плечами в ответ.

– А что все-таки Мадлен вам рассказала?

– Мадлен на все отвечает «нет». Ничего не знает, ничего не видела, не слышала. Она что-то скрывает, я уверен. Но что? У нее есть дом на юге, но вряд ли Ксавье мог похитить Арно и спрятаться в Ла Съота, чтобы спрятать его там, а на следующий день вернуться в Париж: Мадлен встречалась с ним в воскресенье. Пенни тоже ничего не знает. Арно ее просил не звонить и не приходить, пока племянник будет жить у него: он стесняется их связи, потому что она намного моложе его. Вот она и не звонила и не приходила. Я записал голоса обеих на магнитофон – может быть, вы узнаете, Максим, один из них в роли Сони?

Реми поставил кассету.

– Нет, – прослушав, покачал головой Максим. – Ничего общего. Впрочем, та, которая звонила мне, хорошо подделала ее голос. Так что узнать ее будет очень трудно.

Реми грустно убрал магнитофон.

– Кстати, – сказал Вадим, – надо сказать о звонках, Максим!

– Какие звонки? – поинтересовался Реми.

– Мне за это время раза три-четыре звонили и вешали трубку.

– Проверяли, дома ли вы?

– Может быть, это какой-нибудь отдаленный знакомый, который рассчитывал застать Арно и вешал трубку на незнакомый голос?

– Маловероятно. Скорее всего кто-то проверяет, дома ли вы... Ваша визитерша, например. Ей зачем-то нужно сюда попасть. Хотел бы я знать, зачем.

– Да... – безнадежно протянул Вадим. – Что же вы теперь делать будете? Что мы теперь делать будем? Уже неделя, как Арно исчез.

– Замок менять будем, вот что!

В стенном шкафу нашелся ящик с инструментами. На шум выглянула мадам Вансан. Ее собачка зашла от лая, прядась за отечными ногами своей хозяйки.

– Как вы кстати, мадам! – заворковал Реми. – Я постеснялся вас беспокоить в такое позднее время, но у меня есть вопросы, мне совершенно необходима ваша помощь...

Довольная мадам расплылась в улыбке.

– К вашим услугам... Тс-с, Шипи, не мешай нам. Это свои люди, разве ты не видишь!

– Ключ от квартиры месье Дора у вас?

– Конечно, – удивилась мадам Вансан.

– Вы не могли бы проверить, на месте ли он?

– Погодите...

Она исчезла в глубине своей квартиры, сопровождаемая Шипи, путавшейся между ног, но почти сразу же вернулась.

– Вот он.

– Прекрасно. Значит, ключ на месте. Вы его никому не давали?

– Нет. А что случилось? Почему вы снимаете замок?

Реми вкратце объяснил.

– И, как вы понимаете, никому ни слова о том, что мы меняем замок. Никому! – закончил он свои объяснения.

– Конечно-конечно, не беспокойтесь.

Мадам Вансан постояла, наблюдая за действиями мужчин. Ее грузный силуэт вырисовывался в проеме двери: крашенные с проседью, редящие волосы, синяя шаль, концы которой свисали почти до колен, у отечных ног притулилась облезлая старая собачка... «Хороший кадр, – подумал Максим, глядя на них, – одиночество и старость... И свет удачный, с мягким контровым...»

Словно почувствовав его мысли, мадам Вансан встrepенулась, пожелала мужчинам спокойной ночи и исчезла за дверьми своей квартиры.

– Вернемся к исходной точке, – крутил отвертку детектив. – Арно уехал со съемок и – пропал. До дочери не доехал. Домой не заезжал. Моя идея насчет нотариуса тоже, похоже, оказалась пустышкой. Куда

он делся? Вопросы у нас все те же, что и неделю назад: договорился с кем-то о встрече и попал в ловушку? Или был похищен по дороге? О планах Арно на субботу знал, как вы выразились, Вадим, весь Париж.

– Эх, Реми, тут вам действительно не повезло, – покачивая головой, произнес Вадим. – Вы не знакомы с Арно, вам трудно представить, но об этом знали действительно *все*, можете быть уверены. И Мадлен, и Пенни, и Соня с Пьером, и даже все их соседи и завсегдаи дома; и мадам Вансан со всей ее родней, и вся киностудия... А через этих людей сколько еще других могли узнать! Тут искать – иголку в стоге сена.

– Что меня во всем этом больше всего донимает, это то, что в ней все слишком. Слишком много разных направлений поиска, слишком много все знают, слишком много неправды... Мечь, наследство, завещание, таинственная визитерша, попытка наезда на Максима...

– Вы все-таки думаете, что меня пытались задавить?

Не ответив, Реми продолжал:

– ...звонки, попытка кражи столика, о чем-то недоговаривающая Мадлен... Связаны ли эти факты единой ниточкой? Или разрозненные интересы разных людей сплелись в единый узел вокруг Арно? Из всего этого у нас есть только одна достоверная вещь: исходная точка – съемочная площадка. Если Арно что-то задумал, то... Вы говорите, что он был обычный, без признаков какой-то особой задумчивости или беспокойства?

– Без признаков, – сказал Вадим. – Или я их не заметил.

– Я тоже не заметил. Но, если вдуматься, я дядю плохо знаю, чтобы судить, – добавил Максим.

– Или, может быть, он был как-то особенно оживлен? Знаете, как бывает с людьми, когда у них на уме какой-то проект, который они находят забавным?

– Теперь я уж и не знаю... Оживлен он был, это точно. Я тогда отнес за счет съемок, за счет приезда Максима... Но, может быть, действительно была еще другая причина?

– Вадим, я бы хотел, чтобы вы завтра со мной на студию подъехали, – сказал Реми, закручивая последний шуруп. – Покажете мне ваши пленки. Это возможно?

– Конечно. Когда вам удобно?

– В десять. Идет?

– Идет.

Мужчины распрощались и расстались, каждый погруженный в свои мысли.

Что касается Максима, то это были мысли о Соне.

Он хотел ей позвонить. Он хотел бы ей позвонить. И не мог. И не смог бы. Это было просто невозможно по тысяче разных причин – невозможно, несбыточно, бессмысленно и неприлично.

Он лег спать.

Глава 16

Это были мысли о Соне, это были сны о Соне, он снова ловил ее в каких-то бесконечных глухих коридорах и сырых аллеях и, едва догонял, едва он касался ее легкого тела, как оно ускользало, упархивало, исчезало в лабиринтах, оставляя в его ладонях зуд неутоленного прикосновения, и он снова гнал, звал, наступал и уже протягивал руки, уже хватывался за край одежды, уже ткань ползла, обнажая просветы матовой кожи, уже трещала, разрываясь, и треск ее казался оглушительным, протяжным, резким, как телефонный звонок...

Разумеется, это звонил телефон. Опять, как всегда, телефон.

– Я вас не разбудил?

«Разбудил, конечно. Который час? Бог мой, почти полдень! Ну и поспал! А хотел ведь с утра по библиотекам...»

– Нет, конечно, – сказал Максим фальшиво-бодрым голосом, – не разбудили.

– Могу я приехать? Вы куда не уходите?

– Пока нет. Приезжайте, Реми.

Максим положил трубку и кинулся приводить себя в рабочий вид. Наскоро ополоснулся холодным душем, похлопал себя по заспанному щекам, влез в джинсы и занялся приготовлением чая.

Реми появился хмурый, молчаливый и мокрый от дождя.

– Что, – участливо спросил Максим, – дело не идет?

– Это еще слабо сказано. Ничего даже не намечается. Куда ни повернись – тупик. Тела нет, орудия преступления нет, места преступления нет, алиби ни у кого нет – можно подозревать всех и никого...

– Вы не оставляете даже надежды, что дядя жив?

– Сожалею.

– Но почему? Версия похищения не укладывается, конечно, в обычную логику... Но ведь можно допустить, что тут есть какая-то иная, неизвестная нам пока логика!

– Допустить можно все, что угодно... – проворчал Реми. – Но допущениями сыт не будешь... Вы уже завтракали?

– Нет, – усмехнулся Максим. – Составите мне компанию?

– Что тут у вас?

– Чай.

– Наливайте, – махнул безнадежно рукой Реми. – Надеюсь, горячий? Эта дерьмовая погода...

Он уселся, уже привычно, за маленький столик на кухне.

– Может, куртку снимете? – улыбнулся Максим.

– Хорошая мысль.

Реми повесил мокрую куртку в прихожей, расправил ее на вешалке и вернулся к Максиму, который, не задавая лишних вопросов, сварил сосиски для себя и для детектива.

– Не успеваю поесть, – оправдывался Реми. – Везде бегом, дел куча, а все впустую.

– У вас все же есть какие-то идеи?

– Никаких.

– Слушайте, Реми, для того чтобы бегать повсюду, надо знать, куда бегать и зачем. Вы же что-то проверяете, какие-то вопросы задаете, какие-то направления прикидываете... Так поделились бы соображениями! А то я тоже, признаться, начинаю сходить с ума. Будто в вакууме, в безвоздушном пространстве...

– Я бегаю, Максим, в поисках «чего-нибудь». Задаю вопросы, ищу каких-то настораживающих совпадений, но чего я ищу – сам не знаю.

– Что вы имеете в виду под «совпадениями»?

– Что-то такое, что могло бы зацепить внимание, понимаете, насторожить, натолкнуть на размышления...

– И как?

– Никак, я вам уже сказал. Все немножко странно, но все в меру.

– Вы все же кого-нибудь подозреваете?

– Всех.

– Ну, положим, не всех: меня и Вадима вы исключили. О Соне тоже, кажется, речь не идет... Ведь так? Остается не так уж много, Пьер да Ксавье. Почему, например, не Ксавье? Машина Арно припаркована недалеко от его дома – раз, Ксавье вас в квартиру не пустил – два. Что он в ней скрывал?

– Всего-навсего Мадлен. Не хотел при Мадлен вести этот разговор. Он знает, что его дочь к Арно привязана... Прибавьте к этому его нелюбезный характер. И потом, в его квартире такой бардак, что я бы на его месте туда тоже никого не пустил.

– Стало быть, вы там были.

– Где?

– Не хитрите. В квартире Ксавье.

– С чего это вы взяли?

– Откуда вы знаете про бардак?

– Мадлен говорила, – небрежно пожал плечами Реми.

– О, господин детектив, вы перед кем пытаетесь роль простачка сыграть? Перед режиссером! Напрасный труд. Вы этот бардак видели *своими глазами*.

– Ладно, сдаюсь. Видел.

– Что, удалось Ксавье уломать?

– Куда там... У меня в запасе есть другие средства для подобных случаев.

– И могу я любопытствовать, какие?

– Не можете. Профессиональная тайна.

– Ха-ха! Тайна! Отмычка небось?

– Я сказал, тайна! – шутиливо насупился Реми.

– Хорошо-хорошо, пусть будет тайна. И в квартире ничего подозрительного не нашлось?

– То-то и оно, что нет. Вернее, я нашел кое-что настораживающее: альбом со старыми фотографиями, на которых вырезано лицо Арно. То есть это я так думаю, что там был Арно, теперь уже ничего не определишь, вырезано напрочь, зло. Но никаких признаков, что Арно был в квартире, и никаких признаков, что там могло быть совершено убийство...

– Это еще ничего не доказывает, – возразил Максим. – Следы могут находиться в другом месте, в машине Ксавье, например.

– Нету.

– Ага, тоже осмотрели?

Реми кивнул.

– Значит, Ксавье отпадает?

– Все нет. Пока он идеальная кандидатура. Зависть, ревность, желание мести, реальные признаки ненависти – об этом свидетельствуют вырезанные фотографии; угрозы расправиться с Арно – есть свидетели; прибавьте розыгрыши по телефону – актерская идея! Возможно, что он просто-напросто хитрее, чем мы предположили...

– Ну а Пьер?

– Он свою жену слишком любит...

– Вы находите?..

– А вы – нет?

– Я...

– Не заметили?

– Разумеется, заметил, – поспешно и сухо ответил Максим. – Так что вы хотели сказать?

– Жену, говорю, слишком любит, чтобы причинить ей такую боль. Как бы он ни хотел украсить этим столиком свою коллекцию, жена ему дороже. Она, если хотите, самая драгоценная штучка в его коллекции.

– Интересное определение.

– Не согласны?

– Отчего же... Метко сказано. Так кто же тогда?

– Возможно, что кто-то другой, третий. Я ничего не утверждаю, но... Я хочу еще раз повнимательнее осмотреть ваш столик. Я, собственно, поэтому и приехал. Можно?

– Ради бога. Но почему?

– У меня не выходит из головы та попытка кражи. Видите ли, Максим, получается весьма странная вещь: столик пытались украсть, тогда как никакого практического интереса красть столик ни у кого не было и не могло быть. По одной простой причине: вор не смог бы ни продать, ни просто поставить у себя дома этот столик. Во всяком случае, так утверждают компетентные люди. Вот я и думаю: зачем его пытались украсть? Или, точнее, нет ли чего в самом столике?..

– Тайник с сокровищами? – с сомнением спросил Максим.

– Почему бы и нет? – таинственно проговорил Реми. – Почему бы, собственно, и не сокровища?

– Ну-ну.

Допив чай, они направились к столику. Реми достал лупу и стал разглядывать его гладкую поверхность сантиметр за сантиметром, время от времени постукивая и нажимая на разные места. Максим открывал и закрывал маленькие мелкие ящички, всматриваясь в щели и ощупывая донышки.

Звонок телефона отвлек его.

– Алло?

Молчание, бездонное молчание и короткие гудки отбоя. Максим бросил трубку.

– Вуаля, – сказал он, – опять кто-то с проверкой.

– Я нашел, – сказал, побряхтывая, Реми, выбравшись из-под стола.

– Сокровища?

– Нет, пластинку. Снизу есть деревянная пластинка, которая нажимается.

Максим полез под стол смотреть.

– Действительно... И что? Я нажал, что-нибудь произошло?

– Нет.

Реми снова залез под стол, и они, голова к голове, разглядывали, нажимали и отпускали пластинку, которая, как на пружинке, одним краем входила в глубину столика.

– Ну-ка подержите пластинку нажатой, – сказал Реми. – Там что-то есть.

Максим нажал, и Реми запустил в щель пальцы.

– Там рычажок, – сообщил он.

Максим запустил свои пальцы.

– Точно. Надо его, наверное, повернуть?

– Ну так поверните!

– Не так-то просто... У меня пальцы не двигаются, слишком тесное пространство... – пыхтел он. – Вот наконец! Повернул.

Они разглядывали нижнюю поверхность столика в ожидании эффекта.

– Ну и что? – сказал Максим. – Ничего не происходит.

– Вылезаем, – скомандовал Реми. Они выбрались и стали снова оглядывать верхнюю поверхность, снова открывать и закрывать ящички, снова разглядывать поверхность столика в лупу.

Наконец Реми распрямился, потер поясницу и направился к дивану. Максим последовал за ним. Они сидели некоторое время молча, созерцая столик.

– Кофе хотите? – предложил Максим.

Реми не ответил и кинулся к столику. Он ухватился за планку, разделяющую ящички, поводит по ее контуру тонкой отверткой и, после некоторого сопротивления, откинул ее. Под ней обнаружилась узкая и глубокая щель, напоминающая жерло почтового ящика. Реми победно смотрел на Максима, держа отвертку в руках, как кубок чемпиона. Максим приблизился, не веря своим глазам.

– И вправду тайник...

Они наклонились, впившись глазами в узкое темное пространство, охраняемое четырьмя маленькими металлическими штырьками, которые обычно удерживали планку на месте. Ничего не было видно. Реми

просунул пальцы и пошарил ими.

– Я бы сказал, что этот тайник был сделан не для хранения драгоценностей, а скорее для бумаг... Писем тайных там или дневников... Ничего, пусто. Поцарапался, черт.

Он лизнул царапину, оставленную зубком штырька. Принюхался, лизнул еще раз и смешно почавкал, будто что-то пробуя на вкус.

– Если вы вампир, то весьма оригинальный, который пьет собственную кровь, – заметил, усмехаясь, Максим. – Обычно пьют чужую.

– Да нет, – сказал, причмокивая, Реми. – Маслом пахнет, машинным.

Максим в свою очередь осторожно запустил свою ладонь, насколько позволяло отверстие.

– Ничего, – подтвердил он.

Реми достал фонарик и высветил тайник до самого дна.

– Ничего, – переглянулись они.

Вернувшись к диванам, они уселись, укоризненно поглядывая на столик, обманувший их ожидания.

– Тайник, – произнес Реми. – Надо же, как в романах. Жалко, что пустой... Интересно, были здесь какие-то ценности или нет?

– Должны были быть! Странно, что я об этом сам не подумал раньше, – это ведь совершенно естественно: уезжая в эмиграцию, люди забирают с собой самое ценное, и скорее всего драгоценности... И в той ситуации было вполне логично позаботиться о том, чтобы эти ценности получше спрятать...

– У меня есть возражение, – сказал Реми. – Все нормальные люди перевозят ценные вещи в ручной клади. Если таковые вообще были у ваших дедушки с бабушкой...

– Тоже верно. К тому же, похоже, что дядя был человеком, у которого секреты не держались. Если бы здесь оказались драгоценности, вряд ли бы он скрыл от всех такое событие. Хотя он мог не найти этот тайник...

– Он его нашел.

– Откуда вы знаете?

– Масло.

– Масло?..

– Машинное.

– У вас на пальце?

– Может, и у вас тоже.

Максим старательно обнюхал свои пальцы.

– Да. У меня тоже. Значит...

– Значит, рычажок был смазан относительно недавно. Во всяком случае, не семьдесят с лишним лет назад.

– Только толку от этого мало. Тайник-то пуст.

– И вообще мне кажется, что тайники в столиках и прочих видах мебели той эпохи – отнюдь не редкость. Это совсем не означает, что все они набиты драгоценностями...

– Час от часу не легче, – сказал Максим. – Мы опять не знаем, что мы ищем.

Они помолчали.

– Кофе хотите? – снова спросил Максим.

– Кофе? Превосходная мысль. Хотите, я сварю?

– Что теперь делать будем? – спросил Максим, следуя за Реми на кухню.

– Если бы я знал... – орудовал кофеваркой Реми. – Допустим, я ошибся, в столике ничего нет дополнительно интересного, и вор охотился именно за ним самим. Но у нас еще есть ваша ночная гостя. Она-то за чем приходила? В этой квартире должно быть что-то ценное, если это не драгоценности в прямом смысле слова. И я должен это «что-то» найти. Буду снова осматривать все углы.

– Может, тут еще один тайник есть? Вдруг дядя нашел драгоценности и решил их перепрятать? В бачке туалета, например, – сказал полушутливо Максим.

Реми глянул на него серьезно и укоризненно.

– Я туда уже заглядывал, еще в первый раз, на всякий случай. Если бы месье Дор и нашел драгоценности, то лучшего тайника, чем столик, нельзя даже придумать! Зачем ему перепрятывать?

Максим достал из холодильника печенье с апельсиновым мармеладом.

– Вы зачем его в холодильнике держите? – поинтересовался Реми.

– Чтобы шоколад хрустел.

– А-а-а... – сказал уважительно Реми. – Мне такое и в голову не приходило. Вы гурман.

Покончив с кофе, Реми встал посреди гостиной, осматриваясь по сторонам.

– Вам помочь? – спросил Максим.

– Попробуйте. Но я, как и в прошлый раз, не смогу вам сказать, что искать. Хотя разница, пожалуй, все же есть: в прошлый раз мы с вами искали какое-то указание, намек на то, куда мог подеваться ваш дядя: пометку о назначенном свидании, о делах с кем-то... А в этот раз мы с вами ищем что-нибудь ценное. Может быть, и не в общепринятом смысле слова, а только для кого-то, для одного человека: письмо, кассета, книга, фотографии... Не исключено, что это завещание.

– Завещание?

– Угу.

– Так оно, наверное, у нотариуса хранится, разве нет?

– Может быть. Пока у нас нет факта смерти, мы ничего не можем узнать на этот счет. Но – такое бывает – завещание могло быть составлено и дома. И это может кого-то сильно интересовать.

– Меня, например. Оставил ли мне дядя столик, – ехидно заметил Максим.

– Например, – согласно кивнул Реми, не обращая внимания на его ехидство. – Или Соню. Или Пьера. Чтобы узнать, что в завещании, а может быть, и уничтожить его, в зависимости от содержания... Впрочем, я не говорил, что мы ищем завещание. Я не знаю, Максим, что мы ищем. Будете соображать сами. Надо, например, перетряхнуть все книги, нет ли между страницами чего. Начните пока с этого. А я просмотрю кассеты.

Максим окинул взглядом стеллажи с книгами и пожалел, что предложил столь опрометчиво свою помощь. Но отказываться было поздно, и он безрадостно принялся за работу.

На исходе третьего часа Максим взбунтовался.

– Все, – сказал он раздраженно, – больше я не в состоянии этим заниматься.

Возле его ног лежали стопки книг. Пахло пылью. Максим направился к дивану и уселся, закинув ногу на ногу. Реми, отложив очередную видеокассету, которую он собирался вставить в видеомагнитофон, посмотрел на него несколько смущенно.

– Я понимаю... Если вас это не очень беспокоит, может, я приглашу Жака, моего помощника, сюда?

– Пожалуйста. – Максим устало кивнул. У него было ощущение, что его ноздри, его глаза, его мозги – и те были набиты пылью. – Приглашайте. Я в библиотеку пойду, с утра собираюсь.

Реми направился к телефону. Максим поднялся с дивана и потянулся. Поглядел на окно, забрызганное дождем, на низкие грязно-серые тучи, бестолково мотавшиеся по бесцветному небу... Честно говоря, выходить не хотелось.

– Вы мне не сказали, кстати, – окликнул он Реми, когда тот закончил разговор, – как у вас утром просмотр с Вадимом прошел? Вы ведь сегодня должны были пленки с последней сценой смотреть, не так ли?

– Да, – ответил Реми. – Должны были. И посмотрели.

– И что?

– И ничего. Месье Дор, судя по всему, на работе работает. Никаких эмоций, кроме тех, которые ему положены по роли, никаких посторонних оттенков чувств или мыслей...

– Слушайте, Реми, а у меня ведь видеозапись есть! Я снимал дядю, и Вадима, и вообще всех понемножку...

– Давайте посмотрим, – кивнул без особого энтузиазма Реми. – Только сможем ли мы камеру к телевизору подключить? Для этого специальный соединительный шнур нужен. У вас есть?

– Нет.

– Может, у месье Дора найдется?

– Вряд ли, у него ведь нет камеры. С чего бы ему иметь специальный шнур?

– Верно. У Вадима?

Максим набрал его номер. Выслушав, Вадим предложил ехать на студию и просмотреть видеозапись на большом экране. Окинув взглядом разложенные повсюду стопки кассет и книг, Реми вздохнул и согласился.

– Ключ для Жака оставим мадам Вансан. Надеюсь, если он и не найдет ничего интересного, то хотя бы тут приберет слегка... Пока не говорите никому о тайнике в столике. Надо будет еще посообразать на этот счет.

Они заперли квартиру и вышли в раннюю октябрьскую темноту. Лил дождь, и на душе было мерзко. Впервые за все это время на Максима нахлынуло внятное чувство утраты, в которую он до сих пор не верил. Или – не хотел верить? Смерть так не шла Арно, эта роль была явно не для его актерской фактуры – яркой, сочной и жизнерадостной...

Впрочем, тот режиссер, что ставит жизнь и смерть на сцене человеческой судьбы, вряд ли в раздаче ролей руководствуется эстетическими соображениями.

Они сидели втроем в маленьком просмотрном видеозале, и вспышки света на экране озаряли три сосредоточенных лица. Реми переспрашивал время от времени, кто что сказал – микрофон видеокамеры не очень хорошо улавливал звук на большом расстоянии. Прошли сцены репетиции; мелькали лица съемочной группы, гримерша кокетливо улыбнулась в камеру, возникал Вадим, отдающий распоряжения; пошла наконец основная сцена с Арно. На некоторое время немногочисленные зрители этого маленького зала забыли о цели своего просмотра, захваченные игрой Арно Дора.

– Великолепно. Превосходно сыграно. А, что скажешь, Максим? – Вадим повернулся к нему с оживлением, но, увидев выражение Максимова лица, словно вспомнил, зачем он здесь, и помрачнел: «Что я буду делать, если Арно не отыщем? Где я теперь такого актера найду?..» – тихо запричитал он себе под нос.

Максим молча перевел взгляд на экран, на котором дядя, помахав в камеру Максиму, уже огибал угол дома и потом снова высунулся из-за угла, изобразив, что его тошнит. Реми внимательно вглядывался в экран. Затем изображение заслонили чьи-то ноги. «Это я камеру на землю поставил, когда писать ходил», – объяснил Максим. Ноги ушли; открылась сцена с лежащей на земле девочкой, которая удачно попала прямо в центр кадра. Вадим заинтересовался неожиданным ракурсом с Максимовой камеры и, снова увлекшись, стал комментировать сцену с точки зрения актерской задачи.

Максим не слушал. Ему было хорошо знаком этот режиссерский эгоизм-энтузиазм, и он вовсе не осуждал Вадима, но сейчас сердце его болезненно сжалось. Он ни разу не просматривал свою кассету и даже забыл о ней, и теперь он видел лицо дяди, живого и реального, и молил его молча: ну объявись, ну возникни откуда-нибудь, нарушь эту молчаливую пустоту длиной почти в неделю, скажи, что разыграл, что запил, что сваял дурака, – но только объявись!.. И ему показалось, что он вот-вот заплачет, и это будет неприлично – плакать ему, мужчине и известному режиссеру; и еще он подумал, что успел привязаться к своему пятиуродному дяде больше, чем он предполагал, и теперь для него в стране Франции действительно образовалась пустота, в его сознании по крайней мере; пустота, которую никто не смог бы заполнить, даже и Соня; Соня – это вообще не то, что может заполнить твою душу, тебя; Соня – это, наоборот, то, что ты заполняешь... Даже не заполняешь, не так; Соня – это то, во что ты падаешь. Пропасть, в которую ты срываешься. Срываешься и падаешь, летишь, без конца, без дна... Ему остро захотелось домой, в Москву, к друзьям, к поклонникам и поклонницам, к привычному стилю и быту, и, главное, подальше от этого темного зала, от этого детектива, от Вадима, от Сони – да-да, Сони, подальше от нее и от ее загадок; подальше от всей этой гнетущей атмосферы необъяснимого и мрачного исчезновения дяди, привкуса преступления, ужаса, смерти...

Кассета закончилась. Экран погас, и в зальчике зажегся неяркий свет.

Подождав, Вадим спросил:

– Ну и как, вам это дало что-нибудь?

Детектив смотрел на него, задумавшись. Вадим повторил вопрос.

– Скажите, – произнес наконец Реми, – а вы...

И замолчал. Оба режиссера смотрели на него в ожидании продолжения.

– Я не понимаю, – снова заговорил Реми, – в этой сцене... Что-то странное... Да?

– В последней? – спросил Вадим.

– Зачем он... Или это...

Реми смотрел на них невидящими глазами.

– Реми, – позвал его Максим, – вы какую сцену имеете в виду? Последнюю?

– В этом доме есть подвал?

– Да. Из него как раз вылезали актеры. Только он почти весь засыпан обвалившимися камнями...

– Прогоните мне еще раз сцену с вашей актрисой, – скомандовал Реми. – Там, где она на земле возле пролома.

Свет снова погас, и замелькали только что виденные кадры.

– Вы говорили, что у вас была проблема со световым эффектом, – бормотал Реми. – Ну-ка помедленней.

Он прогонял снова кадр за кадром. Напряженное молчание зависло в душном зальчике. «Падший ангел» вставал на четвереньки и вновь плюхался в грязь. Ее личико принимало все более горькое выражение.

– Хороша, правда? – вполголоса спросил Вадим у Максима.

– Хороша, – искренне и безразлично ответил Максим.

– Боже мой, как же так, все, все насмарку! Столько уже сделано, столько уже вложено сил, денег, времени – и таланта! И теперь – все в мусорную корзину! – снова стал сокрушаться Вадим. – Кто теперь мне заменит...

– Там тень, – сказал Реми.

– Где?

– В кадре.

Вадим и Максим уставились на экран. Разумеется, тень. Тело девочки дает тень, так ведь? Она же не привидение, не зомби, это натурально, что тень!

– Нет, – сказал Реми, – то есть да. От нее, конечно, тень. Но я имею в виду не от нее тень, а...

И снова замолчал.

– Ну, – нетерпеливо произнес Вадим, – не тяните. Я плохо что-то понимаю, о чем идет речь.

– ...а в проломе...

Максим и Вадим снова вперились взглядами в экран.

– Там тень с *обратной стороны дома*, – внятно выговорил наконец Реми. – Там что-то есть. Смотрите! Смотрите не на актрису, а в пролом.

Взгляды сосредоточились в указанном направлении.

Там действительно что-то было.

И это *что-то* медленно ползло с обратной стороны дома.

В зале зависло оцепенение.

– Можно сделать изображение покрупнее? – деловито нарушил тишину Реми.

– Да, конечно, – засуетился Вадим. – Моррис, – крикнул он.

– Я слышал, – отозвался голос из проекторской. – Сделаю.

Три пары глаз не отрывались от экрана. Качество изображения ухудшилось от увеличения, размытая

серая масса шевелилась в рамке пролома, и трудно было угадать ее неясные очертания.

– Что это?! – Вадим повернулся к Реми. В его глазах стоял ужас.

– Распорядитесь, чтобы мне сделали хорошие покадровые фотографии, – отрывисто произнес Реми, вставая, – с этих кадров и с финальных кадров с Арно. Там, где он заворачивает за угол.

– А с Арно – зачем? – спросил Вадим, робея. – Что вы там нашли?

Реми посмотрел на него.

– Вы разве не поняли? В финальных кадрах...

– Что?! – не выдержал Максим. – Что в финальных кадрах?!

– В финальных кадрах месье Дора убили.

Глава 17

Вадим ахнул и по-женски прикрыл рукой рот; Максим взялся рукой за горло, жестко схваченное спазмом; Реми глянул на обоих сурово.

– Я туда еду, – сказал детектив. – Кто со мной?

– Я не могу, – простонал Вадим. – Это выше моих сил.

– Я поеду, – проговорил Максим.

– Поехали. А вы займитесь фотографиями, немедленно, – бросил он через плечо Вадиму.

Реми не любил слабонервных. Во всяком случае, слабонервных мужчин.

Вадим, сбиваясь, объяснял, как ехать. Максим сказал, что помнит дорогу, и сел в машину Реми. Вадим просил держать его в курсе.

Они снова выехали в ночь и дождь. Фонари плакали и сползали по стеклам, и их сглатывали дворники, беспрестанно маячившие перед глазами. Болтало радио, что-то о введении 35-часовой рабочей недели, и это было так нелепо некстати, так раздражающе некстати... Но Максим не посмел попросить Реми его выключить, так как детектив, казалось, был погружен в прослушивание новостей.

Словно почувствовав его мысли, Реми выключил радио: «Мне все равно не перепадет, у меня ненормированный рабочий день и ненормированная рабочая ночь...»

Съехав с шоссе, Реми включил мощные фары, и их ослепительный свет пробился сквозь дождь и выхватил из черноты развалины дома. Максим снова с содроганием подивился его неправдоподобной кошмарности. Реми выскочил из машины под дождь, вытащил что-то из багажника и прикрикнул на Максима:

– Вы идете или в машине остаетесь?

Максиму стало неловко, что детектив заметил его замешательство. Он нехотя вылез, вытащил из воротника своей куртки тонкий, как презерватив, капюшон и напялил его на голову. Дождь немедленно забарабанил по пластику, как по крыше, дробью отдаваясь в голове. Они приблизились к разрушенному дому, и Максим, стараясь подавить дрожь от холода и нервозности, начал объяснять, как и где располагались актеры во время съемок. Но Реми его не слушал. Он заглянул в подвал, откуда во время съемок появлялись актеры, бегло оглядел его и двинулся вдоль развалин. Возле пролома, где снималась Май, он присел на корточки, заглянул в него, выворачивая по-птичьему голову, осветил фонариком густую тьму, затем встал и начал обходить дом. Максим плелся за ним.

Реми потоптался на углу, на склизкой глине, где Максим сделал последние кадры с дядей, и направился к обратной стороне пролома. Снова заглянул в него, покрутился, поползал вокруг. Пятачок света от его фонарика беспорядочно метался в темноте.

– Там следы? – спросил Максим.

– Бог с вами, какие следы после недельных дождей!

Реми поднялся с почерневшими от грязи коленками и двинулся было дальше, как, не пройдя и двух метров, он вдруг снова резко присел на корточки, и Максим чуть не налетел на него.

– Тут дыра есть, – сказал детектив, вставая. – Я так, собственно, и думал, – добавил он удовлетворенно.

Максим подошел поближе и увидел то, что когда-то было, возможно, подвальным окном, а теперь представляло собой бесформенную дыру с обвалившимися кирпичами. Луч света соскользнул в нее, но бесплодно: тьма была непроглядной.

– Полезли? – спросил почти весело Реми.

– Я следую за вами, – ответил Максим.

Реми исчез в дыре.

– Погодите, – сказал он Максиму из черноты, – я вам руку подам.

Луч мазнул темноту, Реми чертыхнулся, что-то грохнуло.

– Сейчас-сейчас, – доносилось до Максима, – здесь какой-то столярный стол, тут надо поосторожней, чтобы ноги не переломать... Его двигали, мне кажется, кто-то его придвинул к окну, он раньше в углу стоял, судя по следам пыли... А это что? Погодите, Максим, сейчас... Это что? Это вот что... Не спускайтесь, Максим! Здесь следы крови. Кем-то уже затертые... Я не хочу, чтобы мы их смазали.

Вот и все. Все предчувствия, страхи, мысли, которые гнал от себя, – вот они, материализовались. Там кровь. «Папы нет в живых». Соня тоже чувствовала. Они все чувствовали, но не хотели об этом говорить, не хотели в это верить, надеялись...

Реми вылез.

Максим был не в состоянии задавать вопросы. Он бессильно сел на какой-то мокрый камень. Внутри у него была схватывающая пустота, будто от голода. «А я ведь действительно ничего не ел с утра, – подумал он. – И уже не смогу». Он бездумно следил за шагающим взад-вперед Реми, и в голове у него, как и в желудке, была пульсирующая пустота.

Реми огибал угол и возвращался, останавливаясь сначала у пролома, потом у лаза в подвал, и снова повторял этот путь, погруженный в размышления. Максим промок насквозь, несмотря на куртку: джинсы отяжелели от воды и противно и холодно липли к телу. Он вытащил сигареты из внутреннего кармана куртки и, сделав ладонь крышечкой над пламенем зажигалки, прикурил. Затяжка принесла ему облегчение, словно стало немножко теплей и уютней от этого крошечного огонька, дружественного знака из привычного ему мира, в котором не было кошмарных развалин и преступлений.

– Теперь вы поняли? – остановился наконец Реми.

– Что?

– Как дело было?

– Не то чтобы очень...

Было бы преувеличением сказать, что Максим испытывал желание вникнуть в детали.

– Смотрите, – сказал деловито Реми. – Ваш дядя завернул за угол...

Он стал показывать:

– Вот так... И наткнулся на нож.

– Нож?!

– Выстрел из пистолета был бы слышен, не так ли? Это было бы слишком рискованно, даже с глушителем: на съемках стоит тишина и...

– И кто это был? С ножом?

Реми удивленно посмотрел на него.

– Кто? Я не знаю кто! Я знаю только, что кто-то его поджидал, кто-то прятался здесь за домом... И ударил Арно ножом в тот момент, когда он завернул за угол. И вот тут ваш дядя повернулся, держась руками за живот, – удар, видимо, пришелся в живот... И вы его увидели. И сняли на видео – нам с этим просто очень повезло! Вы решили, что он изображает, что его тошнит...

– Бог мой... – прошептал Максим.

– Это понятно, он держался руками за живот, согнувшись, и лицо его перекосила гримаса... Естественно, вы, ничего не подозревая и будучи под впечатлением от его роли человека в похмелье, решили, что месье Дор доигрывает свою роль для вас одного, для племянника. Я уверен, что на фотографиях с вашей пленки, которые я распорядился сделать, мы сумеем рассмотреть либо рукоятку ножа, либо кровь... Скорее рукоять ножа, потому что если бы убийца его сразу вытащил, – рассуждал с энтузиазмом Реми, – то следы крови были бы повсюду и при уборке техники их бы кто-нибудь заметил...

Максим закрыл глаза. Слова Реми добивали его безжалостно.

– Извините, – сказал детектив. – Я немного увлекся.

– Ничего, – выдавил из себя Максим. – Продолжайте.

– Короче, – продолжал более сдержанно Реми, – убийца, должно быть, подхватил тело, которое упало таким образом, что немного заслонило проем. Если бы актриса хоть раз повернула голову в сторону пролома, она бы его увидела... Но она смотрела, разумеется, в камеру, то есть в другую сторону. Ее сцена шла плохо, задуманный световой эффект не удавался, потому что пролом был частично заслонен, но никому это не пришло в голову. Вадим был вынужден сцену повторять, а убийца все это время медленно, стараясь не производить шума, тащил тело к подвалу... Он наверняка заранее побывал на этом месте и все продумал. Сделал ставку на то, что все будут смотреть на играющую актрису, а сама актриса будет смотреть в камеру... К тому же идея поместить ее голову непосредственно перед проломом пришла Вадиму только на месте съемки, заранее это не планировалось, и убийца предполагал полную безопасность своих действий. Не говоря уж о том, что вашу видеокамеру, да еще и поставленную на землю прямо напротив пролома – вернее, точно напротив актрисы, – он никак не мог предвидеть... Когда съемки были закончены, естественно, никто ничего не заметил, так как тело было уже спрятано в этом подвале. Тот подвал, в котором работали актеры, находится за стеной.

– Погодите! Не понимаю, ведь я видел, как дядя уходил...

– Дядя ли?

– Значит, в дядиной куртке ушел убийца?!

– Получается, что да. И уехал на его машине. Которую бросил недалеко от дома Ксавье.

– И что, – спросил, холодея, Максим, – тело – там? – указал он окоченевшей рукой на подвальное окошко.

– Нет. Его перепрятали.

Максим перевел с облегчением дух. Мысль о том, что детектив сейчас начнет вытаскивать труп из подвала, среди этих черных кошмарных развалин под мерзким проливным дождем, казалась ему непереносимой.

– А... вы уверены?..

– Что тело перепрятали?

– Нет... Что вообще... Что дядю убили... Может, он поранился чем-то?

– Сами посудите, Максим, – сказал мягко Реми, – если бы он просто поранился, разве бы он так пошел спокойно к машине? Славя предварительно зачем-то в подвал, где оставил следы крови? Нет, он бы обратился за помощью! В крайнем случае он бы поехал в больницу, ну, домой хотя бы, а не исчез, предварительно поставив свою машину недалеко от дома Ксавье...

– Да...

– И кроме того – вернемся к вашей видеозаписи, – вы сами видели, что-то ползло с обратной стороны пролома?

Максим молча кивнул. Во рту у него было сухо, а в горле першило, словно он заболел.

– Но это что-то, как вы поняли, было тело, тело месье Дора... И оно, строго говоря, не ползло. Строго говоря, его *тащили*. Из чего мы делаем такое заключение? Вы же режиссер, вы понимаете разницу между этими двумя движениями... Когда человек ползет, у него колени сгибаются, образуются просветы между телом и землей, а когда его тащат...

– Я понял.

Реми глянул на него и замолчал.

Максим бросил в грязь дотлевший окурок.

– Что будем делать? – тихо спросил он у Реми.

– Какой вы... впечатлительный, – с удивлением всмотрелся в него Реми. – Ишь, белый весь. А с виду вроде крепкий... Полицию будем вызывать. Теперь у нас есть *место преступления*. И, соответственно, *время преступления*. Нужно только установить с уверенностью, что кровь действительно принадлежит Арно, проанализировать следы в подвале, там они должны были сохраниться, может, повезет и с отпечатками...

Он наклонился и поднял белевший окурок Максимовой сигареты с земли.

– Это лишнее, только полицию путать. Мы и так тут наследили. Вам помочь дойти до машины?

– Н-н-ет, – промычал Максим.

– Ну как хотите. Тогда пошли в машину, нам больше незачем тут торчать.

Глава 18

Обычно обстоятельства складывались по воле Максима. Уже достаточно давно он привык руководить и распоряжаться своими и чужими обстоятельствами и временем. Иногда распоряжался не он, а обстоятельства им, но с такой четкостью и однозначностью, что не оставляли ему выбора, а следовательно, и возможности для колебаний и сомнений. Словом, Максим привык к тому, что он всегда знал, что ему делать и как поступать.

Сейчас же, предоставленный сам себе в этом чужом городе, не зависящий от людей, которые его окружали, и лишенный возможности руководить ими, он был растерян и не знал, как себя вести. Он мог поехать к Соне вместе с Реми и Вадимом, а мог не поехать – как хотите, Максим. А как он хотел? Он не знал. Вернее, он знал, как он хотел. Он вот так бы хотел: приехать, схватить ее в свои объятия, прижать ее к себе и дать ей плакать на его сильном и мужественном плече, вытирая и целуя мокрые щеки и губы и шепча слова – не утешения, нет, как можно утешить в смерти родного отца? – просто успокоения.

Он бы хотел, но так было невозможно. У нее был муж, и на его хилом плече ей было положено плакать, и у него было право целовать соленые нежные губы. И, спрашивается, в таком случае зачем ему было ехать? Смотреть, как Пьер осуществляет свои супружеские права?

Но не поехать... Не ехать тоже было нехорошо. Во-первых, он вместе со всеми втянут в эту орбиту, в эту историю, и уж надо было бы вместе со всеми присутствовать. Во-вторых, он все-таки родственник, хотя бы и отдаленный. В-третьих, оставаться одному целый день – не по себе. Уйти, болтаться по городу, сидеть в библиотеке – какие, к черту, занятия, когда такое происходит? И потом, приличия обязывают «выразить соболезнование»...

Он позвонил Вадиму: «Я с вами». Вадим обещал подъехать к дому без четверти двенадцать. Максим отправился одеваться.

Телефон снова зазвонил. Пока Максим выпутывался из брючины, заговорил автоответчик. Дядин голос неспешно объяснял, что абонент может быть спокоен, так как ему непременно перезвонят, и предлагал оставить свое имя на пленке после бип-сонор... «Какая нелепость, – думал Максим, – дяди нет, а его голос по-прежнему обещает перезвонить...» Никто, однако, не отозвался, и через динамик раздавались звучные гудки отбоя.

«Кто бы это мог быть? Проверяет, дома ли я? Я уйду, – думал Максим, – кто-то снова попытается забраться в квартиру? Что ж, пусть попробует – замок-то мы уже сменили!»

Без двадцати он уже спустился. Вадим должен был подобрать его на противоположной стороне улицы.

...Этот мотор Максим узнал сразу. Не узнал даже, а просто понял, что это *тот самый* мотор. Даже не успев повернуть голову, он уже точно знал, что это едет *та самая* машина.

Нет, не едет – несется.

На огромной скорости.

Прямо на него.

Дальше все отсчитывали доли мгновений. В первую долю он понял, что с середины полосы он не успеет развернуться и побежать обратно к тротуару. И в следующую долю мгновения он принял решение: бежать на встречную полосу, под колеса машин, которые хотя и опасны, но не имеют намерения убить его, тогда как машина, мчавшаяся на него слева, имела как раз то самое намерение. Он кинулся наперерез

машинам встречной полосы. Визг тормозов, ругательства водителя, одна машина развернулась боком, из-за нее выскочила другая, и Максим, очертив в воздухе небольшую дугу, упал на землю.

Он посмотрел на склонившееся над ним лицо какого-то человека, и экран его зрения погас.

Глава 19

«Ни за что на свете», – сказала себе Соня. Несколько десятков нежных, нежнейших слов были готовы сорваться, упасть на бледное, красивое, хотя и с ободранной скулой, отрешенное лицо Максима, над которым она склонилась, и она повторяла себе: «Ни за что на свете».

Не потому, что он мог проснуться и ее услышать. Нет, она была просто не намерена их произносить *вообще*. Любовь, как и смерть, вещь преходящая, на них нельзя останавливаться, в них нельзя погружаться, потому что если начать в них вникать, то твоя жизнь будет разрушена. Да, смерть и любовь – две самые опасные вещи – нельзя *переживать*, их надо просто *прожить*, нет – пробежать, пролететь, не останавливаясь и не переводя дух: мимо. Что хорошего в переживаниях? Они закончатся, и с чем ты останешься? С разрушенной психикой? С болью в сердце?

«Не надо, не хочу, избавьте меня от этого, увольте!» Если есть любители, лелеющие свои страдания, копающиеся в них – то Соня не из их числа. Пусть он скорее выздоравливает, этот русский, и уезжает. В свою Москву. Делать свои фильмы. Она, может, даже сходит посмотреть. Вот и все. Хватит с нее смерти ее отца. Вот уже горе, с которым трудно совладать. Так мало того, еще и смерти насильственной. То есть папу убили... Это совсем худо, с этим ее сознание почти не справляется. Летит куда-то, выключаясь и не веря в реальность...

«Ко всему этому только еще русского не хватало. Сего нахальным мальчишеским обаянием, с ласковой и опасной глубиной, которая притаилась в серо-зеленых глазах, как невидимая пропасть; с этими рыжеватыми пушистыми усами... Нет уж, пусть выздоравливает – и до свидания! Слава богу, ничего серьезного с ним не приключилось – легкое сотрясение мозга получил, конечно, но и все. Еще кожу на скуле и на руках ободрал, но это совсем не считается, это ему поехать к себе в Москву не помешает. Проснется – я ему так и скажу: уезжай. Уезжай, Максим, твое присутствие здесь без надобности и в тягость».

Максим пошевелился, веки его дрогнули, и Соня приготовила на своем лице улыбку – родственную и прохладную. Поморгав, глаза его приоткрылись, и затуманенный взгляд стал приобретать осмысленное выражение. Он узнал Соню, и, как проснувшийся ребенок, протянул руки и притянул ее к себе.

Он поцеловал ее осторожно и недолго, но рук не разнял, и Соня так и осталась, упершись лбом в его бледный лоб, носом в щеку, вдыхая больничный запах, исходивший от Максима и от его постели, который почему-то вызывал в ней растроганную нежность. Заготовленные слова куда-то пропали.

– Как же так получилось, Сонечка? – прошептал он горячо ей в лицо. – Как же так все не сошлось?..

Она поняла, о чем он. Ей не надо было объяснять. Она не ответила, лишь легко прикоснулась губами к его небритой коже.

Максим погладил ее по голове. В его жесте не было ничего чувственного, в нем была горечь, нежность, ранимость, невесомость... Наверное, прав был Вадим, когда сказал, что Соня – ребенок, который не хочет вырастать. В ее отчаянных усилиях сохранить свой покой был надрыв, самоубийственная готовность сорваться, разрушить столь тщательно возведенные вокруг собственных чувств стены крепости. Но он – он не мог себе позволить спровоцировать ее на срыв, он не мог себе позволить взять на себя такую ответственность...

Что он мог бы ей дать? Что он мог бы ей пообещать? Жизнь, к которой она привыкла с Пьером, однажды аукнется и затребует свое – такие вещи Максим хорошо знал, это он проходил. Готовность на жертвы – дело пустое и безнадежное. Никто не может жертвовать собой всю жизнь, рано или поздно

соскочит со взятых на себя непосильных обязательств и затребует тот уровень жизни и тот стиль отношений, к которому привык. И тогда – что? Не в его силах дать Соне покой, надежность, – не последнее дело! – обеспеченность и оплаченность ее прихотей, которые дает ей Пьер... Единственное, чего Пьер не в силах ей дать, – это любовь. И она ее ищет, втайне от самой себя... Ищет и не находит. Парадокс же в том, что, когда найдет и когда насытится, начнет снова требовать покоя.

Он все еще держал ее в своих руках, поглаживая по темным шелковистым волосам, пряно пахнущим дорогими духами. Соня, не шевелясь, лежала у него на груди.

Но вот чего-чего, а покоя Максим не способен ей дать. Их отношения обойдутся Соне слишком дорого, переломают ей всю жизнь, а потом она упрекнет его, Максима: и вот ради твоей безумной, безалаберной и безденежной (по сравнению с Пьером-то!) жизни, в которой все занимает кино, я всем пожертвовала? Конечно, живи он во Франции, все было бы проще: небольшой адюльтер (пусть и со всюю страстью), и вскоре все станет на свои места и они разойдутся по своим углам, вернуться каждый к своему, ничего не разрушив... Но он живет в России. Не стоит и начинать.

Максим ослабил руки, обвивавшие Сонины плечи. Она медленно подняла лицо, глянула на него без удивления (поняла ход его мыслей?), выпрямилась и сказала:

– Есть хочешь?

– Хочу.

Самое странное, что он не задавался вопросом, какой выбор сделала бы сама Соня. Он знал, что ее невинные провокации были для нее ловушкой, о которой она сама не подозревала. Она думала, что играет в детскую, слегка щекочущую нервы игру; но в тот момент, когда она бы поняла, что игра обернулась реальностью, было бы поздно. Если Максим откликнется на ее провокацию и возьмет инициативу в свои руки – она пропала. Она будет принадлежать ему, Максиму.

Потому-то он не возьмет инициативу в свои руки. Он не умеет отвечать за тех, кого приручил.

– Я тебе приготовлю, – сказала Соня, не глядя на него.

– Я встану.

– Тебе нельзя.

– Это еще почему?

– Врачи сказали.

– Ерунда.

Максим сел на кровати. Голова кружилась, но общее состояние было вполне сносным.

– Сегодня у нас который день? – спросил он.

– Понедельник.

– Хорошо я поспал, почти сутки. Мне, кажется, укол сделали? Я не очень ясно помню... Помню только, что голова сильно болела.

– Врачи сказали, что ты легко отделался, но тебе нужен покой. Лежать. И есть хорошо. Так что не капризничай.

– Ладно, – улыбнулся Максим, – если за мной будешь ухаживать ты, то я согласен.

Соня улыбнулась, вежливо и грустно.

– Вадим звонил, обещал перезвонить. Реми тоже звонил, сказал, что постарается заехать с тобой

попрощаться.

– Попрощаться?

– Пьер считает, что теперь его услуги не нужны, раз полиция взяла расследование в свои руки.

– Вадим тоже?

– Вадим согласился.

Соня принесла Максиму кофе с горячими круассанами и уселась рядом на край постели, глядя, как он ест. Взгляд ее был печален.

Обнять бы ее снова... Крепче, сильнее, ближе. Стиснуть, сдавить, впечатать ее тело в свое...

– И что полиция? – спросил он. – Есть что-нибудь новое?

– Я пока не знаю. Реми обещал рассказать, когда придет.

Реми словно ждал под дверью, когда Максим закончит есть, и позвонил в тот момент, когда Максим протянул опустевший поднос Соне. Занеся поднос по дороге на кухню, она пошла открывать.

– Ну как, больной? – протянул ему руку Реми. – В порядке?

– В порядке. Рад вас видеть. Спасибо, что пришли.

– Да чего уж там. Мы тут с вами как-то сблизились... Я, как собака, привыкаю к тем, кто меня кормит, – усмехнулся он. – А я больше этим расследованием не занимаюсь... Знаете? Теперь оно в руках полиции.

– Да, Соня мне сказала. Надеюсь, что полиция с этим справится... Мне жаль, что вы больше не будете участвовать в расследовании. У меня было такое чувство, что вы близки к разгадке...

– У меня тоже, – сказал Реми. – Но полиция быстро найдет, вот увидите. Теперь, когда есть место преступления... Уже не так сложно найти.

– Дай-то бог...

– Так все в порядке, значит?

– Да, – улыбнулся Максим, – все нормально.

Реми помялся.

– Тогда я пошел... Не говорю – надеюсь встретиться снова, со мной люди встречаются, когда у них проблемы и беды... Так что всего наилучшего.

– Погодите, Реми, – сел на кровати Максим, – а как же новости? Вы мне обещали новости.

– И вправду. Только у меня мало что. Вернее, у них мало что на данный момент. Мои предположения подтвердились, что уже хорошо, но нового ничего нет.

– То есть это... это был папа... там следы крови – его?

Реми кивнул, избегая Сониного взгляда. Максим нашел ее руку, крепко сжал. Соня смотрела в пол. Несколько мгновений протекли в молчании. Наконец Максим легонько тряхнул ее руку, все еще зажатую в его ладони.

– Соня, ты не могла бы нам кофейку сделать, пожалуйста? – сказал он и сделал большие глаза, намекая, чтобы Соня не проговорилась, что он только что кофею откушал. Соня поняла намек и ушла на кухню, понимая также, что Максим решил дать возможность Реми рассказать обо всем, не стесняясь ее присутствием, не ища мучительно слова, которые могли бы смягчить жестокость реальности. В дверях она обернулась и глянула на Максима, тот чуть заметно кивнул – оба поняли, что она могла прекрасно слышать

из кухни, не смущая детектива. Оба подивились такому взаимопониманию, будто тридцать лет вместе прожили, но особенно вдаваться в обдумывание родства душ никто не стал за нехваткой времени: нужно было слушать Реми, который уже рассказывал пониженным голосом, надеясь, что Соня его не услышит:

– Взяли и пленки, и фотографии, я им все отдал, даже записи своих встреч со всеми; на этом у нас дружба с полицией держится: я им одни услуги, они мне другие... Но самое главное, все сходится: исследования, проведенные на месте, совпадают полностью с траекторией движения тела Арно, которая просматривается на вашей видеопленке и на сделанных с нее фотографиях; я также был прав, что это нож, – гордился собой Реми, – но рукоять почти не видна под руками вашего бедного дяди, должно быть, достаточно короткая, типа кинжала, или кортика, или просто кухонного ножа. Самого орудия преступления не нашли, убийца, видимо, унес его с собой. Теперь только ясно одно: месье Дор был убит в этом месте во время съемок, сразу после своей сцены.

– А вдруг все же не убит, вдруг только ранен?

– Нет, Максим, – Реми покачал головой. – Убит. Если бы он был ранен и в сознании, он бы звал, стонал, кто-нибудь из съемочной группы услышал бы. А если он потерял сознание, то все равно умер бы через несколько часов от потери крови... Ну, в крайнем случае он бы уже нашелся в какой-нибудь из больниц...

Реми покосился в сторону кухни, и Максим представил, как Соня, прижавшись к двери, слушает все это и страдает – одна, даже Пьера нет рядом... Собственно, зачем Пьера? Нет его, Максима, рядом, чтобы взять в свои руки ее застывшие пальцы, чтобы принести ей шаль, чтобы ее укутывать и баюкать... Стоит там одна у холодной стенки с холодеющим сердцем и слушает эти ужасные подробности...

– Так что, к сожалению, надо признать, что шансов на то, что месье Дор жив, – нет. Убийца заколол его ножом, осторожно затащил тело в подвал, быстро переоделся в его куртку, взял ключи от его машины и ушел... Вам не показалось, что человек, которого вы приняли за вашего дядю, чем-то от него отличается? Тоньше, толще, выше, ниже?

– Сожалею... Мне и в голову не могло прийти, что это не дядя... Ничего такого я не заметил, что мне подсказало бы, что это не он. Но ведь я дядю видел первый раз в жизни... И куртка у него такая объемная...

– То-то и оно. Одно можно прикинуть: убийца примерно ростом с Арно. Но беда в том, что Арно самого что ни на есть среднего роста, а из «примерно» много не выжмешь... Потом он спокойно припарковал машину там, где мы ее нашли, добрался до своего дома, а ночью или на следующий день вернулся на место убийства и вывез тело. Которое где-то спрятал, а где – не знаем. Вот так... Какие будем делать выводы, Максим? Как любитель детективов, что скажете?

– Да, какие будем делать выводы? – спокойно произнесла Соня, входя в комнату с подносом с кофе. Она была белой, как церковная свеча, но глаза смотрели прямо и голос ее был ровным.

Максим смотрел на нее с восхищением. Она, безусловно, владела собой, своими чувствами – не первый раз у Максима была возможность в этом убедиться... Или – научилась не растрчивать себя на эмоции? Охранять себя от переживаний? Преуспела в борьбе за свой покой? Бедная девочка, она не знает, как это опасно. Она не знает, что лет через десять, когда она достигнет возраста Максима, ей не с чем будет бороться: подавляемые регулярно, чувства просто исчезнут, и она будет воспринимать мир как под анестезией... Но дай бог, чтобы он был не прав...

Он перевел глаза на Реми, который в свою очередь, заметив невероятную бледность Сони, смотрел на нее с ужасом, и уже наверняка коря и проклиная себя за бестактность. Максиму повышенная чувствительность Реми к Сониным чарам показалась вдруг смешной и даже вызвала легкое раздражение – себя ли увидел в подобной роли и ролью этой остался недоволен?

Как бы то ни было, он поспешил сделать вид, что не заметил ни бледности Сони, ни ужаса Реми, и продолжал как ни в чем не бывало:

– Выводы? Во-первых, убийца знал заранее место съемок. Во-вторых, он знал содержание сцены и режиссерский план. Из чего следует, что это близкий к Арно человек, или близкий к Вадиму человек, или близкий знакомый близкого человека. Надо искать тех, кто был столь хорошо осведомлен. Ты, например, знала, Соня?

– Знала. Папа очень ждал съемок этой сцены, которые откладывались несколько раз из-за погоды... Он у нас дома не только про нее рассказывал, он даже показывал, как он будет ее играть.

– Вот видите. Знала к тому же вся съемочная группа. Знала соседка, мадам Вансан. Возможно, знал даже Ксавье, не от Арно, разумеется, а, например...

– ...через Мадлен, – подхватил Реми. – И об этом надо ее спросить. Но я думаю, полиция этим займется. Правильно мыслите, Максим, но это нас мало куда продвинет. Надо искать... есть идеи? Ну же, это так просто! То, что вы непременно найдете во всех детективах... Ну?

– Алиби? – не очень уверенно произнес Максим.

– Конечно, алиби! На субботу, на день съемок, между одиннадцатью и тремя часами дня – убийца ведь должен был приехать заранее и спрятаться в подвале... Я этим уже заниматься не буду, но полиция у вас спросит, Соня, – повернулся он к ней, – у вас и у Пьера. И у остальных, конечно. Ксавье – в первую очередь. Он слишком хорошо вписывается в рамки этого преступления: кто, как не актер, мог замыслить убийство на месте съемок? Кому еще могла прийти подобная идея, рожденная пониманием поведения актера и режиссера во время съемок? Кто, как не актер, с одного устного описания предстоящей сцены мог задумать это хитроумное преступление, побывать на съемочной площадке заранее и воссоздать в своем воображении всю мизансцену, в которую он самолично внес «режиссерскую» поправку в виде убийства? Возможно, что он побывал на съемочной площадке на своей машине. Полиция сделает анализ грязи с его шин, и если она совпадет с грязью с той поляны – Ксавье наш человек.

– Однако вы в его машине не нашли каких бы то ни было улик.

– Не нашел. Но Ксавье мог просто-напросто оказаться куда хитрее, чем мы думали. В конце концов не так уж сложно перевезти в машине тело, не оставив в ней видимых следов...

– Все, что я о нем знаю, не вяжется с представлением о расчетливом и хитром преступнике, – покачал с сомнением головой Максим. – Человек пьющий и столь открыто высказывающий свою неприязнь... Не знаю, не представляю.

– Знали бы вы, Максим, сколько мне доводилось видеть растерях, неумех, простодушных растяп, которые в ответственную для себя минуту проявляли чудеса решительности и изобретательности!

– Может быть, – сказал задумчиво Максим. – И все же...

Его перебил звонок телефона. Соня сняла трубку.

– Это вас, Реми, – протянула она трубку Реми. – Ваш ассистент Жак.

Реми удивился.

– Что за срочность такая... Алло, Жак? Что стряслось? Мадлен? А ты сказал ей, что я больше этим делом не занимаюсь? Вот как? Любопытно... Ну ладно, что ж теперь, раз выехала... Хорошо, спасибо.

Он положил телефон и обернулся.

– Сюда едет Мадлен. Она звонила в бюро, искала меня. Жак объяснил ей, что этим делом теперь

занимается полиция и что я больше не веду расследование, но она настояла, чтобы Жак сказал ей, где меня найти... И теперь – уж не обесцудьте – она едет сюда. У нее срочное дело, как она выразилась.

– Я пойду, – сказала Соня. – Не буду вам мешать. Мне все равно в полицию надо.

– Погодите, – вскочил Реми, перегораживая ей дорогу. – Погодите, Соня. Я хочу, чтобы вы мне сначала сказали... Извините, но теперь это может иметь значение: у вас какие отношения с Мадлен? У вас лично?

Соня пожала плечами.

– Учитывая, что у нас не много времени для подробных разговоров – она, должно быть, вот-вот подъедет, – то коротко: никаких.

– Вы не дружите?

– Нет.

– И ей не симпатизируете, похоже?

– Верно.

– Назовите мне причину?

– Скорее интуитивная неприязнь.

– Вы завистливы?

– Нет, – удивилась Соня, – чего-чего, а вот завидовать – не мой стиль.

– Тогда вы мне сказали неправду.

– Почему это?

– Потому что «интуитивная неприязнь» часто свойственна завистливым людям, в особенности женщинам. Мадлен красива и надменна, и женщины ей этого не прощают.

– Вы упрощаете, господин детектив, – с усмешкой сказала Соня. – То есть вы правы отчасти, нельзя не согласиться... Но существует же и интуиция в чистом виде, чутье на что-то нехорошее... Не правда ли?

– Вуаля! Так что нехорошего вы находите в Мадлен?

– Хитрец. Надо же, какой вы хитрец! А с виду – само простодушие.

– Соня, не пытайтесь ускользнуть от ответа. Сами сказали, что времени мало.

– Ладно... Только договоримся: это ощущение. Не более, чем ощущение. Я могу быть не права.

– Договорились.

– Мне кажется, что Мадлен пользовалась папой.

– Материально?

– Да. Я подробностей не знаю, я эту тему избегала затрагивать, его личное дело. Но все же как-то мелькало... Он и своими связями пользовался, чтобы устроить ей что-то, и подарки ей делал, даже, мне кажется, деньгами помогал. Я не ту давнюю историю имею в виду, тогда – понятное дело, он чувствовал свою вину, хотя, строго говоря, в чем его вина? Он ее не звал, она сама к нему в дом втерлась... Но теперь Мадлен взрослый человек, успешно, кажется, делает карьеру, и папа ей ничем не обязан... Опять же дело не только в этом, даже вовсе не в этом. Дело в том, что у папы был трудный период, запой, вам это известно; в материальном плане это сильно сказалось... Мы с Пьером ему помогали понемножку, деликатно. А Мадлен не стеснялась получать от него подарки для себя и для своих детей. Папа, знаете,

если уж он деньги тратит, так тратит, не считает, и ему, должно быть, эти подарки или что там еще обходились не дешево...

– Вы считаете, что Мадлен играла на его чувстве ответственности за нее?

– Вольно или невольно. По крайней мере, я не вижу других причин, которые подвигли бы папу к такой неумеренной щедрости.

– Может, – вы не допускаете? – у него сохранились какие-то чувства к ней?

– Трудно себе представить что-то подобное. Разве что чувство вины... Под которым на самом деле нет никаких оснований.

– Однако же Мадлен не показалась мне человеком, который нуждается в помощи, в финансовой поддержке.

– Насколько я знаю, она теперь занимает неплохое положение в своей фирме. Муж у нее тоже обеспеченный человек, но... Кажется, там не все в порядке. Не так давно там шел разговор о разводе. Не знаю, на чем они с мужем остановились, но проблемы были. Мне трудно судить, – улыбнулась Соня, – я ведь не детектив, чтобы делать умозаключения из фактов, да и фактов у меня нет. Так, одни слухи и замечания вскользь. Может быть, Мадлен пользовалась папиной поддержкой по привычке с тех времен, когда она действительно нуждалась в деньгах. Или, возможно, она пытается обеспечить себя на случай развода. У нее ведь двое детей... А может быть, все проще: Мадлен просто принадлежит к категории людей, которые ничего не упускают из того, что мимо пролетает.

– Или все сразу вместе, – закончил Реми. – Понятно. Спасибо, Соня. Не знаю, что скажет нам Мадлен, но ваша откровенность может пригодиться.

– Не за что. Последите за Максимом, пожалуйста, чтобы не прыгал, ему нельзя. И спасибо, Реми, за все. Вы славный. Я была рада с вами познакомиться.

Соня расцеловала его с нежностью.

– А меня? – подал голос с постели Максим.

Она обернулась, погрозила ему пальцем и сказала:

– А ты, братец, веди себя прилично, по квартире не шастай и на Мадлен не заглядывайся. Она красивая... Впрочем, я тоже, – грустно добавила она.

– Соня, – окликнул ее на пороге Реми, – Пьер не выходил из дома ночью с субботы на воскресенье?

Соня беспечно пожала плечами.

– Я по ночам сплю, – сказала она и оставила мужчин одних, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Максим вспомнил свое ночное видение в Сонином саду. Был ли там человек? Он до сих пор не знал, что ему об этом думать.

– Реми, – позвал он задумавшегося детектива, – мне надо вам кое-что сказать...

Мелодичный звонок в дверь заглушил его слова. Реми пошел открывать.

Глава 20

Мадлен не вошла, а влетела как ураган. Остановившись посредине гостиной, она осмотрелась.

– А где этот племянник? – спросила она.

– Здравствуйте, Мадлен, – вежливо и успокаивающе сказал Реми.

– Здравствуйте, – кивнула она. – Мы одни?

– Нет. Господин Максим Дорин находится в спальне. Он перенес сотрясение мозга и должен лежать. Но если вы хотите с ним познакомиться, то это можно устроить.

– Нет. Потом, может быть. Мне нужно с вами поговорить. Он нас не может слышать?

Реми не был уверен до конца, однако же высказал предположение, что не может.

Мадлен размашисто прошагала к креслу и уселась, закинув ногу на ногу.

– Садитесь, – распорядилась она, кивнув Реми на свободное кресло.

Реми легонько улыбнулся собственному смущению, которое вызывала в нем эта женщина.

– Что у вас стряслось? – спросил он.

– Я хочу знать, кто убил Арно!

Реми удивился.

– Во-первых, мне это неизвестно, я до раскрытия преступника не дошел; во-вторых, я этим делом больше не занимаюсь. Оно теперь в руках полиции.

– Я знаю, Мишле (она бросила фамилию Пьера пренебрежительно, неприязненно) и Вадим (ага, все-таки Вадим, не по фамилии) отказались от ваших услуг... Мне ваш ассистент сказал. Я вас нанимаю.

Теперь Реми изумился.

– Зачем?

– Я хочу знать, кто убил Арно.

– Я сейчас не могу вам этого сказать. Надо продолжать...

– Я неправильно выразилась. Я хочу узнать, убил ли его Ксавье.

На этот раз Реми просто опешил.

– У вас есть основания...

– Не нужно задавать мне вопросы. Я сейчас все сама расскажу, – оборвала его Мадлен. – Вопросы потом, если будут.

Мадлен говорила отрывисто и напористо, словно в ее речи еще не остыл ритм того размашисто-деловитого шага, которым она вошла.

– Вам кто-нибудь уже наверняка рассказал ту историю, которая приключилась у меня с Арно десять лет назад. Эта история бежит впереди меня: куда бы я ни пришла, все всё уже знают. Так что вам известно, что я влюбилась в месье Дора, когда мне было шестнадцать лет...

Я его хорошо знала, с детства. Он дружил с моими родителями и постоянно бывал у нас в доме. Может, даже слишком часто...

Говорят, для девочек идеал мужчины – это отец. Для меня идеалом мужчины был Арно. Он был великодушен, щедр, тонок, остроумен... Родителям случалось ссориться при нем – он умел успокоить и помирить. Все становилось так ясно и так просто и в то же время так красиво в его присутствии! Отношения, слова, жесты, маленькие поступки, сама жизнь приобретали благородный оттенок. Для меня он был праздником, и душевным, и материальным. Арно – это было веселье, радостное настроение, шутки, мир в доме, вкусная еда, сладости, подарки. Да какие подарки! Он осуществлял мои мечты... Не знаю уж, откуда он знал о них, должно быть, мама ему нашептывала...

Отец мой невыгодно отличался от Арно... В нем не было породы, класса, не было со всей окончательной безнадежностью. К тому же он завидовал Арно, и случалось, после ухода друга, поливал его по мелочи говнецом. – Она так и сказала: «говнецом», и в ее речи, при ее царственных замашках это выглядело почти шикарно. – Это было так несправедливо, так некрасиво, так низко! Он ведь принимал от Арно подарки, распинался в преданной дружбе! Моя душа болела от этого... И мое презрение к отцу росло.

Короче, немного повзрослев, я отправилась к своему идеалу. Дома мне было плохо, но не это заставило меня принять решение. Не думайте, что я была совсем глупа и не видела ничего вокруг: за мной ухаживали мальчики, на улицах заглядывались молодые люди. Если бы я захотела, я могла бы сто раз найти себе и дружка, и даже прибежище, чтобы уйти из дома. Нет, все они не могли сравниться с Арно. Он был как роскошный дог среди дворняжек. А мне нужен был мужчина именно этого класса, на меньшее я была не согласна. Его возраст меня не пугал, о последствиях я думать не хотела. Я была бы счастлива провести с ним столько лет жизни, сколько ему еще будет отпущено, а потом... Потом, даже будучи вдовой, я оставалась бы вдовой мужчины, у которого был недостижимый класс.

Все это я вам объясняю для того, чтобы вы поняли, что не детская глупость, не желание сбежать из дома от вечно ссорящихся родителей привели меня к Арно, а сознательный выбор. И если вам говорили, что меня не удавалось оторвать от Арно и отправить домой, – то теперь вы понимаете, почему.

Итак, я сбежала к Арно. Моя неистовость постепенно завоевывала его: он все реже говорил, что мне надо возвращаться к папе с мамой, он начал изредка бросать на меня взгляды как на женщину, а не как на нашкодившего ребенка... Он начал привыкать к мысли, что я принадлежу ему – если пока еще не физически, то морально. Он знал, что ему стоило руку протянуть... Я была на все готова. Больше того, я этого ждала. Я его провоцировала. Просила мне спинку помыть в ванной, бегала перед ним в легкой ночной сорочке. Я наслаждалась его мучительными взглядами. Я знала, к чему я шла, и грезилась о дне своей победы.

Однажды... Впрочем, это вам знать не нужно. Довольно того, что я вам скажу: он любил меня. Он любил меня по-настоящему, как женщину...

Ее глаза смотрели на Реми настороженно-требовательно, как бы проверяя, не мелькнуло ли в его лице тени сомнения, поверил ли он ей. Видимо, для нее это было действительно дорого и важно. Реми кивнул ей в поддержку.

– ...И никогда бы никому не удалось нас разлучить. – Голос Мадлен зазвенел от напора, и взгляд ее словно вонзился в зрачки Реми. – Я знаю, что говорю, поверьте, – никому и никогда! – если бы в один отвратительный день, самый ужасный день моей жизни, к нам, то есть к Арно, не пришла моя мать... До этих пор она не вмешивалась и предоставляла отцу скандалить – там еще Соня встревала со своим Пьером и даже Вадим, всем хотелось почитать мораль и выразить свое скудоумное осуждение! Только моя мать не участвовала в этой ханжеской показухе. Она выжидала. И когда стало ясно, что никто не преуспеет в возвращении блудной дочери под родительский кров, моя мать пришла к Арно и сообщила ему... что я – его дочь.

Реми не посмел высказать какие бы то ни было эмоции. Он молча созерцал Мадлен, которая, впрочем, на него больше не смотрела – ее глаза видели те, ушедшие в прошлое сцены...

Прошло несколько мгновений, прежде чем Мадлен заговорила снова. Она взглянула на детектива, и он поразился перемене выражения ее лица. Ее черты смягчились, ее серые глаза словно оттаяли, и в них поплыла грусть. Только теперь Реми понял, что она не просто эффектна, но и действительно красива, женственна, очаровательна...

– Как вы понимаете, это означает, что у моей матери с Арно были определенные отношения. Откуда, видимо, и подарки мне, которая на тот момент в глазах Арно была всего лишь ребенком его любовницы. Мать, разумеется, скрыла свою связь от Ксавье и даже скрыла от Арно, что ребенок – от него. Она, как я теперь понимаю, не рассчитывала создать семью с Арно. Уж не знаю, права ли она была, считая, что Арно на ней никогда не женится, но она так считала и пыталась сохранить ту семью, которая у нее уже была. Несмотря на то что никакой семьи давно, по сути, не было... Не понимаю, зачем ей была нужна эта фикция, эта иллюзия семейной жизни. В том поколении, кажется, были несколько иные представления на этот счет. Короче, ни Ксавье, ни Арно, ни тем более кто-то из посторонних не знали, что я дочь Арно. Соня не знает и до сих пор. О том, что она моя сестра... Моя мать взяла с Арно клятву, что об этом не узнает никто. И он ее сдержал.

...Не знала бы и я, если бы не подслушивала под дверью, вон в той самой комнате, – мотнула она головой, – в которой сейчас, должно быть, подслушивает ваш подопечный русский. – Мадлен усмехнулась. – Тоже, кстати, родственничек...

Она задумалась на мгновение, а когда заговорила снова, голос ее уже восстановил стремительные и жесткие нотки.

– Я отвлеклась. Цель моего рассказа – в другом. Это, так сказать, преамбула, предмет же заключается в следующем: не так давно я открыла правду Ксавье. Мне надоели его бесконечные попреки. Он клянчит деньги у матери, которая дает ему из жалости, у меня – и пропивает их. А когда я отказываюсь давать деньги (я стараюсь денег не давать, предпочитаю покупать еду, готовлю, убираю – хватит с меня и этого!), так он кричит, что я его дочь и обязана содержать отца в старости, что он в суд на меня подаст... И прочая галиматья в том же духе. ... Я к нему привязана, к Ксавье. Жалею. Помогаю. Даже считаю это своим долгом. Но нельзя же до такой степени на голову садиться и еще кричать, что неудобно! Нет, это чересчур. Короче, мы в очередной раз поссорились, и я ему высказала всю правду. Это случилось недели за две до исчезновения Арно. И теперь, когда выяснилось, что Арно был убит...

Она запнулась, серые глаза моментально очертились покрасневшим контуром.

– Извините, я... – сказала Мадлен, доставая из сумочки платок, – я сейчас...

Тонко раздувая ноздри, она шумно сморкалась. Реми наблюдал. Она была очень разной, эта Мадлен. И она ему нравилась все больше. Он больше не чувствовал себя мальчиком перед строгой учительницей.

– Арно был убит во время съемок, – продолжала она. – И теперь, когда это выяснилось, я припоминаю, как отец... как Ксавье меня пристрастно расспрашивал о предстоящих съемках этой сцены. Я тогда решила, что он из зависти, чтобы опять к чему-нибудь придраться, раскритиковать и охаять, как он это обычно делал.

А теперь... Теперь боюсь, что он тогда замыслил убить Арно... Он, я помню, с тех пор, как я ему сказала правду, почти не пил эти две недели. Вернее, он сразу же сильно напился, а потом вдруг как-то перестал... Для него это необычно. Вот я и спрашиваю себя: почему? Что ворочалось в его голове? Какую мысль он так обдумывал, что почти перестал пить? Какую?!

Мадлен откинула голову и отвернулась к окну. Реми не видел ее лица, но, насколько он мог судить, она не плакала. Размышляла или вспоминала... Реми решил ее не тревожить вопросами и тихо ждал, пока она вернется к разговору.

Наконец Мадлен повернулась. Ее серо-голубые глаза были холодны как клинки.

– Найдите мне ответ на этот вопрос, месье Деллье. Ксавье задержала полиция, но я не хочу пока их вмешивать в это дело, рассказывать им семейные истории и давать им в руки готовый мотив. Возможно, что Ксавье здесь ни при чем. Но я – я хочу это знать, я имею право это знать. Если это не он убил отца – что ж, пусть все будет по-старому. Будем продолжать жить, ссориться, буду ему помогать... Он мне был плохим отцом, плохим отчимом, но я не могу его бросить, это мой крест. Но если он – убийца, я ему смерти Арно не прощу. Я его сама полиции выдам. Пусть хоть на электрический стул сядет – выдам!

– У нас нет смертной казни, Мадлен, – тихо сказал Реми. – И тем более электрического стула.

– Жаль, – холодно ответила она и резко поднялась. – Ваш гонорар? – спросила она, возвышаясь над Реми, который не сразу сообразил встать.

– Я вам еще не дал моего согласия, – усмехнулся Реми и остался сидеть с улыбкой на губах, глядя снизу вверх на эту великолепную великаншу.

Мадлен пришла в некоторое замешательство. Она посмотрела на него в упор, как будто впервые увидела. Помолчала, не зная, что сказать, но довольно быстро нашлась – выхватила из своей сумочки чековую книжку, подписала пустой чек и вырвала его.

– Когда надумаете, проставьте здесь сумму, – царственно кивнула она детективу. – Если у вас будут вопросы, я к вашим услугам в любое время. Мои телефоны и адреса у вас есть.

И она поплыла к выходу.

– До свидания, – сказал ей в спину Реми.

– До скорой встречи, – не оборачиваясь, кивнула она и закрыла за собой дверь.

Глава 21

Реми все еще сидел у стола, обдумывая столь неожиданный поворот дела, когда дверь спальни отворилась и бледный Максим возник на пороге, привалившись к дверному косяку.

– Уф, – сказал он, – а голова и вправду кружится.

– Вы лежите, лежите, – засуетился Реми, – вам надо лежать, Максим. Я лучше к вам приду в комнату. Ложитесь, мне надо вам кое-что рассказать.

– Кое-что? А я-то рассчитывал, что вы мне все расскажете!

– Все я не могу, – сконфузился Реми. – Это чужие секреты.

– Ну и не надо, – улыбнулся Максим. – Я и так все слышал.

– Подслушивали?! – шутливо ужаснулся детектив. – Неужели Мадлен была права?! Она так и сказала, что вы под дверью подслушиваете.

– Какой мне был смысл подслушивать у дверей, когда в постели намного удобней и голова не кружится! Все было и так хорошо слышно, Реми. По всей видимости, Мадлен не стеснял тот факт, что мне все хорошо слышно. Она ведь, заметьте, по собственному опыту знает, что здесь слышимость хорошая, и даже голоса не понизила.

– Да-да-да, верное наблюдение, и это очень интересно! Это очень даже интересно, – распевал слова Реми, задумавшись, – очень даже, очень даже...

– Алло, – позвал его Максим. – Что там интересного?

– Значит, вы историю слышали?

– Слышал.

– Жаль, что вы ее не видели.

– Что, стоило посмотреть?

– Еще как! Везет вам на красивых кузин...

– Так что вы там интересного надумали? Не томите, поделитесь соображениями!

– Помнится, вы детективы любите?

– Люблю, люблю. Вы мне расскажете или нет наконец?

– А интересно то, что Мадлен, похоже, начинает афишировать свое родство с Арно. Не исключено, что она даже рассчитывает на то, что я поставлю Соню в известность... Во всяком случае, меня она не просила хранить секрет. И к тому же знала, что и вы можете слышать весь разговор.

– Ну и?..

– Что «и»? У вас никаких выводов не напрашивается?

– Ну почему же... Мадлен теперь, когда отец умер, хочет открыть Соне, что они сестры... Горе-то общее, нужно поддержать друг друга.

Реми жалостливо посмотрел на Максима.

– Ну-ну, – покивал он головой, – романы бы вам писать, розовые... Что теперь первым делом сделает полиция?

– Алиби будет проверять.

– А еще что?

– Ммм... Орудие преступления будет искать.

– А еще что?

Максим пожал плечами.

– Займется поисками завещания, вот что! – безнадежно вздохнул Реми, словно он был учителем в школе для умственно отсталых детей.

– И?..

– И – возможно, что Мадлен готовит нас к неожиданностям. Возможно, она упомянута в завещании.

– Хм. А если нет?

– Даже если нет, то она, видимо, собирается бороться за долю наследства. Будет пытаться доказать, что она дочь Арно.

– Бог мой, мир глазами детектива – совсем не забавная вещь.

– Да уж.

– Соня сказала, что у Мадлен проблемы с мужем, – это может объяснить ее интерес к наследству...

– Интерес к наследству объясняется самим наследством, Максим. В этом нет ничего особенного, это жизнь... Я еще не видел наследников, которые бы равнодушно прошли мимо наследства, наоборот – из-за него ссорятся, судятся, совершают преступления. Вот это я видел.

Максим грустно покивал, соглашаясь.

– Но этот интерес может усилиться определенными обстоятельствами. – Максим то ли оправдывался, то ли хотел оправдать Мадлен. – Например, если она разведется и останется одна с двумя детьми...

– Трогательно. – Реми иронично покивал головой. – Во-первых, мы не знаем, может ли у нее дойти дело до развода; во-вторых, ее муж, кажется, человек очень обеспеченный... у них дом на юге... кстати, надо проверить их финансовые дела... и даже в случае развода Мадлен вряд ли останется на улице, тем более с детьми; в-третьих – и это самое интересное, – *что* мы понимаем под наследством? У Арно, как утверждает Соня, ничего ценного нет, кроме вашего столика. Если он даже написал завещание для своих дочерей, то что он там мог указать? Какие ценности, кроме столика? Счет в банке у него, похоже, худоват. И мы с вами так ничего и не нашли – ни ценностей, ни драгоценностей... А столик-то – ваш! Морально по крайней мере. И где-то должны, судя по всему, существовать бумаги, завещание, подтверждающее ваше владение столиком...

– И этот наезд... Меня кто-то хотел устранить, чтобы столик был не мой?

– Именно.

– И чтобы он автоматически отошел к наследникам?..

– Боюсь, что в этом предположении есть логика.

– И тогда сразу появляется, что делить...

– То-то и оно.

– Что-нибудь удалось установить насчет машины?

Реми покачал головой.

– Вы, как записано в протоколе в полиции, и на этот раз не разглядели номер?

– Куда там! Я по звуку мотора понял, что машина летит на меня. Времени не было даже на то, чтобы просто голову повернуть и на нее взглянуть!

– И кто был за рулем...

– ...тоже не разглядел. Уж извините, я был немножко занят спасением собственной шкуры...

– В том-то и дело... Свидетели происшествия практически все сосредоточили свое внимание на вас – вы бросились буквально под колеса встречному потоку... Отметили только, что машина промчалась на огромной скорости, вроде бы серая, мнения о модели разошлись, но упоминается в показаниях «Пежо»... И еще есть два не очень уверенных показания, что за рулем была женщина.

– И это все, что удалось установить?

– Если это можно назвать словом «установить»...

– Опять женщина! – проговорил задумчиво Максим. – Не та ли, которая нанесла мне ночной визит?

– Вы, помнится, говорили, что женщина эта была высокого роста?

– Пожалуй, высокого.

– Мадлен тоже.

– Мадлен? – Максим удивленно поднял брови. – Что бы ей могло понадобиться в квартире у Арно?

– Не знаю. С другой стороны, о том, что вас не будет дома после восьми, знали только Соня с Пьером. И их гости.

– Ну не Маргерит же ко мне приходила... А эту женщину за рулем никто из свидетелей не сумел описать?

– Нет.

– Интересно получается. – Максим вздохнул. – Моя скромная режиссерская персона в центре событий. Я, правда, человек простой, больше предпочитаю интерес к своей персоне со стороны зрителей. Ну и со стороны критики... Чтоб ей почаще меня хвалить!

Реми рассмеялся.

– Мадлен еще, должно быть, до дома не добралась, а у меня уже образовалась куча вопросов к ней. Надо мне этим заняться.

– Вы ее подозреваете?

– Я всех подозреваю, как обычно.

– Я хочу сказать... Вы допускаете, что Мадлен могла бы... что она способна на убийство – убийство своего отца?! Я помню, вы от Сони сразу отметили все подозрения просто потому, что вы ей поверили. Значит, Мадлен вы не доверяете, она вам кажется способной на преступление?

– Знаете, Максим, для меня существует два типа людей. Первый тип – это люди, у которых на лицах написано все, и второй тип – это люди, у которых на лицах...

– ...не написано ничего, – догадался Максим.

– Вот именно. Так вот, лицо, на котором написано все, может принадлежать негодяю, а может принадлежать честному человеку, но оно сразу выдает мне своего хозяина, и я знаю с первой встречи, с кем имею дело. Люди же, лица которых неразговорчивы, могут быть тоже негодьями или честными

людьми, но я не могу считать с их лиц информацию. Мадлен принадлежит именно к этому типу.

Реми встал и сдержанно потянулся.

– Мне пора. Соня к вам придет?

– Обещала...

– Вот и хорошо. Тогда я вас покину с чистой совестью.

– Вы уверены, что с чистой совестью?

– Почему? – недоуменно уставился на него детектив.

– Мадлен вас наняла, чтобы установить вину Ксавье, не так ли? А вы ее подозреваете и собираетесь допрашивать...

– Мадлен меня наняла, чтобы установить не вину Ксавье, а виновен ли он, – важно сказал Реми. – И именно этим я собираюсь заняться.

– Ну-ну, – сказал Максим, – не забудьте проставить в чеке сумму гонорара!

– Об этом вы можете не беспокоиться, мой друг.

– Только, сдается мне, насчет вины Ксавье вы уже составили себе достаточно ясное представление. Или мне показалось?

– Ишь вы какой, интуиция, что ли?

– Режиссерская. Показалось или нет?

– Показалось. Так будьте здоровы, я пошел.

Реми направился к выходу, как вдруг Максим снова позвал его:

– Пойдите, Реми!

Реми вернулся. Максим приподнялся, опершись на отставленных назад локтях.

– Наверное, я должен вам об этом сказать... Я сам, честно говоря, не знаю, что и думать. Это похоже на галлюцинацию...

– Вы о чем?

Реми торопился и потому немножко нервничал.

– Я у Сони был, в четверг, помните, вы все ушли, а я остался у нее обедать?

– Да. И что?

– Когда я смотрел из окна комнаты на верхнем этаже в сад – в комнате было темно, – мне показалось, что в ее саду кто-то прячется. Что кто-то стоял в кустах. Я до конца не уверен, но все же – я решил, лучше вам сказать.

– Вы не узнали этого человека?

– Нет.

– Мужчина?

– Мужчина вроде бы.

– Не Пьер ли?

– Я тоже задал себе этот вопрос. Но ничего не могу утверждать. А почему вы о нем подумали?

– Не вижу других кандидатов. Хотя это не значит, что их нет...

– Согласен, для одного сценария здесь слишком много накручено: ночная незнакомка, нанеся мне неожиданный визит; некая женщина за рулем, намеренная меня раздавить; а теперь еще и мужчина в саду. Перебор. Надо облегчать сценарий. Предлагаю человека в саду считать Пьером – в роли ревнивого мужа.

Реми рассмеялся и покинул квартиру.

Полежав несколько минут в одиночестве, Максим медленно сел на кровати, посидел, прислушиваясь к пульсирующему шуму кровотока в голове, затем осторожно спустил одну ногу, пошарил, нашел тапку, спустил другую ногу и медленно, словно у него был радикулит, сполз с постели. Главное – не вставать рывком. Если вставать медленно, постепенно, то голова не так уж и кружится. Он еще постоял, проверяя свои ощущения, – ничего, все в порядке, *sa va* [13]. Приободрившись, он направился в туалет и ванную и даже начал, по своей привычке с детских лет, напевать песенку.

Приняв душ, он почувствовал себя намного лучше, да и выглядел посвежее. «Хоть на человека похож», – заключил он, разглядывая свое мускулистое тело и порозовевшее лицо, покрытое рыжеватой щетиной. Бриться он не стал из-за содранной кожи, но нашел, что его «трехдневная небритость» обладает неотразимым шармом.

– Больше никаких постельных режимов, никаких пижам – это вредно для здоровья! Да здравствуют джинсы! – сказал он вслух и запел во все легкие, выходя из ванной:

Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен,
Но лишь одно из них тревожит...

«Как странно человеческая натура устроена, – подумал он вдруг, еще допевая песенку. – Позавчера я узнал, узнал с точностью, что дядя умер, убит. Позавчера я горевал, вчера меня самого чуть не убили, а сегодня – радуюсь жизни как ни в чем не бывало, и только лишь потому, что я сам жив и даже здоров и чувствую себя хорошо...»

Унося покой и сон, когда влюблен... —

оглашали коридор жизнерадостные ноты. «И еще, может быть, потому, что должна прийти Соня, я снова увижу ее сегодня...»

Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь...
И каждый вечер сразу станет удивительно хорош,
И ты поешь...

Соня смотрела на него, широко раскрыв глаза.

Она сидела в гостиной и смотрела на него. А он стоял в дверях гостиной, совершенно голый. Вернее, не так уж совершенно, поскольку на ногах у него были тапочки. Но если не считать тапочек – то в остальном совершенно голый. И вот в таком виде он обалдело стоял перед Соней.

Сердце, тебе не хочется покоя, —

негромко допел он. Что делают в таких случаях? Максим привык раздеваться только перед своим врачом и своими любовницами. Соня не была ни тем, ни другим... И ему, старому развратнику, каковым он себя шутливо считал, было неловко, чудовищно неловко... Извиниться? Пошутить? Как ни в чем не бывало пройти в спальню и одеться? Или, может...

Что «может»? Подойти? Обнять? Сказать: «Вот я уже раздет, так давай в связи с этим обнимемся и поцелуемся и вообще займемся любовью, воспользуемся оказией. Чтобы в другой раз не раздеваться, раз уж полдела сделано»? Ну и бред, придет же в голову такое «может»...

Кажется, Соня тоже растерялась. Впрочем, не до такой степени, чтобы не воспользоваться моментом и не рассмотреть, хотя бы и с деликатной беглостью, его крепкое стройное тело, правда, самую малость поплотневшее, ну самую малость только – аппетитное, как говорили московские барышни, удостоившиеся доступа к этому зрелищу. И хотя во взгляде Сони не было ничего вызывающего и ничего тем более провокационного, Максим почувствовал, что его орудие стало приходить в боевую готовность. Медленно, но верно.

Сердце, как хорошо на свете жить... —

снова запел он, правда, потише.

Сердце, как хорошо, что ты такое...

Справившись со своим замешательством, он с независимым видом прошествовал в спальню, шлепая стоптанными в задниках тапочками, с гордо торчащим пенисом, оперенным с двух сторон туго подобранными яичками, словно эта разгоряченная механика собралась в полет. Соня проводила его обжигающим взглядом.

Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить! —

донесли последние ноты уже из спальни.

Соня расхохоталась в гостиной. Расхохоталась сначала весело, но смеялась слишком долго, и в ее смехе становились все заметнее нотки неискренности и искусственности.

Вдруг она резко замолчала, сглотив последние истеричные всхлипы своего нелепого смеха; затихла, прислушиваясь к своим ощущениям, к тому, как напряглось ее тело, до звона в конечностях, и где-то внизу зародилась и пошла вверх расплавляющая волна желания, обжигая и душа. Мучительно поведя головой и бессмысленно улыбаясь – скорее спазм губных пересохших мышц, чем улыбка, – она слепо двинулась к спальне, к закрывшейся за Максимом двери. Она не знала, зачем туда идет и что будет там делать, она еще не успела ни о чем подумать, она просто приближалась, как лунатик, притянутый магией, но только не небесного, а земного, мужского тела, скрывшегося за дверью...

...Как только дверь раскрылась – Максим встретил ее ласковым и, ей показалось, насмешливым взглядом. На нем уже были джинсы и рубашка.

Соня очнулась, вспыхнула, отвернулась и медленно направилась к креслу в гостиной.

Максим сделал шаг ей вслед, поколебался, снова вспомнил о дяде, о странности человеческой натуры; сделал другой шаг, подумал, как ей-то должно быть плохо в такой день!

Чувство щемящей жалости и нежности; понурая и независимая стриженная шейка с дорожкой темных волосиков; тонкие плечики; легкое тельце в полосатых рейтузиках и в трикотажной просторной рубашке...

Догнал, заграбастал в свои руки, примял, как бабочку (не в силу грубости, а в силу неутонченности мужской природы!), начал медленно разворачивать ее к себе, нагибая крепкую лошадиную шею к ее мягким каштановым волосам, к нежному маленькому уху, мелкими шажками легких поцелуев скользя к ее губам, шумно вдыхая ее сладкое дыхание, путавшееся в его усах, вонзаясь поцелуем в самую сердцевинку ее губ, ища языком щелочку между влажными зубами, которая так долго сводила его с ума...

Ее медовые глаза померкли, закрылись, опушив щеки темной щетинкой ресниц. Максим запустил свои большие ладони в короткие рукава ее трикотажной рубашечки, добрался до теплых и нежных плеч и гладил шелковые бретельки ее лифчика, следуя, насколько позволяла пройма рукава, по их скользящей дорожке: назад, к застежке, огибая хрупкие детские лопатки; вперед, к податливой и живой округлости груди.

Но рубашку не расстегнул.

Не расстегнул, хотя спереди были пуговики и дело было несложным.

Не расстегнул, потому что не мог, потому что снова подумал о дяде, потому что этот пир жизни и плоти не сочетался с печалью траура – а у Максима был слишком развитый вкус, чтобы позволить себе подобную эклектику, – так и остался, замер: ладони, запущенные через рукава, на ее спинке, пригоршнями накрывая воробьиные крылышки лопаток; так и стоял.

И Соня – так и стояла, затихнув под его руками. И они простояли неизвестно сколько, закрыв глаза и не шевелясь, и пряное чувство горечи постепенно захватывало два эти существа и заструилось между ними, разделяя.

Соня высвободилась первой.

Не глядя на Максима, она пошарила в сумочке и вытащила пачку сигарет. Закурила, нервно отставляя руку в сторону и уклоняясь от выпущенного ею же дыма. Сигарета дрожала в ее худых пальцах; даже не дрожала – тряслась.

– Я была в полиции, – сказала она, садясь в кресло и устремив на Максима темные глаза, плывшие в нежном облаке усталости и печали. – Они мне сказали: никакого завещания нет. Не существует. Они справились в нотариальном банке данных... И я не понимаю, что из этого следует и следует ли из этого что-нибудь. Следовательно мне ничего не объяснил. Это важно?

Максим перевел дух от не остывшего еще объятия. Стараясь сосредоточиться, он пошагал по комнате, потом уселся и сказал:

– Погоди-ка, детка, давай по порядку.

Соня вскинула глаза на «детку», сказанную с необычайной и как бы уже привычной ласковостью, будто теперь они так и будут друг к другу обращаться, но Максим не заметил ее взгляда.

– Все подробно, с самого начала, – морщил он лоб, сосредоточиваясь. – Что тебе вообще рассказали в полиции и о чем тебя спрашивали?

Максим вдруг почувствовал, что теперь, когда Реми больше не ведет расследование, он должен взять на себя хотя бы одну из его функций, а именно: рассказывать и объяснять, что происходит. По крайней мере Соне.

– Спрашивали, что я делала в то время... Алиби, одним словом. У меня его нет. Вернее, есть, но не на все время... Спрашивали про Пьера. Я так поняла, что у него алиби тоже нет. Он искал мне подарок, у меня день рождения скоро... Не знаю, они будут проверять, наверное, кто меня видел, кто его видел... Еще о завещании спрашивали, о столике, о тебе. Они, кстати, наверное, тебя тоже вызовут или сюда придут.

– Я ведь уже вчера все рассказал, в больнице.

– Я тоже вчера с ними разговаривала. Они каждый раз задают почти одни и те же вопросы, но это якобы необходимо.

– Ну, не страшно. Надо так надо. Что еще?

– Сказали, что задержали Ксавье для допроса, на два дня, что ли. У него тоже алиби нет, а тот факт, что машина припаркована недалеко от его дома, бросает на него подозрение. К тому же он грозился папу убить... это многие слышали. У него нашли альбом с фотографиями, где на всех общих снимках он вырезал лицо папы...

– Значит, у полиции два направления на данный момент, как и у Реми... Ты знаешь, что Мадлен наняла Реми установить, виновен ли Ксавье?

– В самом деле? Это странно. Это ведь ее отец! А если Реми докажет его виновность? Что тогда она будет делать?

Максим хотел было сообщить Соне новость о том, что Мадлен приходится ей сестрой, но что-то удержало его. Хотя, конечно, никто не просил его хранить этот факт в секрете, и все же... Если у Мадлен есть какие-то цели, то он не хочет послужить для нее орудием. Проще говоря, если Мадлен рассчитывает, что он донесет эту информацию до Сони, если у нее в этом свой интерес, – то она ошиблась в своих расчетах. Пусть выкручивается сама.

– Не знаю, – ответил он Соне. – Я не понимаю ее логику. Тем более что мне показалось, что этот ее визит сюда послужил лишь тому, что Реми всерьез заинтересовался ею самой... Он стал ее подозревать, мне кажется.

– Какие же у нее могут быть мотивы?! У Мадлен – что у нее может быть против папы?!

– Я ничего не понял, – поспешно соврал Максим. – А второе направление, значит, это наследство, как я понимаю. То есть этот очаровательный столик, – кивнул он в его сторону.

Столик невозмутимо парил на своих тонких гордых ножках, тускло поблескивая лакированной поверхностью.

– Завещания нет, – сказала Соня. – Что это означает?

– Нет на мое имя, ты хочешь сказать.

– На мое тоже нет.

– Но тебе и не нужно, ты ведь автоматически наследница, ведь так? Если столик не оформлен на мое имя, то, значит, его получаешь ты. И Пьер.

– Послушай, Максим, я ничего не могу понять, – жалобно сказала она. – Что, я теперь под подозрением? Или Пьер? Или мы оба?

Кажется, столик ее не интересовал, причем не интересовал совершенно. Максима это обрадовало. Ему было бы неприятно увидеть в Соне подтверждение словам Реми, сказанным час назад о наследстве и наследниках...

– Боюсь, что да... Если – если! – вина Ксавье не будет доказана, то полиция примется за вас. Раз столик не оформлен на меня, то у вас есть мотив... Извини, Соня, если ты действительно хочешь, чтобы я продолжал, то мне придется употреблять довольно жестокие выражения...

«Как это так получилось, что мы все с ней нянчимся?» – мелькнула раздраженная мысль.

– Это не страшно, – тихо ответила она.

– У вас есть мотив для убийства.

– Какой?

– Интерес к столику как к материальной и как к антикварной ценности, учитывая в особенности, что Пьер коллекционирует антиквариат. Интерес убрать Арно до того, как он напишет завещание на мое имя.

Мы уже об этом говорили.

– Я помню. Но ведь это было так, в теории? Ведь Реми не подозревает Пьера на самом деле? Пьер, конечно, страстный коллекционер, но...

Максим посмотрел на Соню отчужденно. Теперь, когда она говорила о Пьере, ее муж снова стал реальностью – реальностью, о которой они напрочь забыли полчаса назад...

– Вот именно поэтому он под подозрением, – неприязненно сказал он. – Кроме того, его можно заподозрить в покушениях на меня: пока он не знал о завещании, он поторопился убрать Арно, а когда ты ему сказала, что твой отец написал завещание на мое имя, то попытался убрать меня. Потому что если меня нет, то в этом случае столик снова отходит к тебе.

– Неправда! Я не верю! – Соня схватилась за голову руками. – Пьер не мог убить папу! Он не такой, он не способен на это! И потом, он меня любит!

– Ну и что? – холодно ответил ей Максим. – Бывают люди, которые убивают даже тех, *кого любят*, не то что родителей тех, кого любят.

Соня заплакала.

– Что-ты-пони-маешь! – доносилось сквозь рыдания. – Что ты всех судишь! Что ты сам знаешь о любви?!

– Эй, эй, ну что ты расплакалась, как маленькая! Я же не обвиняю Пьера, я тебе рассказываю, что подумают в полиции! Кончай реветь! – сдал позиции Максим.

«Реми из меня не получится, – подумал он, вспоминая детектива. – Я слишком груб».

– Слышишь, Соня, ну, Сонечка, не плачь, перестань. Это еще не обязательно, что они так подумают. А потом, даже если подумают, надо еще доказать, это не одно и то же – предполагать и обвинять... Ну, слышишь, не плачь!

– Я не могу больше... Папу убили... разве этого мало... – рыдала Соня. – Еще и Пьера сюда... Пьер не пытался тебя убить! За рулем машины была женщина! Есть свидетели, которые это заметили!

Ну да. А то, что его, Максима, пытались убить, – это ерунда. Главное – не трогайте Пьера.

– Он мог переодеться в женщину... – Соня снова начала его злить, и в то же время жалость к ней не отпускала его. – Как справедливо заметил Вадим, вести машину в женской одежде и даже пройтись от машины до дверей квартиры – дело не такое уж хитрое. Это не на сцене играть. Кроме того, существует еще вероятность, что он мог нанять кого-то... Поверь, мне тоже не хотелось бы думать, что твой муж... – Максим изо всех сил постарался произнести эти слова не слишком фальшиво, – ...твой муж способен на подобное... Я понимаю, это неприятно, это даже ужасно допустить такую мысль... (Вот, опять я начал сюсюкать!) Но, к сожалению, правда не зависит от того, хочется нам ее допустить или нет, – закончил он суше.

– В конце концов, не один Пьер коллекционирует антиквариат. – Соня немножко успокоилась и теперь вытирала глаза с черными обводами туши бумажным платком. – Есть и другие! Вспомни, еще год назад пытались столик украсть!

– И тогда это тоже мог быть Пьер, – с сожалением ответил Максим. – У других коллекционеров для кражи было меньше мотивов.

– Это почему еще?

– Похоже на то, что попытка кражи связана с моим появлением: туманная вероятность, что столик

уедет в Россию, стала весьма реальной угрозой. Однако же в среде коллекционеров об этом не знали. Зато Пьер знал, и именно это могло его подвигнуть на кражу – пока твое наследство не ушло в Россию. Он мог нанять кого-то и на кражу тоже...

Соня смотрела на него внимательно и сосредоточенно, что-то обдумывая.

– Хорошо, – сказала она решительным тоном, – я не буду плакать, не волнуйся, просто у меня уже нервы не выдерживают... – И глаза ее снова покраснели. – Поговорим спокойно, – хлюпнула она носом. – Я вот что хочу тебя спросить: нас с тобой разыграл по телефону убийца?

– Судя по всему – да. Только у него был интерес выиграть время при помощи этого розыгрыша.

– Значит, по-твоему, это мог быть Пьер?

– Теоретически...

– Вот, – торжествуя сказала Соня, – ты сам теперь видишь, что это не мог быть он! В нем нет ничего актерского, он просто не способен кого-то разыгрывать, подделывать голоса, тем более женские! К тому же, – она выдержала многозначительную паузу, – я бы его узнала!

Максим сочувственно посмотрел на нее. Ей так не хотелось верить в то, что ее муж мог оказаться преступником... Любила она его или нет, но она не могла допустить мысль, которая разрушала ее покой, ее тщательно выстроенный и забаррикадированный, уютный и беспечный мирок... Максим понимал это, хотя и не то чтобы осуждал, но с трудом принимал, что ли... Однако же он больше не злился на нее. Он был полон жалости и нежности и, может быть, любви...

Может быть, любви. Как называется чувство, когда любить готов и почти уже любишь, но знаешь: нельзя и не нужно; и натягиваешь вожжи, и запрещаешь себе любить? Можно ли сказать, что ты искупался, если вошел в воду по колено?

– К сожалению, – мягко сказал он, – и в этом случае остается возможность, что Пьер нанял кого-то... Уж что-то, а деньги у него есть, чтобы оплатить услуги и актеров, и даже убийц. Я не говорю, – поспешил добавить он, – что Пьер именно так и поступил. Я вовсе не считаю, что Пьер – это тот, кого мы все ищем! – соврал Максим, снова подумав о силуэте в саду.

«Пьер не выходил из дома ночью?» – вспомнил он вопрос Реми. Максим уже не знал, что он считает сам.

– Я просто пытаюсь воссоздать логику, – продолжал он, – по которой, видимо, идет или еще пойдет полиция. Понимаешь?

– Да. Это все? У тебя есть еще какая-нибудь другая логика, кроме Пьера?

– Ксавье.

– И все?

– Я, честно говоря, не вижу других вариантов... Ну не ты же... И не я. И тем более не Вадим – у него нет вообще никакого мотива, он только теряет со смертью Арно. Кого еще можно заподозрить? Из тех, кто знал про предстоящие съемки... Жерара? Но какая у него выгода? Допустим, попытаться украсть столик он еще мог – он тоже коллекционирует антиквариат. Но убивать твоего отца? Какой смысл? Он ничего не может выиграть от его смерти! Разве что ты ему пообещала этот столик подарить, если ты станешь наследницей... Извини, неудачная шутка.

– Более чем, – сухо отозвалась Соня. – Но ты сказал, что Реми стал почему-то вдруг подозревать Мадлен?

Максим снова заколебался, не сказать ли ей о нечаянно подслушанном разговоре, но снова решил не говорить. Не его это дело – влезать в чужие семейные секреты.

– Я не понял, – как можно убедительнее соврал он. – Реми мне ничего не объяснил. Умчался, и все.

– Во всяком случае, у него должны быть причины... Видишь, не один Пьер под подозрением!

– Да-да, конечно...

Сумерки сгустились в комнате, добавив ноты тоски в густо висевшую печаль и тревогу этого разговора, этой несостоявшейся любви, этой квартиры Арно, в которую больше никогда не придет ее хозяин...

– Тебе надо поесть... – сказала Соня.

– Не беспокойся, я уже в форме. Сам приготовлю. Может, ты поешь со мной?

– Мне не хочется.

– А скажи мне... – решился Максим задать мучивший его вопрос. – Все-таки не мог Пьер уйти из дома ночью с субботы на воскресенье? Или в одну из следующих ночей?

– Реми уже спрашивал... Что означает этот вопрос? Куда он должен был пойти ночью? Пьер, если не в клубе, по ночам всегда дома!

– Ты сказала, что по ночам спишь. Если бы он ушел, ты бы проснулась?

– Я не знаю... Я часто снотворное принимаю... Но объясни наконец, почему этот вопрос!

– Тот, кто убил твоего отца, должен был вернуться на место съемок, чтобы вывезти оттуда тело.

Максим посмотрел ей прямо в глаза. «Сейчас снова заплачет», – подумал он.

Но Соня не заплакала. Она только тихо выдохнула: «Папа!..» – и покачала головой.

– Этого не может быть, – сказала она после некоторой паузы. – Я знаю своего мужа. Пьер по ночам всегда дома. Он по ночам спит. Вместе со мной, – произнесла она, с вызовом глядя на Максима.

«Ах, так! Вместе с тобой! Ну ладно, получай», – разозлился Максим.

– А если не спит, то тогда он в клубе, – ехидно заговорил он, – а если не в клубе, то следит за тобой, а если не следит, то у тебя под окнами спальни прогуливается, в саду!

Глаза Сони расширились от изумления.

– Ты ведь видела, что кто-то прятался в кустах в саду!

– Но мне это просто показалось!

– Кто тебе сказал, что тебе это показалось? Пьер! Он посмеялся над тобой, да? Он тебя убедил, что тебе это показалось! Но меня он, к счастью, не убедил. Я *тоже его видел* в твоём саду. В прошлый раз, когда ты ушла готовить кофе!

Соня смотрела на него ошарашенно.

– Ты знаешь своего мужа, – зло повторил он ее слова. – Но только, боюсь, не все ты о нем знаешь!

Удивление и недоверие в лице Сони постепенно стало сменяться неприязненной отчужденностью. Она некоторое время разглядывала Максима, словно что-то обдумывая, – что-то не имеющее к Максиму никакого отношения.

– Мне надо поговорить с Пьером. – Соня решительно встала. – Мне надо разобраться, что к чему. Извини, я тебя покину. Ты, кажется, уже в порядке.

Она холодно окинула его взглядом.

Ну что ж, понятно. Существо жизни – вот оно: Пьер – опора, столп ее существования. А остальное – это все так, лирика, пустяк, пикантная приправа к *существу жизни*. И теперь она бежит к нему, для нее важнее всего сейчас убедиться в том, что опора все еще выполняет свои функции, что столп все еще непоколебим, что жизнь будет течь по-прежнему беззаботно и легко...

– Иди, конечно, – ответил он так же холодно.

– Ай, черт! – воскликнула вдруг Соня. – Пьер сегодня в клубе. Он поздно придет...

Она задумалась на мгновение.

– Но все равно мне надо домой. Я поговорю с ним, когда он придет, а пока что мне лучше побыть одной... Он обманывать не умеет – это одно из его достоинств! Если он действительно... Хотя я несколько не верю... То я это буду знать сегодня же!

Соня наскоро поцеловала Максима (как поцеловала бы приятельницу, не более!), накинула куртку и вышла, позвякивая ключами от машины.

Максим остался стоять посреди гостиной, охваченный одиночеством, сумерками, горечью и сожалениями. Очнувшись, он зажег свет и достал свои рукописи, которые уже несколько дней замерли на сцене ареста его прадеда. Все эти дни ему не работалось, не хватало времени, не было настроения, да и сотрясение мозга вряд ли способно улучшить творческую деятельность... Однако следовало заставить себя сосредоточиться над сценарием. Он начал перечитывать сцены, уже написанные, рассеянно правя текст и постоянно отвлекаясь мыслями от истории своих предков, больше занятый историей современников.

Он думал о том, что поездка, замышлявшаяся как развлечение и интересная, перспективная работа, обернулась неожиданно потерей, болью сердца, в прямом и переносном смысле; он думал о том, что ничего не сложилось, не складывается – ни со сценарием, с совместной работой с Вадимом, ни с Соней; он думал о том, что так и не пошел в библиотеку и так и не добрался до книжки, которая должна ему помочь в работе; что он практически так и не видел Париж и не попал в магазины, не купил ни одного сувенира; он думал о том, что Соня, наверное, уже доехала до дома, большого, пустого и гулко-го, и, как и он, зажгла везде свет, и, как и он, задумалась. Только ее мысли, должно быть, о том, что боль от потери отца еще ничто по сравнению с теми потерями, которые может ей принести завтрашний день, если выяснится, что ее муж – убийца... Впрочем, почему завтрашний день – сегодня! Сегодня, попозже, когда Пьер придет из клуба, она пристанет к нему с расспросами... Он, такой искренний, как считает Соня, – он ей скажет правду.

В воображении Максима стала разворачиваться сцена под названием «признание Пьера». Вот так Соня посмотрит на мужа глубокими темными глазами, вот так выпалит, смущаясь собственной бестактности, мучающий ее вопрос... Вот так он обернется к ней, окинет внимательным взглядом... Подумает, что недооценил свою жену, свою маленькую куклолку, которой предназначена роль стоять на полке в витрине... Задумается... И?.. Признается? «Да, дорогая, это я убил твоего горячо любимого папу. Но ты на меня не сердись, это из любви к тебе, чтобы ты унаследовала столик, чтобы его не отдали русскому...» Черный юмор. И все же? Что собирается сказать ему Соня? И что, самое главное, он скажет ей в ответ? Что он *может* ей сказать?

Снова представился ночной сад, черные кусты, два мужских ботинка, едва заметно отразившие блики далекого фонаря на округлых кожаных носках; две брючины над ними, теряющиеся в черных тенях и ветках. Человек в саду. *Он там был. Был!*

Пьер? Следил за своей женой? Заметил, что Максим равнодушен к Соне? А почему нет, Вадим ведь

заметил... Ревнивец, который молчаливо, тайком выслеживает ее невинные похождения с Жераром... Который намеренно, с фальшивой игривостью оставляет жену наедине с Максимом и затем сидит под окнами, чтобы увидеть, как станут разворачиваться события... На их появление у окна в комнате для гостей он, конечно, не мог рассчитывать, но... Но окна *спальни* выходят тоже в сад. И именно они его интересовали, да!

Максиму вдруг сделалось не по себе.

Строго говоря, ревность Пьера сама по себе к убийству Арно не имеет никакого отношения.

Но добавляет к его характеру что-то такое... Незвестную, потайную и тщательно скрываемую сторону личности... И малоприятную сторону, прошу заметить. Темную. В которой может притаиться все, что угодно.

А если... А если Пьер и впрямь убийца... Как он поведет себя, когда Соня, уверенная в его преданной любви и своей безопасности, отважно кинется требовать от него правды? Неужто человек, замысливший такое хитроумное преступление, признается, как провинившийся школьник? Нет, конечно, нет! И когда Соня начнет припирать его к стенке этими выкладками, услышанными от Максима, этими доводами, в которых Пьер усмотрит для себя угрозу со стороны собственной жены... Боже мой, как же он не подумал, что это опасно! Зачем он все это ей сказал, дурак, зачем? Не надо ей говорить с Пьером, пусть она оставит допросы и расспросы полиции! Ни слова с ним, ни слова!

Он бросился к телефону, набрал Сонин номер и стал считать гудки – три... пять... – представляя, что Соня торопится к аппарату с другого этажа или из отдаленной комнаты. Заговорил автоответчик. Нервно нажав на рычаг, он снова набрал номер и снова слушал гудки и голос Пьера на автоответчике. Раздался бип, и Максим закричал в телефон:

– Соня! Это я, Максим! Соня, ты меня слышишь? Сними трубку, это я, Соня! Мне надо тебе что-то сказать! Соня...

Телефон не отвечал. И ему стало не на шутку страшно.

Глава 22

Соня не стала зажигать свет. Меньше всего ей хотелось сейчас видеть это пространство, ухоженное и престижное, которое называлось ее домом. Его навязчивое благополучие вдруг показалось ей почти кощунственным на фоне смерти и ее печали. И – обманчивым... Этот дом, Пьер, все, что у нее было, – больше не защищало ее, не охраняло. Словно стенки ее мира сделались прозрачными и впустили в ее сознание нечто, раньше ее не посещавшее. Какие-то ощущения, какие-то смутные мысли, которые она не сумела бы выразить... Нет, сумела бы, одну из них: смерть. Смерть папы принесла не только боль, не только сосущую пустоту утраты, она принесла еще чувство ненадежности этого мира. Его хрупкости, его способности в любую минуту измениться и изменить твою жизнь...

Не снимая куртки, она вышла в сад и постояла там некоторое время в темноте. В саду было холодно, и слезы стыли в Сониных глазах. Она вернулась в дом, рассеянно разделась и, бросив куртку и туфли в гостиной, стала подниматься по лестнице, в свою комнату, чтобы упасть на постель и заплакать.

Она лежала на постели, комкая в руках носовой платок, и слезы тихо скатывались по ее щекам, смачивая подушку.

Телефон звонил без остановки, но Соня даже не шелохнулась. Когда в автоответчике раздался голос Максима, она замерла. Вскочив было с постели, она вновь села. Что он может ей сказать? Что... нет, не надо, ничего. Ей и без того худо.

Ей было необходимо сейчас сосредоточиться и понять, срочно понять, в чем заключаются ее отношения с Пьером, ее жизнь с ним и вообще вся ее жизнь. Сегодня, когда она вдруг осознала, что *эта жизнь*, то есть жизнь, которую она вела до сих пор, может рухнуть, рассыпаться в прах завтра, она задавала себе вопрос, а есть ли у нее какая-нибудь другая жизнь, кроме этой. Она задавала себе вопросы, которые раньше не задавала никогда, они раньше ей просто не приходили в голову. Такие странные, такие грубые вопросы, как, например, «люблю ли я Пьера?», что неизбежно влекло за собой: «А что тогда меня с ним связывает?»

Это было неожиданно – не суметь ответить на эти вопросы, не знать саму себя, не знать, чем и зачем ты живешь и почему живешь так, а не иначе? И почему бы, например, не изменить свою жизнь и не позволить себе поддаться тем чувствам, которые в ней будил Максим? Действительно, ну почему? Долг перед мужем? Боязнь? Максим волновал ее, он нес в себе что-то такое, еще не изведенное, но головокружительное, буйное, восхитительное. Какой-то букет великолепных эмоций, ощущений, чувств...

Может быть, это то, что когда-то привлекло в ее отца Мадлен – уровень личности, уровень отношений, чувств, страсти? Но Мадлен – это совсем другой человек, совсем другой тип. Энергичная, решительная, Мадлен была готова всем заплатить за свое счастье. Тем более в шестнадцать лет, в возрасте наивности и безрассудства. А вот Соня...

Нет, она не готова. К своим шестнадцати годам она уже знала, что такое любовь. И тоже благодаря своему горячо любимому отцу, ее замечательному и необыкновенному и очень знаменитому отцу. По мужскому недоумию полагая, что Соня еще мала и ничего не понимает, папа принимал у себя своих «подруг». Его женщины слишком долго в этой роли не задерживались, он их менял, то ли ища и не находя замену своей рано умершей жене, которую очень любил, то ли, напротив, даже не надеясь найти ей замену и пустившись во все тяжкие.

Папины ночные подруги убегали рано, оберегая покой и нравственность ребенка. Но надо сказать, что не слишком удачно: по ночам «ребенок», случайно проснувшись, слышал сладостные вздохи и стоны,

доносившиеся из папиной спальни, и старался побыстрее заснуть, чтобы избавиться от тягостной роли тайного и ревнивого наблюдателя... Ревность была сложной, в ней были замешаны память о матери и собственнические притязания на любовь и внимание отца; ревность была тяжелой: наличие женщины в жизни отца воспринималось как измена, порождающая страх одиночества... По утрам, еще не вставая с постели, «ребенок» слышал глухие чмокания прощальных поцелуев в прихожей; потом «ребенок» шел умываться в ванную, пахнущую чужим женским телом и чужими духами, замечал ваточку со следами макияжа в мусорной корзинке, дополнительное полотенце, еще влажное, свежевывмытую кофейную чашечку в сушилке на кухне (тогда как папа еще не завтракал, дожидаясь Соню); и днем до слуха «ребенка» доносились телефонные разговоры, в которых папа лгал фальшивым сюсюкающим голосом, пытаясь остановить поток обвинений, изливавшихся на него из трубки от брошенных им и безутешных «подруг»...

После того как один мальчик из лица – один из самых красивых мальчиков, который Соне ужасно нравился и с которым она согласилась гулять, – попытался расстегнуть пуговку у нее на груди, папе пришлось показывать Соню психиатру и перевести ее в другой лицей. В семнадцать лет любовь для Сони ассоциировалась с чем-то непреодолимо тяжелым и порочным – сказал психиатр. Он долго беседовал с ее отцом («Девочка растет без матери... ваш образ жизни влияет отрицательно... эдипов комплекс...») – доносилось до нее из-за двери кабинета), прописал ей таблетки и в течение двух месяцев на регулярных сеансах рассказывал ей, какое прекрасное и светлое чувство – любовь. Соня соглашалась.

Она выздоровела. Она повзрослела. Она сделала те выводы, которые нужно было сделать. И, когда ей встретился Пьер, она долго не раздумывала. Она сразу поняла, что это тот человек, который ей нужен. Который уведет ее из распутного дома ее любимого отца, который защитит ее от грязи этой жизни, от ее любовей и пошлостей.

И она не ошиблась в нем. За десять лет они построили свой дом и свою семью именно так, как Соне хотелось. Дом, в котором она обрела покой и легкую беспечность. Ее Пьер, человек уступчивый и великодушный, почти ни в чем не отказывал ей. Он был одновременно ее телохранителем и добрым папочкой, ее психиатром, снимавшим комплексы и стрессы, ее модельером, сочинявшим для нее наряды, ее секретарем, ведшим все ее дела в банках или магазинах, ее... Он был для нее всем. Всем, чем только может быть мужчина. И у нее хватало ума и достоинства это ценить. И отвечать ему – если не любовью, если не *той самой* любовью, которую имеет в виду Максим, то преданностью и нежностью. Да, если хотите, это был брак по расчету, но по честному взаимному расчету. Корректному взаимному расчету. Абсолютно корректному. Ей не в чем себя упрекнуть.

Соня встала с постели и пошла умыться в ванную. Проходя мимо гостевой комнаты, в которой они недавно стояли с Максимом у окна, Соня не удержалась и вошла. Ей показалось, что в комнате еще сохранился его запах... Приподняв голову, она потянула воздух носом, как собака.

И, спрашивается, зачем тогда нужна любовь? Та любовь, которую пусть и ненавязчиво, но все же предлагает ей Максим? Та любовь, которую она никогда не испытывала и не хочет испытать? Почему это считается, что любить – хорошо? Кто это придумал? Она никому не обязана – любить. Да, она не любит Пьера *той самой* любовью, как она могла бы – наверное – любить Максима. Но ей Пьер дает столько, сколько никакие Максимы не смогут дать. Неужели все это стоит променять на быстротечные удовольствия любви, которые исчезают, наследив в душе, как отшумевший праздник? После которого остается только мусор, сморщенные воздушные шарики и липкие бумажные стаканчики из-под кока-колы на полу... Неужели это вот то, что все ищут в жизни, то, о чем бесконечно говорят, пишут романы и сочиняют песни? Все это очень мило и прекрасно, если бы не мусор на полу. Вот в чем дело, в чем загвоздка – Соня не согласна платить эту цену: за пьянящий и сладостный вечер – грязный пол при свете утра. Она все сделала

правильно. Не нужен ей Максим, это ясно.

А в качестве поклонника ей хватит и Жерара. Куда спокойней и куда безопасней. Такой бесполой душка, такой бархатно-плюшевый мишка, у которого на месте полагающегося мужчине члена, должно быть, проходит, как у игрушек, по промежности шовчик, по краям которого мягонько пушится коричневый ворсик. Очень мило, ее это прекрасно устраивало, прекраснейше просто. Его ухаживания, его обожание тешили ее тщеславие (а его было немало), давали возможность немножко поиграть в тайные свидания, которые не шли дальше совместного ужина или прогулки. Она наслаждалась его поклонением, как и поклонением этого мальчика, Этьена, бросающего на нее испепеляюще-застенчивые взгляды из-под девичьих ресниц; она тешилась всеми взглядами всех мужчин, которые пялились на нее в ресторанах, украдкой от своих дам выворачивая шею; она тешилась завистливыми взглядами женщин и их суетливыми усилиями вернуть себе слегка утраченное внимание их кавалеров... И, спрашивается, что еще нужно? У нее было все, что необходимо женщине.

А с Пьером – с Пьером надо просто разобраться. В своих отношениях с ним. Разумеется, все, что ей говорил только что Максим, – полная ерунда. Бред какой-то, который на секунду показался ей не лишенным смысла. Пьер – убийца? Убийца ее отца? Только ее нервным состоянием можно объяснить тот факт, что она обещала Максиму выяснить это. Ей ничего не надо выяснять, она и так знает – этого просто не может быть, и все. Это какое-то недоразумение, все эти подозрения, все эти доводы Максима. Он просто ревнует. Если Соню что и тревожит всерьез – то только их с Пьером отношения. Что-то в них надо изменить, что-то придумать, чтобы сделать их более пикантными, более пряными. Чтобы не лезли в голову всякие глупости!..

Она вспомнила, как прошлой ночью Пьер, откинувшись на подушку после бурной любовной гимнастики, сказал ей: «Ты сегодня как-то необыкновенно в ударе... Я даже устал».

Соня вместо ответа зарылась в подушку, будто бы играя... На самом деле, чтобы Пьер не увидел ее лица. Не разглядел того смятения и румянца, которые вызвали его слова. Потому что она-то знала, чем был вызван «необыкновенный удар». Она-то знала, что в постели с мужем она думала о Максиме, представляя, как это могло быть с ним.

Конечно, это всего лишь фантазии, вполне невинные, но в них содержится разрушительная сила, поэтому надо, чтобы русский поскорее уехал. Иначе... Ох, иначе будет ей худо. Ей, собственно, уже худо.

Прошедший день, проведенный почти полностью с Максимом, стал навязчиво всплывать в ее сознании, подсовывая ее воображению недавние сцены. Как он проснулся и протянул к ней руки... как он вышел голый из ванной... как они молча стояли, обнявшись...

Сонин лоб холодило стекло, ее взгляд плавал в неясных очертаниях сада, в ее руке дымилась сигарета, и пепел она стряхивала прямо на пол.

Когда она услышала шум мотора, она даже не шелохнулась. Она слышала, как открылась дверь гаража, как Пьер завел машину... Надо было бы спуститься и встретить мужа, но Соне не хотелось шевелиться – ей было не то чтобы хорошо у окна, но ею овладела какая-то неподвижность, безволие, нежелание что-то говорить, видеть Пьера, рассказывать ему, как прошел день... В общем, род апатии. Она осталась стоять, голова бессильно уперта в стекло, и сигарета дотлевет в пальцах, и у нее нет даже сил сходить за пепельницей... и уже ничего не хотелось понимать ни про себя, ни про свои супружеские взаимоотношения...

Пьер отчего-то замешкался в гараже, мотор его машины продолжал урчать, и слабый отсвет из открытой гаражной двери достигал сада, давая призрачные длинные тени от кустов, на которые засмотрелась Соня.

Что это, интересно, он не поднимается?

А что это, интересно, он делает в темном саду?!

Соня так удивилась, что взялась за ручку окна и потянула створку на себя, чтобы спросить мужа, что он там разглядывает в темноте у пролысины, как вдруг на шум раскрываемого окна он поднял голову и, увидев ее, отпрянул в кусты.

Соня застыла. Почему он спрятался от нее?

– Пьер, – позвала она обеспокоенно, – Пьер!

Только ветка легонько махнула ей в ответ.

Или это... не Пьер? Но кто? Она задержала дыхание, прислушиваясь.

Нет, в этот раз ей не померещилось. В саду кто-то был! В прошлый раз Пьер посмеялся над ней, и она тоже решила, что ей привиделось... Или это... прав Максим?.. и тогда был Пьер? Но зачем? Что он там делал? Что он там теперь делает? Следит за ней?! Как тогда, в ресторане?! Не может быть, зачем, это невероятно, это низко, это... Это неправда!

– Пьер... – неуверенно позвала Соня.

Молчание. Человек затаился в кустах.

Это не Пьер.

Слабеющими, ватными ногами Соня отступила от окна, и белеющее пятно ее лица растворилось в мягкой темноте комнаты. Но ее глаза были по-прежнему прикованы к саду, и, напрягаясь и щурясь, они все же уловили движение кустов, которое выдавало крадущиеся шаги Человека в Саду. Он медленно, тихо пробирался в сторону фасада дома, и в этом черном шевелении веток, в мятущихся острых тенях была угроза... Шаг за шагом, ветка за веткой, невидимый, неслышный и страшный, Человек пробирался к дому, в сторону... двери!

Но где же Пьер, где же ее муж, ее защитник?

– Пьер! – бессильно крикнула Соня в окно. – Пьер!

Ответом ей было молчание, и в этом молчании за клубился ужас.

Значит... Значит, это Пьер? Это он крадется по саду, приближаясь к входной двери, он, прятаясь за чем-то в саду, он, увидевший, что она его там заметила, он, так странно молчащий, он, незнакомый, непонятный, угрожающий и опасный?!!

Она уже ничего не понимала.

Ужас, ужас, плотный и густой, спеленал ее, охватив все члены, отяжеляя каждый шаг, хватая за ноги, и она никак не могла сдвинуться с места. С чем он идет в дом? Почему он молчит? Что он хочет... Что он хочет с ней сделать?!

Все, что ей приводил в доказательство Максим, мигом пронеслось в ее голове.

Убийца.

К двери крадется – убийца!!!

Разрывая путы ужаса, Соня рванулась из комнаты с намерением запереть замки, больно подвернула ногу на первой же ступеньке, тихо взвыла, быстро растерла щиколотку и, преодолевая боль, стала продолжать спуск.

Поздно. Снизу донесся звук поворачивающегося в замке ключа.

Соня рванула со ступней свои пушистые домашние туфли и, прижав их к груди, задыхаясь от страха и сдерживая прерывистое дыхание, бесшумно понеслась по лестнице обратно, наверх в спальню, забыв о боли в щиколотке. Добежав до своего туалетного столика, она стала открывать дрожащей рукой ящики и ящички, ища старинный, с резной бородкой ключ, которым запиралась дверь, служившая когда-то выходом из бывшей детской в сад.

– Соня? – осторожно позвал ее голос. Это был голос Пьера.

Сердце ее ухнуло так, что, казалось, его можно было услышать внизу.

Ключ не находился. Соня шарила в темноте, боясь зажечь свет и выдать место своего присутствия. Ну где же он может быть?! Лихорадочно всматриваясь в неразборчивые очертания разных вещичек, которыми были полны ящики ее туалетного столика, она одновременно настороженно прислушивалась к тому, что происходило внизу.

Внизу царил тишина. Только вспыхнул свет.

Соня остановилась и перевела сдерживаемое дыхание.

– Соня? Ты здесь? Ты от меня прячешься? – снова раздался внизу голос Пьера.

Господи, господи, ну где же ключ, где он?! Он где-то тут, надо только вспомнить, где именно! Ее руки продолжали открывать и закрывать ящички и коробочки, дрожа и суетясь.

Идиотка! Вот ведь он, висит на маленьком крючке под планшеткой с фотографиями! И всегда тут висел, пыльный. Им никогда не пользовались, и глаза уже перестали замечать этот ключ на стене, но он тут, тут!

Соня сжала холодный ключ в руке. Теперь – отодвинуть столик, стоящий поперек никогда не открываемой двери, и – самое главное – отодвинуть бесшумно!

Она взялась за край стола и потянула его на себя. Так, хорошо. Теперь за другой край – отлично. Столик бесшумно скользит по мягкому ковру. Еще чуть-чуть один край, еще чуть-чуть другой...

И вдруг – хрустальная крышка от шкатулки с украшениями, небрежно поставленная в темноте на место, соскользнула на стол с тихим музыкальным звоном. Вроде не очень громко, но...

– Соня, ты здесь? – послышался голос. И этот голос, теперь настойчивый, раздался у подножия лестницы.

Соне показалось, что ее ноги окаменели от страха, руки оледенели, в голове все еще звучал музыкальный звон, мешающий думать.

Лестница скрипом деревянных ступеней выдавала тяжесть поднимающихся по ней шагов.

– Соня, где ты? – в голосе был напор, требовательность.

Скорее, скорее, в замочную скважину, повернуть. Все заржавело, не идет, не поворачивается! Соня схватила тюбик с дорогим кремом для лица и безжалостно выдавила благоухающую белую полоску на ключ. Снова вставила. Ага, уже лучше!

Дверь тяжело раскрылась, звучно пропев тугими, застоявшимися без дела петлями. Соня кинулась на лестницу, на ходу отирая с лица паутину, сбегала с нее в одно мгновение и уже отпирала нижнюю дверь, когда снова разнеслось, на этот раз сверху:

– Соня!

Выскочив в сад, темный и мокрый от ночной холодной росы, Соня на мгновение замерла, соображая, куда бежать. Если в сторону фасада дома, в сторону ворот, то он может выскочить и ее перехватить... Но из

их сада нет другого выхода! Тогда... В соседний сад? Да! В пустынный соседний сад и оттуда на параллельную улицу, подальше от дома! В полицию!

Ограда из металлических прутьев и плотный ряд вечнозеленых туй перед ней находились как бы на возвышении, на валу, тянувшемся вдоль границ их сада. В том месте, где кусты отсутствовали, земля была глинистой и мокрой, разжиженной многонедельными дождями. Так и не успев надеть домашние туфли, Соня ринулась на приступ этой небольшой горки босиком, в одних носочках, которые мгновенно пропитались холодной вязкой грязью. Одолела, перепрыгнула через ямы от выкорчеванных кустов и уцепилась за ограду. Резанула боль в щиколотке. Сердце ее билось так часто, что ей казалось, что она сейчас умрет. Переведя на мгновение дух, она стала прилаживаться к ограде – не так-то это оказалось просто, как она думала! В ограде была только одна поперечная перекладина – наверху. И до нее надо было еще долезть.

Соня подтянулась на руках, скользя босой, непослушной от боли ногой по холодным железным прутьям. Нет, недостаточно, не получилось. Надо подпрыгнуть посильнее, чтобы можно было с размаху закинуть ногу... Еще раз: и-и-оп! Нет, сорвалось!

Руки онемели от холода и напряжения. Надо еще раз. Ну-ка, р-раз!

– Соня, куда это ты?! – на этот раз голос раздался в саду, совсем близко от нее. Соня повернула голову. Пьер показался в дверях, из которых две минуты назад выскочила Соня. Его лицо было искажено странной гримасой.

Или сейчас, или никогда! Соня повисла на руках, закинула горевшую и опухшую ногу на поперечную перекладину, судорожно пытаясь подтянуть вторую ногу, и – поняла, что у нее не останется сил. Не хватит. Не сможет она подтянуться и перелезть через забор. Не сумеет.

Пьер приближался.

Ее руки ослабли, и, охваченная отчаянием, Соня сползла по металлическим прутьям, по скользкой глине, прямо в яму, в отвратительную грязь. Ее босые ноги закопались в мокрую жирную жижу, и слезы застелили взгляд. Пьер был совсем близко, он шел к ней, расплываясь в ее слезах, и что-то ей говорил – что-то ласковое и утешительное – и протягивал к ней руки; и она подумала, что все это кошмарный сон и неправда, он не убийца, он ее муж, ее Пьер, заботливый и преданный, который сейчас ее успокоит, и все ей объяснит, и отнесет ее домой, укутает, сделает ей горячего чая с ромом и приготовит ей душистую ванну... И она попыталась встать ему навстречу, но ее ноги чавкали и скользили в холодном месиве, и она никак не могла нащупать опору, дно этой ямы, и балансировала какое-то время, чтобы не упасть; наконец нога ее во что-то уперлась, во что-то твердое и неровное. Она хотела поставить туда же вторую ногу, чтобы обрести равновесие; покачнулась, коснулась скользкой земли руками и, глотая слезы, наклонилась, чтобы получше разглядеть свою опору.

И увидела.

Ее босая нога стояла на мертвом лице ее отца.

Глава 23

Очнувшись, Соня увидела возле своей постели врача. Вернее, человека, который в этот момент ей делал укол, из чего она сделала вывод, что это – врач.

Она – больна?

В доме было шумно. Шум доносился снизу, из гостиной.

У них – гости?

На ее вопросы врач ответил, что она здорова, но у нее был обморок, и что внизу в гостиной шумит полиция.

Она все вспомнила.

Она встала, несмотря на протесты врача, и тяжело, преодолевая головокружение, спустилась вниз.

Ее муж сидел бледный в окружении трех полицейских, которые наперебой задавали ему вопросы, и еще один осторожно шарил по дому, аккуратно ставя вещи на места и легко прикрывая дверцы. Увидев Соню, Пьер слабо улыбнулся ей и хотел было встать, но остался сидеть на месте, остановленный жестом полицейского.

Поодаль, не принимая ни в чем участия, сидели Максим и Реми, молча следя за происходящим. Максим рванулся к ней, но тут же сел, притянутый Реми за рукав.

Вместо него к Соне подошел один из полицейских. У него было участливое выражение лица.

На некоторое время гул утих, взгляды устремились на нее, но почти сразу же жужжание голосов возобновилось.

Все, что ей удалось понять, это то, что полицию вызвал Максим, охваченный беспокойством за нее; что тело ее отца (а это было действительно тело ее отца, Пьер опознал его) уже отправлено в морг; и что ее муж находится под подозрением, несмотря на то что на все вопросы полицейских Пьер качал растерянно головой и повторял, что он ничего не знает и ничего не понимает.

– Что вы делали в саду? Почему вы выбежали босиком в сад и хотели перелезть через ограду? Что вас испугало? – спрашивал ее полицейский.

Соня не могла толком объяснить. Она увидела кого-то в саду. Кого? Она не знает. Был ли это Пьер? Она не разглядела. Почему она сбежала? Ей стало страшно. Почему? Потому что у нее нервы на пределе... Потому что она уже видела раньше какого-то человека в саду... Она не знает кого... Да, она говорила мужу, но он это не принял всерьез... Он над ней посмеялся... Так все-таки был ли это ее муж? Наверное... Ей показалось на мгновение... Потом он вошел в дом... Он ее звал... Ей стало страшно... Кто вошел в дом? Ее муж. Так почему она испугалась? Потому что он был в саду? Да, наверное, поэтому. Это было так странно... Непонятно, что он делал в темном саду и почему смотрел на нее из кустов, прячась... Он не откликнулся, когда она его позвала из окна... Значит, тот, кто был в саду, знал, что вы его увидели? Да. Хотя в доме было темно, но Пьер мог ее разглядеть в окне, и он ее слышал... Значит, в саду был ее муж?.. Она не может сказать. Может быть... Может быть, Пьер...

Полицейский, казалось, обалдел от этой путаницы.

Посоветовавшись с коллегами, они объединили обе группы, и теперь и Соня и Пьер сидели вместе в окружении черных мундиров.

– Что вы делали в саду? – спрашивали они Пьера.

– Я там не был, – отвечал тот.

– А где вы были?

– В гараже.

– Что вы делали в гараже?

– Мне показалось сегодня, что у меня в моторе странный шум. Вот я и смотрел.

– А кто был в саду?

– Я не знаю.

– Кто был в саду, Соня?

– Я... я не знаю.

– Вы сказали, что узнали своего мужа.

– Кажется... Я не уверена... Я не знаю.

– Кто вошел в дом?

– Пьер.

– Вы сказали, что человек из сада пробирался к входной двери?

– Да...

– И вошел в дом?

– Да...

– И это был ваш муж?

– Да...

– Значит, это он был в саду?

– Наверное...

– Что вы там делали, господин Мишле?

– Я там не был. Я был в гараже.

– Вы уверены, что в дом вошел ваш муж? Это не мог быть кто-то другой?

– Это был Пьер. Он открыл дверь своим ключом. И я слышала его голос.

– Вы уверены, что в тот момент, когда вы увидели человека в саду, ваш муж уже приехал домой?

– Да. Свет из гаража падал на газон...

– Значит, в саду мог быть ваш муж?

– Мог.

– Человек был примерно какого роста?

– Не знаю... Я не успела рассмотреть... Сверху не очень понятно...

– Но это мог быть ваш муж?

– Мог...

– Во всяком случае, вы не заметили ничего такого в этом человеке, что бы могло свидетельствовать о том, что это не ваш муж?

– Я не поняла ваш вопрос...

– Вы не заметили, что, например, человек в саду был намного меньше ростом вашего мужа, или намного толще его, или, допустим, в очках?

– Нет.

– Значит, это мог быть господин Мишле?

– Да.

– Вы были в саду, господин Мишле?

– Нет, я же вам сказал!

– Ваша жена вас звала. Почему вы не откликнулись?

– Я не слышал.

– Не слышали?

– В машине работал мотор. А я находился возле машины.

– С каким намерением вы вошли в дом?

– Бог мой, этой мой дом, я имею право туда войти без всяких особых намерений!

– Вы звали вашу жену?

– Да.

– Откуда вы знали, что ваша жена дома, если в доме было темно?

– Я думал, что ее нет...

– Так почему же вы ее звали тогда? Вы знали, что она дома, потому что это вы были в саду и слышали...

– Дайте мне договорить... Я думал, что ее нет, но удивился – это было так странно... И я ее позвал на всякий случай.

– Она откликнулась?

– Нет.

– Но вы продолжали ее звать? Вы были уверены, что она дома!

– Я увидел в гостиной на полу ее куртку и туфли, когда зажег свет... И потом, у меня было такое чувство... Чувство ее присутствия.

– Она откликнулась на этот раз?

– Нет.

– Вы ее больше не звали?

– Я услышал какой-то звон... Она что-то уронила. Я ее снова позвал, она не ответила... Мне это показалось странным, я думал, что-то случилось, нехорошее что-то, или что в дом кто-то забрался... я был очень обеспокоен и решил подняться наверх, чтобы посмотреть, что там происходит... А она стала убегать от меня.

– Что вы делали в субботу, в день, когда снималась последняя сцена с месье Дором, с одиннадцати до пятнадцати часов?

– Искал подарок моей жене... на ярмарках...

– Нашли?

– Нет.

– Вы можете указать кого-нибудь, кто может подтвердить, что вас видели на этих ярмарках?

– Не знаю... Я ничего не купил, так просто бродил, время еще есть до ее дня рождения...

– Вы убили вашего тестя?

– Нет!!!

– Зачем вы закопали тело месье Дора в саду?

– Вы сошли с ума. Я требую адвоката.

Это безумие продолжалось еще некоторое время до тех пор, пока полицейский, осматривавший дом, не протянул без слов кинжал из коллекции Пьера. Воцарилась полная тишина. Реми приблизился, чтобы лучше разглядеть заинтересовавший полицию предмет. Затем полицейские поднялись, тихо перекинулись двумя словами между собой, Реми что-то спросил, ему что-то ответили, и они направились к выходу, сообщив Соне, что ее муж задержан до прояснения некоторых обстоятельств.

Они покинули дом, уведя потерянного и обессиленного Пьера.

Врач, смерив еще раз Сонино давление и велев ей не волноваться и пить успокоительные средства, также оставил их.

В доме стало неожиданно и пронзительно тихо. Включенные повсюду светильники заливали желтым неестественным светом опустевшее пространство гостиной, словно сцену, с которой ушли актеры.

Соня устремила взгляд на оставшихся сидеть в углу гостиной Реми и Максима. Они оба встали, чувствуя неловкость, и подошли поближе к ней, не зная, что сказать, искать ли слова утешения и поддержки или уж лучше промолчать, чтобы не сфальшивить.

Соня тоже молчала. Ее лицо, казалось, осунулось, ее карие глаза, оттененные черно-синими тенями, сделались особенно большими; ее смуглая кожа была столь бледной, что казалась пергаментно-желтой, и ее обычно свежие, розовые губы побелели и потрескались, словно их обметало сухой коркой. И, глядя на нее, Максим вдруг понял, что он ее любит. И от этого ему сделалось еще хуже.

– Постарайтесь не расстраиваться так сильно, – зажурчал Реми, беря Сонину холодную ладонь, – я не хочу вас обманывать, ситуация не очень благоприятна для вашего мужа, но пока что все на уровне гипотез, предположений. Надо подождать экспертиз, тогда можно будет уже о чем-то судить...

Соня кивнула.

– Я позвоню вам завтра, как только у меня будут новости, – говорил Реми, – я все разузнаю и сразу же вам позвоню... У вас есть адвокат?

Соня снова кивнула.

– Вы с ним свяжетесь, я думаю?

Еще один кивок.

– Если хотите, я вам найду лучшего адвоката, и сам посмотрю, что можно сделать... Мне нужно все это обдумать.

– Не беспокойтесь, – сказала Соня. – Спасибо.

– Не буду вас больше утомлять... Вам надо отдохнуть... – бормотал Реми, продвигаясь к выходу. – Максим, вы едете домой?

Максим, так и не произнесший ни слова за все это время, смотрел на Соню. Соня глянула на него и прикрыла глаза.

– Он едет, – сказала она устало, – спокойной ночи.

– Может быть... – начал Максим, – мне лучше тебя не оставлять одну?

– Не беспокойся.

Его больно царапнул этот ответ. Ну что ж, рассудил он, выходя из ее дверей, раз она так – пусть. Навязываться он не будет. В конце концов он ей предложил просто поддержку, чтобы не оставлять ее в такой момент в одиночестве. Если она не нуждается в поддержке – тем лучше для нее. Тем лучше для него. Он может со спокойной совестью возвращаться домой. Да, именно домой, в Москву.

В Москву.

Глава 24

Печаль была цвета кофе, цвета Сониных глаз, – единственной краской на бесцветном полотне времени – время зависло в пространстве, и стрелки лишились циферблата, прокручиваясь бешено и бессмысленно в безнадежной пустоте – пустоту плотно штриховал бесконечный дождь беспросветной поздней осени; осень монотонно шелестела мокрыми шинами, мертвыми листьями и дождем, и только одна пронзительная нота выбивалась звуком и цветом не в лад: нота печали. Печаль была цвета кофе, цвета Сониных глаз...

К окну льнуло холодное дождливое утро, словно надеялось пригреться у человеческого жилья. Максима знобило, тело болело, посасывало в области сердца и в области души. Вылезать из постели не хотелось, но было нужно: его вызывали в полицию для дачи показаний.

Он спустил ноги на пол. Который раз за эти две недели в Париже он вставал, разбитый поздним сном, вялый и уже с утра усталый, – это он, приучивший себя вставать легко и рано, с гимнастикой и песенкой под душем; это в Париже, который предполагался быть праздником.

Оказалось, что праздник, по крайней мере, его личный, – остался в Москве. В Москве, где, будучи красивым мужчиной и известным режиссером, он привык, что жизнь вертелась вокруг него, а он представляет ее центр – центр внимания, восхищения, поклонения, обожания и женской борьбы за его блистательную режиссерско-мужскую персону. И он эту обременительную миссию выполняет с достоинством и без заносчивости, умея приветливо привечать всех, кто попадал в его орбиту, щедро раздавая улыбки, нежные взгляды, интервью и автографы.

Все было не так здесь, во Франции, – он не был центром, он не был известным режиссером – вернее, был, конечно, но где-то лишь на периферии сознания окружающих. Этот факт не ставил его в центр внимания, и его мужские достоинства оставались без должной оценки и применения. Во Франции он оказался рядовым персонажем – если и не массовка, то так, на вторых ролях.

Это было непривычно и неприятно.

Он чувствовал себя одиноким, ненужным, лишним.

Он чувствовал в себе тоскливую пустоту в том месте, которое должна была занять любовь.

Он чувствовал себя неуверенно-раздраженно, словно актер, который взялся играть неподходящую ему роль.

И еще он чувствовал страх. Он не испытывал его до сих пор – ни тогда, когда на него мчалась машина, ни в первый раз, ни во второй; ни тогда, когда он осознал, что кто-то имеет миленькое намерение его убить, – ему стало страшно именно теперь, когда было найдено полуразложившееся тело Арно, с такой наглой жестокостью закопанное в саду его дочери. Вот теперь у него появилось такое чувство, словно он заглянул в лицо убийце. Ему даже казалось, что он мог бы его узнать. Стоило только удержать в воображении чуть-чуть подольше это лицо – и он его узнает. Что-то ему смутно виделось, что-то ему грезилось, что-то ему нашептывалось... Это было странное ощущение, и, несомненно, ложное, он бы не смог выразить, что там варит ему интуиция, и все же...

И все же – глупости все это. Кажется, он заболел.

Вместо обычного душа он предписал себе горячую ванну, в которую погрузился по нос, пытаясь,

впрочем, без всякого успеха, что-нибудь понять.

Из ванны он вышел ничего не понявший, но твердо решивший: «Домой. В Москву. И ничего не хочу понимать. Даже вникать ни во что не хочу. И участвовать – тоже. В Москву».

Он позвонил в Аэрофлот. Девочки предложили подъехать, пообещав ему билет на послезавтра.

Послезавтра он будет дома.

Вернувшись из полиции, он обнаружил у подъезда нескольких журналистов. «Что вы думаете об убийстве вашего родственника?», «Правда ли, что вы являетесь наследником туалетного столика, принадлежащего королеве Ла Гранд Катрин?», «Не собираетесь ли поставить фильм по этой истории?» – совали они ему микрофоны в рот.

– Я не говорю по-французски, – отвел Максим от своего лица микрофоны, – извините, господа.

Домаш он крепко запер двери – от журналистов всего можно ожидать – и позвонил Вадиму, чтобы сообщить о дате отъезда. Сильви даже не позвала мужа к телефону. «Он так устал, у него депрессия, он плохо себя чувствует, провел бессонную ночь, – проворковала она в трубку, – он спит, я ему непременно все передам...»

Ну и хорошо, пускай спит. Максима больше не интересовал ни сценарий, ни совместный фильм, ни тем более проблемы Вадима.

Он набрал номер Реми.

Детектив, казалось, огорчился, узнав, что Максим покидает Париж. «Единственный, кому до меня есть дело, – подумал Максим. – Не родственник, не женщина, не поклонник моего таланта – детектив, с которым у меня ничего общего...»

– Может, заскочите ко мне, если время позволяет, – тепло сказал ему Максим. – Новости расскажете. У вас ведь есть?

– Так, чуточку.

– Ну вот и расскажете «чуточку». Поужинаем вместе... Идет?

– Я перезвоню, – сказал Реми. – Если смогу – то с удовольствием.

Покинув Аэрофлот, Максим пошел по Елисейским Полям, вдыхая, вбирая на прощание воздух Парижа.

Теперь, когда у него лежал в кармане билет, груз забот и печалей как бы отодвинулся, отступил, словно билет в Москву образовал между ним и всеми событиями некую дистанцию, если еще не в пространстве, то в ощущениях. Даже боль от страшной дядиной смерти притихла, притупилась. Хотя бы настолько, что сейчас, впервые со дня своего приезда, он по-настоящему залюбовался Парижем.

Нарядный, как рождественская игрушка, этот город был полон ленивой неспешности, праздничной праздности; улицы и кафе были заполнены неторопливым народом, врастающим смакующим Париж. Это было как теплая утренняя нега, как расторопный поднос в постель, и кофе с горько-терпкой, будоражащей ноздри поземкой седого парка на черной обжигающей поверхности, и – обещанием удачи – сдобный, чуть сладкий дух горячих круассанов... Это было как вечерний бокал красного вина, в котором плещет, разбивая рубиновые грани, свеча, и капля сползает по тонкой ножке, и, бледнея, медленно впитывается в розовую скатерть, и ты перекатываешь и греешь во рту терпкий глоток, вчувствуясь в весь его букет, во все оттенки вкуса и запаха, и потом проглатываешь, слушая, как он медленно втекает в тебя, оживляя и снимая

усталость...

Так Париж втекал в вены чистой энергией стройных архитектурных линий, всегда праздничной палитрой витрин, кафе, цветов, налетающей с ветром старой песенкой Ива Монтана, которую играет на аккордеоне мальчик, обходя кафе... Максим не много путешествовал: видел Германию и Штаты; но уже знал, уже чувствовал, что Париж – это пространство, на редкость успешно гармонизированное человеком и не имеющее себе равных на земле.

До свидания, Париж. Надеюсь, мы с тобой еще встретимся. В других, лучших обстоятельствах...

На автоответчике Максим нашел послание. Он нажал кнопку. Ровный Сонин голос говорил: «Похороны должны состояться в понедельник, время и место уточню позже...»

У Максима было такое чувство, что он получил оплеуху. Он покраснел – хорошо, никто не видит! – и сел на стул.

Как же он не подумал? Как он мог забыть, не сообразить, не учесть, не понять – что должны еще быть похороны и что он не может на них не присутствовать?! Как он мог, эгоист несчастный, приготовиться сбежать, словно прыщавый мальчишка с комплексами неполноценности? Не любят его здесь, видите ли! Стыд какой.

Еще остался последний долг перед дядей.

Как жаль, что последний.

Он снова шел по Елисейским Полям – на этот раз, чтобы переоформить билет. Париж потерял свое обаяние, померк, закрылся. Это был просто шумный и праздный столичный город, полный туристов и бездельников; город, в котором жил его дядя; город, в котором убили его дядю.

Следовало ответить на Сонин звонок. Максим долго делал круги вокруг телефона, проговаривая вслух фразы, которые он собирался ей сказать. Почему-то это было чудовищно сложно – сказать простые слова сочувствия, предложить помощь... Она была с ним намеренно холодна, подчеркнута холодна, и он не знал, как ему теперь себя вести.

Бесплодно промучившись минут двадцать, он положился на судьбу и набрал ее номер. Телефон трясся в его руке так сильно, что ему даже стало смешно.

Все мучения, однако, были напрасны: то ли Сони не было дома, то ли она не желала подходить к телефону, но у нее включился автоответчик.

«Спасибо за звонок, – говорил Максим магнитофону таким же ровным голосом, как Соня ему, – я непременно буду. Если тебе нужна моя помощь, позвони мне, я буду рад быть полезным».

Он все еще сидел у телефона, задумавшись, когда раздался звонок. Максим вздрогнул, и сердце его ухнуло: Соня!

Но это был Реми.

– Я лучше придумал, – сказал детектив. – Я вас приглашаю поужинать со мной.

– Да что вы... – начал было Максим, но детектив перебил его:

– Во-первых, вы уезжаете, во-вторых, я у вас в долгу. А я не люблю быть...

На этот раз его перебил Максим:

- Я перенес отъезд на вторник. В понедельник будут похороны.
- Это ничего не меняет, – сказал Реми. – В семь часов – вас устроит? – я за вами заеду.
- Идет, – ответил Максим. – Спасибо.

Третий раз за этот день он оказался на Елисейских Полях. В немецком ресторанчике, хитро расположившемся в одной из многочисленных торговых галерей, выходящих на Елисейские Поля, они ели шукрут – тушеную капусту с различными сосисками и копченостями, – запивая темным густым сладковатым пивом. Глянув на Максима, Реми спросил, прожевав:

- Вы не заболели?
- Нет... Скорее так, настроение...
- Понимаю.

Реми сочувствовал. Это бывало с ним не всегда. Сталкиваясь со смертями и с близкими родственниками умерших, он зачастую ограничивался сочувствием к умершим, но далеко не всегда к их близким. Он умел отличать взгляды, застывшие от горя, от взглядов с застывшей пустотой. Он чувствовал, когда слезы уже выплаканы и когда слезу не выдавишь. Он чувствовал меру, в которой горе не фальшиво, и фальшь, которая перехлестывает через меру. Максим был ему симпатичен ненаигранностью своего переживания, которое, может быть, не было слишком глубоким (да и не могло быть, он ведь практически не знал своего дядю!) – но и не показным. И Реми приступил к отвлекающему маневру – а именно: к отчету о своих расследованиях.

- Вы даже не можете представить, какую информацию я раскопал о Мадлен! – интриговал он.
- Да что вы? – вяло спросил Максим.

– Представьте себе, у Мадлен имеется в распоряжении заявление, заверенное нотариально, в котором Арно признает свое отцовство!

- И что это дает?

Реми видел, что Максиму все это стало достаточно безразлично, и понимал состояние подавленности, в котором находился этот симпатичный русский. Приехать в чужую страну и сразу же вляпаться в такую историю! Совсем как он сам, Реми, недавно в Москве [\[14\]](#)...

- А дает нам это вот что: Мадлен, судя по всему, собирается поучаствовать в дележе наследства.
- Столика?

Максим только сейчас понял, что он совершенно забыл о столике. Напомнив ему об этом, Реми, сам того не желая, сгустил и без того мрачные краски. В самом деле, ничего у Максима не получилось в Париже. Ни сценарий, ни любовь, ни наследство...

- Да. Я, право, вам сочувствую, что так получилось с вашей семейной реликвией...
- Не стоит терять на это время.

– Зато наследникам есть что делить. Правда, пока мне до конца не ясно, как именно Мадлен собирается воспользоваться этой бумагой: она не очень-то действительна. Теоретически, чтобы признание отцовства Арно вступило в силу, нужно еще, чтобы Ксавье официально признал чужое отцовство и отказался от своего.

- Может, именно поэтому Мадлен ему все и выложила?

Ага, заинтересовался наконец!

– Хорошая мысль, Максим, очень хорошая! Только как Мадлен могла знать, что Арно будет убит? Она ведь сказала это Ксавье *до убийства*. Не слишком ли преждевременные хлопоты о наследстве?

– Кто ее знает... Может, просто подсуетилась, на всякий случай – узаконить заявление Арно, а там пусть лежит, ждет своего часа... А может быть, просчитала все заранее?

– Включая реакцию Ксавье? Предполагая, что он может убить Арно?

– Вы такой мысли не допускаете?

– Кто знает, кто знает... Она, между прочим, достаточно богата, Мадлен. Я еще кое-что припас для вас: рекламное бюро, которым она руководит, принадлежит ей! Правда, мне не удалось узнать, на какие средства она его купила.

– Тогда зачем ей наследство?

– Максим, ну вы не будете мне снова рассказывать жалостливые истории о бескорыстных наследниках! Я вам уже говорил, мимо наследства никто равнодушно не проходит.

– Да, конечно, – поспешно согласился Максим.

– У вас фильмы в жанре мелодрамы?

– Нет, – обиделся Максим, – вовсе нет.

– А, понимаю: в вашей стране до последнего времени было равенство бедных, и нечего было ни делить, ни наследовать! И вы просто не имеете опыта...

– Ерунда! Убивают и из-за пары серебряных ложек...

– А, согласны все-таки?

– Да я и не спорил... Просто... Я, пожалуй, не люблю думать о людях плохо.

– Я бы тоже рад, да не выходит при моей профессии... Теперь о Ксавье: полиция прижала его к стенке. Он якобы провел полсубботы с одной дамой, у которой он находился еще с вечера пятницы...

– Алиби?

– Формально да. Но свидетельство этой дамы вызывает сомнения. Она действительно состоит с Ксавье в интимных отношениях, включая совместное распитие алкогольных напитков. Очень возможно, что она просто оказывает Ксавье услугу своими показаниями. Но поймать их на разногласиях пока не удалось. С другой стороны, обыски полиции тоже ничего не дали: ни дома, ни в машине Ксавье нет никаких следов, которые могли бы указать на то, что там был Арно. На шинах нет грязи с той поляны.

– Так что он неуязвим.

– Пока да. В его пользу и тот факт, что Арно, как установила экспертиза, был заколот кинжалом из коллекции Пьера.

– А! Я этого не знал.

– Извините, надо было с этого начать. Так вот, на кинжале нашли следы крови Арно. Он был тщательно вымыт, но все-таки удалось найти следы под рукоятью. Отпечатков нет никаких, кроме отпечатков Пьера.

– В наше время только последний дурак работает без перчаток – все образованные.

– Верно, – кивнул Реми. – Но тем не менее это бросает подозрение на Пьера. Кинжал висел у него

дома на стенке, на нем отпечатки хозяина...

– А что Пьер говорит, вам известно?

– Известно. Он утверждает, что кто-то воспользовался его оружием.

– Угу, и он не заметил отсутствие кинжала?

– Нет. Ни он, ни Соня. Это не так уж удивительно, если вдуматься – они привыкли к своим вещам и перестали их замечать.

– Между прочим, в воскресенье, когда обнаружилось исчезновение Арно, я был у них в доме в первый раз. Пьер мне показывал коллекцию – все было на месте.

– Разумеется. Тот, кто воспользовался кинжалом, должен был его вернуть на место как можно скорее.

– Похоже, вы не думаете, что это Пьер...

– Строго говоря, это мог быть любой другой человек.

– Тогда надо искать среди друзей дома! Ксавье ведь не вхож к Мишле.

– А дверь на террасу? Вы забыли, что дни стояли теплые, двери были практически постоянно открыты. Любой мог пробраться в сад через соседний участок и войти в гостиную...

– Допустим. Но пробраться в гостиную и снять кинжал со стенки, а потом поместить его обратно – это одно. Но закопать тело в саду?

– Вы видели какого-то человека в саду? Видели. Соня тоже видела. Кто может утверждать, что это был Пьер? Ни вы, ни его собственная жена не можете.

– Стало быть, вы не думаете, что убийца – Пьер.

– Не припирайте меня к стенке, господин режиссер. Я ничего такого не говорил.

– Не говорили. Но, похоже, так думаете... У него есть алиби?

– Нету. Вы не знаете, что такое французские ярмарки? Кончена ярмарка – все разъехались. Ищисвищи теперь свидетелей. Торговцы, конечно, зарегистрированы в мэриях, можно их разыскать, но это дело долгое. Полиции недосуг этим заниматься. Если он действительно искал подарок своей жене в часы, когда было совершено преступление, то ему не позавидуешь. Остается надеяться, что у него хороший адвокат, который сам подсуетится на предмет алиби господина Мишле.

– Ну признайтесь, Реми, вы ведь не верите в то, что Пьер – убийца?

– Между прочим, в его машине тоже никаких следов нет.

– Вы не ответили на мой вопрос. Признавайтесь!

– Ладно, вы меня достали. Не верю.

– Почему? Ведь все против него! Вся эта ночная история...

– Все это хорошо для полиции. Они там исходят из того, что чужая душа – потемки и всякий и каждый способен на все. Я придерживаюсь несколько иного мнения. Для меня психология и логика – не последнее дело. Заметьте, кстати, что в моем подходе есть свои недостатки, мне случалось сильно промахнуться с моим «психологическим» подходом. Я, сказать вам честно, не силен в тех случаях, где логика вместе с психологией помещаются на кончике полового члена. И, знаете ли, занятная закономерность: чем меньше член, тем меньше психологии...

– А Пьер тут при чем? У него тоже проблема маленького члена?

– Не могу вам сказать, как у него обстоят дела в этой области. Во всяком случае, особых комплексов я не приметил... Не у всех же, согласитесь, менталитет определяется размером детородных органов.

– Так почему вы думаете, что это не он был?

– Я же вам говорю: логика с психологией. Начнем с последней: Пьер – человек «правильный», негибкий, слишком хорошо воспитанный, склонный делать все *как надо*. Выпускник НЕС[15].

– Это еще что такое?

– Это очень привилегированная и очень дорогая высшая школа, из которой выходит наша элита... Если ее выпускники и балуются играми с законом, то на уровне финансовых или политических махинаций. Причем так умно и профессионально – образование-то не зря получили! – что у следствия уходят десятки лет на сбор доказательств.

– А разве наш случай – не умно и не профессионально? Вся эта история дьявольски закручена!

– То-то и оно, что закручена. Тут видна рука большого фантазера, бессонными ночами вынашивающего планы... А Пьер – человек, лишенный воображения.

– Насчет воображения – согласен.

– К тому же если он и любит страстно антиквариат, то он не менее страстно любит свою жену...

– Вы мне это уже говорили.

– Я просто рассуждаю вслух, – сделал невинные глаза Реми. – Свою роль мужа он видит в обеспечении легкой и спокойной жизни для Сони... И столик, какой бы он ни был замечательный, вряд ли стоит в его глазах того, чтобы разрушить созданную им хрустальную башню для Сонечки. А умение взвешивать последствия своих поступков – это и есть логика. И Пьер ею владеет.

Остатки шукрута шипели на блюде, под которым синел огонек спиртовки. Реми накрыл огонек металлической шапочкой и довольно откинулся на стуле.

– Кофе? Десерт? – спросил он Максима.

– Кофе.

Музыканты исполняли тирольскую песенку. Пышнобюстая певица глубоким голосом выводила рулады. Зал шумел, подпевал и веселился, на белых скатертях трепетали синие огоньки под блюдами с дымящимся шукрутом, пенилось темное пиво в огромных кружках. «Алари-ри-ха-ха», – громко и не в такт подпевал оркестру за соседним столом пьяный краснощекий немец, размахивая своей салфеткой.

– И все-таки я не понимаю, – сказал Максим, размешивая кофе. – Если это не Пьер, то кто же?

Реми пожал плечами.

– Никто не укладывается в схему преступления лучше, чем он! – настаивал Максим.

– Отчего же? Ксавье тоже неплохо вписывается.

– Хорошо. Смотрите: Пьер знал о предстоящих съемках, Арно рассказывал в подробностях. Так?

– Так. Ксавье тоже знал, от Мадлен.

– Допустим, что Пьер хотел непременно заполучить столик любой ценой, даже ценой убийства... И он задумал это хитроумное преступление.

– Или, допустим, Ксавье, узнав правду от Мадлен, решил исполнить наконец свою угрозу убить Арно, которого он уже и так давно ненавидел, а тут еще и такой удар: его дочь – а что у него, собственно, есть, кроме дочери? – оказалась не его дочь, а Арно! И он задумал это хитроумное преступление.

– Ксавье, на мой взгляд, слишком много пьет, чтобы хорошо соображать.

– Ксавье последнее время не пил – помните, что Мадлен сказала? А для осуществления такого плана нужно не столько соображение, сколько воображение: у кого его больше? Кто мог задумать убийство на съемочной площадке – финансовый деятель или актер?

– Ну, это достаточно спорно...

– Спорить не будем. Что там у вас дальше?

– Пьер съездил на место будущих съемок и нашел подвал. План моментально сложился в его уме.

– Или в уме Ксавье.

– В день съемок Пьер приехал туда заранее и просидел в подвале до тех пор, пока не услышал «Снято!». Тут он выбрался и встретил Арно с кинжалом. Затащил тело в подвал, переоделся и ушел в дядиной куртке. Уехал на его машине и оставил ее недалеко от дома Ксавье, чтобы бросить на него подозрение. Кинжал ему не составило труда вернуть на место.

– А почему он отпечатки не вытер? – с хитрым видом спросил Реми.

– Почему не вытер? А зачем? Ведь он хозяин, он прикасается к своему оружию, это нормально, что там его отпечатки!

– Убийца кинжал мыл, причем очень тщательно. Отпечатки Пьера должны были тоже смыться! Другое дело, если убийца нарочно позаботился о том, чтобы они остались на рукояти.

– Может, Пьер просто держал его за рукоять, когда мыл?

– Допустим. Но ведь мог и Ксавье войти в гостиную через сад, в тот момент, когда там никого не было, и повесить кинжал на место.

– Потом Пьер разыграл нас всех по телефону – не он сам, а нанял кого-то, чтобы выиграть время, чтобы никто не бросился искать Арно в тот же вечер – ему нужно было еще вывезти тело с места преступления. Что он и сделал в одну из последующих ночей. Правда, непонятно, на какой машине, раз в его машине следов нет. Но ведь и в машине Ксавье следов тоже нет.

– Машину полиция ищет. Я вот думаю, не та ли это самая, которая вас пыталась сбить...

– Хм, надеюсь, что ее скоро найдут. На чем я остановился? Итак, Пьер забрал в одну из ночей тело и закопал его в саду. И очень может быть, именно его я видел ночью у Сони в саду в четверг.

– Может быть, его. А может быть, Ксавье.

– Кто-нибудь проверил, был ли Пьер в клубе в ту ночь?

– Пока еще не успели. Но проверят, конечно.

– Дальше Пьер решил, что тело надо перепрятать...

– А зачем ему было вообще закапывать тело в собственном саду? – перебил его Реми.

– А зачем Ксавье нужно было закапывать тело в саду у Пьера?

– С той же целью, с которой он мог воспользоваться кинжалом из коллекции Пьера: чтобы бросить на него подозрение.

– Зачем ему бросать подозрение на Пьера?

– Отчасти из мстительности, чтобы досадить всей семье Арно, включая Соню; отчасти, чтобы просто отвести подозрение от себя.

– Для этого хватило бы кинжала. Зачем ему было так рисковать? Он мог спокойно, без помех и свидетелей, закопать тело в том же леске возле съемочной площадки.

– А почему Пьер этого не сделал?

– Потому что... Например... Например, он торопился вернуться домой: боялся, что Соня проснется и увидит, что его нет. К тому же в саду – проще всего, яма уже готовая стояла. Погода сейчас мерзкая, он был уверен, что никто по саду разгуливать не станет. И он думал – потом перепрыгнет. В ту ночь, в понедельник, когда он решил перепрыгнуть тело, он сказал, что едет в клуб. Может, он там и был, но ушел оттуда раньше, чем обычно... Он не мог предполагать, что Соня уже вернулась домой – ведь она должна была быть у меня, у постели больного, так сказать... И в доме было темно, она не зажгла свет. Он просто думал, что ее еще нет дома. Однако же Соня заметила его в саду. Он испугался, что она его узнает, и ей не ответил, но она испугалась еще больше. И когда Пьер вошел в дом, она кинулась бежать.

– Пьер, конечно, вошел в дом, это точно. Но в саду мог быть Ксавье. Он спрятался в кустах, а Соня подумала, что это ее муж, потому что она знала, что он уже приехал и прочее.

– И вот такое совпадение? – спросил недоверчиво Максим. – К дверям идет Ксавье, а входит муж?

– А почему бы и нет? – усмехаясь, спросил Реми, глядя, как Максим увлекся построением версий. – Тот, кто был в саду, шел не к дверям дома, а просто хотел исчезнуть из поля зрения Сони. Скорей всего он пробирался к выходу из сада, к воротам..

– У меня такое чувство, что вы играете со мной в какую-то игру, – проницательно посмотрел на детектива Максим. – Вы ведь не верите, что это мог быть Ксавье?

– Не то чтобы в игру... – вздохнул последний. – Мне интересно вас слушать. Мне это помогает привести в порядок собственные мысли.

– И как, привели?

– Отчасти, – уклончиво ответил детектив.

– От какой части?

Детектив не ответил, расплачиваясь по счету.

– У меня из головы не выходит та пометка в еженедельнике Арно: «Письмо Максиму», – вместо ответа сообщил он. – Что бы это значило, а?

Глава 25

Максим решил взять себя в руки и наладить свой обычный образ жизни – деловой и творческий. Он встал пораньше, сделал гимнастику, принял прохладный душ. Позвонил Вадиму, сообщил об отмене отъезда. Разговор был недолгим, Вадим убежал на студию, где должна была решаться судьба незаконченного фильма.

Максим сделал над собой усилие, чтобы не позвонить Соне. Поспешно позавтракав, он вышел из квартиры – подальше от телефона, от соблазна набрать ее номер.

В программе были не сделанные до сих пор дела: библиотека и покупки.

На улице его стерегли журналисты, среди которых на этот раз оказалась парочка русскоговорящих. Максим заявил по-французски: «Комментариев не будет» – и, раздвинув плечом микрофоны, двинулся по улице. Журналисты ринулись за ним, но он не обращал на них внимания, и они вскоре отстали.

Максим шел не спеша, рассматривая витрины. Он заходил в лавочки, отвечал на музыкальное «бонжур!», улыбался, примерял, приценивался. После первой же покупки (он обзавелся парой туфель) он понял, что было бы неразумно нагружаться пакетами до похода в библиотеку, и, сверяясь с планом Парижа, направился к Парижской библиотеке.

В библиотеке ему любезно сообщили, что «Воспоминания...» давно находятся на руках, и должник книгу до сих пор не вернул. «Уж не Арно ли?..» – подумал Максим, но спросить имя должника не посмел.

Вот не везет. Конечно, надо было сделать по-другому: обзвонить библиотеки, вместо того чтобы шляться по Парижу из конца в конец! В ближайшем же кафе Максим, выпив кофе, спустился к телефону. Толстенный справочник, испещренный мельчайшим шрифтом, лежал на полочке возле аппарата. Максим стал изучать список, пропуская муниципальные библиотеки, в которых вряд ли могла быть эта достаточно старая и весьма специфическая книга. Наткнувшись на название «Русская библиотека имени Тургенева», он даже расстроился. Вот идиот! Он ведь еще в Москве от кого-то слышал, что в Париже есть русская библиотека! Только время зря потерял!

Максим набрал номер. Телефон долго не отвечал. Наконец ему ответила женщина на чистейшем русском языке. Это было приятно – услышать русскую речь, от которой он немного отвык за эти дни. И на чистейшем русском языке любезная женщина сообщила ему, что по средам библиотека закрыта.

Нет, но это просто невозможно! Такого же просто не может быть! Чтобы так не везло!

Оставалось последнее средство. Максим представился.

– Это Максим Дорин, кинорежиссер, может быть, вам мое имя о чем-то говорит... – скокетничал он.

Женщина заохала:

– Боже мой, конечно, конечно, я ваша поклонница...

Через полчаса он был в библиотеке. Поняв из телефонного разговора, что именно ищет Максим, любезная хозяйка заранее подготовила для него целую стопку книг, включая искомые «Воспоминания...». Она было завела разговор об убийстве Арно Дора, но Максим вежливо уклонился, зато терпеливо ответил на вопросы о его творческих планах и о стремительно изменяющейся жизни в России, оставил несколько автографов на память для библиотеки и для ее хозяйки и покинул ее, унося книги.

Устроившись на диване, Максим обложился книгами, приготовил карандаш и блокнот, чтобы делать

пометки, и начал перелистывать обветшавшие хрупкие страницы. Воспоминания незнакомых ему людей странным образом касались и его тоже, его жизни, его судьбы. Эти пожелтевшие страницы должны были излить свое содержимое на чистые страницы его личной биографии, заполнить их смыслом и сюжетом...

Звонок. Телефон. Реми.

– Я богатею с каждым днем, – сообщил жизнерадостно детектив. – Можете меня поздравить.

– Поздравляю. Поделитесь секретом, как вам это удается.

– Теперь Соня решила прибегнуть к моим услугам: она хочет, чтобы я доказал невиновность Пьера.

Максиму стало неприятно до горечи во рту.

– А это возможно? – сдержанно осведомился он.

– Соня полагает, что да.

– У него появилось алиби?

– Нет. Но она не верит, что это он.

– «Блажен, кто верует»... Чего еще новенького? – сменил тему Максим.

– Знаете, на какие деньги Мадлен купила фирму? На деньги Арно!

– Да... Любопытно.

Реми почувствовал, что Максим снова замкнулся.

– А вы чем занимаетесь? – поинтересовался он.

– Я? Работаю. – Максим постарался придать голосу убедительность. – Над сценарием. – И, словно в доказательство, потрепал рукой стопку книжек, развалившихся возле него на диване.

– Что ж, не буду вас отвлекать. До скорого!

Максим взялся за книги. Пробежав невидящими глазами несколько абзацев, отложил их в сторону. Соня.

Соня, Соня, Соня!

Бог ты мой, как же от тебя избавиться?

Он гипнотизировал глазами телефон. Телефон молчал. Видно, Соня занята сбором доказательств невиновности своего мужа.

Позвонить.

Позвонить?

А почему бы и не позвонить...

Благие намерения сегодняшнего утра улетучивались на глазах. Он потянулся к аппарату. Кнопки мелодично пропели восемь раз.

– Алло?

Это был голос Жерара.

Максим так растерялся, что не знал, что сказать.

– Алло? – повторил Жерар.

«Кто там?» – раздался где-то в глубине голос Этьена.

– Кто-то дурью мучается, – ответил ему Жерар.

Максим швырнул трубку. Черт с ней, с Соней. Там у нее этот Карлсон ошивается со своим сыночком. Есть кому утешить. Всех их к черту. Как жаль, что нельзя уехать в Москву. Собрать бы чемодан – и...

А может, это Жерар убийца?

Почему нет? Убить Арно – Соня получает в наследство столик; убрать Пьера путем обвинения в убийстве; жениться на Соне, на наследнице, и тем самым поправить свои финансовые дела...

А на кой хрен ему нужен столик? Если бы он мог действительно жениться на Соне, то ее богатства ему и без столика бы хватило... С другой стороны, он ведь коллекционер...

Мстительный поток его размышлений был нарушен телефонным звонком. Нежный Сонин голос зажурчал на том конце провода:

– Как дела... Спасибо за предложение помощи... Ты не хочешь приехать ко мне... Мне так одиноко...

«Одиноко? Как бы не так! Там два этих мудака вертятся вокруг нее. Она меня за мальчишку держит, который по шевелению ее мизинца должен к ней примчаться?» Максим набрал воздуха в легкие и...

– Прямо сейчас? – спросил он.

– Конечно. Еще ведь не поздно.

– Хорошо.

Он положил трубку. Он был зол. Он себя презирал. Он был потрясен собственным слабоволием. Он пошел приводить себя в порядок.

Процесс бритья был прерван новым звонком. Вадим закричал ему в ухо так, что он был вынужден отстранить трубку.

– Фильм выйдет! Решили выпустить как есть, незаконченным! Будет проведена грандиозная акция в память Арно, и фильм пойдет в рамках этой акции! Критика просмотрела куски, еще не смонтированные, – все в восторге! А потом он пройдет на телевидении!

– Поздравляю.

– Ты извини, я на тебя налетел со своими восторгами... – утих Вадим.

– Что ты, я за тебя и за фильм очень рад. За дядю тоже...

– Да... Что и говорить... Ты что делаешь? Может, ко мне приедешь?

– Я к Соне собираюсь. Она попросила приехать.

– Надо бы мне ее тоже навестить. Нехорошо оставлять ее одну в такой момент...

«Не сказать, чтобы она была одна», – подумал Максим.

– Подожди, я за тобой заеду. Я быстро, через полчаса буду у тебя.

Максим пошел добриваться.

Соня встретила их так, словно она действительно сходила с ума от одиночества. Обвив их обоих руками – мужчины были вынуждены пригнуть шеи, – она расплакалась, уткнувшись лицом куда-то между двух плеч. Максим и Вадим в две свободных руки поглаживали и похлопывали ее по худеньким плечам.

Однако Жерар и Этьен были все еще там. Вырисовавшись в глубине гостиной, они не слишком приветливо смотрели на новоприбывших. Соня провела режиссеров в гостиную, возбужденно повторяя: «Как хорошо, что вы приехали, как хорошо! Молодец, что ты подумал обо мне, Вадим, это так мило с твоей стороны, и ты, Максим, спасибо, что не оставил меня в такую минуту...» Она возбужденно ходила по гостиной, выбирая напитки, наполняя стаканы и постоянно приобнимая то одного, то другого, как ребенок, соскучившийся по родителям. Жерар неприкаянно и угрюмо перелистывал журналы, а его сын черными глазами следил за отцом и за Соней.

– Я не верю, что это мог быть Пьер, – сказала она, подавая Максиму стакан с виски.

Конечно, вот за этим она его и пригласила: услышать подтверждение своим мыслям! Наверное, проверила их уже на Жераре с Этьеном, и теперь ей понадобилось новое лицо, новый слушатель.

– И знаете, почему?

Она подождала реакции. Вадим спросил заинтересованно:

– Почему?

– Я бы его узнала в саду. Если бы это был он – узнала бы непременно!

Ну что ей на это сказать? Ей так хотелось поверить в то, что ее муж не может быть убийцей ее отца!

– Если это не он, Сонечка, полиция это обязательно выяснит, – рассудительно ответил ей Вадим.

– Конечно, не он, – убежденно сказала Соня. – Полиция это выяснит. И Реми Деллье ей поможет. Я знаю своего мужа. – Соня всех обвела глазами, проверяя убедительность своих слов. – Он на это не способен!

– Она очень перевозбуждена, – шепнул Вадим Максиму.

Соне никто не ответил. Максим чувствовал неловкость и судорожно искал слова.

– Возможно, что ты права... – Ничего лучшего он не нашел.

– Не возможно, а точно!

Соня встала и прошла по гостиной.

– Жерар, у тебя стакан пустой, тебе добавить? – уделила она наконец внимание Жерару. Тот чуть не кинулся к ней, обласканный этой фразой.

Этьен легонько и презрительно улыбнулся и отвернулся. Соня подошла к юноше и тронула его за рукав:

– Не грусти, мой мальчик. Это жизнь.

Этьен ответил ей холодным взглядом. Что, впрочем,нисколько не заинтересовало Соню, если она вообще его заметила.

– Реми, между прочим, тоже считает, что это не Пьер... – настаивала Соня.

Звонок в дверь прозвенел с таким напором, что сорвался в хрипоту. Соня пошла открывать.

На пороге стояла Мадлен.

«Так, – подумал Максим. – Это становится интересно».

Соня не сумела скрыть своего удивления.

– Здравствуй, сестричка, – сказала Мадлен, шагнув в дом.

Соня не поняла, со светским видом она предложила Мадлен пройти, представила остальным, спросила, что та будет пить.

– Сок, – ответила Мадлен. – Какой-нибудь, все равно.

Реми был прав насчет красивых кузин. Мадлен, с ее южным золотистым загаром, выгоревшими светлыми прядями, продуманно-небрежно выбившимися из прически, в белом костюме выглядела потрясающе эффектно.

Мадлен уселась на софу, закинув ногу на ногу. Белая короткая юбка поползла вверх по ноге, открывая загорелые стройные ляжки – должно быть, она проводит не меньше часа в день в спортзале.

От нее все ждали продолжения, не понимая, что самое главное она уже сказала. В конце концов, слово «сестра» могло показаться неловким намерением быть ласковой, все люди – братья и, разумеется, сестры тоже, ну и так далее. Один Максим понимал происходящее и внутренне оживился, словно при чтке интересного сценария.

Напряжение усиливалось. Мадлен молчала, ожидая, пока Соня принесет ей ее стакан. Получив свой сок, она повертела стакан в руках и подняла:

– За папу.

Взгляды, и так сосредоточенные на Мадлен, буквально впились в нее.

– Я твоя сестра, Соня.

Какое-то мгновение Соня смотрела на нее, очевидно, не совсем улавливая смысл сказанного, потом всплеснула руками и обхватила ими свою голову.

– Ты хочешь сказать... Я, кажется, поняла...

– Садись, – распорядилась Мадлен. – Слушай. Слушайте все, раз уж вы тут.

Мадлен закончила свою историю, уже знакомую Максиму. Все молчали какое-то время, переваривая услышанное.

– Вот! Я же говорила, что Пьер невиновен! – торжествующе нарушила тишину Соня.

Бог мой, это все, что ее интересует!

– У Ксавье алиби, – осадила ее Мадлен. – А у Пьера его нет.

– Будет! – убежденно сказала Соня. – Вот увидишь!

– Ладно, – примирительно сказала Мадлен. – Это сейчас не имеет значения. Главное – что раз у нас с тобой нет теперь отца, то хотя бы мы есть друг у друга.

И она порывисто обняла Соню, которая утонула, как ребенок, в руках крупной и статной Мадлен. Казалось, что из них двоих старшей была Мадлен, хотя на самом деле Соня была старше ее на четыре года.

«Вот тебе сценарий», – повернулся к Максиму потрясенный Вадим. Жерар недружелюбно следил за разворачивающейся сценой, Этьен не выдавал своих эмоций, если они у него и были.

– Боже мой, боже мой, и все это время я даже подумать не могла...

– Я обещала матери не говорить...

– Ты совсем на папу не похожа...

– Ты тоже.

– Теперь я понимаю, почему он так тебя опекал...

– Ты меня упрекаешь?

– Нет, что ты!

– Признайся, ты меня недолюбливала?

Женщины возбужденно разговаривали, не замечая присутствующих, предоставив им права зрителей. Максим не был уверен, что желанных. Надо было бы уйти, оставив сестер наедине.

– Если честно, да... я не понимала, что вас связывает...

– А я понимала, что ты не понимаешь, но я ничего тебе не могла объяснить...

– Почему ты решила вдруг сейчас сказать?

– Ведь папа умер...

– Как ты не понимаешь, Соня, – раздался неожиданно напористый голос Жерара. – Ведь теперь она тоже наследница!

Соня недоуменно повернулась в сторону Карлсона. Мадлен поискала глазами источник произнесенных слов, нашла, холодно окинула взглядом с ног до головы и вновь обратилась к Соне, не удостоив Жерара ответом.

– Теперь скрывать нет смысла. Полиции все равно это станет известно. А наследство мне не нужно. – Мадлен развернулась в сторону присутствующих: – Я от него отказываюсь.

Вот те на! Максим подумал, что следовало бы звякнуть Реми.

– Чтобы от него отказываться, нужно на него еще право иметь, – так же напористо произнес Жерар, будто речь шла о его собственном наследстве.

– Это кто? – спросила Мадлен у Сони.

– Ох, извини, я тебе своих гостей не представила: это Жерар, мой друг...

– Это он на правах друга твои интересы защищает? Или у него свои интересы есть?

Соня улыбнулась, словно Мадлен пошутила.

«Вот-вот, – подумал Максим, – этот же вопрос себе задаю я...»

– Это его сын Этьен, тоже наш друг.

Ага, значит Этьен – это *наш* друг, а Жерар – это *мой*. Занятно.

– Это Максим Дорин, кинорежиссер из России, лауреат Каннского...

– Знаю, – кивнула Мадлен. – Племянник. Тоже родственник. Ну, здравствуй тогда.

Она поднялась и расцеловалась с Максимом четыре раза. От нее пахло какими-то потрясающими духами.

– Как я понимаю, ты своего столика лишился? – обратилась Мадлен к Максиму. – Ну, Соня тебе его, наверное, отдаст? Он ведь по праву принадлежит тебе.

При этих словах Жерар открыл было рот, но тут же и закрыл его, явно проглотив какое-то восклицание; Этьен с удивлением вскинул черные глаза.

Соня улыбнулась и легонько пожала плечами, словно хотела сказать: все возможно...

– Ну а с Вадимом вы знакомы... – продолжала она представлять.

– Знакомы. – Мадлен с некоторой прохладцей пожала его руку.

Выполнив долг вежливости, сестры тут же забыли обо всех, вновь погрузившись в свой диалог.

– Удивительно, что папа удержался и не рассказал этот секрет! Как он, с его характером, сумел промолчать столько лет? – Соня не отрывала глаз от Мадлен, изучая ее с некоторой долей восхищения.

– Это было слишком серьезно, чтобы болтать об этом. Дело не только в моей матери. Папа не мог нанести такой удар Ксавье – ведь он был когда-то его лучшим другом. Папа чувствовал себя перед ним виноватым за меня...

– Да, конечно, папа... я понимаю, он человек... он был очень щепетильным...

Соня снова расплакалась. Мадлен гладила ее по волосам, как маленькую, но у нее у самой покраснел нос.

«Надо мне уходить. Реми позвонить, рассказать ему о Мадлен и эту мысль насчет Жерара. В ней что-то есть».

– Мы тут лишние, – шепнул он Вадиму и поднялся. Вадим поднялся за ним.

– Не будем вам мешать, вам есть о чем поговорить.

Соня благодарно глянула на него и перевела глаза на Жерара. Тот понял намек и тоже встал, нехотя. За ним потянулся Этьен. Все наскоро попрощались и оставили сестер одних.

– Мы с тобой поработаем завтра, если хочешь, – предложил Вадим, высаживая Максима у подъезда.

– Давай, – обрадовался Максим. Следовало занять голову чем-нибудь более плодотворным, чем несостоявшийся роман с Соней.

Глава 26

Максим не жалел, что съездил к Соне. Между ними ничего не произошло *лично*, но он уже, кажется, с этим смирился и больше ничего не ждал. Максим не умел желать недостижимого, и постепенно жажда обладания, желание сделать Соню своей потихоньку стали утихать, как боль. Она ему нравилась по-прежнему, и его все еще тянуло к ней, и он бы даже назвал это словом *любовь*, но любовь эта стала другой: магия отпустила его, приворотное зелье больше не действовало. Глаза ее больше не были ни медовыми, ни янтарными, а просто карими, красивыми карими глазами... Впрочем, от этого было немного грустно.

Реми откликнулся на телефонный звонок сразу, будто только и ждал его.

– У меня есть мысль, – сообщил ему Максим. – А что, если это Жерар?

– Вы решили переквалифицироваться в детективы?

– А вы что-нибудь имеете против?

– Имею.

– Думаете, не получится?

– Боюсь конкуренции.

– Польщен. Так что насчет Жерара?

– Бросить подозрение на Пьера, убрать его таким образом и открыть себе подступы к Соне? Я о нем не раз думал, но мне в этой версии чего-то не хватает...

– Я вам сейчас добавлю информацию к размышлению.

Максим описал детективу сцену у Сони.

– Тем лучше, – подытожил Реми. – Мадлен отпадает.

– А Жерар?

– Это у вас давно такая манера – прижимать детективов к стенке?

– С детства. Мне еще мама говорила: как увидишь частного детектива – так его сразу к стенке и прижимай. Особенно если учесть, что у нас такого овоща, как частный детектив, сроду не водилось при советской власти.

– Я всегда говорил, что в социалистической системе много недостатков.

– Ну а Жерар?

– Я это обдумываю.

– У него была возможность снять кинжал и повесить на место, он знал о предстоящих съемках, он влюблен в Соню...

– Я еще не закончил обдумывать.

– Ладно, – сдался Максим, – чего у вас новенького?

– Не много, но есть, – охотно сменил тему Реми. – Пьер действительно был в клубе в четверг, когда вы видели человека в саду. Но никто не может утверждать, что он оттуда не отлучался... У них там разные залы, ресторан, теннис, бридж, специально за ним никто не следил, так что, сами понимаете, восстановить

поминутно его присутствие в тот вечер невозможно.

– Тем не менее, как я понимаю, вы по-прежнему уверены, несмотря ни на что, что это не он?

– Я *думаю*, что это не он.

– Ксавье?

– Откровенно говоря – вряд ли.

– Это что-то новенькое! Ведь вы меня пытались уверить, что подозреваете его!

– Не то чтобы очень.

– А чего вы тогда мне лапшу на уши вешали? Еще только вчера вы мне доказывали...

– Так просто. Вроде игры. Было интересно слушать ваши соображения.

– Миленькие у вас игры. Так почему это вдруг не Ксавье? Из-за алиби?

– Нет. То есть да, разумеется, это добавляет уверенности, но... Понимаете, Максим, все дело в том, как считать. Если считать, что это разные дела – убийство, наезды на вас, ночные визиты, телефонные звонки, попытка кражи столика, – то можно вполне подозревать Ксавье. Исходя из того, что мы о нем знаем, – он подходящая фигура. Если же исходить из предположения, что здесь один и тот же автор, то Ксавье сразу отпадает по простой причине: его не интересует столик, он не смог бы им воспользоваться никоим образом. Следовательно, ни попытка кражи, ни попытки убить вас – все это ему ни к чему.

– А Пьера интересует столик, но, по-вашему, это не он «автор».

– По-моему, не он.

– Следовательно, кто-то третий.

– Кто-то третий.

– Так, может, я прав насчет Жерара?

– Я это обдумываю.

– Ладно, когда закончите обдумывать – держите меня в курсе.

– Договорились.

Максим соорудил себе чай с бутербродом и притащил на кухню «Воспоминания...», которые устроил перед собой. Открыв наугад книгу, он, жуя, пробежал глазами страницы, осторожно переворачивая пожелтевшую бумагу левой, чистой рукой, тогда как правая была занята бутербродом. Книга была написана языком суховатым, но даже при первом, поверхностном прочтении стало ясно, что она ему очень пригодится в работе – в ней были факты, маленькие конкретные факты человеческих биографий. Он делал пометки и закладки и увлекся настолько, что когда его глаза пробежали фамилию *Дорин*, он не сразу понял, о ком идет речь. Он перечитал. Эта фамилия отозвалась спазмом в желудке.

Он отложил недоеденный бутерброд, вымыл руки и, бережно взяв книгу к себе на колени, впился глазами в начало страницы.

«Жизнь на чужбине предстояла нелегкая – скудные сведения, которые просачивались из Франции, нагнетали еще большую тоску и страх перед эмиграцией. Все, что было накоплено из поколения в поколение, все ценности приходилось оставлять в России. В то время практически ничего нельзя было продать. Бросались на произвол судьбы роскошные библиотеки с антикварными изданиями, которые позже, бесхозные, часто шли просто на растопку печей, так как дров не хватало; драгоценные сервизы,

вазы, мебель – все это было обречено гореть, ломаться и биться. Это горели и бились воспоминания, жизни многих поколений, дорогие сердцу реликвии; это горели и уничтожались ценности русской культуры; это исчезали бесследно просто материальные ценности, столь необходимые беглецам, покидавшим родину...

...Моим знакомым, Дориним, удалось отправить во Францию прелестный туалетный столик, который когда-то принадлежал императрице Екатерине II. Они сумели договориться с одним из членов команды, который взял этот столик на пароход, к себе в каюту, где столик находился в относительной безопасности. Но такая, казалось бы, удача – то есть возможность переправить эту драгоценную вещицу – дорого обошлась этой семье...»

Дальше следовала хорошо знакомая Максиму история родов, начавшихся на пристани. Казалось бы, в ней не было ничего, чего бы он не знал, а вот почему-то, неожиданно для самого себя, он схватился за ручку и стал набрасывать диалоги. Может, эта пыльная, пожелтевшая бумага так на него подействовала, может, от этих строчек, написанных очевидцем, исходила невидимая энергия, но только ручка его летала по бумаге и он не успевал записывать слышные ему голоса.

Прошло не менее часа, когда он, довольный, разогнулся наконец и стал потирать онемевшие от писания пальцы. «Спасибо тебе, книжечка, жаль, что я тебя не нашел раньше».

Допив остывший чай и умывшись, он взял с нежностью сухой томик и направился с ним в постель. Устроился на подушке, положил блокнот с ручкой около себя и раскрыл книгу на том месте, где положил закладку.

«...Столик был драгоценным в самом полном смысле этого слова: так как в то время отправлять какие бы то ни было ценности было рискованно, потому что в дороге все могло пропасть, потеряться или быть украденным, Дорины спрятали все свои фамильные драгоценности в тайнике туалетного столика...»

Что-о?!

«...которые бесследно исчезли вместе со столиком где-то во Франции...»

Максим перечитывал этот абзац уже, наверное, четвертый раз, когда до него наконец дошел смысл этих слов.

Он вскочил с кровати и бросился к телефону.

– Реми! – завопил он в трубку. – Вы спали? Ничего, вы меня извините, когда узнаете, почему я вам звоню! В тайнике были драгоценности! *Были*, понимаете?!

– С чего вы взяли?

– В книге! Написано! В мемуарах очевидца! Я только что прочитал! Слышите, Реми?

Реми отозвался не сразу.

– Вот чего мне здесь не хватало, – медленно произнес он. – Это меняет *все*.

– Во всяком случае, ясно, что это не Ксавье, – возбужденно кричал в трубку Максим.

– Мне это давно ясно, – заметил Реми.

– Это кто-то, кто имел возможность прочитать книгу. Она была у дяди, но пропала... слушайте, Реми, пропала! Ее кто-то у дяди украл! Тот, кто и убил его!

– Откуда у вас эта книга?

– Я ее в библиотеке взял. Я ее искал, потому что мне дядя о ней говорил...

– Мне нужна эта книга. Я сейчас приеду.

– Но она на русском!

– Ах, черт... Ваш дядя по-русски читал?

– Нет, он ее, должно быть, читал на французском. Я поначалу искал эти «Воспоминания...» во французских библиотеках, и в Парижской библиотеке мне сказали, что книга до сих пор находится на руках. Я вот думаю, не дядя ли ее не вернул...

– Я завтра же проверю. Так вы говорите, что книга потерялась? И где, вам известно?

– Не знаю. Я рассчитывал ее найти у дяди дома и не нашел. Спросил о ней у Сони с Пьером, и Соня вспомнила, что папа ее тоже не мог найти, тоже у них спрашивал...

– Да, – сказал задумчиво Реми, – я помню, это при мне было... Поедете завтра со мной к Соне?

– Конечно, если хотите.

– А сейчас поспим немножко. Уже полпервого. Я у вас буду в десять, идет?

В эту ночь Максиму снова снилась Соня, но как-то странно. Она сидела за столом, при свете свечи, озарявшей тонкую смуглую шею и вырисовывавшей размытой черной тенью впадину ее ключиц, к которым неплотно прилегали кремовые батистовые кружева; она улыбалась печально, обнажая детскую щелку между верхними зубами, но ее глаза, мерцающие при неверном свете свечи, были таинственны. Тонкими пальцами она вынимала из одной коробочки крупные, с орех, рубины и бриллианты, сумрачно вспыхивающие над дрожащим золотистым пламенем свечи, и складывала их в другую коробочку. И так без конца: вынимала и складывала, вынимала и складывала, вынимала и складывала...

Глава 27

– Как вы думаете, где драгоценности? – спросил Максим утром следующего дня, когда Реми приехал за ним.

– Ага, вот и вы заинтересовались наследством! А я смотрю – что-то вы столиком вашим мало озабочены. Но – ставки меняются! Драгоценности – это стоит того, чтобы ими заинтересоваться, – подначивал Реми.

– Я ходом расследования интересуюсь. А вам – просто завидно, – ответил ему в том же тоне Максим.

– Мне? Вовсе нет. Я вам позавидую, может быть. Если найду ваши драгоценности. И если вам, конечно, еще удастся их заполучить. Наследник-то не вы, мой русский друг. Хотя по праву они должны принадлежать вам, и только вам...

– Вы думаете, что их еще можно найти?

– А вы – нет?

– По-моему, их уже кто-то нашел. И вряд ли отдаст.

– Этот – или эта – «кто-то» их не нашел. Если бы камешки были у него в кармане, он бы уже давно загорал на каких-нибудь экзотических островах и общество бы лишилось чести его присутствия в своих рядах... Но наш «кто-то» не отдыхает, он суетится, причем уже давно. Он еще год назад пытался украсть ваш столик, уже зная о тайнике и рассчитывая вскрыть столик где-то в спокойной обстановке и заняться поисками драгоценностей. Кража не удалась, а возможность другой попытки осложнилась тем, что Арно привинтил его ножки к полу... Узнав о вашем, Максим, приезде, наш «кто-то» задумал убить Арно, пока он не отдал столик вам, боясь, что «русское наследство» уйдет к вам вместе со спрятанными в нем драгоценностями. И убил...

Но еще надо было устранить вас: ведь Соня сказала, что завещание написано! Сказала при всех. Поэтому «кто-то» пытался сначала найти доступ к столику в ваше отсутствие: вот вам ваша ночная посетительница, вот вам телефонные прозвоны; не исключено даже, что этот «кто-то» пытался туда пробраться еще раз, но наткнулся на новые замки, к которым его ключи не подходили... И когда стало ясно, что вас оттуда не выкуришь, то милый «кто-то» попытался избавиться и от вас путем наезда...

– Вы что, по ночам не спите? Размышляете?

– А что, на это всю ночь надо?

– Намек понял. Так где драгоценности в таком случае? Их же нет в тайнике! Значит, их кто-то нашел.

– Браво, Максим! Признайтесь, вы всю ночь не спали, размышляли?

– До чего же вы злобный, господин детектив. Так и норовите обидеть бедного иностранца. Так кто их нашел?

– Арно.

– Не может быть! – Максим до того удивился, что утратил свой шутливый тон.

– Масло помните?

– Какое масло? А-а... Машинное? На рычажке тайника!

– Именно. Тот, кто нашел тайник, тот и смазал. А о наличии тайника знали, видимо, два человека: Арно и тот, кто украл книгу.

– Мог еще кто-нибудь, она ведь и в других библиотеках должна... Реми! Теперь я понимаю, почему в другом экземпляре страниц нет! В Национальной библиотеке.

– Тоже проверим, – кивнул Реми. – Это все очень интересно. И скорей всего дело рук того же человека... Так вот, если бы тайник нашел *другой* человек, то мы бы с вами не имели ни убийства, ни всего остального. Следовательно, его нашел Арно. Нашел, но никому ничего не сказал. Он, при его видимой болтливости, умел, оказывается, хранить тайны: ни о его дочери Мадлен, ни о сокровищах никто ничего так и не узнал. Собственно, это и стало причиной его смерти: убийца полагал, что драгоценности все еще в столике...

– А вдруг Арно нашел тайник тоже пустым? В конце концов, драгоценности могли найти еще его родители – ведь это они «встретили» столик.

– Если бы Арно нашел пустой тайник, то он бы как раз всем рассказал о такой занятной истории. А он промолчал – потому что нашел. В вашей книге не написано, какие именно драгоценности?

– Нет. Но мне сегодня ночью приснилось, что это бриллианты и рубины.

– Видите, они вам даже снятся. Если ваш сон вещий – то у нас, может быть, еще есть шанс разыскать то, что от них осталось.

– Не понял, – помотал головой Максим.

– Много было бриллиантов с рубинами?

– В моем сне? Мно-о-го...

– Тогда должно остаться.

– Остаться – от чего?

– От покупки фирмы для Мадлен.

– Вы думаете?..

– У Арно ведь не было ценностей, как все утверждают. А он подарил эту фирму Мадлен.

– Вот оно что... Поэтому он никому ничего не сказал...

– Мы тоже пока никому ничего не скажем, Максим. Договорились?

Они подъехали к дому Сони.

– Почему вы об этой книге спрашиваете? – удивилась Соня. – Это имеет какое-то значение?

– Она Максиму нужна, для работы. Он не может ее найти и обратился к услугам детектива, – отшутился Реми. – Так попытайтесь вспомнить, что вы о ней слышали, когда, при каких обстоятельствах?

– Это было так давно...

– Как давно?

– Ну, не знаю, год, может быть, назад...

– Так. И что вам говорил ваш отец?

– Что там много документальных фактов из той эпохи. Папа еще сам, по-моему, не читал в тот момент. Он к нам приехал прямо из библиотеки с этой книгой... Если мне память не изменяет. И то удивительно, что я хоть это помню – наверное, потому, что папа потом ее искал.

– Погодите, что значит – не читал? Не читал до приезда к вам, а потом она пропала?

Реми глянул недоумевающе на Максима. «Ну да, – сообразил Максим, – если он ее не читал, как он мог найти тайник?»

– Я не могу вам сказать точно, мне так кажется, что он говорил: вот, мол, нашел в библиотеке книгу, пролистал, там любопытные факты из эпохи русской эмиграции...

– И как книга пропала?

– Я не знаю. Папа потом спрашивал, не забыл ли он ее у нас. Но у нас ее нигде не было, я помню, что я ее искала.

– Значит, он не знал точно, где именно потерялась книга?

– Ну, видимо... – Соня пожала плечами. – У вас что-нибудь есть новое? Нашли что-нибудь для Пьера?

– Не беспокойтесь, Соня, я свое дело делаю.

– Ведь это не он убил папу?.. – тихо спросила она, коротко глянув на Реми исподлобья.

– Я стараюсь это доказать.

– Я все время вспоминаю этого человека в саду. Это был не Пьер! Поверьте мне, Реми, это был не он! Я теперь в этом абсолютно уверена. У меня даже такое ощущение, что еще чуть-чуть, и я узнаю, кто это был. Это лицо, фигуру...

– Еще немножко терпения, Соня, еще немножко. И мы его все узнаем.

Соня предложила им кофе, но Реми вежливо отказался, сославшись на дела.

Максим колебался. Соблазн остаться еще раз наедине с Соней, и... и... И что? Они были убийственно чужими, словно никогда и ничего между ними и не было. А что, собственно, было? Так, проскользнуло чувство, разыграло желание – подумаешь, бывает. Ничего особенного, это жизнь, се ля ви.

И эта жизнь у каждого своя.

Он отказался и вышел с Реми.

– Куда сейчас? – спросил он детектива в машине.

– Вы торопитесь? Если да, я вас отвезу домой.

– А если нет?

– Тогда сделаем крюк. Мне надо повидать Пьера.

– А вас пустят? С ним свидания не разрешены.

– Меня – пустят. Мне есть что продать полиции: вашу книжечку.

Реми припарковался перед комиссариатом полиции Версаля и, предложив Максиму осмотреть в ожидании Версальский дворец, скрылся в высоких створчатых дверях комиссариата. Максим побрел в сторону дворцовой площади.

Дворец был огромен, великолепен и величествен. Бульжная дворцовая площадь неслышно отдавала цокотом копыт былых пышных конных процессий, громоханием колес золоченых карет – чтобы весь город слышал. Максим мельком подивился тщеславию Короля-Солнца, запечатленному в каждом камне помпезного здания.

Он прослонялся час, который отвел ему Реми, вокруг дворца, не столько рассматривая знаменитую достопримечательность, сколько предаваясь потоку своих размышлений. «Конечно, наличие

драгоценностей в тайнике меняет все, как сказал Реми. И искать надо среди тех, кто читал книгу, кто общался с Арно. Может быть, и Пьер – не вижу никаких причин, по которым Реми его так уверенно исключил. Если он и не пошел бы на преступление ради какого-то столика в несколько сотен тысяч франков, то драгоценности... Они могут стоить несколько миллионов, совсем другой расклад! И он думал, что они по-прежнему там, в тайнике, не зная, что дядя их уже нашел. Поэтому он решил убить его... Как он побледнел, когда Соня сказала, что папа сделал завещание на мое имя! Ну а если уж действительно это не он... Книгу мог прочитать кто угодно. И любой мог убить. Такой мотив, как миллионы, подходит всякому».

«Ну, не всякому, допустим, – возразил он сам себе. – Мне не подходит. Нравственные ценности, мировоззрение, воспитание – все то, что называется культурой, – не позволит. Душа не позволит. Душа».

Погордившись собой мгновение, он вдруг ощутил острую тоску. Желание счастья. Такому славному парню, как он, пристало быть счастливым! А он – был ли? Формально – да. Формально – он талантливый режиссер, который уже добился успеха и добьется, он был уверен, еще большего. Богатство – пока не было, но эта приятная вещь уже где-то брезжила на горизонте. И внешне бог не обделил, и женщины у него были, даже с лихвой... И характер хороший – легкий и веселый. А вот счастлив...

Максим перебирал свою пустоватую суму счастливых мгновений – итог был жидок, протекал меж пальцев, почти ничего не оставляя.

Почему-то казалось, что для счастья ему нужна Соня.

Душа моя, Соня.

Соня, Соня, Сонечка.

Почему ты не живешь в России?

Почему ты *мне* не встретишься в Москве? Почему ты *мне* не встретишься? Русские девочки в общем-то красивее французенок... Но эта тонкость, эта таинственная прелесть, это летучее очарование, это медлительное наслаждение от беседы и просто от созерцания – все это только в Соне, в Соне. Ты так чудесна и так недосыгаема, что я устал тебя любить, устал тебя желать, устал надеяться – ты все равно безнадежна. Безнадежно не моя.

Реми уже ждал его у машины.

– Пьеру тоже показалось, что Арно к тому моменту книгу еще не читал, а только пролистал.

«А все-таки, когда я отказался остаться на кофе, Соня была разочарована...»

– Что логично на самом деле, – продолжал Реми. – Иначе бы Арно не стал трезвонить, что в этой книге интересные факты.

«И даже, пожалуй, задета...»

Реми кинул внимательный взгляд на Максима. Заметив, Максим слегка смутился и закивал:

– Там действительно интересные факты...

Детектив усмехнулся.

– А как же дядя тогда о тайнике узнал? – попытался включиться в разговор Максим.

– Вторую книгу забыли? С потерянными страницами? Вот я думаю, что Арно их и «потерял». Он просто нашел эту книгу в другой библиотеке и узнал о тайнике, только позже того, кто у него стащил первый экземпляр... Полиция выяснит, на чьи имена были выданы книги. И это будет скорее всего имя Арно Дорана.

«Все-таки я точно знаю, что Соня ко мне неравнодушна. Как бы она себя ни вела со мной, как бы она ни боялась разрушить свою жизнь с Пьером, но ее тянет ко мне, тянет!»

– Кстати, я подумал еще об одной возможности...

– О какой? – рассеянно откликнулся Максим.

– Эта дама, написавшая книгу, могла иметь потомство. И потомство могло быть в курсе описанных ею историй. А дама, заметьте, жила во Франции, в Ницце. И, учитывая страсть Арно оповещать окружающих о своих делах, кто-нибудь из ее детей или внуков мог услышать о «русском наследстве» известного актера и сопоставить факты...

– И решил воспользоваться семейным преданием! – окончательно проснулся Максим.

– И даже вырванные страницы в библиотечных экземплярах вполне могут оказаться плодом стараний потомка «графини З.»!

– И как это выяснить?

– Пошли звонить Соне.

– Соне?

– Графскими потомками я займусь завтра с утра. А пока что у меня есть кое-какой план на этот вечер.

– И что вы собираетесь сказать Соне?

– Говорить будете вы – так вопросов будет меньше. Скажите, что звоните по моей просьбе. И что я прошу Соню собрать сегодня вечером у себя своих друзей – вы якобы не знаете зачем. Предположите, что я хочу прийти и задать какие-то вопросы. Главное, чтобы к Соне пришла на весь вечер вся ее обычная компания.

И детектив сунул телефон Максиму в руки.

– ...А я и так сегодня принимаю всех наших друзей у себя, – сказала Соня в ответ на заготовленный текст, который Максим произнес в телефон несколько нежнее, чем ему бы хотелось. – Я хотела вас с Реми тоже пригласить, но вы так быстро ушли...

«Я был прав. Ее задел мой отказ». Максим почти ликовал.

– Так что приходите, если хотите.

Максим глянул на детектива, однако шептать не рискнул, боясь выдать, что Реми находится рядом с ним. Последний, однако, слушал разговор, прижавшись ухом к обратной стороне трубки, и теперь делал Максиму «большие глаза».

– Я думаю, что Реми как раз собирается к тебе прийти, – рискнул ответить Максим и увидел по выражению лица детектива, что ответил правильно. – Я так понял, что у него есть вопросы ко всем.

– А ты – придешь? – Соня была откровенно настойчива, и Максим вдруг испугался. Испугался, что все начнется сначала, все то, что только начало утихать в душе – сердцебиения, головокружения, сны и полная бесперспективность отношений.

– Постараюсь, – уклончиво ответил он. На этот раз получилось холоднее, чем ему бы хотелось, и он был недоволен собой до отвращения.

Соня моментально почувствовала изменение в его тоне.

– Как хочешь, – с прохладцей ответила она ему. – В *нашем* доме тебе всегда рады, ты знаешь.

- Ну что, – тербил его Реми, – сделает?
- Она и так собирает у себя всех сегодня. Мы тоже приглашены.
- Мы не пойдем.
- Это почему? – удивился Максим.
- Мы к Жерару пойдем.
- Не понял... Мы... приглашены к Жерару? Но он вроде бы к Соне...
- То-то и оно. Мы пойдем без приглашения.
- То есть вы хотите...
- Залезть в его дом в его отсутствие.
- Вы для этого просили Соню созвать гостей?
- Чтобы избавиться от хозяина. И заодно от его сына – они всегда к Соне парочкой ходят.
- А это законно?
- А в России это законно?
- Нет.
- Франция вроде бы не менее цивилизованная страна, чем Россия, – усмехнулся Реми.
- Так-так... А если нас кто-нибудь заметит?
- То вызовет полицию.
- И меня вышлют из Франции, а вас лишат лицензии.
- Смотря что мы там найдем.
- А что мы там ищем?
- Увидите. Так вы хотите поиграть вместе со мной в незваных гостей?

Максим на мгновение задумался. Детское удовольствие залезть в чужой сад и поиграть в казаков-разбойников его соблазняло неимоверно, но он действительно опасался неприятностей с полицией. А, черт с ним, полезем. Если его, как нашкодившего мальчишку, вышлют из Франции – так у него будет хоть одно приятное приключение для воспоминаний.

Впрочем, культурная общественность Франции за него заступится. А то как же он приедет на последующие Каннские фестивали?

- Согласен, – ответил он коротко.

Глава 28

Они выехали в восемь вечера. «Во Франции обедают в восемь, – объяснял Реми. – Это следовало бы называть ужином, но ужин исчез из обихода вместе с самим словом. То есть слово вы найдете в словарях, но его никто не употребляет за отсутствием самого предмета... Теперь у нас есть «завтрачек» – это то, что с утра, «завтрак» – это то, что днем, и «обед» – в восемь часов. Следовательно, даже если гости к Соне запоздают – в чем я, впрочем, сомневаюсь, особенно насчет Жерара, – то, пока мы доедем, дом будет наверняка пуст».

– Должен я понимать, что теперь вы подозреваете Жерара? – спросил Максим.

Предвкушение авантюры охладило внутренности.

– Знаете, что странно? – полуобернулся к нему Реми. – Что у папы с сыном одна машина на двоих.

У Максима на лице отразилось столь тотальное непонимание, что детектив рассмеялся.

– Во Франции принято, чтобы молодые люди имели свою машину.

– И?.. – Максим все еще не улавливал.

– Значит, финансовые дела Жерара до такой степени плохи, что он не может купить своему взрослому сыну тачку.

– Даже подержанную? Они ведь недорого стоят.

– Подержанную и дешевую – тоже дорого в конечном итоге. Стоимость машины складывается не только из покупки, но еще из страховки, очень дорогой, кстати, особенно когда это первая машина, то есть начинающий водитель; затем из бензина, тоже очень дорогого, и потом – из бесконечных ремонтов подержанной машины. Все это влетает в копеечку, и дешевая машина оборачивается крайне недешево. А Жерар живет на проценты с небольшого капитала да еще гонорарами за экспертизу – они-то неплохи, но редки.

– Поэтому вы его подозреваете? Из-за его финансового состояния?

– Видите ли, Максим, после совершенного вами открытия насчет сокровищ они, то есть друзья Сони и Пьера, теперь все в достаточно равной ситуации. Но у Жерара есть особые преимущества. Ведь Маргерит и Мишели Бунье – богатые люди. А вот кто не богат, кому позарез нужны деньги, кого мучает большое самолюбие от утраченного блеска родовитого семейства, у кого вкус ко всему красивому и изящному, включая Соню... к которой, может быть, в сладких грезах, он мечтал сделать решительный шаг, когда разбогатеет, – так это Жерар. Пока что, согласитесь, он робко крутится вокруг нее, как собака, которую прикармливают, но в дом не пускают... Ведь Соне нужна респектабельная жизнь, это достаточно очевидно, и у того, у кого нет средств на эту жизнь, нет и шансов заполучить Соню... А тут такой план! Богатство приобретается, муж убирается, доступ к Соне открывается – простенько и со вкусом... Да что я вам, собственно, объясняю! Вы сами недавно развивали передо мной схожую мысль.

Бог мой, как он прав насчет Сони! Дорогая вещица, приобрести которую не каждый может – «у кого нет средств на эту жизнь, нет и шансов заполучить Соню»... Именно так. И у Максима этих средств нет. Как нет и желания приобрести себе женщину. Это за пределами его понятия, его старомодного понятия, которое что-то там еще лепечет насчет слова «любовь»...

– Однако же вы мне тогда не поверили, – ответил рассеянно Максим, с трудом отвлекаясь от своих мыслей.

– Не то чтобы не поверил... Я ведь и сам о нем не раз думал. Просто у меня было чувство, что Жерар тут ни при чем.

– А теперь?

– Я чувствую не всегда доверяю. Особенно, когда появляются логические основания для подозрений.

– В виде драгоценностей? Вы, случаем, не их собираетесь искать в доме у Жерара?

– Я собираюсь искать не в доме. В гараже.

– Хотите осмотреть машину?

– Полиция пока не нашла ни такси, ни арендованную машину, которая могла бы послужить средством для перевозки тела Арно. Это означает, что у нас весьма существенный шанс, что преступник сделал это на своей машине. Вопрос лишь в том, кто он такой, – а там и машина найдется. Но можно и наоборот: сначала найти машину...

Они уже въехали в пригород, в тихие и зеленые «резидентальные» – или, по-русски, жилые «спальные» районы. Улочки были невероятно чисты, дорожные разметки опрятно светились под колесами, ровный розоватый свет освещал малейшие тропинки и закутки. Тишина и пустота были всепоглощающими. С тех пор, как они выехали из Парижа в дорогие западные пригороды, им не встретился ни один пешеход. Окна были закрыты ставнями, сквозь которые изредка пробивались слабые лучи света. Казалось, что здесь никто не живет и вся эта чистота и красота – ни для кого, просто так, декорации к фильму.

«Идеальная ситуация для преступления, – подумал Максим. – Свидетелей при всем желании не найдешь».

Реми сверился с картой, сделал еще два поворота и тихо притормозил.

– Во-он дом Жерара, видите? Я туда иду.

– А я?

– Оставайтесь в машине. Я беру с собой портативный телефон, у вас в машине остается еще один. Если что – вы мне звоните и предупреждаете.

– И ради этого вы меня потащили с собой? Взяли бы своего помощника! Так нечестно.

Реми с сомнением посмотрел на него. Максим был, признаться, прав. Реми-то его позвал из самых лучших намерений – хотелось развеять захандрившего русского и отвлечь его от Сони, от милой прелестной Сони, от которой у этого парня явно голова шла кругом и который так же явно не понимал, что французская женщина хотя ничего и не имеет против чувств, но это потом, а сначала – счет в банке...

Однако идея оставить Максима в машине была действительно малоразвлекательной. Реми смотрел на русского, соображая. А что, если и вправду кто-то заметит постороннее присутствие в доме и вызовет полицию? В машине Максим в безопасности. Но русский смотрел на него так обиженно, что детектив не выдержал и сдался.

– Ладно, вылезайте.

Они тихо перебрались через ограду, и Реми первым делом обошел дом, изучая, на случай надобности, пути отступления. Затем Реми вытащил из недр своей куртки отмычку и вставил ее в замок.

– Это ведь дверь дома, а не гаража, – прошептал Максим.

– Из дома проще попасть в гараж, чем с улицы, – так же тихо ответил ему детектив. – К тому же двери гаражей обычно грохочут невероятно.

Реми пробовал уже шестую отмычку, Максим внимательно оглядывался, не открылись ли где ставни или дверь, не заинтересовался ли кто двумя черными силуэтами на крыльце соседа. Но нет, стояла тишина, напротив едва светилось сквозь ставни окно, из которого пробивался звук работающего телевизора, а соседней с боков практически не было видно за деревьями и живыми изгородями.

Дверь наконец поддалась. Они беззвучно вошли и так же беззвучно прикрыли ее за собой. Реми уверенно направился в сторону кухни.

– Вы здесь уже были раньше? – прошептал Максим.

– Нет, – ответил ему в полный голос детектив. – Можете не шептать, здесь нас никто не услышит. Я тут не был, но практически во всех французских домах дверь в гараж расположена возле или напротив кухни.

Он был прав. Найдя дверь в гараж, Реми спустился по лестнице, светя под ноги фонариком. В гараже стояла одна машина.

– Повезло, – сказал Реми. – Они ушли пешком.

– А я об этом вообще не подумал, – удивился Максим. – Они разве рядом живут?

– Пять минут ходу. Вы не узнали городок, в котором живут Пьер и Соня?

– Нет, – признался Максим. – Они все так похожи. Все красивые, все ухоженные, и все похожи. А чего же тогда вы опасались, если тут пять минут ходу?

– Вы французов не знаете. Некоторые и сто метров не способны пройти, все норовят на машине проехать, а потом паркуются в три раза дольше...

Внимательно осмотрев все углы гаража, Реми аккуратно открыл машину и, подкрутив что-то в своем фонаре так, что тот вспыхнул мощным лучом, стал тщательно высвечивать ее нутро. Максим ждал, не зная, чем помочь.

– Возьмите перчатки и загляните пока в багажник, – сказал ему Реми, – нет ли там чего интересного.

Максим надел протянутые ему резиновые перчатки и откинул крышку. Реми подошел со своим фонарем, и они оба склонились над дном багажника. Но ни пятен, ни каких-то предметов, которые могли бы указать на присутствие в машине тела Арно, они не нашли. Реми засосал немножко пыли малюсеньким пылесосиком из салона и из багажника, счистил немного грязи с колес в пакетик и аккуратно закрыл машину.

Они вышли тем же путем, перелезли через ограду и через минуту уже сидели в машине детектива.

– Ну что? – спросил Максим.

Реми барабанил пальцами по рулю.

– Поехали! – наконец скомандовал он. – Следующим пунктом нашего назначения будет Маргерит. Может, повезет, и она тоже ушла пешком...

– Маргерит тоже рядом живет? – удивился Максим.

– Чуть дальше, минутах в десяти. Знаете, люди этого сословия выбирают одни и те же места для жительства... Но учитывая, что это все-таки десять, а не пять минут, и что она одинокая женщина, шансов у нас мало. Но попытаемся! В крайнем случае найдем ее машину возле Сониного дома...

– Только я не понял, почему Маргерит?

– По порядку, – лаконично ответил детектив.

Процедура была примерно такой же. Перелезли через ограду, подобрали отмычку, правда, на этот раз Реми нашарил на стенке и ловко отключил сигнализацию. Открывая гаражную дверь, они что-то задели, и оно со страшным грохотом обрушилось на каменный пол, треснув Максима по ноге. Оказалось, это швабра. Приставив ее аккуратно к стенке, они стали спускаться в черноту гаража, светя себе под ноги фонариком.

Машина была в гараже. Реми направил на нее луч, поводил и присвистнул:

– Белот и ребелот[16]!

– Что такое?

– Смотрите, Максим, смотрите на нее! – и Реми медленно провел ярким лучом по машине.

Перед ними стоял серый «Пежо».

– Это что, тот самый?! – изумился Максим.

– Это лучше вас спросить. Не узнаете?

Максим подошел поближе, обошел, зачем-то потрогал машину. Реми немедленно подскочил и вытер то место, до которого дотронулся Максим.

– Вы с ума сошли! – зашипел он. – Наденьте немедленно перчатки!

Максим послушно надел. Зашел машине в лоб и поглядел ей в морду.

– Она, – сказал он, и его кожа покрылась мурашками.

Реми потянул дверцу, шумно причавкнувшую при открывании. Машина была старой, сиденья и коврики – потертыми, в многочисленных пятнах. Обойдя машину, они открыли багажник. Там валялись какие-то пакеты, плед, пустая корзинка. Реми осторожно сдвинул вещи в сторону.

– Она, – сказал он, уперевшись лучом в дно багажника.

На сером фетровом дне багажника темнело большое черное пятно.

– Все так просто, – сказал, качая головой, Максим. – Ночью в квартиру Арно приходила женщина. Сбить меня на машине пыталась женщина. Почему мы сразу не искали просто женщину? Одну из женщин, по крайней мере, которые крутятся вокруг этого дома.

– Соня – тоже женщина, – ответил Реми назидательно.

– Ну это же ясно, что Соня тут ни при чем... А Маргерит детективы любит.

– Вы тоже, кстати, – пробормотал озабоченный Реми.

Достав из глубин своей одежды какую-то пробирочку, пипеточку, шприц – все это по размерам напоминало набор «Кукольный доктор», – Реми начал капать чем-то на пятно, нюхать, вглядываться, затягивать в свой шприц капли раствора. Максим светил ему фонарем.

– Не понимаю, – говорил он негромко в согнутую спину оживленно копавшегося в машине Реми. – У Маргерит, дамы с аристократическими претензиями, – такая неприглядная тачка?

– Светите получше, Максим, вот сюда... Это не ее машина.

– Как это? – фонарь прыгнул в руке Максима.

– Вот сюда, пожалуйста, – Реми навел фонарь Максима на необходимое ему место. – У нее

прекрасная «Лагуна», выпуска прошлого года, на которой она и уехала к Соне. Возможно, это ее старая машина... Хотя она даже на старую машину для Маргерит не тянет... Или чья-то чужая... Я наведу справки.

Реми распрямылся и подставил под луч фонаря запястье левой руки с часами.

– Пора нам уходить, Максим. Уже одиннадцатый час. Маргерит обычно допоздна не засиживается.

Они вышли. Последние лучики, пробивавшиеся сквозь ставни соседских домов, погасли. Стояла тишина, ровно сияли фонари, и, бледные в их свете, проглядывали сквозь небесную темноту над ними редкие звезды.

– Кофе хочется, – сказал Реми. – Может, заедем куда-нибудь?

– К Соне? Еще не поздно, она нас ждет, наверное.

Соня поглядывала на часы. Ни детектив, ни Максим не давали о себе знать. Она попробовала украдкой им позвонить, но ни один из телефонов не ответил.

Разговор с ее гостями сегодня не клеился. Все, вроде как из деликатности, избегали темы убийства ее отца и ареста ее мужа. Наверняка им очень хотелось поговорить об этом, но никто не смел начать, а другие темы находились с трудом, провисали, отдавали фальшью. Завести этот разговор следовало бы Соне, дав, таким образом, индульгенцию друзьям. Но Соня молчала. Ей казалось, что арест Пьера убедил их в его виновности. Она не обижалась: понимала, что полиция вызывает доверие, если уж они там так считают, то, должно быть, есть из-за чего... Обычная человеческая психология. Что она могла ей противопоставить? Свое «не верю»?

Она была убеждена, что у Реми что-то есть более весомое, и хотела бы, чтобы детектив произнес самолично: «Это не Пьер!» И выложил факты перед присутствующими.

Но Реми не появлялся. Максим тоже. Впрочем, он, кажется, избегает ее последнее время...

Разговор вяло скользил с предмета на предмет. Единственная за весь вечер живая тема – возникновение Мадлен в качестве Сониной сестры и дочери знаменитого Арно Дора – была уже обсуждена со всех сторон. И теперь Маргерит рассуждала о достоинствах и традициях настоящей французской аристократии, Мишель-муж иронизировал и явно подсмеивался над ней, утверждая, что Франция достигла высокого уровня развития благодаря буржуазии; Мишель-жена пыталась примирить обе точки зрения; Жерар изредка и несколько натужно вставлял замечания, самолюбиво взглядывая каждый раз на Соню, словно желая услышать ее похвалу своим высказываниям («Бог мой, – думала Соня, – ведь с ним даже просто на людях показываться стыдно. Какой он убогий, и как я раньше этого не замечала...»), Этьен, как всегда, в разговоры старших почти не встревал, уткнувшись в какой-то журнал, изредка бросая внимательные взгляды на остальных. Это позволяло ему преодолеть свою застенчивость и найти независимую манеру держать себя в окружении взрослых.

Соня нервно готовила кофе. Мишель оторвалась от своих собеседников и подошла помочь ей.

– Что ты, Сонечка? – она положила руку на плечо Соне.

– Я не могу больше, – сказала ей отчаянно Соня. – Я не выдержу...

Зазвонил наконец телефон. Реми рассыпался в извинениях. Он не сможет приехать. О Максиме не было сказано ни слова. Спросить Соня постеснялась.

Где он? Почему он ее бросил одну в трудную минуту?!

Когда она положила трубку, в ее глазах стояли слезы. Мишель гладила ее по плечу. Лица остальных выражали сочувствие.

– Ему, наверное, нечего сказать, – предположил Жерар, – вот он и избегает приходить сюда.

– Я знаю, ты думаешь, что это Пьер! – воскликнула Соня.

– Я не думаю, это полиция так думает. Им виднее, – пожал плечами Жерар. – Ты не хочешь верить...

– Ну зачем вы так, – вмешался Мишель-муж. – Пьер задержан по подозрению. Ему еще даже обвинение не предъявили. У нас, знаете ли, презумпция невиновности. Пока суд не установит его вину – он невиновен.

– Это будет не так просто доказать, – сказала Маргерит. – Вещественные доказательства... То есть я не хочу сказать, что я действительно думаю, что это Пьер, – спохватилась она, – просто... Будем надеяться, что ваш детектив, как его, Реми, сумеет найти какие-то факты, опровергающие...

– Пьер невиновен, – твердо сказала Соня.

Сочувствие в лицах возросло. Маргерит смотрела на нее, как на маленькую девочку, которая несет чушь. Соня вдруг, впервые за все время их знакомства, соотнесла ее высказывания по поводу аристократии и буржуазии на свой счет. На свой счет и на счет Пьера – их брак в глазах Маргерит должен был быть чем-то вроде недопустимого мезальянса: ведь Пьер и был той самой буржуазией, которую так не любила Маргерит, тогда как Соня вела свое происхождение от дворянского рода... «Я сейчас сойду с ума, – подумала Соня. – И эта скучающая женщина постоянно пользуется нашим гостеприимством, презирая нас обоих в глубине души?.. Как я могла этого не понимать раньше?»

– Пьер не виноват, – повторила она с напором.

Маргерит с жалостливым сомнением подняла брови.

– Я это *знаю*, – с вызовом добавила Соня.

Рука Мишель, поглаживающая Сонино плечо, замерла. Ее муж заинтересованно устремил на Соню свои ярко-синие глаза, Этьен оторвал глаза от книжки и уставился на нее удивленно, Жерар недоверчиво махнул своими пушистыми, загнутыми кверху ресницами...

– В саду, тогда, ночью, помните? Это был не он! Мне кажется... – Соня сделала значительную паузу. – Мне кажется, что я узнала этого человека... Он был ниже Пьера... И нос! Нос не такой, – она немного замялась, не желая сказать «длинный», – не такой, как у Пьера... Я будто вижу его лицо...

– И кто это? – нетерпеливо спросил Мишель.

Соня изо всех сил пыталась придать вескости своему голосу:

– Это *не Пьер*.

Раздался чей-то скептический выдох.

– То есть ты не знаешь, – сухо подытожила Маргерит.

– Ну зачем вы, в самом деле, так, – зашумел приятный баритон Мишеля. – Вы видите, Соня и без того не в себе. Немного такта, мадам аристократка, или в вашей среде не принято учить хорошим манерам?

Маргерит зло глянула на него. Мишель все еще обнимала Соню. Жерар подошел к своему сыну и стал отрешенно разглядывать журнал, лежавший на коленях у молодого человека.

Соня высвободилась из объятий Мишель.

– Я этого человека *узнаю*, – она вызывающе посмотрела на Маргерит. – Стоит мне закрыть глаза – я вижу это лицо! Оно начинает расплываться, но я его удерживаю в своем воображении, вглядываюсь... – Она обвела глазами своих гостей, задерживаясь на каждом лице взглядом требовательным и

многозначительным. – Еще немного – и я его узнаю! Я его уже *почти узнала* !

И Соня повернулась спиной к своим гостям, едва сдерживая слезы.

Мишель пошептала со своим мужем и обратилась к остальным вполголоса:

– Сами видите... Ей надо отдохнуть... Вы же понимаете... Да-да, мы побудем с ней... Ей надо принять снотворное... Нервы, конечно... В такой ситуации...

Гости потянулись к выходу. Соня слабо кивнула на прощание всем сразу, никого не поцеловав и не пожав рук, как это делалось обычно. Закрыв за ними дверь, Мишель взялась наводить порядок в гостиной. Ее муж терпеливо ждал, перелистывая журналы в кресле.

– Оставь, Мишель, оставь все! Завтра придет бонна и все уберет, – сказала Соня, глотая слезы. Ее была дрожь.

– Хорошо-хорошо, все оставлю, не волнуйся, моя дорогая. Пойдем, я тебе помогу.

Соня позволила Мишель отвести себя в спальню, послушно умылась, выпила снотворное и улеглась в постель.

Засыпая, она думала о том, что лучше бы не просыпаться.

В крайнем случае, открыв глаза, увидеть Максима.

Или Пьера.

Да, Пьера.

Никого, кроме него.

Глава 29

– По-моему, Соня расстроилась, что я не приеду. – Реми положил трубку телефона на место. – О вас, Максим, я намеренно не стал ничего говорить, не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что вы со мной...

– Почему вы не захотели ехать к Соне, я не понимаю? – несколько раздраженно спросил Максим.

– Рано еще.

– В одиннадцатом часу вечера?

– Рано в том смысле, что встречаться с ними со всеми пока преждевременно. Вы, кажется, забыли, что мы с вами только что обнаружили и машину, и следы крови в ней... И с чем, по-вашему, мы должны были туда идти? Делать светский вид и вести пустые разговоры? У меня лично на это времени нет, мне еще многое обдумать надо. Или прийти и выложить при всех, что мы подозреваем Маргерит? Но, мой дорогой Максим, надо сначала провести анализы, надо иметь доказательства! Это, конечно, кровь, но... А вдруг она просто перевозила сумку с мясом, которое протекло? Нет, мне там делать нечего. Идите, если хотите, вы ведь можете позвонить Соне сами по себе... Только никому ничего не говорите о наших находках. А я выпью где-нибудь кофе и попробую провести некоторые анализы у себя. В любом случае окончательные выводы можно будет делать только после экспертиз криминальной лаборатории...

– Вы правы, – сказал Максим. – Я с вами, можно?

– Да, конечно. Мы можем выпить кофе у меня. Только насчет съестного я не уверен.

Максим уже достаточно хорошо знал Реми, чтобы не задумываясь предложить ему:

– Давайте так: вы едете делать анализы к себе, а я еду к себе...

В глазах детектива появилось разочарование.

– ...где за это время попытаюсь восстановить в правах утраченное во Франции понятие ужина...

Реми стал расплываться, довольный.

– ...и вы подъедете ко мне, когда закончите. Идет?

...Соне снился поцелуй. Тот долгий и тот единственный, который был у них с Максимом. Поцелуй бесконечный и бесконечно нежный, наполняющий все ее тело и все ее сознание так, что все остальное, все то, что было не-поцелуй и не-Максим, уплывало, отступало, таяло и опадало вокруг нее, меркли звуки, образы и свет, и она погружалась в ночь, долгую и нежную, как их поцелуй.

...Но растворилась тихо дверь, восстановились в правах звуки и образы, и это был звук голоса Пьера и образ Пьера; он смотрел на нее с жгучим укором и говорил что-то жесткое и хлесткое; но он был не прав и он не имел права! Соня хотела ему возразить, она пыталась ему это объяснить, но ее рот был запечатан поцелуем, и она не смогла ничего сказать, ничего, только смотрела отчаянными глазами, как закрывалась за Пьером дверь...

«Я сплю, – мелькнуло в ее сознании, затуманенном сновидением. – Это сон. Слава богу...»

В ожидании детектива Максим налил себе водки. «Она еще не легла, – думал он, – еще, может быть, гости не разошлись... Мне следовало бы ей позвонить. Еще не поздно позвонить. То есть уже поздно, но она вряд ли спит... Это неприлично, но мы же не чужие... Я знаю, она меня ждала. Ей плохо... Я ей нужен...» Он добавил себе водки и снова уселся перед телефоном, колеблясь.

«Она ждет моего звонка, я знаю, я ей нужен!» – выиграл Максим борьбу с самим собой и набрал Сонин номер.

Телефон довольно долго не отвечал. Наконец в трубке раздался сонный и ленивый, хриловатый голос: «Алло?»

– Соня, это ты?

– Да, я... – враспяжку произнесла Соня.

– Это Максим...

– Я слышу.

– Как ты? – Максим растерялся. Он рассчитывал на другой прием.

– Устала.

– Может... Может, мне приехать?

– Я сплю... Я снотворное выпила... ты извини... так хочется спать... – Соня зевнула в трубку.

– Да, конечно, – поспешно и холодно ответил Максим.

– Как-нибудь в другой раз, – пробормотала Соня и повесила трубку.

Максим налил себе еще водки.

...Соне снилось, что звонил телефон. По-змеиному извиваясь, звонок вползал в ее сон и вился, обвиваясь вокруг нее, как объятия Максима... Она было хотела уже потянуться к телефону, но Максим не пускал ее. Наконец кто-то снял трубку, и телефон перестал трезвонить. «А-а, это Пьер», – подумала она и обрадовалась, что он вернулся.

«Алло?» – сказал Пьер почему-то ее, Сониным, голосом. «Да, это я... Я слышу... Я сплю...» – отвечал ее собственный голос.

Она действительно спала и ничему не удивлялась.

Во втором часу ночи Максим понял, что он уже не хочет ни кофе, ни незатейливого ужина собственного изготовления, сиротливо стоявшего на столе в ожидании Реми. Единственное, чего он хотел, – это лечь спать. Не выдержав, он набрал номер Реми, но телефон не ответил. Максим взял один из бутербродов и сделал себе чашку растворимого кофе – для приготовления настоящего кофе он поджидал детектива.

Сонливую тишину взбудоражил телефонный звонок.

– Я из машины звоню. Я еду к вам, ничего, не поздно?

Ну раз из машины, раз уж едет... Тогда, конечно, не поздно.

Через пятнадцать минут Максим услышал звук раскрывающихся дверей лифта. Реми, необычайно серьезный, вошел в квартиру без лишних приветствий и направился прямо к столу на кухне. Затем вернулся в прихожую, снял куртку, после чего уже устроился за столом окончательно. Максим наблюдал за ним, не приставая с вопросами.

– Это мне? – спросил Реми, указывая на тарелку.

– Да. – Максиму уже есть не хотелось. – И за вами приготовление кофе.

Детектив кивнул с набитым ртом. Максим ждал. Но Реми, казалось, был полностью погружен в свои мысли и в поедание бутерброда. Наконец он встал, еще дожевывая, наполнил кофеварку и повернулся к Максиму.

– Хоть убейте меня, а вот не могу поверить, что это она.

– Неплохо для первой фразы, – кивнул Максим. – И, что хорошо, понятно очень.

Реми посмотрел на него озабоченно.

– Она богата и уважаема...

– Маргерит?

Реми вздохнул.

– Маргерит... Машина-то – та самая. Насколько позволяют судить мои исследования – она. Все сходится – и грязь, и кровь...

– Это ее машина, на ваш взгляд?

– Не знаю. Придется подождать утра, будем все это выяснять с полицией. Я предполагаю, что это старая машина ее покойного мужа... Посмотрим, что покажет их экспертиза, но хотелось бы мне понять, что происходит! Ну не может быть, чтобы это была Маргерит!

– Почему?

– Она богата, уважаема...

– Вы это уже говорили.

– ...Она неловкая, она несуразная какая-то... Вы вот, например, видите ее в роли убийцы, убийцы расчетливого и при этом с воображением?

– Я ее недостаточно знаю, чтобы судить. Она детективы любит – может, просто начиталась?

– Она их не только любит, она их даже пишет втайне от всех...

– Тем более.

– Проблема в том, что – хоть убейте меня – не идет Маргерит эта роль, не идет! Как платье, которое на нее не налезает. Драгоценности – конечно, мотив хорошенький, и все же этого мало, мало... Для нее, с ее претензиями и с ее ограниченностью, подобное преступление чересчур хитро и чересчур жестоко. И грязно. Завтра, конечно, полиция вплотную займется алиби всей этой компании, и Маргерит в том числе... Кроме того, она вряд ли пользуется этой машиной. Кому бы она ни принадлежала – Маргерит не стала бы водить эту развалину. Только чтобы дверцу открыть – нужно немало сил приложить... Я не представляю Маргерит, развивающую на этой машине достаточную скорость, чтобы вас сбить!

– Но кто тогда мог воспользоваться ее «Пежо»? И, если это не ее машина, почему она стоит в гараже Маргерит?

– Хотел бы я знать.

– У нее есть сын... Помните, Реми, он в Америке учится? Может, он сейчас здесь, во Франции? Может, это его рук дело?

– Не годится, – покачал Реми головой. – Для осуществления этой цепочки – попытка кражи, наезд на вас, убийство Арно, кинжал из коллекции Пьера, машина Арно возле дома Ксавье – для всего этого нужно очень неплохо ориентироваться в семейных делах и вообще на местности. А ее сын, если даже и приехал, никак не сумел бы за короткое время все это организовать!

– Однако вы предположили сегодня, что автором всех этих преступлений мог оказаться графский потомок! Но ведь он тоже не вхож ни в этот круг, ни в семью, ни в дом Пьера! Как он, по-вашему...

– Теоретически некий потомок того или иного пола, живя во Франции и, может быть, в Париже, располагал достаточным временем, чтобы выследить и все разузнать об этих людях – и об Арно Доре, и о Ксавье, и о Пьере Мишле... Но это, конечно, работа та еще! Потому-то я и отложил потомков на завтра, а сегодня решил все-таки покопаться в ближнем кругу...

– Ну, мы все-таки накопили кое-что: «Пежо», – утешил его Максим.

– Но не убийцу.

– А может, все-таки Маргерит? Ведь у нас достаточно оснований, чтобы считать, что действовала женщина.

– Мало у нас оснований на самом деле... – вздохнул Реми. – Ну, явилась к вам некая женщина, за рулем машины была женщина, а в саду вы кого видели? Мужчину!

– Она могла просто одеться в брюки, в конце концов!

– И мужчина мог переодеться в женщину... – возразил Реми.

– Под женщину мог с легкостью Жерар поддаться. У него во внешности есть что-то женственное. Реснички, глазки, кудрявенький такой...

Реми усмехнулся, почувствовав неприязнь Максима.

– Это вы верно заметили, что-то есть. Только машина стоит в гараже у Маргерит. Хотя мотивов у Жерара куда больше, прямо скажем...

– Я вам давно говорил.

– Да помню я, помню, что вы говорили... Только что-то и тут не сходится. Вроде в точку, а ощущение, что мимо.

– Почему же? У него не только мотивов, у него ума и воображения больше. И большого самолюбия. – Максим вспомнил ревнивые взгляды, сопровождавшие каждый Сонин жест. – Он мог переодеться в женщину, он мог от моего имени позвонить Соне, изменив свой обычный голос и добавив акцент, а от имени Сони... Ну, например, мог своего сыночка попросить подыскать ему способных студентов в актерском училище...

Реми смотрел на Максима во все глаза.

– ...или даже его самого попросить подделать Сонин голос... Нам ведь ничего не известно о талантах этого мальчика, – продолжал Максим, – а машину Жерар мог попросить под каким-то предлогом у Маргерит, тем более что...

Не закончив фразу, Максим уставился на детектива. Реми медленно поднимался из-за стола. Вид его был странен.

Они на мгновение замерли, глядя друг на друга.

– Он! – обронил Реми, кидаясь в прихожую к своей куртке.

– Боже мой! Боже мой! – догонял его Максим, покрываясь мурашками. – Я... Как же я сразу...

Внезапно он схватил детектива за рукав и, бледнея, выкрикнул:

– Реми! Он сейчас там! У Сони! Это я с ним разговаривал!

Это тот самый голос!

Не сговариваясь они ринулись к телефону.

Сонин телефон не отвечал, и автоответчик был отключен.

Они долго слушали гудки.

Безрезультатно.

Глава 30

...Пьер ушел, а поцелуй все длился и длился, и ей уже хотелось вырваться из его плена, ей хотелось позвать Пьера, чтобы он не уходил; но губы ее были в чужой власти, и она не могла ни вырваться, ни сказать Максиму, что все, достаточно, хватит! Она протестующе пошевелилась, она хотела оттолкнуть Максима, но тело не слушалось, как бывает во сне, и она не сумела сделать ни одного движения. Максим успокаивающим жестом положил свои руки на нее, и она замерла в ожидании. Его руки проникли под ее тонкую рубашку, коснулись сонной, горячей кожи и медленно заскользили... По ее животу... Вверх... Ее маленькие груди утонули в мужских ладонях, и две нежные округлости затрепетали, ожили, как два разбуженных зверька, и заторчали розовыми мордочками сосков, слепо тычась в накрывавшие их ладони... И вдруг их вобрал, проглотил, всосал в себя его горячий рот – хотя Сонины губы все еще были по-прежнему запечатаны его поцелуем, – и ей казалось, что у него несколько ртов, прикивших одновременно к ее телу, и несколько пар рук, гладящих, нажимающих, обнимающих, скользящих по ее коже вниз, по гладкому животу, к лону, к темной шелковистой шерсти...

Ночь вспыхнула огненными спиралями, которые возникали из черного пространства и остро вонзались в нее, в центр живота, прямо в маленькую ямку пупка; и эта маленькая чашечка, этот крошечный котелок варил-кипятил колдовское хмельное зелье, сладостно растекавшееся по всему ее телу, растворяя и расплавляя его. У ее тела не было больше границ; они слились и стали одной черной, бесконечной и могучей энергией, пронизанной огненными токами, – она и древняя, как мир, ночь. Соня задохнулась от желания. Она горела и металась, желая одновременно прогнать Максима и продлить невыносимое наслаждение, она выгибалась, она закидывала голову, она не могла больше дышать...

Она открыла глаза, затуманенно всматриваясь в непроглядную темноту. «Боже мой, я сплю! – подумала она, все еще тяжело дыша. – Какой сон!»

И даже когда в темноте черно очертилась мужская голова, настороженно приподнявшаяся над ее телом, ей все еще казалось, что она спит...

– Максим! – немо выдохнула Соня. Губы ее не слушались.

Голова медленно наплыла, приблизилась, нависла над ее лицом.

Соня с ужасом вгляделась. На голове была черная маска с прорезями для глаз и для рта, для плотоядного рта, только что, словно добычу, выпустившего из горячих влажных губ ее грудь.

Это был не сон.

Это был не Максим.

Соня закричала. Но крика не было, раздалось лишь слабое мычание. Ее рот был чем-то заклеен.

Человек наклонился поближе к ее лицу и сказал: «Тс-с-с». И приложил палец к ее заклеенным губам.

Оттолкнуть, вскочить, бежать!

Соня дернулась. И поняла, что связана. Ее руки были привязаны к изголовью кровати, ее ноги были связаны между собой.

Бессильно и беззвучно содрогнувшись, она была вынуждена затихнуть под руками, повелительно прижавшими ее к постели.

Вглядываясь в ее лицо, искаженное ужасом, человек с наслаждением завел свои руки под ее спину... медленно, очень медленно руки подобрались под ее ягодицы, переминая нежную плоть, словно он хотел отметить знаком своей собственности каждую клеточку ее тела... И вдруг эти руки потянули ее бедра вверх.

Медленно, очень медленно.

К черному лицу, к плотоядному рту.

«Хорошо, что у меня ноги связаны», – мелькнула среди хаоса, царившего в Сониной голове, трезвая мысль, когда оглушительно взорвался телефон. Они оба вздрогнули от неожиданности. Черный силуэт распрямился, выпустив Сонино тело из рук, встал и беззвучно завис над трезвонящим аппаратом, выжидая, пока он замолкнет. Телефон звонил долго и настойчиво, но наконец затих, а вместе с ним и неясные Сонины надежды на избавление. Черный силуэт еще постоял немного, словно размышляя, затем повернулся к ней, наклонился, и она едва успела взглянуть в три круглых дыры на черной маске, стараясь его узнать, как что-то легло ей на глаза и она поняла, что ей их завязывают.

Она почувствовала, как человек опустил, натянул ее ночную рубашку, задранную почти до горла, оправил, укрыл ее одеялом и подоткнул его вокруг ее тела, как вокруг ребенка. Затем веревка, связывающая ее руки, немного ослабила свое натяжение, и она поняла, что больше они не привязаны к кровати. Обрадовавшись, Соня хотела уже опустить два все еще соединенных путами кулачка на спину незнакомца, обвивавшего ее тело, как вдруг она резко взлетела и оказалась у него на плече.

Он ее понес, придерживая одеяло, которое ухватил с постели вместе с ней. Его плечо больно давило Соне в живот. Они сошли по лестнице вниз, потом в гараж, высчитывала ничего не видящая Соня, затем она услышала, как щелкнул замок дверцы, и она оказалась лежащей на заднем сиденье машины. Ее собственной машины – она узнала ее по смешанному запаху дорогой кожи и своих духов. Заурчал мотор, прошелестела гаражная дверь, и машина тронулась.

Они ехали долго. Очень долго, бесконечно долго. Соня не знала, куда. Она не знала, кто был за рулем и зачем он везет ее куда-то. Она не могла ничего спросить своим заклеенным ртом, а на ее мычания человек просто не обращал внимания. Ей было страшно, ей хотелось плакать, но она не смела; ей хотелось спать, снотворное еще действовало на ее мозг, но она сопротивлялась. Ее сознание лихорадочно искало выход: можно было бы, например, даже со связанными руками открыть дверь и вывалиться из машины на ходу... Но только что дальше? Ни убежать, ни даже встать, просто подняться с земли она не сможет, связанная по рукам и по ногам, с невидящими глазами... Он остановится, выйдет из машины, запихнет ее на сиденье. Смысла нет.

Или вот так: попытаться сесть, на ощупь закинуть свои связанные руки ему на шею и придушить его.

Да! Вот так надо сделать!

Соня оперлась локтем на сиденье, прислушалась, затем резко села и рванулась туда, где, по ее расчетам, должна была находиться голова ее похитителя.

Ее удар пришелся на его плечо, твердое, крепкое мужское плечо, и она больно ушибла об него свои руки. Человек одной рукой – второй он, видимо, держал руль – сграбастал ее кулачки и резко откинул их назад так, что Соня опрокинулась навзничь. Раздался легкий смешок. Совсем легкий, но он показался Соне знакомым... Несильно ударившись головой о мягкую спинку заднего сиденья, Соня тихо сползла, легла, сдерживая сухое, оскорбленное рыдание, рыдание страха и унижения, в котором не было слез, – оказалось, что даже плакать невозможно, когда глаза туго стянуты повязкой. От этого открытия она почувствовала себя еще более униженной и несчастной. Она тихо лежала, и ее мысли застыли, сам ее мозг застыл, и она больше не задавала себе никаких вопросов, а просто ждала, что будет дальше. Даже, засыпая, ждала, и ей казалось, что она не спит...

Когда Соня проснулась, машина уже стояла. Она было подумала, что ей снится дурной сон, но очень быстро вспомнила все, что с ней произошло. Она подивилась, что в подобной ситуации смогла заснуть, пусть даже и под действием снотворного... Еще удивительнее было то, что страха не было. Вернее, страх был, конечно, был, и немалый, и все же меньше, чем она могла бы предполагать; меньше, чем леденящий ужас, с которым она обнаружила могилу своего отца в собственном саду.

Клацнула дверца. Человек вышел из машины. Щелкнула зажигалка, и через минуту до нее долетел запах сигаретного дыма. Соне тоже отчаянно захотелось курить. Но она была лишена даже возможности попросить сигарету... Соня слабо потянула ноздрями воздух, пытаясь определить, кто мог курить такие сигареты, но не смогла. Из ее знакомых вроде бы никто не курил, кроме Маргерит и Максима. И ее самой, разумеется.

Минут десять протекли в полнейшей тишине. Соня начала снова немного забываться, скользя между сном и реальностью... Она вздрогнула, когда открылась задняя дверца. Человек взял ее за ноги и потащил, как сверток. Затем перехватил ее тело, и она снова оказалась у него на плече, безгласная и беспомощная. Одеяло легло на нее сверху, свесившись с ее головы вниз. Какое-то время он молча шагал, и его плечо отдавало при каждом шаге ей в ребра. Тишина вокруг стояла абсолютная, воздух был свеж и холоден, и было очевидно, что они не в городе. Должно быть, вокруг стояла ночь, но Соня полностью потеряла представление о времени и уже ни в чем не была уверена.

Наконец человек остановился. Бережно положил ее на землю. Даже сквозь одеяло земля была холодной, к тому же ее босые ноги уперлись в отвратительно-мокрую траву, но ей это было безразлично. Она прислушивалась к тому, что делал человек.

Какое-то время не происходило ничего. Затем она услышала легкое движение, шум мелких камешков, осыпающихся вниз, словно он куда-то спрыгнул. Затем ее тело на одеяле подтащили еще пару-тройку метров и осторожно сдернули вниз. Она съехала и снова оказалась на руках у человека. Он подержал ее еще с мгновение и усадил на что-то твердое и холодное, заботливо подстелив под нее одеяло. Ее связанные ноги не доставали до пола.

Опять все затихло. Соня не понимала, тут ли ее похититель, или она одна. Но она была не одна: на ее плечи опустились руки. Соня отклонилась. И снова услышала легкий, едва различимый смешок, который показался ей знакомым.

Он дотронулся до нее. Соня опять дернулась. Выдержав паузу, он снова коснулся. Соня поняла, что это игра, которой ее похититель явно наслаждался. И все же она отклонилась, зная, что это бессмысленно... Он снова дотронулся.

Эта игра продолжалась какое-то время, пока ему не надоело. Тогда он поднял двумя руками ее голову и стал ее целовать в подбородок и шею. Шерстяная ткань маски неприятно терлась об ее кожу.

Соня ударила его в живот связанными руками. Человек отстранился, затем схватил ее руки, быстро их развязал и еще быстрее завел их ей за спину, снова завязав крепким узлом. И сразу же впился в ее тело. Его руки начали заворачивать ее рубашку.

Соня согнула колени и изо всех сил оттолкнула ногами мужчину. Кажется, удачно, потому что она услышала звук отлетевшего тела, стукнувшегося обо что-то. Однако не настолько сильно, так как он встал и даже похлопал себя по брюкам, отряхиваясь. Затем наступила тишина. Казалось, он стоит в отдалении от нее, размышляя. Несколько безмолвных мгновений протекли, прежде чем он снова подошел к ней.

И стал развязывать ей глаза.

Тьма обступила ее, крошечная тьма. Было черно, чернее не бывает, и тихо, не бывает тише... С жужжанием всхлопнул огонек зажигалки. Соня зажмурилась от неожиданно яркого пламени. Осторожно приоткрыв глаза, она разглядела мужскую руку, державшую зажигалку. Кроме руки, ничего не было видно – тьма, чернота, пропасть. Щурясь, Соня, как загипнотизированная, смотрела на огонек, который двинулся куда-то в сторону от нее. Высветился дощатый стол, на котором она сидела, подсвечник, стоящий на другом краю стола... Огонек приблизился к фитилю свечи. Свеча загорелась, заливая неярким мерцающим светом место. Это был какой-то подвал с полуосыпавшимися стенами...

– Что, больше не хочешь меня? – раздался знакомый голос. – А ведь только что ты была готова мне отдаться! Правда ведь?

Соня перевела взгляд. Глаза в прорезях смотрели на нее с издевкой. Карие глаза. Знакомые глаза.

Человек занес руку над своей головой, и черная маска поползла вверх...

Глава 31

– Поехали! – скомандовал Реми. – Я предпочитаю прослыть бестактным дураком, чем оказаться в дураках.

Снова ночные парижские пригороды поразили Максима своей пустотой, чистотой и тишиной.

Сонин дом был безмолвен и темен, как, впрочем, и все дома вокруг. Ворота, двери, ставни были закрыты, оберегая сон и покой хозяйки. Перед кнопкой звонка Реми на мгновение засомневался. Он потоптался, поглядел на Максима, тоже неуверенно-смущенного мыслью, что эта сонная тишина вдруг будет нарушена их нахальным звонком... И решительно вдавил палец в кнопку.

В глубине дома разлилась трель. Мужчины вслушивались в то, что происходило внутри дома, – тщательно и тщето. Там не происходило ничего. Ничто не изменилось, не скрипнула дверь, не раздались шаги по лестнице, не раскрылись ставни... Реми снова нажал и держал палец на кнопке на этот раз долго-долго... Когда трезвон утих, они опять прислушались. Но все было по-прежнему.

– Если Соня действительно приняла снотворное... – произнес Максим.

Реми, не ответив, занес ногу на перекладину ворот и через несколько секунд уже был во дворе. Максим, оглянувшись, последовал за ним.

Сладив с дверью, они ступили в тихий дом.

– Вы знаете, где Сонина комната? – прошептал Реми.

– Наверху, – ответил Максим. – Я вас проведу.

Едва дыша, стараясь не скрипнуть, мужчины поднялись наверх. Дверь в Сонину комнату была распахнута настежь.

Реми ворвался в комнату в два скачка, хватаясь за пистолет. Он нашарил у входа выключатель, и комната озарилась мягким розоватым светом.

Там никого не было.

Кровать была пуста и до такой степени странно пуста, что Реми даже не сразу понял, что там отсутствовала не только Соня. Там еще отсутствовало одеяло.

– Господи, – прошептал Максим, – где же Соня? Что это значит?

Детектив вместо ответа направился к изголовью кровати и указал на что-то Максиму. Максим взгляделся. Между резными деревянными колонками, украшавшими изголовье, свисал обрезок веревки.

Они спустились бегом, перепрыгивая через ступени. Максим было направился к выходу, но Реми крикнул ему откуда-то сбоку:

– В гараж!

Спускаясь, Максим едва не столкнулся с уже поднимавшимся детективом.

– Быстрее! – выдохнул тот. – Ее машины нет.

– К Жерару? – спросил Максим, когда они вскочили в машину и рванулись с места так, что машина подпрыгнула.

Ответ не понадобился, так как они со скоростью реактивного самолета уже влетали на улицу, на которой находился дом Жерара.

На этот раз Реми не колебался. Он вжал кнопку звонка и не отпускал до тех пор, пока в интерфоне не раздался обеспокоенный голос: «Кто там?»

– Немедленно откройте, – скомандовал Реми. – Полиция.

В калитке зажужжал зуммер электронного замка. Реми нажал на ручку и влетел во двор. В дверях дома стоял взъерошенный кудрявый Жерар в шелковом халате.

– Где Соня? – взял его за отвороты халата Реми.

– Соня? Почему вы ищете Соню у меня? – Жерар что-то выглядывал за спиной у непрошенных гостей. – А где полиция?

– Следует за нами. Так Соня! Где она?

– Я не знаю, где Соня! Почему вы...

Реми отпустил Жераров халат и шагнул в дом.

– Ваш сын дома?

– Конечно. Он спит. Если вы не разбудили его вашим звонком... В чем, собственно, дело?!

– Позовите Этьена сюда.

– По какому праву...

– Позовите немедленно!

– Хорошо, хорошо...

Жерар повернулся и стал подниматься по лестнице.

– Этьен! Этьен, мой мальчик! – позвал Жерар. – Ты спишь?

Не выдержав, Реми кинулся по ступенькам за хозяином, оттолкнул его, буквально запрыгнул на небольшую площадку и, пока ошеломленный Жерар успел дойти до верха, детектив уже пооткрывал все без разбору двери.

– Где он?!

– Да вот же его комната! – указал налево Жерар.

– *Его там нет.*

– Что вы говорите, не может быть, – недоверчиво пробормотал Карлсон, протискиваясь между Реми и дверным проемом в комнату своего сына. На пороге он остановился с недоумевающим видом.

– А где же он? – обратился Жерар к детективу.

– Я себе задаю тот же вопрос. Ваш сын выходит по ночам? У него есть квартира, студия, место, где он может ночевать? У него есть друзья или девушка, с которой он проводит время по ночам? – забросал его вопросами Реми.

– Н-нет... Я не знаю... В конце концов, объясните мне...

– Включите свет.

Жерар послушно включил. Реми заглянул под кровать, затем распахнул шкаф и стал сбрасывать вещи, валявшиеся в беспорядке на полках, прямо на пол.

– Что вы делаете? – возмутился Жерар. – По какому праву! У вас есть право на обыск?

– Заткнитесь, – бросил ему Реми.

Он нагнулся и вытащил снизу из недр шкафа куртку. Синюю с малиновым. Отвесив ее на руке, Реми посмотрел вопросительно на Максима. Тот побледнел. Другого ответа Реми не понадобилось.

– Извините, – сухо сказал он Жерару, – за беспорядок. Ваша машина на месте?

– Должна быть...

Обеспокоенный, румяный со сна Карлсон суетливо начал спускаться по лестнице, шлепая тапочками. Реми снова обогнал его и скачками помчался вниз. Максим деликатно обогнул ничего не понимающего Жерара и поспешил за детективом. Тот, как и в прошлый раз, уже поднимался ему навстречу из гаража.

– Значит, он пешком дошел до Сони и увез ее на ее машине... Куда?

Подоспел Жерар.

– Вы можете мне объяснить, что происходит?

– Что говорила вчера вечером Соня?

– Соня? А что она должна была...

– Она сказала, что знает преступника? – перебил его Реми.

– Нет... Почему?... Ничего такого... Она только сказала, что уверена, что это не Пьер...

– Жерар, слушайте внимательно и соображайте быстрее: говорила ли Соня, – чеканил каждое слово Реми, – что она узнала преступника?

– Ах да... То есть нет...

– Быстрее, – простонал Реми.

– Она сказала, что может его узнать. Что он был ниже Пьера и нос у него не такой длинный...

Детектив отвернулся от Жерара и посмотрел пристально на Максима.

– Я знаю только одно место, где они могут быть, – произнес он с расстановкой.

– Я тоже, – ответил тот, содрогнувшись.

Они снова выскочили в ночь, оставив обескураженного Жерара на пороге его дома.

...У Сони было такое странное чувство, словно она с самого начала знала, что это Этьен, только по какой-то причуде памяти забыла об этом. Этьен вглядывался в ее глаза, высматривая произведенный эффект. «Я давно догадалась», – хотела она сказать, но не смогла. Ее рот был по-прежнему заклеен.

Словно уловив ее мысль, Этьен взялся за уголок наклейки, больно потянув кожу вокруг рта.

– Можешь теперь кричать сколько угодно, – усмехнулся он. – Здесь тебя никто не услышит. И не найдет.

И он стал отдиравать пластырь. Соне показалось, что вместе с кожей. Она замычала.

– Что? – спросил Этьен. – Больно? – Он снова усмехнулся. – Впрочем, ты права. Лучше я буду говорить один. – Он вновь приклеил отодранный уголок. – Что ты мне можешь сказать? «Это жизнь, малыш», – передразнил он ее. – «Малыш»...

Соня никогда не видела его таким. Мальчик, застенчивый влюбленный паж, бросавший на нее, свою королеву, испепеляющие взгляды, не смея приблизиться... Вот чем был всегда Этьен, вот чем! Но теперь перед ней стоял хладнокровный насильник. Развязная, наглая улыбка бредово бродила по его красиво очерченным губам. Тонкий смуглый нос заострился в свете свечи, в черных азиатских глазах плясали

отблески пламени. Соня смотрела на него в полном изумлении.

Он наслаждался ее взглядом. Он подошел вплотную.

– Жаль все-таки, что твой рот заклеен, я не могу его поцеловать, – интимно сказал он. – Я так давно хочу это сделать... Может, отклеить? Ты не будешь слишком много болтать?

Соня смотрела на него во все глаза, но теперь к ее изумлению примешивалось отвращение. Прочитав ее взгляд, он снова улыбнулся.

– Не-ет, так будет лучше. Обойдемся и без рта. У тебя есть и другие местечки, которые мне нравятся...

Он схватил ее за грудь. Соня снова брыкнулась. Этьен поймал ее связанные ноги, подержал, издевательски улыбаясь, на весу и, слегка разведя их, надел себе, как венок, на шею. Не удержавшись, Соня упала спиной на стол.

– Так-то оно лучше, правда?

Она была теперь полностью в его власти. Его руки захозяйничали на ее теле. Он ласкал ее, так же нежно и умело, как и некоторое время назад, когда ей снился Максим, вглядываясь в смену выражений ее лица, ища отклик своим любовным действиям. Но это был не пригрезившийся ей во сне Максим, это был реальный до ужаса Этьен, и его ласки вызывали в ней только ненависть. Ее связанные за спиной руки больно давили ей в поясницу.

Не найдя ожидаемой реакции, он начал злиться, удвоив свои усилия ее возбудить.

– Не хочешь, значит, – комментировал он, тиская ее на все лады. – Тогда хотела, а теперь не хочешь. Будешь из себя девственницу строить, да? Ханжа! Лицемерка! Русский тебе снился, признавайся? – Он больно ущипнул ее за сосок. – Я заметил, как ты на него смотришь... Твой муженек тебя не удовлетворяет, ты давно хочешь трахаться, я знаю. Что смотришь на меня? Знаю. Я тебя видел. Как ты, пока Пьерчика дома нет, перед зеркалом собой любуешься, как себя оглаживаешь... Ага, заело? Да-да, моя маленькая Соня, я на черешне сидел, с нее хорошо твоя комната видна... Это ты на ночь ставни закрываешь, а днем – все как на сцене. Особенно сейчас, когда темнеет рано и ты зажигаешь свет... Ага, знаешь, о чем я говорю, по твоему лицу вижу, что мы друг друга понимаем! Значит, сама только и думаешь, как бы нормального мужика поиметь, а строишь из себя недотрогу! С папашей моим в невинные игры играешь... Знаешь небось, что он импотент, как и твой муженек? А? Устраивает тебя? Я прекрасно понимаю, что тебя устраивает. Денежки, вот что. Тебя нужно покупать. Ты путана, твое тело денег стоит! Если бы они у меня были, ты бы давно была со мной... А не смотрела бы на меня как на недоноска. Я же тебя каждым взглядом раздевал, каждым взглядом имел! А ты «малыш», тью-тью, сю-сю, будто не догадываешься. Я тебе никогда не верил! Ты все прекрасно понимала, но тебе это щекотало нервы. Признайся! И кое-что пониже, да? Вот здесь.

Его пальцы стали медленно проникать во влажную глубину ее лона, расталкивая, раскачивая его тесные стенки.

– Но я тебя никогда не ревновал к папаше, – продолжал он, вглядываясь в Сонино лицо в надежде разглядеть на нем эффект от своих слов и в особенности действий. – Знаешь, почему? Потому что я знал, что ты не отдаешься. Ты – продаешься! Или, – Этьен коротко хохотнул, – или насилуешься!

И он сопроводил свои слова энергичным действием пальцев, которые втиснулись в нее до самого своего основания.

Соня сделала над собой усилие, чтобы подавить волну возбуждения, которая, еще не утихнув от недавних видений, начала снова захлестывать ее тело. Но Этьен почувствовал ее. Его взгляд смягчился, его руки стали нежнее. Он отпустил ее ноги и навис над ней, распростертой перед ним на столе.

Он прижал свои, еще влажные от Сони, пальцы к лицу, с шумом вдохнув ее запах, и со стоном облизал их.

– Жемчужинка моя, – зашептал он, утыкаясь в ее тело лицом и покрывая его поцелуями, – жемчужинка моя драгоценная! Зачем ты так со мной... Ты же знаешь, что я люблю тебя, знаешь, что ж ты меня мучаешь... – Он поднял на нее свое лицо. На глазах у него стояли слезы. – Ведь это для тебя я это сделал, для тебя... Ты прости меня, ладно? Прости. Я не хотел сделать плохо, я не хотел сделать тебе больно... Мне эти драгоценности понадобились, чтобы заполучить тебя, чтобы купить тебя... Я хотел новую жизнь начать, с тобой...

Соня ничего не понимала из этого бреда. Она и не слушала. Зажмурив глаза, она из последних сил сопротивлялась неуместным, безумным, животным волнам страсти, смешанной с отвращением и ненавистью к этому юнцу.

– Мое сокровище... – он слизывал с ее тела свои слезы, возбужденно подрагивая, целовал и гладил ее, ощущая содрогания Сониного тела под своими руками. – Если бы ты сразу мне дала понять... Если бы ты сделала знак... Ничего бы этого не было... Мы бы с тобой нашли другой способ... Другое решение... Я бы для тебя все сделал, все, я бы тебя на руках носил, девочка моя...

Соне казалось, что она теряет сознание. Ее мысли путались, ее тело жило отдельной от нее, чуждой ей жизнью, против ее воли отвечая на ласки насильника.

Этьен дрожал от слез и от возбуждения. Он навис над ней, глядя мокрыми, черными, преданными и безумными глазами ей в лицо.

– Прости меня, прости, – прошептал он и сорвал пластырь с ее губ, тут же впившись в них своими. Соня почувствовала вкус крови во рту от содранной с пластырем кожи. Она застонала.

Этьен понял этот стон по-своему. Он оторвался от ее рта, его руки на мгновение остановились, затем покинули ее тело, и она услышала звук расстегиваемой «молнии». Соня приподняла голову.

Нет, звук ее не обманул: Этьен расстегивал джинсы. Соня уронила голову на дощатый стол.

– Не надо, Этьен, – хрипло сказала она, удивляясь звуку собственного голоса, столь давно ею не слышанного. – Одумайся! Ты потом об этом пожалеешь. Тебе будет стыдно смотреть мне в глаза. – Она постаралась придать своему голосу строгость.

Этьен посмотрел на нее изумленно. Распрямился. Отодвинулся на шаг.

– Тебе в глаза? – произнес он не сразу. – Нет, Сонечка, – покачал он горестно головой. – Ты ничего не поняла. Мне не будет стыдно смотреть в твои глаза.

Он пошарил у себя в ширинке и снова придвинулся к Соне.

– Потому что я убью тебя.

...В машине Максим слушал, как Реми диктовал полиции направление следования, приметы, номер машины и прочую информацию.

– Вы как думаете... – заговорил он, когда Реми выключил телефон. – Он опасен? Для Сони, я имею в виду...

Детектив прибавил скорость.

– Боюсь, что да. – Реми повернул руль машины так, что Максим решил, что сейчас уж они точно перевернутся. Он умолк, придерживаясь за ручку дверцы. Только бы успеть, только бы успеть...

За окном мелькали силуэты высотных домов, освещенных рекламой, дорожные указатели, фары встречных машин, которых оказалось немало в этот поздний час на кольцевой дороге, опоясывающей Париж.

– Я полный идиот! – нарушил Максим тишину.

– Удивительная наблюдательность. Должно быть, режиссерская.

Максиму было не до шуток.

– Я должен был сразу же догадаться, кому Маргерит давала свою старую машину! Я же заметил, что она неравнодушна к этому негодяю!

Реми покосился на него.

– Да уж чего там... Я тоже хорош. Все выстроил, все сходило в одном действующем лице! Я много раз думал, что не только голоса по телефону, не только «женщина», которая приходила ночью и была за рулем машины, но и «араб», пытавшийся выкрасть столик, – все это переодевания, все это актерство одного и того же человека. Это преступление актера, я это чувствовал, и я его искал... И нашел-таки актера! Хоть и студента – но какой многообещающий талант! Он превосходно сыграл эти роли... Но еще лучше он сыграл роль застенчивого и прилежного юноши с прекрасными манерами... Задумчивого любителя книжек... Как теперь все кажется просто! Кто, как не Этьен, мог взять просмотреть брошенную где-нибудь на диване книгу, которую Арно принес с собой к Соне! Наткнулся на это место о драгоценностях, спрятал книжечку подальше... И юное мечтательное дарование выносило в недрах своего воспаленного воображения криминальную пьесу, распределило в ней роли, воплотило ее... И как! Какие мизансцены, какая изощренная фантазия, браво...

– Надеюсь, что мы успеем к развязке, – мрачно откликнулся Максим, глянув на спидометр. Они ехали под двести при разрешенных ста тридцати, но ему казалось, что дорога заняла невероятно много времени. Еще оставалось проехать довольно большой кусок пути.

– Скорей, – прошептал он, – скорей!

Реми кивнул. Стрелка спидометра перевалила за двести.

...Только сейчас Соня поняла *все*, только сейчас! Она поняла и *где* она находилась, она поняла и *кто* перед ней находился. Господи, как же так, как же она не догадалась сразу, это же было так ясно! И вот теперь ее собирается изнасиловать и убить убийца ее отца в том же самом месте, где он убил ее отца!

Эта мысль была так невыносима, что Соня непроизвольно замотала головой. И поймала на себе внимательный взгляд убийцы.

Нужно было срочно, срочно, срочно что-то придумать!

– Подожди, – сказала она по возможности задушевно, с отвращением глядя на надвигающийся на нее тонкий и длинный, с большой лиловой головкой член, торчавший из расстегнутой ширинки, как поганка. – Мне так неудобно...

Пока речь шла о половом акте, лихорадочно рассуждала Соня. Не об убийстве – пока. И поэтому *пока* он должен с ней посчитаться... если она даст ему понять, что намерена получить удовольствие вместе с ним.

Он остановился. Смотрел вопросительно.

– Мне руки давят в спину, – сказала она жалобно.

Он колебался.

– Мне больно... – Она посмотрела на него своими медовыми глазами.

– Я не могу тебе их развязать.

– Свяжи спереди... Если ты боишься.

Соня не знала, что она может выгадать таким образом, но по меньшей мере она выгадывала время.

Этьен решился и стал развязывать ей руки. Она торопливо соображала, пытаясь сопоставить детали, которые плохо усвоил ее заторможенный снотворным мозг. Снился ли ей Максим? Или действительно он был с ней? Нет, конечно, снился. Рядом на самом деле был Этьен, и губы ее были запечатаны не поцелуем Максима, а куском клейкой ленты...

Так, а Пьер? Тоже сон. Пьер в тюрьме.

Были еще звонки... Кто звонил? Кто отвечал по телефону? Она помнит звуки своего собственного голоса... Но с кем она говорила? Странно, она не может вспомнить... Или ей приснился этот звонок? Нет, она слышала... Все очень просто: Этьен. Он – убийца ее отца... и, значит, автор розыгрышей по телефону... И это он ответил вместо Сони, подделав ее голос... Да уж, действительно «способный мальчик», не зря она его хвалила... Но кто же звонил?

А кто мог звонить? Максим. Только русский мог решиться позвонить ей в столь поздний час. Так. И «Соня» ответила ему, что она спит... Следовательно, Максим за нее спокоен. Так что помощи не жди. Хотя нет, был еще второй звонок. На него Этьен не ответил... Ну и что? Для Максима, если это он звонил, Соня просто спала. К тому же Этьен сказал о снотворном... Определенно, рассчитывать ей не на что. Кроме самой себя.

Этьен развязал узлы и свел ее руки впереди.

– Подожди, – нежно сказала Соня. – У меня все затекло.

Она стала массировать свои запястья. Этьен, глядя ей своими черными прелестными глазами в глаза, взял ее руки в свои и стал бережно их растирать.

«Лучше бы он сделался массажистом, – подумала Соня. – Массаж – причем, надо признать, всех видов – у него на редкость хорошо получается. Впрочем, преступления тоже». Ее передернуло от этой мысли. Этьен заметил.

– Больно, – объяснила она.

Синие следы от вьевавшихся в кожу веревок начали краснеть под его руками. Так что же ей делать? Борьба с ним бессмысленно, она не справится.

Руки Этьена делали всю большую амплитуду и уже оглаживали ее плечи, спускаясь к запястьям, и снова вверх, тронув грудь, и опять вниз. Соня прикрыла глаза и перевела дыхание, словно ее это движение возбудило.

– Я никогда не думала, что ты меня так любишь, – прошептала она.

– Неправда.

– Я никогда не могла представить, что у нас с тобой могло быть... такое... Я ведь старше тебя!

Он вглядывался в выражение ее лица. Она снова глубоко и прерывисто вздохнула. Этьен взял ее за плечи и коснулся губ поцелуем. Ей было невыразимо противно, но умирать она не хотела, а победить Этьена могла только хитростью. Если вообще могла...

Соня усилием воли расслабила губы, сделав их податливыми. Этьен целовал ее, прижимаясь к ней, и она поняла, что он забыл о ее так и не завязанных руках. Но еще не время, спокойно, Соня, пока еще не время... Как он собирается ее убить? Кинжалом, которым убил ее отца? Нет, кинжал в полиции. Пистолет? Вряд ли... Обычный нож. Или – или он ее собирается задушить? Наверное. Это проще всего для него. Тогда чем? Руками? Веревкой?

Соня откинула голову назад.

– Губы... – она чувственно и изящно обвела свои губы пальцем. – Ты мне кожу содрал своим пластырем, – сказала она капризно, скользя глазами вокруг себя, пытаясь приметить что-нибудь, напоминающее орудие убийства. Ее убийства! Боже, боже мой!..

Ничего похожего на удавку или нож не попало в поле ее зрения. Ладно. Сейчас главное – найти верный тон. Немножко свысока, как было всегда, но позволяя ему надеяться на другие с ней отношения. Может, он тогда передумает? По крайней мере передумает ее убивать?..

Этьен нежно облизал языком ее потрескавшиеся губы.

– Жемчужинка моя, – снова зашептал он, – прости меня, я не хотел... Если бы все могло быть по-другому, если бы!

Руки его снова забегали по его телу. Он трепетно целовал ее грудь, и Соня не сопротивлялась. Что он там плел насчет драгоценностей? И самое главное, почему он убил папу? Зачем ему столик? Он же ничего не мог бы с этим столиком поделаться. И почему, собственно, он хочет ее убить? Хотя нет, с последним вопросом понятно: она ведь сказала, что почти узнала лицо в саду. Конечно, это был Этьен. И он испугался. И теперь он намерен ее просто-напросто устранить, ясное дело. Недостаток его идеи лишь в том, что ей не хочется быть устраненной. Причем совершенно не хочется.

Соня снова подышала учащенно. Он, кажется, уже ничего не соображал, дрожа над ней от возбуждения. У нее перед глазами стояла эта «поганка», торчащая из его ширинки, – надо об этом тоже позаботиться. Нежно и мимолетно мелькнуло воспоминание об обнаженном теле Максима. Это потом, сказала себе Соня. Потом. Когда и если я останусь жива.

Она поражалась своему хладнокровию и была, между прочим, собой невероятно довольна. «Между прочим» – это между жизнью и смертью, уточнила для себя Соня.

«Поганка» уже тыкалась ей куда-то в живот. Преодолев чувство гадливости, Соня коснулась его члена и, прикрыв глаза, застонала – якобы от желания.

– Развяжи мне ноги, – прошептала она, – я же не могу так...

Он отодвинулся и посмотрел ей в лицо. Конечно, она рисковала. Сейчас он вспомнит и о том, что ее руки развязаны...

По его лицу она поняла, что именно об этом он и подумал. Соня сидела перед ним, опершись руками назад, на стол, на расстеленное одеяло, прикрыв глаза и приоткрыв губы, готовые для поцелуя, – соображай, дрянь, мне руки нужны свободными, а то как бы я без них тебе такую позу приготовила? Этьен колебался. Она приоткрыла глаза, глянула на него лукаво и вытянула губы. Он медленно потянулся к ней, высовывая язык. Гадость какая... Допустим, он развяжет ей ноги. А потом что? Бороться с ним врукопашную – это игра на тридцать секунд. Он ее скрутит, свяжет, изнасилует и убьет. Было бы что-нибудь под рукой, чтобы его треснуть по голове... Так нету. Или нож – она бы, не сомневаясь ни секунды, воткнула этот нож в его красивое смуглое тело, которое вырисовывалось из-под расстегнутой рубашки... Но – тоже нету. А что, если сбегать? Выбраться отсюда, добежать до леса – там можно спрятаться! Если он все-таки ей развяжет ноги...

Оторвавшись от ее губ – Соня с трудом подавила желание стереть с них мокрый след, – Этьен снова отстранился и глянул на нее. Похоже, он сомневался. Прав Максим, актриса она никудашная... Не важно, самое главное – ни в коем случае не давать ему время на размышления!

Соня подняла свои босые связанные ноги прямо к его лицу.

– Развяжи, – произнесла она глубоким голосом.

Он скосил глаза ниже, под ее согнутые колени, туда, где темнели волосы ее лона.

– Если это последние мгновения моей жизни, – сказала она серьезно, заметив плотоядный блеск в его глазах, – то я не хочу их портить. Я хочу ими насладиться сполна.

Она бы удивилась, если бы он ей поверил.

Но он стал развязывать тугие узлы веревок.

За направлением этой веревки Соня проследила: Этьен бросил ее на пол, себе под ноги. Должно быть, и первая валяется там же.

– Помассируй мне ноги, – попросила Соня с нежным придыханием, томно прикрыв глаза, – затекли...

Он положил ее ноги себе на плечи и стал их медленно массировать, то одну, то другую, целуя их попеременно.

«Сейчас начнется тот же самый вояж, что и с руками, – все выше и выше. Больше у меня времени нет».

– Ай! – вскрикнула она. – Судорога! – Она схватилась за ногу. – погоди, надо встать на нее!

Вот, она уже на ногах. На непослушных, деревянных ногах. Ничего, она попрыгает под предлогом судороги, разомнется немножко... Надо незаметно взять веревку, потом позволить ему себя обнять и – затянуть веревку на его шее. Задушить его она вряд ли сумеет, но хотя бы придушит слегка и успеет выбраться отсюда, пока он очухается. Соня прыгала на одной ноге и внимательно оглядывалась. Лаз из подвала был прямо над столом, она сидела к нему спиной. Значит, нужно забраться на стол, и с него уже...

– Прошло? – Этьен подозрительно смотрел на нее.

Что-то она подзабыла о том, что собиралась насладиться последними минутами своей жизни.

– Прошло, – с упреком ответила ему Соня. – Это все из-за тебя! Как ты мог такое сделать!

Как бы наклониться и поднять незаметно веревку? Она пошарила ступней и наступила на веревку, прихватив ее пальцами ноги.

– Смотри! – Соня, приподняв рубашку, положила другую ногу на стол и указала ему на лиловые следы пут.

Этьен мельком глянул, не особенно заинтересовавшись ее маневром, схватил ее на руки и посадил снова на стол. Что-то она сделала не так, и он снова насторожился и перестал ей доверять.

Молча и зло он опрокинул ее навзничь и, встав между ее ног, приподнял их, разведя ей колени локтями. Веревка, зажатая в пальцах Сониной ступни висела почти у его уха. Нельзя, чтобы он ее заметил...

Соня протянула ему навстречу свои тонкие, холодные руки. Помедлив, он недоверчиво склонился к ней. Она притянула его к себе на грудь. Он поддался. Соня обхватила его в талии ногами и стала гладить его по спине, задирая его рубашку, вонзая легонько ногти в его кожу. Этьен застонал от возбуждения. Ее руки разбегались по его спине все дальше и дальше, все ближе к ее ступне, лежащей на поясице Этьена, в пальцах которой была зажата веревка. Шумно дыша, Этьен стал ерзать тазом между ее колен, налаживая

свою «поганку» в нужном направлении. Напрягшись под ним, Соня рывком достала до своей ступни и сдернула с нее веревку. Этьен встревоженно приподнял голову, и Соня закончила движение руки, обвив веревку вокруг его шеи. Схватившись за концы, она начала ее натягивать. На лице Этьена изобразилось такое детское удивление, что на какое-то мгновение Соне стало его жалко. Но только на мгновение. Ее ноги крепко держали тело Этьена в своем кольце, в силу чего он, не имея возможности распрямиться, был вынужден опираться хотя бы на одну руку, пытаясь другой ослабить натяжение веревки. Соня тянула концы веревки изо всех сил, раскинув кулачки в стороны на столе. Он задыхался. Но этого было недостаточно. Соне не удавалось его даже просто легонько придушить, чтобы он выключился ненадолго... Она стала наматывать веревку вокруг своих запястий, усиливая таким образом натяжение. Тогда Этьен, почувствовав, что это уже серьезно, уперся в ее тело головой – больно, твердо уперся, прищемив левую грудь, – и, опираясь на нее, высвободил себе обе руки. Теперь сила была на его стороне. Он по миллиметру отодвигал веревочную петлю от своего горла, ему уже удалось просунуть под нее пальцы, Сонины кулаки побелели, и веревка врезалась в них до крови, а Этьен все оттягивал и оттягивал петлю, глядя на Соню тяжелым, *убийственным* взглядом...

Неожиданно Соня разомкнула ноги и ослабила натяжение веревки. Этьен начал выпрямляться. И, когда он достаточно распрямился, она изо всех сил ударила пяткой по «поганке», которая странным образом до сих пор торчала жизнерадостно вверх.

Этьен взвыл и схватился за член. Воспользовавшись этим, Соня быстро накинула еще одну петлю вокруг его шеи и снова изо всех сил натянула веревку. Этьен схватился за петлю. Тогда она еще раз ударила его в пах. Этьен согнулся, но урок усвоил и теперь одной рукой прикрывал пах, а другой держался за шею. Но Соня уже чувствовала, что она победила. Он еле дышал, красный, с бессмысленными вытаращенными черными глазами. Она дернула веревку на себя, со всей силой откидываясь назад, и Этьен начал заваливаться на нее. Соня быстро отодвинулась, давая ему упасть на стол. Когда его голова глухо стукнулась о дощатую поверхность, Соня встала над ним на колени и, завязывая веревку на его шее вместе с его просунутыми под нее пальцами покрепче, материлась [\[17\]](#), глотая слезы, всеми известными ей во французском языке неприличными словами. Этьен хрипел на столе. Закончив, Соня встала над ним во весь рост.

Она осмотрелась. На полу валялись обрывки других веревок, ее повязка с глаз... Она мстительно улыбнулась, спрыгнула на пол, подобрала вторую веревку и пихнула Этьена в бок. Этьен завалился вниз, на пол. Соня склонилась над ним. Он дергался, хрипя, и размахивал свободной рукой, пытаясь ее ударить. Не обращая на него внимания, Соня туго обмотала веревкой поганковидный член, сделала на нем крепкий узел, а второй конец, натянув, завязала у него на шее. Вот так. Пусть теперь дергает своей шеей! У нее тоже достаточно воображения...

Удовлетворенно осмотрев плоды своего труда, она залезла на стол, сверкнув ягодицами из-под ночной рубашки уже безразличному ко всему Этьену, и стала выкарабкиваться из лаза.

Снаружи было намного холоднее. Или это только сейчас до нее дошло ощущение холода? Звезды утопали в черном небе, как бриллианты в черном бархате. Она вспомнила, как Этьен что-то нес о драгоценностях. К черту! Небо как небо, звезды как звезды, ничего общего с ювелирными изделиями. Это космос, это бездонная глубина на нее смотрит, это свобода...

Соня все еще стояла, закинув голову вверх, босая, в холодной мокрой траве, белея ночной рубашкой посреди стилого черного леса, когда лучи фар закурились, заметались в висевшем над травой ночном тумане, и, выскакивая на ходу, к ней бежал Максим, раскидывая руки, и Реми маячил за ним, хватаясь за пистолет...

Глава 32

– Я, честно говоря, надеялся, что мы найдем в сейфе драгоценности, – сказал Реми, выходя субботним утром вместе с Максимом из комиссариата полиции. – Или «письмо Максиму», которое до сих пор интригует меня... Но там было только это, – он указал на бумагу, которую уже держал в руках Максим.

– Потрясающе, – ответил Максим. – Как же все-таки удалось ее найти?

– Очень просто. Полиция ведь искала завещание, на худой конец – дарственную, запрашивала через нотариусов. И, естественно, ничего не нашла. Потому что эта бумага – ни то и ни другое. Это – удостоверение владельца! На ваше имя. И оно спокойно лежало в банковском сейфе Арно. Его номер был записан в записной книжке, которая нашлась в кармане его куртки... Он удивительно тонкий человек был, ваш дядя. Вы даже не представляете, через что вам пришлось бы пройти, если бы он сделал завещание или дарственную! Вам бы пришлось продать ваше наследство, чтобы выплатить налоги за право его получить! Такая у нас парадоксальная система налогообложения. А с удостоверением владельца вам ничто не грозит. Должно быть, Арно Дор использовал все свои связи, чтобы выправить вам этот документик... Можете теперь спокойно увозить ваш столик к себе в Россию. Думаю, что Пьер вам подскажет, как его наилучшим образом переправить...

Они медленно брели по направлению к метро – Максим отказался от любезного предложения детектива подвезти его до дома, и теперь Реми провожал его до станции, наслаждаясь радостно проглянувшим солнцем и теплом.

– Мне одно осталось неясно в этой истории, – сказал Максим. – Так вроде бы все уже уложилось в моей голове: Этьен продумал и осуществил это «актерское преступление»... лучше сказать: дьявольское преступление – из-за драгоценностей, о которых он узнал из дядиной книги...

– И из-за любви к Соне.

– Его психиатру еще не показывали? – не сумел совладать с собой Максим. – Он ведь явно ненормальный!

Реми пожал плечами.

– Ну-ну, – сказал он, – продолжайте.

– Этот мерзавец сам разыграл нас по телефону, – перевел дух Максим, справляясь со своим негодованием, – подделав оба голоса; он лично загримировался под араба и угнал машину по перевозке мебели – никто и не думал нанимать араба на кражу... Так? Ключи, должно быть, сделал с Сониных, и от ее дома, и от квартиры Арно... Он ведь ходил к ним как к себе домой! Этьен, переодевшись в женщину, пытался проникнуть в дядину квартиру, рассчитывая, что меня там нет, – хотел, видимо, попытаться найти (возможно, уже не в первый раз?) тайник...

– Не в первый, – кивнул Реми. – Но ему каждый раз не хватало времени, как он объяснил на допросе.

– Я ему помешал. Он попытался меня устранить. Может, он и не хотел меня убивать – с него бы хватило, если бы я попал в больницу... Потом мы сменили замок. Стало ясно, что до тайника, пока я здесь, ему не добраться, а когда я уеду – вместе со столиком, – то тем более. Даже если бы оказалось, что завещания нет, – в любом случае столик уходил, вместе с драгоценностями в нем. Попади столик к Пьеру – тот бы уж непременно облазил все его щелочки и нашел бы тайник, набитый драгоценностями, – так, должно быть, рассудил этот милый мальчик... Правильно?

Реми согласно кивал.

– Он торопился... Поэтому он попытался сбить меня на машине. Машине Маргерит, то есть ее покойного мужа, которой он пользовался так же, как и чувствами этой смешной дамы... Она в свою очередь скрывала эту слабость ото всех, что ему было на руку. Я верно излагаю историю?

– Верно-верно.

– Машину Арно он оставил недалеко от дома Ксавье, чтобы поморочить всем голову, а кинжал взял из коллекции Пьера, чтобы бросить на него подозрение. С той же целью он спрятал тело Арно в его саду...

– Рассчитывал освободить себе доступ еще и к Соне, – уточнил Реми. – Так чего вы не понимаете?

– А вот чего: что он делал в саду у Сони? Следил за ней?

– Здесь скорее уместно слово «подсматривал»... Причем давно, это вошло у него в привычку. Но знаете, какое он дал еще объяснение? В тот самый раз, когда Соня увидела его в саду и приняла за Пьера, – в тот самый раз он пришел в сад с целью немного раскопать яму!

– Раскопать яму... Зачем?!

– Не поверите, Максим! Он хотел, чтобы тело Арно поскорее нашли. Потому что если бы тело пролежало дольше в мокрой земле, оно бы разложилось еще больше, а он пожалел Соню! Пощадил ее нервы.

Максима передернуло.

– Он больной. Скажите им, пусть его покажут психиатру. Впрочем, нет, не надо, а то еще освободят его от ответственности за все, что он сделал... Не надо, не говорите.

Реми улыбнулся.

– Они сами решат, Максим.

Вход в метро был перед ними.

– Я постараюсь приехать на похороны, – сказал Реми. – Но не уверен: такое накопилось в делах, пока убийством вашего дяди занимался...

Он коснулся рукава Максима.

– Если не увидимся – до свидания. Я вам желаю успехов. Я обязательно схожу ваш фильм посмотреть, когда пойдет...

Максим тряхнул протянутую ему руку с таким чувством, что детектив, не удержавшись, сошел с места.

Что ж, хеппи-энд, думал Максим, возвращаясь домой. Преступник в тюрьме, вернее, в тюремной больнице; Пьер на свободе, Соня при Пьере, Ксавье при своем вине, столик при законном наследнике... Мадлен тоже не в убытке: она взяла на себя все хлопоты, легко уступленные ей Соней, связанные с похоронами Арно Дора, которые Мадлен намеревалась сделать очень пышными, и, похоже, наслаждалась ролью дочери знаменитого актера – договаривалась с различными организациями, с медиа, давала интервью... К тому же это послужит рекламой для ее бизнеса... Вадим занят по уши монтажом незаконченного, но уже разрекламированного фильма... Всем сестрам по серьгам. И ему пора возвращаться. В понедельник похороны – во вторник в Москву.

Там его ждут его дела, его фильмы, его женщины.

Сценарий они так и не написали с Вадимом. Максим вдруг понял одну очень простую вещь: он не готов к этому фильму. Он смотрел на историю своих предков глазами потомка, знающего трагический

конец их истории. И пафос этого трагического знания накладывал свой отпечаток на каждую увиденную им в воображении сцену, разворачивая действие, тяжелое и мрачное... Он был еще не готов увидеть эту жизнь их глазами, глазами людей, эту жизнь живших, глазами, полными любви, надежд, иллюзий, страха – и снова надежд... А за темы, к которым ты не готов, лучше не браться. Пока что они условились с Вадимом продолжить работу через два месяца – надо отойти от всех этих ужасных событий, так плотно занявших его время и мысли. И чувства.

Кто знает, может быть, присутствие этого столика у него дома, в Москве, поможет ему, навеет, нашепчет правильную интонацию...

Максим нашел в стенном шкафчике инструменты, уселся на пол и принялся отвинчивать ножки столика от пола.

...Первым выскользнул на пол тонкий белый свиток, стянутый резинкой. Он выпал из левой ножки, оказавшейся полой. Максим заглянул в темное отверстие. Там, кажется, было что-то еще. Подцепив отверткой, он легонько потянул. На пол шмякнулся маленький кисетик из малинового шелка.

Максим стащил резинку с бумаги.

Дорогой мой Максим!..

Вот оно, «письмо Максиму», которое так интриговало Реми.

Он растянул витой черный шнурок, стягивавший горлышко кисета.

Вот они, драгоценности.

Дорогой мой Максим! Сейчас, по моему плану, ты находишься в квартире один...

«Да, дядя, один».

...И, по моему плану, завтра-послезавтра ты должен уезжать к себе в Москву...

«Я не уеду завтра, дядя. Послезавтра твои похороны...»

...И сейчас ты отвинчиваешь ножки столика, чтобы упаковать его и отправить. И, неожиданно для себя, ты нашел это письмо и маленький мешочек с ним...

«Так точно, Арно...»

...В мешочке – драгоценности. Это драгоценности, принадлежавшие Наталье и Дмитрию Дориным, твоим бабушке и дедушке, которые они отравили в тайнике столика во Францию.

В столике есть тайник. Нужно найти планку в доньшке и нажать на нее...

«Я уже нашел, Арно, спасибо».

...Я его давно обнаружил, но тайник был пуст. Разумеется, я не придавал этому значения. Ну разве что пожалел немного, что там ничего не оказалось. Однажды, примерно год назад, какой-то человек, которого полиция так и не сумела разыскать, попытался выкрасть твой столик. Вскоре после этой неудавшейся кражи я решил привинтить столик к полу – кто знает, вдруг бы следующая попытка кражи оказалась удачной? Я начал его привинчивать. Одна ножка оказалась полая... Так обнаружился еще один тайник, который, должно быть, твой дедушка сам высверлил в ножке, не доверяя надежности царского тайника. Возможно, он был прав... Тогда-то я и нашел этот мешочек. В нем было восемь бриллиантов и шесть рубинов, все очень крупные...

Максим высыпал камни. Сухо постукивая друг о друга, они выскользнули из шелка и тускло засветились на полу затуманенными временем гранями.

Я говорю «было», Максим, и в этом все дело.

Ты удивляешься, должно быть, отчего это такая странная манера вернуть тебе то, что тебе принадлежит? Отчего это я оставил тебя одного, наедине со столиком, вместо того, чтобы торжественно вручить тебе фамильные драгоценности? Но манера эта неспроста: мне стыдно, племянник, произнести тебе в лицо то, что ты прочитаешь сейчас.

На бумаге признаваться легче.

Я у тебя украл драгоценности, Максим.

Я у тебя взял два бриллианта для своей дочери.

Нет, не для Сони. Для другой. У меня есть еще одна дочь, Максим, хотя об этом никто не знает. Ее зовут Мадлен...

Я много раз думал о том, что мог бы тебе вообще ничего не говорить о драгоценностях. Или мог сказать о драгоценностях, но умолчать, что взял часть. Я хотел было еще поделить твоё наследство и в пользу Сони... Но не посмел.

Я должен тебе объяснить одну вещь, одно открытие, которое я сделал: мужчина никогда не узнает, что значит любить женщину по-настоящему, если эта женщина – не его дочь. Дочери – это такие женщины в жизни мужчины, с которыми он перестает быть эгоистом... или почти перестает. За них болит душа, а их беспомощность и зависимость от мужчин вызывает ужас. То, чем ты с бесовской легкостью пользуешься как мужчина, возмущает тебя как отца! – вот парадокс человеческой (мужской) натуры...

Я тебе объясняю это, Максим, потому что я оправдываюсь. Оправдываюсь, да! Что растратил все то, что я имел, все то, что я заработал и нажил своим трудом, не подумав о дочерях. Что взял мне не принадлежащее, чтобы покрыть мою вину и мой долг перед моими девочками. Вернее, перед одной из них, Мадлен. Она моя незаконная дочь, и даже просто признать мое отцовство оказалось делом неимоверно трудным – поздно я спохватился, слишком поздно (еще одна моя вина, еще одна...). Мадлен ничего не сможет получить в наследство от меня, так как она мною не признана официально; Соне по крайней мере достанется моя квартира, та самая, где ты сейчас читаешь мое письмо... Если когда-нибудь она захочет свободы от своего мужа, от Пьера – а сдастся мне, это непременно случится однажды, – то будет ей хотя бы крыша над головой...

Это мои проблемы, Максим, я понимаю. И я их частично решил за твой счет, тебя не спросив... Теперь вот ставлю тебя в известность о том, как израсходовал часть твоего состояния – ты имеешь хотя бы право получить полный отчет, не так ли?

Извини, шутка неуместна.

Максим, мой дорогой! Сгораю со стыда и снова думаю о том, что мог бы я тебе всего этого не рассказывать, а просто отдать тебе оставшуюся часть клада, будто так и было... но очень не хочется чувствовать себя вором.

Пытаюсь представить твою реакцию... Сейчас, когда я пишу эти строчки, ты еще только собираешься приехать в Париж, мы еще с тобой не знакомы лично, а переписка и телефонные разговоры недостаточны для того, чтобы узнать человека.

Может быть, читая эти строчки, ты думаешь: «Ну и дурак, я бы на его месте не стал признаваться».

Но я это делаю не для тебя. Для себя.

И все же, хотя я и знаю тебя мало, мне кажется, что ты меня поймешь – ведь в наших венах течет одна кровь... Есть вещи, с которыми плохо жить, – нечистая совесть, к примеру. Еще хуже с ними умирать. А в моем возрасте было бы странно не задумываться о смерти.

Но полно, оправдания хороши тоже в меру. Я все объяснил, мое «чистосердечное признание» в твоих руках. Вернуть тебе потраченное я все равно не смогу, и, чувствуя тебя моим родственным сердцем, я понимаю, что ты письмо это в суд с иском предъявлять не станешь... Но ты волен покинуть сейчас эту квартиру и больше никогда не встречаться со мной, без каких бы то ни было объяснений. Я пойму. Ты волен остаться и... Впрочем, зачем я пытаюсь давать тебе советы? Ты сам решишь, что тебе делать. Для этого у тебя есть время. Я все рассчитаю в этот день так, чтобы ты мог побыть наедине с самим собой достаточно долго. Поеду к Соне, должно быть...

Прости.

Твой искренне любящий тебя Арно.

Максим плакал. В голос, как не плакал уже давно, с детства не плакал. Вот уж правда так правда – дядя достаточно предоставил ему времени, чтобы побыть наедине с самим собой: хоть всю оставшуюся жизнь будь в этой квартире один и плачь навзрыд, как маленький. Не придет дядя и не услышит. Никогда.

Слезы обкапали пол, рассыпанные на нем камни, и несколько потускневших рубинов вдруг вспыхнули темно-красным жутковатым светом. (Неплохой эффект, не забыть, как-нибудь пригодится для фильма...) Он встал с трудом – от долгого сидения затекли ноги – и заковылял в ванную. Взяв сразу несколько бумажных платков из коробки, он высморкался, утер свои слезы (и кто это придумал: «скупая мужская слеза»?) и направился к телефону. Решение пришло так быстро и так подсознательно, что, только набирая Сонин номер, он вдруг спохватился и задал себе вопрос, а зачем, собственно, он ей звонит.

Но Соня уже сняла трубку. Кашлянув, он заговорил, стараясь спрятать еще звучащие в голосе слезы:

– Ты не могла бы сейчас приехать ко мне?

– Сейчас? – изумилась Соня.

– Сейчас. Это очень важно.

– Что-то случилось?

– Объясню, когда увидимся.

Кажется, она почувствовала в его голосе что-то необычное. Максим услышал, как она переговаривается с Пьером.

– Ты извини... – сказала Соня в трубку. – Я не могу сейчас... Я завтра к тебе приеду, днем... Ладно?

Конечно, куда же на ночь глядя? Как же бросить Пьера, бедного, исстрадавшегося в тюрьме Пьера, одного?

Он бросил трубку, не ответив.

И тут же пожалел. Он был не прав и груб с нею. Если кто и исстрадался – так это Соня.

Ну и пусть там сидят, обмениваются своими переживаниями. На то они и супруги. А он – пятиюродный кузен.

Глава 33

Соня вошла с легкой настороженностью во взгляде, которая не скрылась от Максима за ее приветственной улыбкой.

– Что стряслось? – начала она, стягивая перчатки. – Ты в порядке? – расстегнула она длинное черное пальто, из-под которого матово блеснул черный шелк. Траур. – У тебя проблемы?

Что-то новое появилось в ней. Она выглядела свежей, на щеках играл легкий румянец, и от нее исходила непривычная энергия. Максим снова подумал, что эта хрупкая и как бы инфантильная женщина – на самом деле до удивления сильна. И кошмарная история с Этьеном, из которой она вышла победителем, причем сама, без всякой посторонней помощи и опеки, на которую она обычно полагалась, помогла ей самой ощутить и осознать свою силу.

– Садись, – ответил ей Максим и протянул белый свиток. – Читай.

Она читала, а он следил за выражением ее бледнеющего лица, за тем, как меняется цвет ее глаз, как гаснет искрящийся янтарный отблеск и черные зрачки, расширяясь, затапливают ее карие глаза, как ночь.

Дочитав, Соня подняла на него мучительный взгляд. В глазах дрожали слезы и, накапливаясь, двумя мокрыми дорожками поползли по бледным щекам. Они молчали, Соня смотрела в пол, слезы сохли на ее щеках.

– Спасибо тебе, – наконец произнесла она.

– Пока еще не за что, – ответил Максим и потянулся за кисетиком, который лежал на столике. Растянув горлышко, он аккуратно высыпал камни на стол. Соня следила заворуженно. Максим пальцем вывел из кучки, словно фишки, два бриллианта и подвинул их Соне:

– Это тебе.

Она вскинула на него глаза, взяла бриллианты и стала разглядывать их на свет, медленно проводя и разворачивая камни перед глазами. Это было так похоже на его сон, что Максиму сделалось не по себе.

– Спасибо тебе, – сказала Соня, – за то, что ты дал мне прочитать папино письмо. Ты ведь имел полное право этого не делать, оно адресовано тебе... Это я не могу принять, – она протянула ему камни. – Но все равно, спасибо за жест.

– Это не мой жест. Это жест Арно, который он хотел сделать и не сделал. Считай, что это его завещание.

– Нет.

– Соня, не может быть и речи, чтобы ты не взяла эти камни. Ты должна это сделать.

– Ничего я не должна... А что ты, собственно, такими ценностями кидаешься? Тебе не жалко? Или ты такой бессребреник, Робин Гуд, защитник вдов и сирот?

– Не то чтобы очень. Честно говоря, если бы тут было всего два бриллианта, то я бы вряд ли их тебе отдал. Но их тут еще много, и еще рубины...

– Они дешевле бриллиантов, – практично заметила Соня.

– Не важно. Если на два таких бриллианта Арно сумел купить фирму для Мадлен... То мне тоже хватит. Возьми камни, Соня. Это в память о твоём отце. Он все-таки был верным Хранителем «русского наследства», в конце концов, он имеет право на вознаграждение.

Соня молчала.

– Пожалуйста, – попросил ее Максим, – возьми. Это не мой подарок, понимаешь, это не от меня! Это от твоего папы подарок.

– Откуда ты такой, – сказала она медленно, – откуда ты такой взялся?

Она подошла к нему, обвила его шею руками и, глядя прямо в его глаза, отчего Максим моментально обомлел, прошептала срывающимся голосом:

– Почему ты такой, зачем ты такой...

Уткнувшись лицом в его шею, она что-то произнесла – неразборчиво и глухо. Максим не расслышал, но переспрашивать не было смысла, и он только прижал Соню к себе – ворох душистого черного шелка, через прохладу которого под его руками медленно проступает тепло ее тела.

Соня в ответ стиснула его шею еще крепче и стала покрывать поцелуями все, до чего могла дотянуться.

Максим гладил и перебирал ее волосы, целуя душистые пряди, и молчал, сопротивляясь поднимающейся в нем фразе, совершенно дурацкой фразе, которую даже за шутку трудно было бы выдать – до того она была дурацкая... И все-таки выдохнул:

– Поехали со мной... Я теперь смогу обеспечить тебе... – Он замолчал, заливаясь краской. Было стыдно за произнесенные слова. Не потому, что он считал их неправильными – нет, суть их была абсолютно уместна. Но произнести это было чудовищно неприлично, бестактно!

Соня замерла под его руками и вдруг тихо рассмеялась ему куда-то в ключицу. Отстранившись от него, она пытливо заглянула в его лицо и спросила мягко:

– Ты тоже думаешь, что меня можно купить?

Максим промолчал, злясь на себя. Он хотел было спросить, что означает слово «тоже», но не посмел. Только еще больше разозлился.

– Ты думаешь, что меня с Пьером удерживает его богатство? – продолжала Соня. – Это не так.

– А что же?

– Наши отношения...

– Брось, Соня. – Максим разнял руки, все еще ее обвивавшие, и нервно прошелся по комнате. – Ты же любишь *меня*. – Он развернулся к ней всем корпусом и посмотрел в упор. – Ведь так?

– Я точно не знаю, что называется этим словом – любовь... – ответила она ему медленно. – Но, наверное, то, что я испытываю к тебе, можно так назвать... Но только ты не понимаешь...

– Чего? – резко перебил ее Максим. – Что ты любишь одного, живешь с другим, встречаешься с третьим?

– Не надо так злиться. Послушай... Перестань на меня нападать.

– Ты меня любишь, ведь так?

– Максим, оставь это. Прошу тебя.

– Ты меня любишь? Да или нет?

– Я устала. Ты бы подумал на секунду, что я пережила за эти две недели... Не мучай меня.

– Да или нет?

– Да. – Соня спокойно посмотрела ему в глаза.

– Но для тебя это ничего не значит?

– Максим, а ты меня любишь?

– Ты разве не видишь? Ты разве не знаешь?

– Ответь, пожалуйста.

– Люблю. Схожу с ума. Уже сошел.

– И знаешь, почему?

Максим не понял вопроса и смотрел на Соню недоумевающе.

– Потому что я тебе не принадлежу. Потому что обстоятельства образовали между нами непреодолимую дистанцию. Ту самую, которая тебе нужна, чтобы любить... Ты человек, которого влекут имиджи, образы, маски... В них тайна – и она тебя притягивает, интригует. Наличие дистанции эту тайну поддерживает. Сближение же гасит образ... И женщина без этого флера тайны, женщина вне имиджа, вне роли тебе неинтересна. Ты настоящий режиссер, ты не только мыслишь образами – ты ими живешь...

Максим смотрел на нее во все глаза. Эта маленькая девочка, эта прелестная Соня говорила ему вещи, которых он никогда не слышал о себе и меньше всего ожидал услышать от нее... И, кажется – он еще не знал до конца, – это было похоже на правду... В изящной головке, оказывается, кое-что есть.

– Представь себе, – говорила Соня, улыбаясь и обнажая свои расставленные зубки, – представь меня дома у плиты в грязном фартуке или за гладкой твоих рубашек: я ведь перестану существовать. Я перестану быть Соней, я стану просто женой... А ты начнешь гнаться за другой тайной, искать новый образ.

– Неправда! – сказал Максим.

Но он был не уверен, что это действительно была неправда. Если вдуматься... То, во всяком случае, женщины, которые могли ему обеспечить надежный тыл в плане быта и даже душевного комфорта, его никогда не интересовали... Меньше всего он искал себе *жену*. Влекли к себе надменные эгоистки, вампиристые вакханки, полубезумные истерички, заумные синие чулки – все, что необычно, все, что было новым образом, новым амплу на его сцене...

– Быт разрушает тайну, – продолжала Соня. – И дело не в том, сколько этого быта. При наличии денег – а ты у нас теперь богатый – его можно свести к минимуму. Просто если с тобой просыпаться вместе каждый день, ты перестанешь воспринимать целостный образ...

– Откуда ты все это знаешь? С чего ты взяла?

– Я вижу твои глаза. Они следят за жестом, за позой, за выражением лица... И когда жест или поза удачны, когда они хороши с режиссерской точки зрения, тогда твой взгляд становится замороженным, восхищенным, тогда в нем вспыхивает желание... Ты говоришь, что я играю свои маленькие представления... Я много думала над твоими словами: они мне помогли лучше понять себя. И ты прав, это именно так. Но я свои маленькие представления играю когда хочу, перед кем хочу и как хочу. И я не смогу играть роли всю свою жизнь, двадцать четыре часа в сутки. Даже для тебя.

Максим молчал, поверженный и восхищенный этим откровением. Начинало смеркаться, и черный шелк ее постепенно таял и растворялся в тенях, и на бледном лице глаза становились все больше, темнее и загадочнее. Любуясь ею, Максим понимал, что она права. Что нужно было бы рассудить трезво, нужно было бы признать честно, нужно с ней согласиться и отказаться, не быть эгоистом, не разрушать семейную жизнь – ни ее, ни Пьера, что... Что она ему нужна. Что с ней все было бы по-другому. Что он уже другой.

– В жизни существует проза, – говорила Соня. – Ты, конечно, это хорошо знаешь, я понимаю. В жизни мы кушаем, ходим, извини, в туалет, встаем с мятым от сна лицом, болеем, наконец. Стареем... Тебе это так же свойственно, как и другим, но *образ другого* это разрушает в твоих глазах. Меня подобный конец наших отношений – и весьма скорый, как я думаю, – не устраивает.

Соня помолчала и добавила:

– А с Пьером – я могу на него положиться во всем этом. Он не эстет, ну разве что в области своей коллекции. И я знаю, что с ним я могу быть какой угодно: некрасивой, больной, усталой, старой – у меня всегда есть его любовь. Всегда.

– Но я же люблю тебя! Понимаешь ты это? *Я еще никого так не любил!*

Максим сделал шаг к ней и обхватил ее, сгреб в свои объятия.

– Соня, Сонечка, ты, может, и права, я не знаю, но я знаю только одно, я не могу без тебя... – терся он своей щекой о ее лицо. – Я тебя выкраду, я тебя выменяю на столик у Пьера, я запишусь к нему на курсы хороших мужей, я все сделаю – я люблю тебя!

Соня выскользнула из его рук.

– Я тоже люблю тебя, – сдержанно сказала она, – и, не знаю, правду ли ты говоришь, но что касается меня, я действительно никогда еще так не любила... Все это время, пока ты здесь, я борюсь с этим, – добавила она, глянув на него исподлобья. – Но будет лучше, если мы об этом больше не будем говорить.

– Правильно, зачем нам говорить о таких мелочах, которые ничего не значат в твоей жизни, – горько съязвил Максим.

– Значат.

– Что, например?!

– Очень много... Бессонные ночи, разрушительные видения, фальшь, которая появилась в моих отношениях с мужем...

– Поделись секретом: как тебе удастся с этим всем совладать? Я просто поражаюсь твоему хладнокровию! Я тебя люблю – и ты мне нужна, и нет ничего естественней этого желания! Ты меня любишь – но я тебе не нужен. Как это у тебя получается?

– Есть в жизни другие вещи, не менее важные...

– Твой драгоценный покой, – с горечью подытожил Максим. – Снова покой.

Соня посмотрела на него пристально. Ничего не ответив, она достала сигареты, закурила, сходила на кухню за пепельницей... Максим отвернулся к окну, засунув руки в карманы. В узкую улицу оседал холодный октябрьский вечер.

Соня, устроившись в кресле, посозерцала несколько мгновений спину Максима и заговорила:

– Кажется, ты ничего не понял. Попробую тебе объяснить другими словами.

Максим не шелохнулся. Руки в карманах, глаза – в темное окно. Подождав, Соня продолжила, обращаясь к его спине:

– Я трусиха, Максим. Мне нужна любовь, но такая, которая не кончится завтра.

– Ты это уже говорила, – бросил через плечо Максим.

– Да... Но я пытаюсь объяснить тебе одну вещь, которой я боюсь больше всего на свете... За словом «покой» стоит другое слово – «одиночество». Я очень боюсь одиночества. Наверное, комплекс детства.

Говорят, так бывает у детей, которым родители мало уделяли внимания... Пьер любит меня не просто как женщину. Мужчина обычно любит как: одну женщину любит «больше жизни», на других посматривает – вроде примеряет их к себе... Понимаешь ли ты меня? – сказала она жалобно, чувствуя, как ее слова падают в молчаливое оцепенение Максима без малейшего всплеска ответной реакции. – Мне так трудно выразить свои мысли... Как будто допускает – мужчина этот – возможность сменить однажды свою женщину. На другую, лучшую. Или просто другую... Я знаю, о чем говорю, поверь. Я это видела. Так менял своих жен Вадим. И папа был такой же... И ты – ты такой же.

Она помолчала, ожидая реакции. Но Максим не обернулся.

– Мы, пожалуй, все такие, – добавила Соня. – Многие, по крайней мере. Но Пьер – не такой. Он меня любит по-другому, он любит меня, как любят родных, как любят мать, сестру, дочь... Ты меня понимаешь, правда ведь?

Соня снова несколько мгновений посозерцала безответную спину.

– Я у него одна. Одна и навсегда. Без всякой возможности, даже подсознательной, меня сменить! Как родственницу. Никто же, в самом деле, не станет присматриваться к другим женщинам с мыслью: мне моя мать надоела, сменю-ка я ее! Или: моя дочь плохо учится в школе, найду-ка я себе другую... Нет, такая мысль никому не придет в голову. Родственников не меняют. К ним приспособляются, приноравливаются, прощают им недостатки... А вот жену или мужа – пожалуйста, сменить не проблема. Не стоит и напрягаться, делать усилия, чтобы сохранить любовь... С этой перспективой и женятся. И если не разводятся позже, то только из-за страха делить детей и в особенности имущество...

Зависла пауза, но Максиму было страшно повернуться. Это был конец, совершенно очевидно – конец; но все еще не хотелось, чтобы она ушла, все еще не хотелось, чтобы затих звук ее голоса... То, что она сказала ему, было правдой, но... Но он, Максим, был больше, глубже того, что увидела и поняла в нем Соня. И Соня была глубже, больше того, что успел разглядеть в ней Максим. И это откровение делало ее еще более притягательной, еще более мучительной... Недоступной. Безнадежной. Между ними стоял Пьер. Хотя нет, не только он. Сама ситуация, разность стран, характеров, судеб разделяла их... – какая разница в конечном итоге что! Суть в том, что не быть им вместе. Ни любовниками, ни супругами...

– Конечно, в такой любви не хватает романтизма, – продолжала Соня, – не хватает пряности, поэтому, наверное, меня так тянет к тебе... Как все легко объясняется, и как трудно все это прожить!..

Он заметил, что стекло покрылось испариной от его дыхания, и протер его рукавом. И, словно вспугнутое его движением, внизу что-то отпрыгнуло в тень на противоположной стороне улицы. В глубокой черной тени надвинувшейся ночи нельзя было ничего разглядеть, но Максим подумал: Пьер.

Ему вдруг стало смешно. Пьер здесь, под окнами, он был почти уверен в этом. Следит за своей женой. Ревнует. Не доверяет. В то время как она поет ему дифирамбы... Максим улыбнулся. Вот оно, слабое звено в их союзе: ревность. Она оскорбительна. И она рано или поздно разрушает отношения. И тогда... Может быть... В конечном счете вся эта сцена из «Онегина», все это «но я другому отдана и буду век ему верна» – всего лишь еще одна роль...

– Еще не все потеряно, – сказал он неожиданно легко, почти игриво, вглядываясь в черную тень, пытаюсь уловить в ней очертания высокой худой фигуры Сониного мужа. – Я исправлюсь!

Он повернулся к Соне с улыбкой.

Его улыбка осталась без ответа. Соня молчаливо, почти сурово встретила его взгляд и встала с кресла.

«Роль», – заверил себя Максим, не сумев сразу согнать с лица улыбку, которая сделалась вдруг фальшивой. Соня медленно обошла столик и приблизилась к Максиму. «Впрочем, я, кажется, тоже играю

здесь роль. Клоуна».

– Папа хотел взять для меня эти бриллианты оттого, что он боялся за меня... Что у меня нет ничего своего... И в случае, если я уйду от Пьера...

Она раскрыла ладонь и протянула ему камни.

– Забери их. Они мне не понадобятся. *Я никогда не уйду от Пьера.*

Не дожидаясь ответного жеста, Соня быстро положила камни на стол, резко повернулась и пошла к выходу.

– До завтра, – сказал, глядя на ее стриженую шейку, Максим.

Соня остановилась, обернулась, посмотрела на него погасшим, усталым взглядом и молча кивнула ему. Понятно, завтра похороны.

Но Максим не об этом... Она снова двинулась к двери.

– До послезавтра! – догнали Соню его слова. – До через два месяца!

Застыла в дверях. Не оборачиваясь, лишь чуть наклоня голову в его сторону, спросила тихо:

– Ты собираешься приехать сюда через два месяца?

– Да. Мы с Вадимом должны закончить работу.

Ее глаза встретились с его глазами, на одно только мгновение, и она снова отвела их. Но – Максим успел заметить – в них мелькнула радость. И еще – ужас. Дивный, трепетный ужас.

– И... надолго? – снова подняла она глаза на Максима.

– Пока рассчитываю на месяц...

Еще больше радости, еще больше ужаса.

– И потом я снова приеду: мы начнем с ним работать над фильмом...

Соня повернулась и выскочила из двери почти бегом.

– ...В этот раз уже надолго, – Максим неторопливо следовал за ней в прихожую, добивая, – на несколько месяцев!

На лестничной площадке уже шумели открывающиеся двери лифта. Максим появился на пороге дядиной квартиры и крикнул Соне, ступившей в лифт:

– Так что *до всех следующих встреч!*

Двери лифта медленно проглотили хрупкую фигурку в черном шелке, и он остался один, оплавленный темным таинственным взглядом медовых глаз.

Примечания

1

См. роман Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».

2

Набережная в Каннах.

3

Отели на Круазетт, принимающие во время фестивалей киношную элиту.

4

По правилам французской фонетики «in» произносится как «а», то есть «а» с носовым «н».

5

Бомж

6

Во Франции слово «анекдот» употребляется в том же значении, в каком употреблялось в России в XIX веке: забавный случай из истории, занимательные истории.

7

Бри – сорт мягкого сыра. Во Франции сыр подается после основного горячего блюда, перед десертом. Обычно это «плато» с несколькими сортами сыра, который едят с хлебом или без, запивая вином, преимущественно красным. Это своего рода ритуал, по которому судят об уровне хозяев.

8

Дорогой.

9

Кир – это смесь белого вина (или шампанского – королевский кир) с некрепким, чаще всего смородиновым ликером.

10

Поезда метро, обслуживающие пригород.

11

Горячий гренок с ветчиной и сыром.

12

Любовь (англ.).

13

Все хорошо (фр.).

14

См. роман Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».

15

Читать латинскими буквами.

16

Карточные термины.

17

К сведению тех, кто считает русский мат уникальным: во французском языке (впрочем, в английском тоже) этот языковой пласт не менее богат, чем в русском...